

ББК 63.3(2)41
Ф91

Фроянов И.Я.

Ф91 Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя.— СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1999. — 372 с.

ISBN 5-288-02402-2

ББК 63.3(2)41

© И. Я. Фроянов, 1999

© Издательство С.-
Петербургского
университета, 1999

ISBN 5-288-02402-2

И. Я. Фроянов

Киевская Русь

Главные черты
социально-экономического строя

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Издательство Санкт-Петербургского Университета

1999

От автора

Настоящее исследование, защищенное в декабре 1973 г. на Ученом совете исторического факультета ЛГУ в качестве докторской диссертации, до сих пор полностью не опубликовано. Вышедшая в 1974 г. книга «Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории» является сокращенным вариантом настоящей работы. К тому же она стала малодоступной для тех, кто интересуется историей Древней Руси.

Публикация полного текста диссертации вместе с записью ее обсуждения на кафедре истории СССР ЛГУ, отзывами ведущего учреждения и оппонентов дает своеобразный историографический срез, позволяя увидеть состояние советской исторической науки по изучению Киевской Руси в начале 70-х годов нашего века. Это важно с точки зрения истории развития самой науки.

Однако есть еще один существенный момент, оправдывающий предпринятое издание,— общественно-политический. Любой объективный читатель, ознакомившись с диссертацией и связанными с ней материалами, убедится в предвзятости утверждений о консерватизме и косности советской исторической науки, тиражируемых на протяжении последнего десятилетия в «демократической печати».

ВВЕДЕНИЕ

Социально-экономическая история Киевской Руси — тема далеко не новая: она имеет давнюю историографическую традицию. Еще в дореволюционное время отечественная наука обогатилась ценными изысканиями, относящимися к данной области. Имена же советских исследователей Б.Д.Грекова, Б.А.Рыбакова, М.Н.Тихомирова, Л.В.Черепнина, А.А.Зиминой, В.В.Мавродина, Б.А.Романова, И.И.Смирнова, С.В.Юшкова и других составляют целую эпоху в развитии исторической мысли, изучающей Древнюю Русь. Без их достижений наша работа была бы невозможна.

Однако возникает вполне закономерный вопрос, почему после столь длительных и плодотворных разысканий в сфере Древнерусской истории, осуществленных усилиями большого числа ученых, мы снова обращаемся к ней. Это объясняется вполне осязаемыми причинами.

Современная концепция социально-экономического строя Киевской Руси в своих главных чертах, как известно, формировалась на протяжении 30-х и отчасти 40-х годов текущего столетия. В ее создании важная (если не ведущая) роль принадлежала Б.Д.Грекову и С.В.Юшкову. Книжки С.В.Юшкова «Очерки по истории феодализма в Киевской Руси», «Общественно-политический строй и право Киевского государства» и в особенности капитальный труд Б.Д.Грекова «Киевская Русь»

являлись высшим успехом тех лет, знаменуя крупный этап в истории советской исторической науки. Именно Б.Д.Грекову и С.В.Юшкову принадлежит заслуга утверждения в науке идеи о феодальной природе Киевской Руси.

Однако впоследствии обнаружилось, что не все выводы и наблюдения, содержащиеся в исследованиях Б.Д.Грекова и С.В.Юшкова, приемлемы. Уже в середине 50-х годов Л.В.Черепнин, рассматривая положение различных категорий зависимого населения в Древней Руси, указал на некоторую статичность в изображении Б.Д.Грековым и С.В.Юшковым судеб древнерусского крестьянства, тогда как все явления социально-экономической жизни следует изучать не в статике, а в динамике. Л.В.Черепнин отмечал, что и Б.Д.Греков и С.В.Юшков, анализируя термины, обозначающие различные группы зависимого люда в Древней Руси, «показали не всегда в достаточной мере полно и отчетливо, что эти термины не просто сосуществовали, но их появление и смена в сохранившихся источниках, а также изменение содержания отражают отдельные этапы процесса возникновения и развития феодальных отношений. Не всегда в трудах указанных исследователей полностью выяснено взаимоотношение отдельных рядов крестьянства, раскрываемых источниками, относящимися к Древней Руси (IX — XII вв.), с теми категориями крестьян, о которых говорят памятники более позднего времени (XIII — XVI вв.). А для понимания истории крестьянства особенно важно изучить эволюцию и преемственность терминов, обозначающих различные категории сельского населения как в Древней Руси IX — XII вв., так и в более позднее время».¹

Б.Д.Грекова интересовала генеральная (и это вполне естественно) линия развития общественных отношений в Киев-

¹ Л.В.Черепнин. Из истории формирования класса феодально-зависимого крестьянства на Руси. — «Исторические записки», т.56, 1956, стр.235.

ской Руси. Поэтому он сконцентрировал внимание на тех факторах, которые означали наступление нового социального строя — феодализма. Между тем институты старого порядка, восходящие к первобытному периоду, а также рабовладельческий уклад не были им достаточно изучены.

Представления Б.Д.Грекова о социальной структуре древнерусского общества в значительной мере определялись идеей о кризисе рабовладения в Древней Руси с дальнейшим необратимым убыванием рабов в вотчинном хозяйстве. Эта идея нашла немало сторонников и стала популярной в историографии.¹ Но вот в начале 60-х годов появляются работы И.И.Смирнова, где показан бурный рост холопства на Руси XII в.² Затем советская историография пополнилась трудами, в которых тезис об исчезновении рабства на Руси был поставлен под весьма большое сомнение.³ Историки не только констатировали известную прочность рабовладения в Киевской Руси, но и говорили о существенном значении исследования древнерусского рабства для решения проблемы генезиса феодализма в России. Последнее обстоятельство очень важно, ибо, по словам Ф.Энгельса, «крепостное право раннего средневековья» сохраняло «много черт древнего рабства».⁴

Так назревала необходимость еще раз вернуться к обсуж-

¹ См.: Е.И.Колычева. Некоторые проблемы рабства и феодализма в трудах В.И.Ленина и советской историографии. — В кн.: Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970, стр. 126.

И.И.Смирнов. К проблеме «холопства» в Пространной Правде. Холоп и феодальная вотчина. — «Исторические записки», т. 68, 1961, ^{СТ}Р. 238 - 270; Его же. Очерки социально-экономических отношений Руси ^{ХН} - XIII веков. М.-Л., 1963, стр. 103 - 229.

А.А.Зимин. Холопы Древней Руси. — «История СССР», 1965, № 6; А-П.Пьянков. Холопство на Руси до образования централизованного государства. — В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1965 г. М., 1970.

⁴К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 19, стр. 339.

дению древнерусской истории. Эта необходимость вызывалась еще и тем, что стали очевидными некоторые преувеличения степени закрепощения крестьян русского средневековья, установившиеся в современной науке. Во всяком случае И.И.Смирнов и Ю.Г.Алексеев показали наличие в Московской Руси XIV — XVI вв. массы свободного крестьянства, объединявшегося в общины — черные волости.¹

Все это вместе взятое способствовало оживлению интереса исследователей к Киевской Руси, сделав актуальным изучение ее социального строя. Ярким свидетельством тому служат появившиеся в последние годы специальные работы Л.В.Черепнина, В.В.Мавродина, С.А.Покровского.² Пристальное внимание советских историков к Древней Руси побудило нас обратиться к социально-экономической проблематике ее истории. Само собой разумеется, что в условиях развернувшегося в советской исторической науке обследования социально-

¹ И.И.Смирнов. Заметки о феодальной Руси. — «История СССР», 1962, № 2; Ю.Г.Алексеев. Волость в Переяславском уезде XV в. — В кн.: Вопросы экономики и классовых отношений в русском государстве XII — XVII вв. М.-Л., 1960; Его же. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV— XVI вв. М.-Л., 1966; Его же. Черная волость Костромского уезда XV в. — В кн.: Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Л., 1967; Его же. Крестьянская волость в центре феодальной Руси. — В кн.: Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972.

² Л.В.Черепнин. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда. — В кн.: А.П.Новосельцев (и др.) Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965; Его же. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX — XV вв. — В кн.: А.П.Новосельцев (и др.). Пути развития феодализма. М., 1972; В.В.Мавродин. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971; С.А.Покровский. Общественный строй древнерусского государства. — Труды Всесоюз. юрид. заочн. ин-та. XIV. М., 1970.

экономической структуры Киевской Руси наша диссертация — лишь одна из попыток, предпринимаемых в указанном направлении, а выводы и наблюдения, представленные в ней, — не более, чем один из возможных вариантов решения сложной, не поддающейся однозначному толкованию проблемы.

В нашей диссертации нет систематических историографических обзоров. Причиной здесь служит прежде всего то, что нам приходилось уже выступать с подобными обзорами.¹ Кроме того, в ближайшем будущем предполагается выход в свет отдельной монографии, посвященной советской историографии Киевской Руси, которую готовит коллектив ленинградских ученых во главе с В.В.Мавродиным. Однако обширная литература вопроса, обилие различных точек зрения обусловили наличие в нашей работе историографических экскурсов и справок, необходимых для того, чтобы читатель яснее представлял меру самостоятельности тех или иных выводов, содержащихся в ней. Естественно, что в центре внимания оказался Б.Д.Греков — признанный глава советской исторической науки.²

Выступая на пленуме ГАИМК 20 — 22 июня 1933 г. по поводу доклада М.М.Цвибака о генезисе феодализма на Руси, Б.Д.Греков говорил: «Ключевский и его предшественники тоже знали и тоже усердно изучали источники. Всего интереснее то, что в нашем распоряжении в основном те же старые, много

¹ И.Я.Фроянов. Советская историография о формировании классов и классовой борьбе в Древней Руси. — В кн.: Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России, ч. I. Л., 1967, стр. 18—2; В.В.Мавродин, И.Я.Фроянов. К пятидесятилетию советской историографии Киевской Руси. - «Вестник Ленингр. ун-та», 1967, № 20, стр. 39 -51
В.В.Мавродин, И.Я.Фроянов. Древняя Русь в трудах советских историков между XXIII и XXIV съездами КПСС. - «Вестник Ленингр. ун-та», 1971, №14, стр.61-72.

В.В.Мавродин. Борис Дмитриевич Греков (1882 - 1953). Л., 1962.

раз использованные источники, что были у них. Стало быть, кто-то неправ — либо они, либо мы. Как мы сейчас увидим, все дело в предпосылках, в общих установках, в конечном счете — в методологии. Вопрос сводится к тому, признаем ли Россию страной "самобытной", т.е. такой, которая имеет свою "особенную статью", свой путь развития, или же мы будем видеть в ней один из вариантов нормального закономерного общественного развития». ¹ В приведенных словах много справедливого. Но это отнюдь не значит, что в рамках одной методологии нет места разным взглядам на конкретные исторические факты и даже исторические эпохи. Вот почему при общей у нас с Б.Д.Грековым марксистской методологии наблюдения относительно исторического развития Киевской Руси порой несогласные. В чем корень расхождений?

Помимо перечисленных уже факторов (статичность в изображении отдельных категорий зависимого люда, недооценка роли рабства, преувеличение степени закрепощения русских крестьян), назовем еще и другие, не менее существенные.

Концепция Б.Д.Грекова о социально-экономическом строе Киевской Руси складывалась в обстановке оживленной полемики, многочисленных дискуссий, имевших место в 30-е годы. И здесь замечается одна особенность: прения вращались преимущественно вокруг проблем феодализма и рабовладения. Что касается древнерусской общины и свободного крестьянского хозяйства, то они оставались как бы в тени, в стороне от конструктивных решений. Это было важное упущение, чреватое схематизмом.

Следует учесть и то, что Б.Д.Греков, как отметил Я.С.Лурье, выводил иногда конкретные факты древнерусской

истории из «общего хода развития». ¹ Этот прием далеко не всегда оправдан.

На построения Б.Д.Грекова и других историков сильное влияние оказала теория автохтонности славян на территории, занятой восточными славянами в летописные времена, в результате чего живой исторический процесс подменялся цепью логических постулатов. ²

В настоящей работе мы стремились избежать упомянутых промахов и пристальнее присмотреться к источнику и факту. В ней исследуются наиболее существенные элементы социально-экономической структуры Руси X — XII вв.: семья, община и общинные формы землевладения, крупное землевладение и хозяйство, зависимое население. Все разделы ее тесно примыкают друг к другу и как бы дополняют друг друга. Так, итоги первой главы, посвященной анализу социальных явлений, связанных с доклассовым обществом, проверяются на материале второй главы, где исследуется крупное землевладение и хозяйство, т.е. явления нового порядка, противостоящие архаической формации и в перспективном плане отрицающие ее. Что касается социальной сущности крупного землевладения, то она раскрывается вследствие изучения характера эксплуатации зависимого люда Древней Руси (челяди, холопов, смердов, данников, закупов, изгоев, рядовичей и др.), проделанного в третьей главе. Именно поэтому наблюдения, полученные в каждой главе диссертации и сведенные к общему знаменателю, позволяют, как нам думается, воссоздать картину социально-экономического строя Киевской Руси в целом.

Я.С.Лурье. Критика источника и вероятность известия. — В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966, стр. 123.

На этот недостаток недавно указал В.В.Мавродин. — В.В.Мавродин. племенных княжениях восточных славян. — В кн.: Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971, стр. 45.

¹ Основные проблемы генезиса и развития феодального общества. «Изв. ГАИМК», вып. 103, 1934, стр. 259.

Глава первая

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РУСИ IX - XII ВЕКОВ

1. О формах общинного землевладения в Киевской Руси

В основе социально-экономических перемен, совершающихся в любом аграрном обществе, лежат сдвиги в поземельных отношениях. Это целиком относится и к Древней Руси IX-XII вв. — стране по преимуществу земледельческой. Социально-экономические связи той поры нельзя рассматривать, абстрагируясь от общины, являвшейся важнейшим компонентом общественной структуры. Следует, однако, иметь в виду, что история не знала общины, данной раз и навсегда; она имела несколько типов общинных организаций, которые ошибочно было бы ставить все на одну доску: «...подобно геологическим образованиям, есть и в исторических образованиях ряд] типов — первичных, вторичных, третичных и т.д.».¹

Устанавливая общую собственность на землю, свойствен-

¹ Архив К.Маркса и Ф.Энгельса, кн. 1, стр. 278.

ную доклассовой формации, Ф.Энгельс воссоздал присущую ей градацию, показав сложный характер первобытного землевладения. Согласно Ф.Энгельсу, земля находилась в собственности племени, которое распоряжалось земельным фондом, передавая его «в пользование сначала роду, позднее самим родом — домашним общинам, наконец, отдельным лицам».¹ Эта многоступенчатая система земельных отношений в первобытнообщинном мире недостаточно учитывается историками, изучающими землевладение в ранний период русской истории. Обычно они исследуют проблему по линии патриархальная община — соседская община — крупное землевладение, перенося центр тяжести на процесс экономического распада первобытного строя и возникновения феодализма.² Между тем без пристального внимания к первобытной иерархичности в поземельных отношениях многие явления, связанные с землевладением на Руси IX — XII вв., будут не вполне правильно поняты.

При всей чрезвычайной скудости источников, поднимающих завесу над социально-экономической историей восточных славян, предвещающей образование Киевского государства, мы все же располагаем некоторыми сведениями, бросающими какой-то свет на интересующие нас сюжеты. Первый источник, к известиям которого обращаемся, — Повесть временных лет. Описывая быт полян, монах-летописец сообщает: «Полям же жившем особе и владеющему роды своими, иже до сее

К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 21, стр. 161.

² См.: Б.Д.Греков. Киевская Русь. М., 1953, стр. 523-525; С.В.Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, стр. 41—42; Л.В.Черепнин. Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII века). - «Вопросы истории», 1953, № 4, стр. 46 — 53; Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР III - IX вв. М., 1958, стр. 832, 833, 842, 853 и другие исследования.

братье бяху поляне, и живяху кождо с своим родом и на своих местех, владеюще кождо родом своим».¹ Б.Д.Греков, толкуя содержание приведенного отрывка, писал: «Тут мы имеем указания на то, что летописец все-таки знал кое-что о далеком прошлом славян и говорит нам о форме их древнейших общественных отношений, называя ее родом».² Но информация, которую несет источник и богаче и разнообразнее, чем кажется с первого взгляда. Идеей рода глубина ее не исчерпывается. Уже начальная фраза наводит на размышления. «Подем же жившем особе», — читаем в летописи.³ Как понять это замечание? Видимо, поляне жили отдельно от других, представляя нечто единое, распадавшееся на подразделения, именуемые родами («и володеющем роды своими»), причем каждый род жил «на своих местех», управляясь самостоятельно («владеюще кождо родом своим»). Итак, поляне, жившие особняком, являли собой нечто целое, собранное из родов, занимающих свою территорию. Под целым надо, по всей видимости, понимать племя, существующее «особе» от других племен. Значит, летописец нарисовал общественную систему, замкнутую, с одной стороны, родом, а с другой — племенем.

Чтобы лучше уяснить вопрос, обратимся к Л.Моргану. Об ирокезах он рассказывает следующее: «Территория племени состояла из фактически заселенной им местности, а равно окружающего региона, в котором племя охотилось и занималось рыбной ловлей и который оно было в состоянии охранять от захвата других племен. Вокруг этой территории лежала широкая полоса нейтральной, никому не принадлежащей земли, отделявшей их от ближайших соседей, если те говорили на другом языке, и менее определенная ограниченная полоса, если

¹ Повесть временных лет, ч. 1, М.-Л., 1950, стр. 12 (далее — ПВЛ, ч.1).

² Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 79.

³ Летописец неоднократно отмечает это: «поляном же жившем особе» (ПВЛ, ч. 1, стр. 11); «поляном же живущем особе, яко же рекохом» (Там же, стр. 14).

и племена говорили на диалектах одного и того же языка. Вся эта не имеющая точно определенных границ область, независимо от ее величины, составляла владение племени, принадалась таковой другими племенами и охранялась самими владельцами».¹ Наличие племенных территорий присуще не только американским туземцам, оно составляет глобальную особенность родо-племенного строя.² Взяв в соображение нейтральные земли, отделявшие племена, легко пойдем, почему автор Повести так настойчиво подчеркивает: «подем же жившем *особе*. Не представляет неразрешимой загадки и указание летописца насчет полян, которые «живяху кождо с родом своим и на своих местех». В нем мы видим свидетельство о родовом землевладении у восточных славян.³ К аналогичному выводу пришел и М.В.Колганов в своей книге о собственности в докапиталистических формациях.⁴ Таким образом, у нас есть основания говорить об общинном землевладении, племенном и родовом, у восточных славян накануне образования Древнерусского государства.

Со временем собственность на землю племени и рода перестраивалась. «Возрастающая плотность населения, — пишет Ф.Энгельс, — вынуждает к более тесному сплочению как внутри, так и по отношению к внешнему миру. Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре делается необходимым даже и слияние их и тем самым слияние от-

Л.Морган. Древнее общество. Л., 1934, стр. 67.

² См.: К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 21, стр. 92 - 93; Л.Морган. Указ, соч., стр. 40.

По словам Л.Моргана, суждения которого разделял Ф.Энгельс (К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 21, стр. 121), «у латинских земледельческих племен одни земли находились в коллективном владении каждого племени» — «Другие — во владении родов...» (Древнее общество, стр. 167). И еще: «переведенные в Рим роды, равно как и начальные латинские и сабинские роды, остались территориально обособленными» (там же, стр. 178).

М.В.Колганов. Собственность. Докапиталистические формации. М., 1962, стр. 144.

дельных племенных территорий в одну общую территорию всего народа». В результате землевладение еще больше дробилось: часть земли принадлежала селу, а земли, на которые село не претендовало, были «в распоряжении сотни»; то, что не попадало в надел сотни, оставалось в ведении всего округа; оказавшаяся и после этого неподделенной земля — большей частью очень значительная площадь — находилась в «непосредственном владении всего народа».² Важно при этом помнить, что в ведение народа поступали незанятые, бесхозные, по выражению Ф.Энгельса, земельные массивы.³

Древнерусские археологические источники хорошо согласуются с нарисованной выше картиной. После тщательного изучения погребального обряда, распространенного среди радимичей, вятичей и дреговичей, Г.Ф.Соловьева сумела выделить ряд локальных групп в областях, заселенных этими племенами. У радимичей она нашла 8 таких групп, вятичей — 6 и у дреговичей — 2.⁴ Каждая группа, по мнению Г.Ф.Соловьевой, представляла собой первичное племя, а совокупность их — племенной союз.⁵

¹ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 21, стр. 164.

² К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 19, стр. 330.

³ Там же, стр. 495.

⁴ Г.Ф.Соловьева. Славянские племенные союзы по археологическим данным. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1953, стр.10—12; Ее же. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV вв. н.э. — «Советская археология», XXV, 1956, стр. 156 — 160, 160 — 161, 161-165.

⁵ Г.Ф.Соловьева. Славянские племенные союзы..., стр. 13; Ее же. Славянские союзы... стр. 166. Аналогичная расстановка наблюдалась не только у восточных славян. Л.Нидерле по поводу лютичей, бодричей и сербов писал: «Каждое из этих больших племен делилось в свою очередь на ряд меньших: лютичи на чрезпенанов, ратарей, укранов, стодоранов (гавеланов) и пр.; бодричи — на вагров, вранов, смолинцев, древян, рарогов;

Картографирование остатков восточнославянских поселений VIII—IX вв., расположенных в лесостепной полосе, показывает, что они размещались «гнездами, по 3 — 4 поселения, отстоящих одно от другого до 5 км».¹ По данным же Б.А.Рыбакова, число поселений-городищ в гнезде достигало 5, 10, 15.² Любопытно и то, что ступок поселков (гнездо) отделялся от себе подобных незаселенной полосой в 20 — 30 км.³ Размеры гнезд, как считает Б.А.Рыбаков, близки к размерам племен и обнимают пространство в 30 x 60, 40 x 70 км.⁴ Вряд ли мы ошибемся, если единичное поселение-городище примем за род, гнездо поселений — за племя,⁵ а объединение их — за племенной союз. Стало быть, мы можем еще раз заключить о существовании у восточных славян коллективного землевладения, представленного родом, племенем, союзом племен (народом, народцем — как угодно).

Однако время внесло поправки и в эту структуру. По мере

сербы — на лужичан, мильчан и т.п.». — См.: Л.Нидерле. Человечество в доисторические времена. СПб., 1898, стр. 523.

¹ И.И.Ляпушкин. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.). Л., 1968, стр. 128.

Б.А.Рыбаков. Союзы племен и проблема генезиса феодализма на Руси. В кн. Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969, стр. 27.

³ Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы..., стр. 852; И.П.Русанова. Исследование памятников на р.Гнилопяти. — «Археологические открытия 1965 года». М., 1966, стр.142—146. (По И.И.Ляпушкину, расстояние между гнездами исчислялось иногда сотней километров и более. — И.И.Ляпушкин. Указ, соч., стр. 126.)

⁴ Б.А.Рыбаков. Союзы племен..., стр. 27.

Не исключено, что в этом гнезде сидела фратрия, как полагает С.С.Щиринский. См.: С.С.Щиринский. Объективные закономерности и Объективный фактор в становлении Древнерусского государства. — «Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма». Сб.статей. М., 1970, стр. 193.

того, как союзно-племенная организация трансформировалась в государственный организм, по мере того, как поднималась и крепла публичная власть, персонифицированная в лице князя, место народа, бывшего собственником пустующих земель, стал занимать князь, но не в роли частного владельца, а как представитель всего народа. Словом, складываются такие по-земельные связи, какие Ф.Энгельс подметил в Швеции, где отдельное «село имело сельскую общинную землю (bus almanningar), и наряду с этим существовала общинная земля сотни (harads), округа или земли (lands) и, наконец, общинные земли, на которые претендовал король как представитель всего народа в целом, и поэтому в данном случае носившие на звание Konungs almanningar. Однако все эти земли без различия, даже и королевская, назывались (almanningar), альмендами, общинными землями.¹ Мало-помалу из «княжеской; альменды» образуется фонд земель, принадлежащих государству. Понятно, что это могло произойти тогда, когда последней сформировалось и окрепло. Там, где княжеская власть, в пловавшая государство, была сильной, государственной за ней распоряжался сам князь, но там, где она оказалась слабой, — вече.

Хотя древнерусские источники дают наглядное представление о государственном земельном секторе в Киевской Руси в советской историографии не придавалось этому факту должного значения. В последнее время лишь В.Л.Янин касался.

¹ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 19, стр. 330 (в Норвегии встречаемся с тем же. Альменинг, на который осуществлял предпочтительное право королю, до образования норвежского государства «был ничейным угодьем общим пользования по традиции согласно обычному праву ближайших соседствующих хозяйств земледельцев». Другой вид землевладения одал (удель) выступал неограниченной собственностью больших семей, [Г.И.Анохин. Общинные традиции норвежского крестьянства. М., 1971,] стр. 82 - 89).

мянутой темы.¹ Остановимся и мы на некоторых, наиболее азительных сведениях, взятых из древних памятников. «Се князь великий Изяслав Мстиславич, — читаем в одной грамоте — по благославлению епискупа Нифонта испрошал есмь Новгорода святому Пантелемону землю село Витославицы и смерды и поля Ушково и до прости».² Отсюда явствует, что под эгидой новгородского веча находились земли, в данном случае населенные смердами, пленниками, посаженными на землю. Другой источник — уставная грамота князя Ростислава Мстиславича, учреждающая епископию в Смоленске, — свидетельствует: «А се даю... Село Дросенское, со изгой и с землею святей Богородици и епископу, и село Ясенское, и с бортником и с землею и с изгой, святей Богородици и епископу; и озера Нимикорская и с сеножатми, и уезд княж, и на Сверко-вых луках сеножати, и уезд княж, озеро Колодарское, святей Богородици. И се даю на посвет святей Богородици из двора своего, (о)см капии воску и на горе огород с капустником и с женою и с детми, за рекою, тетереvник с женою и с детми святей Богородици и епископу». Формуляр грамоты весьма красноречив: «сдумав с людьми своими», то есть рассудив на вече, Ростислав наделяет епископию селами Дросенским с изгоями, Ясенским вместе с бортником и изгоями, озерами,

¹ В.Л.Янин. Из истории землевладения в Новгороде XII в. — «Культура Древней Руси». М, 1966, стр. 322; Его же. Проблемы социальной организации Новгородской республики. «История СССР», 1970, № 1, стр. 46. Надо, впрочем, оговориться, что В.Л.Янин пишет об общественном земельном фонде (Проблемы социальной организации..., стр. 46), подразумевая под ним «участки, тянущие к епископу, в городские потуги и к свободным смердам» (Из истории..., стр. 322).

² В.И.Корецкий. Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича новгородскому Пантелеймонову монастырю. — «Исторический архив», 1955, № 5, стр. 204.

³ Памятники русского права, вып. II. М., 1955, стр. 41 (далее — ПРП, ⁴

Там же, стр. 45.

сеножатями, а потом уже из своего двора отдает огород и прочее. Эта особенность формуляра навела И.И.Смирнова на вполне вероятное предположение, что села Дросенское и Ясенское не были княжескими, «не входили в состав княжеского двора и не являлись, таким образом, составной частью княжеской вотчины».¹ То же следует сказать относительно озер и сеножатей, фигурирующих в грамоте. Но, согласившись с И.И.Смирновым в этом, мы не можем принять дальнейшие его выводы, а именно то, что он относит названные села к общинной земельной собственности и что население этих сел не исчерпывалось одними изгоями, а состояло еще и из свободных крестьян.² Тут И.И.Смирновым руководила исключительно внутренняя логика. Но отчего, спрашиваем мы, отдельные села на Руси XII в. могли быть укомплектованы, например, челядью³ или смердами,⁴ а изгоями — нет? Возвращаясь же к источнику, замечаем в нем такие детали, которые позволяют с уверенностью говорить об изгоях как единственных жителях села Дросенского. В грамоте сказано: «...село Дросенское, со изгойи и з землею...». Когда же речь заходит о втором селе, Ростислав перечисляет: «...село Ясенское, и з бортником и з землею и с изгойи...». Следовательно, если в селе, помимо из-

¹ И.И.Смирнов. К вопросу об изгоях. «Академику Б.Д.Грекову ко д. семидесятилетия. Сб.статей». М., 1952, стр. 106. В этом выво, И.И.Смирнова усомнился В.В.Седов, нашедший на территории села Дросенского гончарный сосуд с клеймом на днище в виде княжеского трезца. Данная находка, по мнению В.В.Седова, «свидетельствует о том, что когда-то поселение было княжеским, т.е. входило в состав княжеского Димена». (В.В.Седов. Археологические разведки древнерусской деревни Смоленской области. КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 111). Видимо, одно горшка с клеймом все же недостаточно, чтобы говорить о принадлежностях целого села тому или иному владельцу. Более надежным, чем случайная археологическая находка, руководством является изучение самой уставной грамоты.

² Там же.

³ ПСРЛ, т.2. М., 1962, стб. 493.

⁴ ПВЛ, ч. 1, стр. 183.

гоев, жил еще кто-то, в грамоте об этом заявляется со всей определенностью. Но о независимых крестьянах в ней нет и помину. Будь они, ничего не помешало бы ее составителю сказать: «Село Дросенское, со изгойи, людьми и з землею... село Ясенское и з бортником и з землею и с изгойи и с людьми...». Итак называемые грамотой села не принадлежали ни князю как частному владельцу, ни крестьянской общине, а государству, в чьем владении были также озера и сеножати, жалуемые «святей Богородици и епископу».

О наличии государственных земель в Древней Руси, по нашему мнению, рассказывает Киево-Печерский патерик, где читаем, как преподобный Феодосий «посла единого от братия к князю, рек тако: "Княже благочестивый, Бог умножает братию и месце мало, просим у тебе, дабы еси нам дал гору ту, иже над пещерою". Князь же Изяслав, сие слышав, зело радостен бысть; и посла к ним боярина своего, дать им гору ту».¹ Вероятно, Изяслав распорядился горой как представитель государства. Недаром для оформления этого дела был снаряжен государственный чиновник — боярин.

Следовательно, существование государственного землевладения в Древней Руси — вполне реальная вещь. Первоначально оно собиралось из беспризорных, никем не занятых земель. Впоследствии государство проводило мероприятия по их заселению. Понятно, что этими поселениями оно стремилось обеспечить себя доходами, вливавшимися в государственный бюджет. Складывание подведомственного государству земельного фонда происходило тем успешней, чем быстрее и увереннее шел процесс формирования самого государства.

Наше изображение общинных форм землевладения в Киевской Руси будет неполным, если обойти молчанием древнерусскую вервь. К ней мы и обращаемся.

¹ Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, стр. 13

II. Вопрос о верви

Проблема верви — одна из наиболее темных и трудных. Ученые предлагали немало толкований, гипотез, раскрывших ее существо. Но в конечном итоге вервь понималась л и б о как община территориальная, либо как родственная.¹ В советской литературе первую точку зрения отстаивали Б.Д.Греков, М.Н.Тихомиров, Б.А.Романов, И.И.Смирнов, Л.В.Черепнин и др.²; вторую — С.В.Юшков.³ В.В.Мавродин рассматривает вервь исторически: сначала она была семейной общиной, а в эпоху Пространной Правды вервь — уже сельская община.⁴ Близок к этому пониманию А.А.Зимин, по мысли которого вервь XII века есть «территориальная община, сложившаяся на базе старинной большой семейной общины».⁵ Б.А.Рыбаков также полагает, что переход от верви-семьи к верви-общине произошел в XI — XII вв.⁶ Но на севере «единая кровная

¹ См.: Правда Русская, т. II. Комментарии. М.-Л., 1947, стр. 261 — 274.

² Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 83 — 95; М.Н.Тихомиров. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953, стр. 88; Правда Русская. Учебное пособие. М.-Л., 1940, стр. 48; И.И.Смирнов. Очерки социально-экономических отношений Руси XII — XIII веков. М.-Л., 1963, стр. 62 — 63, 80 — 81; Л.В.Черепнин. Из истории формирования класса феодально-зависимого крестьянства на Руси. «Исторические записки», т. 56, 1956, стр. 236.

³ С.В.Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.-Л., 1939, стр. 8-12.

⁴ В.В.Мавродин. Очерки истории СССР. Древнерусское государство. М., 1956, стр. 41, 44 - 45, 47 - 49.

⁵ Памятники русского права, вып. I. М., 1952, стр. 140 (далее — ПРО, вып. I).

⁶ История СССР с древнейших времен до наших дней, т. I. М., 1966, стр.480.

вервь» прослеживается вплоть до XIII столетия.¹ Наконец, М.О.Косвен интерпретировал вервь как патронимию.²

Наиболее полную аргументацию в обоснование территориальной сущности верви развернул Б.Д.Греков. Древнерусскую вервь он сопоставлял с вервью Полицкого статута, считая и ту и другую соседской общиной. Однако соображения Б.Д.Грекова насчет полицкой верви оспорил М.М.Фрейденберг. «Подлинный характер верви, — подчеркнул он — можно понять, только угадывая в вервнем коллективе общину, скрепленную как поземельными (соседскими), так и родственными связями».³

Длительное время Б.Д.Греков и другие наши историки эволюцию общины в Древней Руси прослеживали по двум звеньям: общине кровнородственной и соседской.⁴ Благодаря работам отечественных медиевистов, в литературе стала утверждаться теория о трех этапах в развитии общинного

¹ Там же, стр. 355.

² М.О.Косвен. Семейная община и патронимия. М., 1963, стр.133 — 167. Против идеи М.О.Косвена решительно выступил О.М.Рапов — сторонник старого взгляда на вервь как территориальную общину. — О.М.Рапов. Была ли вервь «Русской Правды» патронимией? «Советская этнография», 1969, № 3.

³ М.М.Фрейденберг. «Вервь» в средневековой Хорватии. УЗ Великолукского пединститута, вып. 15, 1961, стр. 38 (Выводы Б.Д.Грекова поставили под сомнение и югославские специалисты. См.: И.Божий. «Врвь у Поличком статуту». «Зборник филозофског факултета». кн. IV, № 1. Београд, 1957, стр. 82-112).

⁴ Б.Д.Греков. Киевская Русь. М., 1953, стр. 73 — 96; В.В.Мавродин. Очерки истории СССР. Древнерусское государство. М. 1956, стр. 47 — 49; П.Н.Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 260 — 296; С.В.Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, стр. 86 - 88; Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР III — K вв. М., 1958, стр. 831 - 878; История СССР..., т. I., стр. 354 - 359.

стройка — это община кровнородственная, земледельческая* (сельская) и марка.¹ Община же кровнородственная распадается в свою очередь на два типа: родовую общину и большесемейную.² Вот почему В.В.Дорошенко как-то справедливо заметил, что ныне было бы анахронизмом говорить «о прямом переходе от родовой общины к соседской (минуя стадию "земледельческой общины", по терминологии К.Маркса)....».³ Указанные выше перемены в науке побуждают еще раз присмотреться к древнерусской верви. О ней Русская Правда говорит лапидарным языком, тон которого, впрочем, позволяет думать, что вервная организация — учреждение, коренящееся в обычаях.⁴ Она занимала пространную территорию, принадлежавшую ей как самодовлеющему организму. Последнее непосредственно вытекает из слов: «...виревную платити, в чьей верви голова лежить». Однако несколько странное впечатление

¹ А.И.Неусыхин. Структура общины в Южной и Юго-западной Германии в VIII — XI веках. «Средние века», вып. IV, 1953, стр. 35. Что касается общины-марки, то она изображается новейшими исследователями в качестве позднейшей формы в эволюции общины. — С.Д.Сказкин. Очерки по истории западно-европейского крестьянства в средние века. М., 1968, стр. 65 — 92.

² Л.С.Васильев. Социальная структура и динамика древнекитайского общества. «Проблемы истории докапиталистических обществ», кн. I. М., 1968, стр. 471-474.

³ В.В.Дорошенко, З.К.Янелъ. Заметки о новой литературе по истории феодальной России. «История СССР», 1968, № 5, стр. 152. См. также: С.А.Покровский. Общественный строй Древнерусского государства. — Труды Всесоюзного юрид. заоч. ин-та, т. XIV, М., 1970, стр. 35 — 36.

⁴ Это наблюдение Ф.И.Леонтовича представляется весьма убедительным. — Ф.И.Леонтович. О значении верви по Русской Правде и Полицкому статуту, сравнительно с задрогою Юго-западных славян. «ЖМНПросв.», 1867, вып. IV, стр. 2.

⁵ Правда Русская, т. I. Тексты. М.-Л., 1940, стр. 115. (Далее — Правда Русская, т. I). Наличие значительной территории у верви само по себе не решает вопроса о ее социальном устройстве, как казалось

чтение оставляет эта обобщенная формула, если ее рассматривать под углом зрения соседской общины. Ведь в соседской общине часть земли находится в собственности крестьян-общинников. Поэтому достаточно было обнаружить труп на той земле, чтобы стало ясно, кого подозревать. «Русская Правда» не учитывает такой ситуации. Что это — несовершенство юридического мышления или же нечто другое, предупреждающее нас от отождествления верви с соседской общиной? Мы склоняемся ко второму варианту, считая, что только при общей собственности членов верви на землю могла быть пущена в ход эта обобщенная формула. Значит, вервь — не марка, а какая-то иная форма общины, похожая на земледельческую (сельскую) общину, предшествующую ей.¹

Учеными давно замечено, что в Русской Правде термины «вервь» и «люди» порой совпадают друг с другом.² Следовательно, мы должны оставить мысль о верви как коллективе исключительно семейном и родственном. Лексика древнерусских памятников для обозначения родственных отношений в аспекте собирательном предоставляет иные слова — «род», «родин», «ближние».³ Термин «люди», обращенный законодателем к верви, затрудняет ее истолкование не только в смысле большесемейном, но и патронимическом, особенно в том виде, в каком она обрисована у М.О.Косвена. Но нельзя не признать правоту последнего, когда он пишет: «Особых замеча-

М.Ф.Владимирскому-Буданову и Б.Д.Грекову. — М.Ф.Владимирский-Буданов. Задружная теория и древнерусское землевладение. «Университетские известия», 1884, № 11; Б.Д.Греков. Большая семья и вервь Русской Правды и Полицкого статута. Избр. труды, т. II, М., 1969.

¹ А.И.Неусыхин. Структура общины..., стр. 31 — 34.

² См., напр., В.Лешков. Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII века. М., 1858, стр. 97, 103.

³ ПВЛ, ч. I, стр. 37, 51, 119; Правда русская, т. I, стр. 115.

⁴ М.О.Косвен. Семейная община и патронимия, стр. 136 — 139, 153 — 158.

ний заслуживает институт «дикой вины и виры». Как известно, индивидуальная уголовная ответственность — порядок сравнительно поздний. Ему предшествовала составлявшая один из устоев родового права коллективная ответственность родовой группы. При композиции это была материальная денежная ответственность. С распадом родовых отношений это начало изживается, круг ответственных сокращается, ограничиваясь семьей».¹ Коллективную ответственность верви Русская Правда подает осязаемо (ст. ст. 3 — 6 Пр. Пр.). Отсюда заключаем, что родственные связи полностью еще в ней не исчезли и сохраняют значение. Вervi будет однобоко понята, если полагать ее чисто родственным объединением или же союзом, полностью очищенным от кровных связей. Она, по-видимому, совмещала и то, и другое. Такой подход к верви был намечен в свое время Ф.И.Леонтовичем. «Верви и задруги, — писал он, — представляют собственно переходную ступень к чисто общинным формам жизни. Приняв в себя элементы, чуждые семье, коренясь отчасти в отношениях договорных, задруга отодвинула на второй план связи кровные, патриархальные». В этом же направлении идет и М.М.Фрейденберг, угадывающий в вервном коллективе Поліцкого статута «общину, скрепленную как поземельными (соседскими), так и родственными связями».³

М.О.Косвен расценивает круговую ответственность верви в качестве договорного института, в соответствии с которым вервный союз «уже не в силу обязательной родовой коллективной ответственности, а в порядке особого соглашения о взаимопомощи и круговой поруке берет на себя ответственность за своих членов перед государственной властью».⁴ Не отрицая вероятия договорных принципов, мы, однако, же

¹ Там же, стр. 137.

² Ф.И.Леонтович. О значении верви..., стр. 18.

³ М.М.Фрейденберг. «Вervi» в средневековой Хорватии, стр. 38.

⁴ М.О.Косвен. Семейная община и патронимия, стр. 138.

ясны ограничить их действие, введя понятие «отчасти», за-^{до}тованное у ф.И.Леонтовича. Ведь договор заключается ^и м уплате «дикой виры». Что касается убийства княжого мужа в разбое (ст. 3 Пр. Пр.), то «виревную» платят все члены

верви без исключения, независимо от их желания. Вообще же гипотеза об особом соглашении, предусматривающем взаимопомощь и круговую поруку, требует пояснений. Б.Д.Греков, размышляя над «дикой вирой», приуроченной к процедуре взаимной помощи, заключает: «Наконец, в Пространной "Правде" мы имеем очень интересный институт "дикой виры", который говорит нам о том, что вервь в XII в. уже перестает помогать своим членам в платеже штрафов, а помогает лишь тем, кто заранее о себе в этом смысле позаботился, т.е. тем, кто вложился предварительно в "дикую виру"... Это говорит нам о том, что к XII в. члены верви перестали быть равными в своих правах, что среди них выделилась группа, надо думать, людей более зажиточных, которые могли платить все взносы, связанные с участием в «дикой вире».¹ Статья 8 Пространной Правды, на которую ссылается Б.Д.Греков, ни словом не обмолвилась об утрате равенства прав членов верви. Она констатирует только случай, когда кто-либо «не вложится в дикую виру». Стало быть, речь идет о том, что человек, входящий в состав верви, волен платить по общинной раскладке или же по каким-нибудь обстоятельствам отказаться от этого. Далее, почему мы должны остановиться лишь на одном предположении о выделении внутри верви людей более зажиточных. Вполне правдоподобна и другая ситуация, когда инкорпорированный в общину чужак, что бывало нередко, не успел или не сумел «вложиться в дикую виру» и тем самым заручиться поддержкой верви на случай необходимости платы штрафа. Проникновение в вервь чужеродцев нарушало кровнородственную схему, приспособляя ее к соседским интересам. Старая община давала трещину, что находило отражение и на функциониро-

¹ Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 91.

вании коллективной ответственности: суживаясь, она превращалась постепенно в паллиативную меру. В таком виде мы и застаем круговую ответственность в Пространной Русской Правде. Но это означает, что родственные отношения в верви заметно влияли на течение жизни.¹ Таким образом, договор, ный характер участия в уплате «дикий виры» хотя и может быть принят, но с ограничениями.

Не противоречит ли нашим выводам существование круговой поруки в значительно более позднее время? Нисколько. Нельзя представлять круговую поруку неизменной на протяжении веков. В Русской Правде она является с одним любопытным свойством: вервь помогает «головнику» изблеченному, чего не заметно в последующих памятниках. «Оже учинится вира, — значится в Двинской Уставной грамоте, — где кого утепуть, ине душегубца изышуть; а не найдуть душегубца, ине дадуть наместником десять рублей, а за кровавую рану тридцать бел, а за синюю рану пятнадцать бел, а вина противу того». Тут определяется только общинная вира, но нет сомнения, что *такая же вира* полагается на преступника, находящегося «налицо».⁴ Псковская судная грамота устанавливает индивидуальную ответственность за убийство: «да учинит голов-

¹Этому нисколько не противоречит то обстоятельство, что в некоторых случаях преступник вместе с женой и детьми подвергается «поток и разграблению». Такое предписание Пространной Правды может быть понято как свидетельство уже произошедшей индивидуализации малых семей в рамках родственного коллектива, что подтверждается и самим наказанием («поток и разграбление»), заключавшимся в сожжении или разрушении дома преступника и изгнании его из верви. — См.: М.Н.Тихомиров. Пособие для изучения Русской Правды, стр. 89.

² Правда Русская, т. I, стр. 104.

³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С.Н.Валка. М.-Л., 1949, № 88, стр. 144 (далее - Грамоты В.Н. и П.).

⁴Хрестоматия по истории русского права. Составил М.Владимирский-Буданов. Вып. I. СПб.-Киев, 1889, стр. 125 (прим.).

щину, ибо быти ему самому в головщине»; «а где учинится головщина, а доличат коего головника, ино князю на головни-ках взять рубль продажи».² В Договорной грамоте короля польского и великого князя литовского Казимира IV с Великим Новгородом читаем: «А сведется вира, убьют сотцкого в селе, ино тебе взяти полтина, а не сотцкого, ино четыре гривны, а нам вир не таити в Новгороде; а о убийстве вир нет».³ Стало быть, «если доказано, что смертный случай есть убийство и преступник отыскан, то община ничего не платит». Судебник 1497 г. предписывает: «А доведут на кого татбу, или розбой, или душегубство или ябедничество, или иное какое лихое дело, и будет ведомой лихой, и боярину того велети казнити смертною казнью, а исцево велети доправити из его статка, а что ся у статка останет, ино то боярину и диаку имати себе... А не будет у которого лихого статка, чем исцево заплатити, и боярину лихого истцу в его гибели не выдати, а велети казнити смертною казнью тиуну великого князя московскому да дворскому», «а государскому убойце и коромолнику, церковному татю и головному, и подымщику, и зажигалянику, ведомому лихому человеку живота не дати, казнити его смертною казнью»; «а доведут на кого татбу, или розбой, или душегубство, или ябедничество, или иное какое лихое дело, а будет ведомой лихой, и ему того велети казнити смертною казнью, а исцево доправити из его статка: а что ся у статка останет, ино то наместнику и его тиуну имати себе. А не будет у которого лихого статка чем истцево заплатить, и ему того лихого истцу в его гибели не выдати велети его казнити смертною казнью». По

¹ ПРП, вып. II, стр. 289.

² Там же, стр. 298.

³ Грамоты В.Н. и П., № 77, стр. 131.

⁴Хрестоматия по истории русского права. Составил М.Владимирский-Буданов. Вып. I, стр. 207 (прим.).

⁵ Памятники русского права, вып. II. М., 1955, стр. 347.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 353.

Царскому Судебнику 1550г. суд и расправа те же.¹ Личную ответственность определяет также Соборное Уложение 1649г.² Преследованию подвергались, согласно Уложению, лишь укрыватели преступника. Если след «разбойников» ведет к селу, то жители обязаны отвести его — эпизод, живо напоминающий «гонение следа» Русской Правды.⁴ «А которых людей разбойники разобьют, или тати покрадут, и за теми разбойники и за татьми истцы, собрався, следом придут в село, или в деревню, и те люди, к которым следом придут, следу от себя не отведут: и про то обыскати, и погонных людей распросити. И будет в обысках и погонные люди на них скажут, что они следу не отвели: и тех людей по обыском и по погонных людей речам пытати, и указ им чинити, до чего доведется».⁵ Было бы крайне неосторожно на основании формального процедурного сходства заключать о социальном тождестве «уложенного» села и верви Русской Правды. Но так, в сущности, и поступают М.Н.Ясинский с Б.Д.Грековым, разница в малом: они привлекают литовско-русские акты XV — XVI вв.⁶ Этот прием нельзя признать удачным, ибо «гонение следа», упоминающееся в поздних источниках, никак не означает совпадения социальных параметров; крестьянская община могла переродиться, а способы дознания оставались прежними, что превосходно подтверждается ст. 60 главы XXI «О разбойных и татинных делах» Соборного Уложения, которую мы только что

известия», № 3, 1906, стр. 13 — 21; Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 86.

¹ Памятники русского права, вып. IV. М., 1956, стр. 246 — 248.

§

² Памятники русского права, вып. VI. М., 1957, стр. 383 — 407.

:

³ Там же, стр. 396.

,

⁴ В.Г.Гейман в своей интересной статье приводит много фактов подобного рода. — В.Г.Гейман. «Сочение следа» в Белозерском уезде XVII в.». В кн.: «Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII -XVII вв.». М.-Л., 1960, стр. 91-100.

⁵ Памятники русского права, вып. VI, стр. 395.

⁶ М.Н.Ясинский. «Село» и «вервь» Русской Правды. «Университетские

ировали. Странное впечатление производит довод Б.Д.Гре^аа: «Не вдаваясь в детали, хочу лишь отметить, что эта процедур³ ("гонение следа" — И.Ф.) была бы совершенно ненужной, е^{сли} бы р^{ечь} шла о большой семье, где все родственники знают друг друга и могли бы либо выдать своего родственника совершившего кражу, либо заплатить за него без всякого "гонения следа"». ¹ В детали все же следовало бы войти, хотя бы в одну, когда в преступлении сородичи не повинны и, следовательно, полны решимости «отвести след», т.е. реализовать свое законное право. Вот тут-то и необходимо было «гонение следа» с целью отвести его и тем самым «обелиться».

Таким образом, содействие верви «головнику» при уплате денежного штрафа отличает Русскую Правду от позднейших законодательных установлений. Данное проявление коллективизма выражало специфические особенности социальной структуры вервной общины, объясняемые кровнородственными отношениями, влиявшими на строй древнерусской верви. Но этот коллективизм ко временам Пространной Правды утратил

былую первозданность и под напором новых течений, прибывавших к верви чужаков, которые нарушали ее кровную целостность, начал исчезать, пока не пропал окончательно. Русская Правда еще застала его, но в половинчатом, стесняемом договорными новшествами виде. Вervi, вероятно, сочетала в себе родственные и соседские связи, элементы общинной и индивидуальной собственности, занимая промежуточное положение между семейной общиной и территориальной. На Севере подобные общины встречаются даже в XV в.: «Се Даша шунжане землю святому Николе Петре Адкине з детми и ^с племенем, Тоивод Идуеве з детми и с племенем, Якове Ори-не з детми и с племенем, Оншута Иванове с братом, Волосе Петрове з братьею, Иване Кондратове з братьею, Ивана Тайне ^с братьею, Василеи Тимошкине з детми, и Кирка з детми, и все

¹Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 86.

Шунжане даша землю Святому Николе...».

Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что изменения общинных форм сопряжены с развитием семьи, и наоборот: смена форм семьи может служить известным показателем внутриобщинной перестройки. Вот почему изучение древнерусской семьи представляет существенный интерес.

III. Древнерусская семья

Современные представления о семье в Древнерусском государстве покоятся главным образом на положениях, почерпнутых из произведений Б.Д.Грекова, который считал, что господствующей формой семьи на Руси X — XII вв. являлась малая, индивидуальная семья.² Наряду с малыми семьями Б.Д.Греков признавал существование и больших семей.³ Сходный образ мыслей замечаем у новейшего исследователя Я.Н.Щапова.⁴ По мнению же О.М.Рапова, у восточных славян, начиная с VI в. нашей эры, вовсе не было больших семей, но бытовали одни лишь малые семьи.⁵ Так ли это?

В недатированной части Повести временных лет есть сжатое, но замечательное по выразительности описание нравов восточнославянских племен. Среди дикостей, шокировавших инока-постника, летопись упоминает брачные обычаи древлян, радимичей, вятичей и северян. Закоснелые лесовики-

¹ Грамоты В.Н. и П., № 323, стр. 309 - 310.

² Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 87.

³ Там же, стр. 80-81, 85.

⁴ Я.Н.Щапов. Церковь в системе государственной власти Древней Руси. В кн.: А.П.Новосельцев (и др.). Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, стр. 339; Его же. Брак и семья в Древней Руси. «Вопросы истории», 1970, № 10.

⁵ О.М.Рапов. Была ли вервь «Русской Правды» патронимией? «Советская этнография», 1969, № 3, стр. 113 — 117.

древляне брака, оказывается, не имели, а «умыкиваху у воды девицы».¹ Женихи остальных племен были «галантнее» — похищали невест не иначе, как «свещашеся с нею», и держали «по две и по три жены».²

Б.Д.Греков, разбираясь в семейных делах этих племен, допускал, что они «знают во всяком случае полигамную патриархальную семью, а может быть, и парный брак».³ Похищение женщин, по словам Ф.Энгельса, начинается со времени возникновения парного брака. Значит, и умыкание и многоженство, определенно засвидетельствованное древним памятником, — иллюстрация семейно-бытовой архаики, ибо парный брак характерен для стадии варварства.⁵

Летописец, повествуя о симпатичных ему полянах, говорит: «...брачный обычай имяху: не хожаше зять по невесту, но приводяху вечер, а заутра приношаху по ней что владуче».⁶ В.О.Ключевский, опираясь на Ипатьевский вариант «Повести», содержащий чтение «что на ней владуче», не без оснований переводит «на ней» в смысле «за нее».⁷ Ежели придерживаться Ипатьевского списка, нужно признать, что в нем со-

¹ ПВЛ, ч. 1, стр. 15.

² Там же.

³ Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 79.

⁴ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 21, стр. 52.

⁵ Там же, стр. 77. М.М.Ковалевский счел возможным даже толковать эти факты как пережиток матриархата и указание на существование полигамии у древних славян (М.М.Ковалевский. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М., 1939, стр. 44, 97). Правда, нам могут сказать, что фраза «свещашеся с нею» говорит скорее об обряде, чем о действительном похищении. Но, во-первых, летописец, когда пишет о древлянах, то о предварительном согласии «девицы» не сообщает, а во-вторых, сговор с невестой насчет похищения, возможно, был результатом несогласия ее родичей на брак. — Н.А.Кисляков. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969, стр. 97.

⁶ ПВЛ, ч. 1, стр. 14-15.

⁷ В.О.Ключевский. Соч., т. 1. М., 1956, стр. 122.

держится древнейшее свидетельство о вене — выкупе, уплачиваемом за невесту. Но покупка женщин — столь же старый институт, как и похищение, сопровождающий парную семью, появившуюся «на рубеже между дикостью и варварством, большей частью уже на высшей ступени дикости, кое-где лишь на низшей ступени варварства». Наши рассуждения призваны, разумеется, не для того, чтобы опустить полян до уровня дремучих дикарей, как это тенденциозно сделал в отношении древлян, радимичей, вятичей и прочих летописец. Хотелось бы только сказать: «кроткие» поляне в семейной организации не намного превзошли другие племена, и «книжный писатель» зря расхваливал несуществующие их добродетели, выдавая желаемое за действительное. Б.Д.Греков поспешил, когда, доверившись летописной филиппике, заключал: «Здесь победа моногамной формы семьи обнаружилась несколько раньше, чем у других славянских племен, и летопись этот факт отмечает с полной отчетливостью. Это произошло, несомненно, задолго до времени, когда жил и писал автор «Повести». Вот факты: «Бе же Володимер побежден похотью женскою, — оповещает "Повесть временных лет", — и быша ему водимыя: Рогнедь, юже посади на Лыбеди, иде же ныне стоит сельце Предъславино, от нея же роди 4 сыны: Изеслава, Мьстислава,

¹ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 21, стр. 57. См. также: Л.Морган. Древнее общество, стр. 271 — 272; М.М.Ковалевский. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М., 1939, стр. 49, 94. Подчеркнем еще раз, что «брак покупкой — классическая форма брака периода господства патриархальных семейных общин; эта форма брака продолжает в какой-то мере сохраняться и позднее, при разложении патриархальной общины и становлении малой семьи» (Н.А.Кисляков. Очерки..., стр. 66). К какому периоду следует отнести брак покупкой, отраженный летописью? Очевидно, к первому, ко времени господства патриархальных семейных общин, ибо летописец показывает нам эту форму брака как наиболее типичную, даже всеобъемлющую.

² Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 80.

Ярослава, Всеволода, а 2 дщери; от грекине — Святополка; от чехине — Вышеслава; а от другое — Святослава и Мьстислава; а от болгарыни — Бориса и Глеба».¹ К «водимым» добавим 800 наложниц, содержащихся в Вышгороде, Белгороде и Берестовом.² М.М.Ковалевский называет все это полигамией.³ Владимир Святой не одиночка, он только в силу личных способностей ярче выразил дух эпохи.

Церковный устав Ярослава предписывает: «Аще мужь оженится иною женою, а с старою не распустився, мужь митрополиту в вине, а молодую пояти в дом церковный; а с старою ему жити».⁴ В ст. 15 Устава сказано: «Аще кто иметь две жене водить, митрополиту 20 гривен, а котораа подлегла, тую понята в дом церковный, а первую жену държати и водити по закону; а иметь ю лихо водити и дръжати, казнию казнити его». Случалась противоположная расстановка героев: «Аще два брата будут с единою женою, митрополиту 30 гривен, а жена поняти в дом церковный».⁶ Нередко «девок» умыкают, не задумываясь, боярская ли это дочь или меньших бояр, или просто добрых людей.⁷ Особенно колоритна в этом отношении ст. 6: «Иже девку кто умолвить к себе (вспомним: «с нею же кто съвещашеся») и дать ю в толоку, а на умычнице митрополиту гривна серебра, а на толочянех по 60, а князь казнить». Это «компанейское предприятие» Б.А.Романов осто-

¹ ПВЛ, ч. 1, стр. 56-57.

² Там же, стр. 57. Если вслед за М.Н.Покровским в наложницах Владимира видеть живой товар, предназначенный для продажи на невольничьих рынках (Избр. произв., кн. 1. М., 1966, стр. 137 - 138), то и одних «водимых» достаточно, чтобы ясно представлять суть дела.

³ М.М.Ковалевский. Очерк развития..., стр. 97.

⁴ ПРП, вып. 1, стр. 267.

⁵ Там же, стр. 268.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 265 — 266.

⁸ Там же, стр. 267.

рожно именует пережитком группового брака.¹ Действительно, в глубокой древности «при похищении женщин проявляются уже... признаки перехода к единобрачию, по крайней мере в форме парного брака: когда молодой человек с помощью своих друзей похитил или увел девушку, они все по очереди вступают с ней в половую связь, но после этого она считается женой того молодого человека, который был зачинщиком похищения».² Может быть, ст. 6 Устава отобразила пережиток парного брака в наиболее раннем его виде.

Парная семья, а по выражению Л.Моргана, синдиасмическая, отличалась тем, что не была устойчивой, «муж мог по своему желанию отослать свою жену и взять другую, не причиняя первой обиды, а жена пользовалась таким же правом покинуть своего мужа и взять другого, при условии, чтобы это не нарушало порядков ее племени и ее рода».³ В Церковном Уставе Ярослава древнерусская семья пригнана слабо, она то и дело разваливается: то муж уходит (ст. 16), то жена (ст. 9). Поводы разные, не исключая «лихой недуг, слепоту и долгую болезнь» супругов (ст. 10). Но в Уставе чувствуется и другая тенденция. Мысль законодателя здесь «работает над возможными поводами к разводу, какие мог бы предъявить муж. Как сторона, ищущая этих поводов, мыслится преимущественно он».⁴ Согласно М.М.Ковалевскому, «в патриархальную эпоху правом на развод пользовался только муж...». Нас не должно это приводить в недоумение, так как патриархальная семья исходит непосредственно из синдиасмической, возникшей на пограничной линии между диким состоянием и варварством, но сохранявшейся «на средней ступени и большей части позднейшей ступени варварства, когда была вытеснена низшей

¹ Б.А.Романов. Люди и нравы Древней Руси. Л., 1966, стр. 191.

² К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 21, стр. 50.

³ Л.Морган. Древнее общество, стр. 440.

⁴ Б.А.Романов. Люди и нравы..., стр. 199.

⁵ М.М.Ковалевский. **Очерк** развития..., стр. 130.

формой моногамной семьи». Поэтому семейные отношения могут комбинироваться из самых различных сочетаний, особенно в переходный период. В Древней Руси, мы убедились, они были настолько перегружены пережиточными чертами, что говорить о господстве индивидуальной семьи в это время можно лишь в плену самогипноза. Продолжим, впрочем, наши наблюдения. Митрополит Иоанн мечет грома против тех, кто «без стыда и срама 2 жене имеют».² Он знаком и с троеженцами.³ Ведает о подобных также митрополит Георгий.⁴ А Церковный Устав Всеволода знает и более любвеобильных: «А се изысках: у третиеи жене и у четвертой детем прелюбоедеинаа часть в животе». «Умычка» тоже известна Уставу.⁶ Следовательно, мы вправе усомниться в моральных преимуществах полян над другими восточнославянскими племенами и отнести их к области летописной фантазии, совершенно несогласующейся с прозаической действительностью, к разряду романтических грез, застилавших истину обыденной жизни. И если еще в XII в. часто случалось многоженство, то какая патриархальщина царила в семейном быту славян перед образованием Древнерусского государства?! Такая же древность бытовала, надо думать, и в имущественных отношениях, и мы вправе предположить о существовании больших семейных коммун, обладающих правом коллективной собственности.

Посмотрим, насколько наши наблюдения согласуются с археологическими материалами. Возьмем городище Новотроицкое как вполне типичное для восточнославянских поселений VIII — IX вв. и как полнее всего исследованное. Заслуга изучения городища принадлежит И.И.Ляпушкину. Поселение «на-

¹ Л.Морган. Древнее общество, стр. 273.

² РИБ, т. VI. СПб., 1908, стр. 4.

³ Там же, стр. 9.

⁴ Б.А.Романов. Люди и нравы..., стр. 193.

⁵ ПРП, вып. II, стр. 165.

⁶ Там же, стр. 163.

ходится на юго-восточной окраине с.Новотроицкого Сумской области Лебединского района, на одном из мысов правого высокого коренного берега р.Пела».¹ Общая площадь городища 3500 кв.м.² Обнаруженные жилища полуземляночного типа, «средние размеры их 3 — 3,5 на 4 — 4,5 м при глубине около 1м». В каждом из них помещалась печь, «вырезанная в глиняном, кубовидной формы останце одновременно с сооружением нижней части жилища. Только в жилищах на юго-восточном склоне мыса печи вылеплены из глины».⁴ Наряду с остатками жилищ обследование выявило «большое число остатков построек хозяйственного назначения. Всего их оказалось около сотни».⁵ Возник поселок на рубеже VIII — IX вв., а прекратил существование в конце IX — начале X в.⁶ В хозяйственных занятиях населения преобладало земледелие.⁷ Это было полевое пашенное земледелие, причем для обработки земли применялось как рало, так и более сложное орудие, снабженное плужным ножом (череслом).⁸ Кроме земледелия, «значительное место в хозяйственной деятельности поселка занимало скотоводство».⁹ «Наряду с земледелием и скотоводством население занималось и некоторыми сельскохозяйственными промыслами, такими, как охота и рыболовство».¹⁰ Ремесленное производство также являлось составной отраслью экономики жителей городища. И.И.Ляпушкин определяет исследуемый поселок «как территориальную общину, а ее

¹ И.И.Ляпушкин. Городище Новотроицкое. М.-Л., 1958, стр. 9.

² Там же.

³ Там же, стр. 51.

⁴ Там же, стр. 52.

⁵ Там же, стр. 138.

⁶ Там же, стр. 188.

⁷ Там же, стр. 211.

⁸ Там же, стр. 213.

⁹ Там же, стр. 214.

¹⁰ Там же, стр. 215.

¹¹ Там же, стр. 222.

членов как мелких земледельцев-общинников (смердов древнерусской летописи)». Он так поясняет свое предположение: «Как известно, наиболее характерной отличительной чертой территориальной общины от родовой является объединение не связанных родством малых семей, живущих в отдельных домах и ведущих свое отдельное хозяйство (как пережиточное явление в составе территориальных общин встречаются большие патриархальные семьи). Именно остатки таких хозяйственных ячеек, состоящих из отдельных небольших жилых построек и прилегающих к ним таких же хозяйственных сооружений (погребов, кладовок и т.п.), сопровождаемых хозяйственным и бытовым инвентарем... и были выявлены при раскопках городища. Среди полсотни жилищно-хозяйственных комплексов нет ни одного, который можно было бы связать с жизнью общества, ведущего свое хозяйство на коллективных началах (размеры жилищ 15 — 20 кв. м., а постройки хозяйственного назначения, погреба и кладовые — совсем миниатюрные). Эти жилищно-хозяйственные комплексы могли принадлежать лишь малым семьям, что, однако, ни в какой мере не исключает, а чаще всего предполагает, как это имело место вплоть до XX в., наличие между некоторыми из этих семей близкого кровного родства. Наличие таких общественных отношений у славянских племен Левобережья в IX в. находит подтверждение и в письменных источниках. Под 859 г. в «Повести временных лет» записано: «Имаху дань Варязи из заморья, на Чюди и на Словенах, на Мери и на всех Кривичех, а Козари имаху на Полянех, и на Северах и на Вятичех, имаху по белей веверице от дыма». «Дымом», или «двором», может обозначаться несомненно лишь хозяйство индивидуальное, мелкого собственника, а не коллективное. Счет по «дворам», или «дымам» в сельских общинах дожил до революции. Мы

¹ Там же, стр. 224.

² Там же, стр. 224.

намеренно привели такую пространную выдержку из книги И.И.Ляпушкина, чтобы полнее (причем словами самого автора) продемонстрировать его основные доводы. Итак, когда И.И.Ляпушкин доказывал, что восточные славяне накануне образования Древнерусского государства группировались в малые семьи (4 — 5 чел.), он приводил два главных аргумента: небольшой размер жилых полуземлянок (10 — 20 кв.м.), поставленных отдельно друг от друга, и малая, «миниатюрная» величина хозяйственных построек, примыкавших к жилищам. Но такое осмысление археологических памятников нам представляется формальным, потому как незначительные размеры жилых строений никоим образом не значат, что в них должны размещаться только самостоятельные малые семьи. В самом деле, чем объяснить, к примеру, встречающиеся у трипольцев жилища-полуземлянки, сходные по площади с восточнославянскими. На раннетрипольских поселениях попадаются полуземлянки размером 3,5 x 2,2 м, 6 x 3,8 м, 3,4 x 4 м и т.п. По мнению Т.С.Пассек, полуземляночный тип жилища преобладал у ранних трипольцев, являясь пережиточной формой жилья еще со времен неолита.³ Во многих полуземлянках обнаружен богатый набор бытовых предметов и орудий труда. Для формального взгляда всех этих признаков предостаточно, чтобы пуститься в рассуждения о малой семье с ее важнейшими индивидуальными чертами. Берем другой пример, касающийся-

¹ Там же. См. еще: И.И.Ляпушкин. О жилищах восточных славян Днепровского Левобережья VIII - X вв. «КСИИМК», вып. 68, 1957, стр. 13; Его же. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Л., 1966, стр. 166.

² Т.С.Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. МИА, вып. 84. М., 1961, стр. 43 — 44 (У ранних трипольцев имелись одновременно и большие жилые сооружения как полуземляночные, так и наземные. Но это отнюдь не снимает вопроса о малых полуземлянках).

³ Там же, стр. 39. Ее же. Периодизация трипольских поселений. МИА, вып. 10. М.-Л., 1949, стр. 41.

ся зарубинецкой культуры. Поздние зарубинцы (I - II вв. н.э.) обитали в жилищах-полуземлянках, размеры которых колебались от 10 до 20 кв.м.¹ Тем не менее социальные отношения у них развивались еще в рамках первобытнообщинного строя.²

Не предопределяет однозначного решения и то обстоятельство, что восточнославянские жилища стояли врозь, не соединяясь никакими переходами, и сопровождалась хозяйственными сооружениями. Вот поселение Джейтун в южном Туркменистане. «Этот полностью вскрытый неолитический поселок, — пишет В.М.Массой, — состоял из 30 небольших однокомнатных домов, принадлежащих, судя по величине, парным семьям. Около каждого дома располагались небольшой дворик и хозяйственные строения».³ А вот — русское печище, тесное семейное единение ближайших родственников: дядей, племянников, двоюродных братьев. «Они могут жить в одной "избе"... могут и расселяться по разным избам, подстроенным одна к другой», но все же они — нераздельное печище.⁴

¹ В.И.Бидзиля и С.П.Пачкова. Зарубинецкое поселение у с.Лютеж. МИА, вып. 160. Л., 1969, стр. 53; Ф.М.Заверняев. Почепское селище. Там же, стр. 92.

² Очерки истории СССР. Первобытнообщинный строй и древнейшие государства на территории СССР. М., 1956, стр. 526 — 527. Напомним попутно, что некоторые археологи связывают зарубинецкие племена с древними славянами. См., напр.: П.Н.Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л., 1966, стр. 230; Его же. Некоторые итоги изучения восточнославянских древностей. КСИА, вып. 118. М., 1969, стр. 30; Его же. Основные итоги и задачи изучения зарубинецких древностей. МИА, вып. 160. Л., 1969, стр. 14 - 15; История СССР с древнейших времен До Великой Октябрьской социалистической революции. Т. I. М., 1966, стр. 304 - 305.

³ В.М.Массон. Экономические предпосылки сложения раннеклассового общества. «Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. Сб.статей». М., 1970, стр. 54; Его же. Поселение Джейтун. Л., 1971, стр. 11-26.

⁴ А.Я.Ефименко. Южная Русь, т. I. СПб., 1905, стр. 372.

И.В.Луцицкий описал аналогичные факты, относящиеся к XIX в.: «В Полтавском уезде в одном селе найден был двор, в котором живут совместно 3 женатых брата, один холостой и мачеха. Последняя "дае прывіц" (главенствует в доме), старшая невестка заведовала стряпней и продовольственными запасами, и все имеют общий стол. Женатые имеют отдельные помещения, свой скот, свою одежду, но земледелием занимаются сообща...». То же и в Миргородском уезде. «В хуторе Масловском живет семья из дяди и двух женатых племянников от разных братьев. При каждом племяннике живут их родные матери, и однако вся семья почитает дядю и его жену за родителей и жена дяди главенствует. Живут в разных хатах, но имеют не только общий стол, хлеб и скот, но даже одежду делают на общий счет и ведут хлебопашество сообща». Все это напоминало И.В.Луцицкому сербскую задругу.² В 1872 г. Д.Самоквасову стало известно о крестьянской семье, жившей в селении Воробьевке Черемошенской волости Курского уезда, состоящей из 42 человек и управляемой выборным старшиной.³ Она размещалась в одном дворе, состоявшем из 4 изб.⁴ У кочевых и полукочевых народов видим подобную картину.⁵

И.И.Ляпушкин забывает, что малая семья зарождается и вызревает в семейной общине.⁶ Именно в недрах большой семьи малая приобретает некоторую самостоятельность, она как бы обособливается внутри родственного ей коллектива. «Обособление малой семьи идет первоначально только по линии

¹ И.В.Луцицкий. Сябры и сябринское землевладение в Малороссии. «Северный вестник», 1889, № 1, стр. 76 (прим.).

² Там же, стр. 76.

³ Д.Самоквасов. Семейная община в Курском уезде. Записки русского географа. Общест. по отд. этнографии, т. 8. СПб., 1878, отд. III, стр. 11.

⁴ Там же, стр. 12.

⁵ Н.А.Кисляков. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969, стр. 24, 26 - 27.

⁶ См.: М.О.Косвен. Семейная община и патронимия, стр. 61.

потребления, тогда как в отношении производства она еще целиком остается растворенной в общем, остающемся неизменно коллективным, труде большой семьи».¹ Индивидуализация малой семьи «сопровождается ее локальным выделением в общесемейном жилище. Малая семья получает либо отдельное помещение в общем доме, что составляет более архаическую форму, либо более изолированное помещение в виде пристройки к основному жилищу, либо, наконец, отдельное строение на общесемейной усадьбе».² Может быть, изолированные землянки городища Новотроицкого и есть такого рода дифференцированные жилища малых семей, бывших клетками болынесемейного организма. Думается, что эта догадка ничуть не хуже предположений, выдвинутых И.И.Ляпушкиным. Мало того, некоторые особенности восточнославянских древностей позволяют говорить о большой семье. Сюда в первую очередь нужно отнести характер размещения хозяйственных построек. Так, значительная часть хозяйственных ям городища Новотроицкого, исчисляемых десятками, расположена самостоятельно, без видимой связи с жилищами.³ Наземные же хозяйственные сооружения поставлены за чертой жилого комплекса. Возможно, все они находились в общей собственности обитателей городища. Замечено далее, что восточнославянские жилища на поселениях лежали гнездами.⁵ Но гнездовой план застройки — не показатель малосемейного ук-

¹ Там же, стр. 61—62 (См. также: М.М.Фрейденберг. «Новиградский сборник» как источник по социально-экономической истории Хорватии. «Славянский архив». М., 1962, стр. 40—41).

² Там же, стр. 62.

³ И.И.Ляпушкин. Городище Новотроицкое, стр. 140, 143, 147, 150.

⁴ Там же, стр. 150.

⁵ Д.Т.Березовец. Поселения уличей на р.Тясмине. МИА, вып. 108. М., 1963, стр. 155; Н.В.Линка, А.М.Шовкопляс. Раннеславянское поселение на Р.Тясмине. Там же, стр. 239; В.К.Гончаров. Лука-Райковецкая. Там же, стр.311.

лада.¹ Однако как бы мы не толковали археологический материал, несомненно одно: он позволяет заключать и о большой семье, и о малой. Весьма примечательны в этой связи суждения Т.Н.Никольской, обследовавшей древнерусское селище Лебедку с ее полуземляночными (4x4 м, 4x5 м, 3x2,2 м) и наземными (4x5 м) жилищами.² Отвечая на вопрос, кто владел домами на селище, она пишет: «...первоначально они принадлежали ближайшим родственникам, а впоследствии просто соседям».³ Следовательно, в них могла проживать как большая семья, так и малая. А это значит, что на основе одних лишь археологических источников воссоздать картину семейного быта у восточных славян VI—IX вв. и Древней Руси X—XII вв. не представляется возможным.⁴

Трудно согласиться с И.И.Ляпушкиным, когда он отождествляет близкое кровное родство времени восточных славян и XIX века.⁵ Это значит полностью перечеркнуть историю семейных отношений. Если среди разгула частнособственнических инстинктов родственные связи выступают больше как

¹ Учитывая эту особенность, В.И.Довженок говорит: «Возможно группы жилищ на поселениях принадлежат большим семьям типа задруги, состоящим из нескольких парных семей, с общим хозяйством, но проживающих в особых жилищах». — В.И.Довженок. Об экономических предпосылках сложения феодальных отношений у восточных славян. «Проблемы возникновения феодализма у народов СССР». М., 1969, стр. 34.

² Т.Н.Никольская. Древнерусское селище Лебедка. «Советская археология», 1957, № 3, стр. 177-178.

³ Там же, стр. 197.

⁴ Даже согласившись с тем, что в полуземлянках жили малые семьи, нельзя быть уверенным в характере поселения в целом. Не случайно С.С.Ширинский усматривает в нем не территориальную общину (сельскую или соседскую, по терминологии И.И.Ляпушкина), а патронимию. — С.С.Ширинский. Объективные закономерности и субъективный фактор в становлении Древнерусского государства. «Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма». М., 1970, стр. 191-192, 193 (прим.).

⁵ И.И.Ляпушкин. Городище Новотроицкое, стр. 224.

моральное переживание, то в отдаленном прошлом тесное единение по родству, как правило, сопровождается единением по хозяйству.

Нельзя признать обязательным толкование И.И.Ляпушкиным летописного текста, обозначенного под 859 годом. Почему «дым» должен непременно означать «лишь хозяйство индивидуальное, мелкого собственника, а не коллективное», непонятно. Кстати, автор опять поступил крайне неосторожно, уравнивая «дым» летописи как счетную фискальную единицу с «двором» или «дымом» русских крестьянских общин, доживших до революции. Надо, видимо, все же допускать, что термин не остается однозначным на протяжении веков и постепенно эволюционирует, меняя содержание. В старину он, вероятно, ассоциировался с семейными отношениями. М.О.Косвен пишет: «Другой ряд терминов, вместе с понятием хозяйственного единства, характерным образом выражает и потребительское единство. Таковы дым, камин — у южных славян, огнище и печище — на севере России, дым и то же печище в литовско-русских актах. Сюда же относится такое обозначение членов семейной общины, как санскритское *ekapatena vasatam*, "совместно готовящие пищу", термин пруссов-литовцев "братья, живущие вместе на одном хлебе", па *jednom chlebe* или *pri ednom stole* словаков, "у одного дыма грелись" у сербов Метохской области, "на том же хлебе, в одном дыму" литовско-русских актов или "в едином хлебе" украинских актов XVIII в.; аналогичны термины *chlebeti* чехов, *chlebojedzoy* поляков».²

¹ Добавим к этому, что А.Л.Шапиро, изучая единицы обложения Древней Руси, пришел к обоснованному выводу: первоначальные соха, плуг и выть были единицами обложения больших или неразделенных семей. — А.Л.Шапиро. Средневековые меры земельной площади и размеры крестьянского хозяйства в России. «Проблемы отечественной и всеобщей истории». Л., 1969, стр. 59-79.

² М.О.Косвен. Семейная община и патронимия, стр. 48.

Общеизвестно, что имущественное расслоение завязывается внутри рода, превращая общность интересов «в антагонизм между членами рода». Оно взрывает «старую коммунистическую домашнюю общину везде, где она еще сохранилась; вместе с ней исчезает и совместная обработка земли средствами этой общины. Пахотная земля предоставляется в пользование отдельным семьям — сначала на время, потом раз и навсегда, переход ее в полную частную собственность совершается постепенно и параллельно с переходом парного брака в моногамию. Отдельная семья становится хозяйственной единицей общества».² И.И.Ляпушкину не посчастливилось найти отчетливые следы имущественной дифференциации у обитателей Новотроицкого городища, ибо «уровень материального благополучия отдельных членов общины был более или менее одинаков».³ По разумению же самого автора, некоторые отрасли ремесленного производства (обработка цветных металлов, кузнечное дело) отделились от сельского хозяйства, а «появление ремесла в поселке естественно должно было вызвать к жизни и появление внутреннего обмена».⁴ Новотроицкая община, обремененная предпосылками новых, классовых отношений, стояла на грани перехода от бесклассового общества к классовому.⁵ Спрашивается, где экономическая основа указанных процессов? Ведь без резко выраженных имущественных различий они попросту немыслимы.

¹ Архив К.Маркса и Ф.Энгельса, т.ГХ, стр. 153 — 154.

² К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 21, стр. 164.

³ И.И.Ляпушкин. Городище Новотроицкое, стр. 224 (В последней своей книге И.И.Ляпушкин хотя и говорит об имущественном расслоении, но в виде логических конструкций, не подкрепленных археологически. — И.И.Ляпушкин. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Л., 1968, стр. 167—168).

⁴ Там же, стр. 222.

⁵ Там же, стр. 225.

Археологический материал, добытый И.И.Ляпушкиным и другими учеными, нашел истолкователя в лице О.М.Рапова. Поскольку суждения автора затрагивают принципиальные явления, приходится разобраться в их убедительности. Вооружаясь находками, сделанными И.И.Ляпушкиным при раскопках городища Новотроицкого, О.М.Рапов заявляет: «В ряде домов и хозяйственных помещений были найдены орудия сельскохозяйственного производства (сошники, косы, мотыги, топоры), что свидетельствует в пользу принадлежности орудий производства отдельным домохозяевам, а не коллективу обитателей городища».¹ Что же мы видим в действительности?

Сошников И.И.Ляпушкиным обнаружено 2, один из них лежал вне жилища (в кв. П 15), второй — «на краю ямы жилища № 47».² Кроме сошников, попались 3 косы, две из которых замечены за пределами жилища (в кв. Э 14 и ГГ 6), а одна выявлена в хозяйственной постройке № 51.³ Сельскохозяйственные мотыжки в количестве трех штук были открыты в кв. К 9, ЖЖ 2 и в наземной постройке I.⁴ Один топор И.И.Ляпушкин нашел в кв. М 7 и два тесла в кв. Т 21 и КК 3. Лишь единственное тесло подобрано в жилище № 23. Ю.М.Рапов почему-то умолчал о серпах, представленных двумя экземплярами. Не потому ли, что они находились за пределами жилых и хозяйственных сооружений, т. е. в кв. Ф 12 и ГГ 3? Таким образом, мы не знаем, из чего О.М.Рапов составил ряд домов и хозяйственных помещений с орудиями сельскохозяйственного производства. Для этого нет достаточного археологического

¹ О.М.Рапов. Была ли вервь «Русской Правды» патронимией, стр. 110.

² И.И.Ляпушкин. Городище Новотроицкое, стр. 15.

³ Там же, стр. 18.

⁴ Там же (Хозяйственные сооружения наземного типа, по признанию И.И.Ляпушкина, «прослежены преимущественно по северному склону мыса, за линией жилища». Постройка № 1 как раз здесь и стояла. Там же, стр. 150).

⁵ Там же, стр. 20-21.

⁶ Там же, стр. 18.

материала. Недаром сам И.И.Ляпушкин, завершая обзор находок из железа, подчеркивает: «Все описанные выше вещи из | железа были найдены в самых различных уголках территории поселения. В размещении их никакой закономерности не про- | слеживается, кроме разве одной: почти все они (за исключением нескольких вещей) найдены в культурных отложениях, вне границ жилых и хозяйственных построек».¹

О.М.Рапов утверждает: «К каждому жилищу примыкали одна или несколько хозяйственных ям, а также хозяйственные постройки небольших размеров».² Достаточно даже беглого взгляда на общий план раскопок, чтобы убедиться в поспешности этого заключения. Некоторые жилища (например, № 13, j 27, 17 и др.) вовсе не имеют ни ям, ни построек, другие (№ 12, ; 25, 22, 15) располагают одной лишь ямой.³

Далее О.М.Рапов говорит: «Ярким свидетельством индивидуализации семей данного (Новотроицкого. — И.Ф.) городища являются клейма, нанесенные на донца глиняных лепных сковородок, найденных при раскопках».⁴ Если бы автор внимательнее изучил археологический материал, он непременно бы заметил, что сковородки с крестами были обнаружены в двух жилищах (№ 11, 26), расположенных по соседству, и в яме № 13, выкопанной рядом совсем с другими жилищами.⁵ По крайней мере странным выглядит нежелание О.М.Рапова считаться с указанием И.И.Ляпушкина в том, что «сковородки с прочерченными крестами с внутренней стороны были найдены в поселениях, удаленных друг от друга не на одну сотню километров. Раскопками Г.И.Смирновой такая сковородка бы-

¹ Там же, стр. 24.

² О.М.Рапов. Указ.соч., стр. 110.

³ И.И.Ляпушкин. Указ.соч., стр. 143 (См. также общий план раскопа, приложенный к книге).

⁴ О.М.Рапов. Указ. соч., стр. 110.

⁵ И.И.Ляпушкин. Указ, соч., стр. 71, 98, 140 (И.И.Ляпушкин связывал хозяйственную яму № 13 с жилищем № 4. Там же, стр. 141).

ла обнаружена в поселении Незвиско Станиславской области Обертинского района. Обломок сковородки с таким же крестом на дне (с внутренней стороны) нами был найден при раскопках в 1956 г. поселения близ с.Выгоничи Брянской области (на Десне). В собраниях Киевского исторического музея имеется обломок сковородки с крестом из поселения у с.Выползово Черниговской области (на Десне)».¹ Отсюда ясно, что кресты на сковородках, извлеченных при раскопках городища Новотроицкого, могут быть ярким свидетельством чего угодно, только не индивидуализации малых семей, ибо квалифицировать их клейма — знаки частной собственности — было бы явной натяжкой. Нельзя считать знаками собственности и отметины на пряслицах из поселения уличей на р.Тясмине, зарегистрированные Д.Т.Березовцом, поскольку не на всех них имеются пометины.² Если стать на точку зрения О.М.Рапова, то как расценивать пряслица, на которых нет никаких знаков? Кстати, О.М.Рапов знаком с книгой Г.Б.Федорова о населении Прутско-Днестровского междуречья в первом тысячелетии новой эры. В ней он мог бы, между прочим, почерпнуть следующее: для славян Поднестровья VI-IX вв. характерно «отсутствие клейм мастеров и других знаков собственности».³ Однако О.М.Рапов благополучно миновал это довольно красноречивое указание.

Не изменяет он своих приемов интерпретации археологических данных, отображающих жизнь более позднего времени, — XI — XIII вв. Опираясь на керамику с клеймами, найденной В.В.Седовым на территории предполагаемого села Дросенского, О.М.Рапов убеждается в том, что эти клейма — знаки

¹ Там же, стр. 42.

² Д.Т.Березовец. Поселения уличей на р.Тясмине. МИА, вып. 108. М., 1963, стр. 167.

³ Г.Б.Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н.э. МИА, вып. 89. М., 1960, стр. 226.

частной собственности малых семей.¹ Между тем В.В.Седов пишет: «Небольшая площадь раскопа, одновременность вскрытых построек, их небольшое число — все это не позволяет окончательно решить вопрос о значении гончарных клейм вообще. Во всяком случае, нет каких-либо серьезных оснований ни для отрицания вывода Б.А.Рыбакова, считающего их знаками гончаров-ремесленников, ни для утверждения, что это метки собственности владельцев сосудов».² Сам В.В.Седов склонен толковать клейма в смысле ремесленных знаков.³ Но у О.М.Рапова об этом опять-таки ни слова.

Приведенные выше образцы исследовательской техники, применяемой О.М.Раповым, вынуждают признать его методику использования археологических источников неудачной, поскольку она страдает односторонностью (выборочностью), а в некоторых случаях даже искажением (возможно, невольным) археологических источников.

Пора, однако, вернуться к письменным источникам. Летописный памфлет, развенчивающий древлян, северян, радимичей и вятичей, сохранил наименования степеней родства, отталкиваясь от которых нетрудно определить состав восточнославянской семьи. Перепись родичей включает по крайней мере три поколения, что предполагает существование большой семьи. В 971 году Святослав Игоревич брал дань на греках «и за убьеных, глаголя, яко "род его возметь"».⁴ Контуры большой семьи уверенно очерчивает Церковный Устав Ярослава. Б.А.Романов, сводя к общему знаменателю скандальные внутрисемейные происшествия, преследуемые Уставом, замечает:

¹ О.М.Рапов. Указ.соч., стр. 113.

² В.В.Седов. Археологические разведки древнерусской деревни в Смоленской области. КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 110. ³ Там же.

⁴ П.Н.Третьяков полагает, что в данном случае летописец изобразил патриархальную общину. (П.Н.Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 283). ⁵ ПВЛ, ч.1, стр. 51.

«Когда дерутся свекровь со снохой, деверь с ятровью, — это неразделившаяся по смерти отца семья в составе вдовы и взрослых сыновей, остающихся под одной крышей. Когда «блудят» отец с «дщерью», пасынок с мачехой («кто с мачехой впадет в блуд»), свекор со снохой или деверь не только с ятровью, но и с «падчерицею», — то перед нами жив еще и отец, а выросло уже третье поколение».¹ В столкновениях с внешним миром такой родственный союз выступал сплоченно. «Если кто-нибудь возбудит тяжбу против другого, — встречаем в арабском источнике, — он зовет его к суду царя, и там они спорят. Если царю удастся решить спор, то совершается по его желанию; если же тяжущиеся не приходят к соглашению по слову царя, он велит им состязаться своими мечами; чей меч окажется острее, за тем признается победа. Родственники обеих сторон выходят и становятся с оружием; соперники начинают драться мечами; кто одержит верх над своим противником, в пользу того решается спор». Немудрено, что обязанность кровной мести возлагалась на каждого домочадца. Знаменитая статья первая Краткой Правды провозглашает: «Оубьеть моужь моужа, то мьстити братоу брата, или сынови отца, либо отцю сына, или братоучадоу, либо сестриноу сынови; еще не боудеть кто мьстя, то 40 гривен за голову...».² Еще К.С.Аксаков понимал эту статью как обозначение семьи. Современный исследователь А.А.Зимин также считает, что тут «основой общества является уже не род, а большая семья. Статья 1 Краткой Правды в своей основной части рисует семейный, а не родовой принцип мести». Таким образом, данная

¹ Б.А.Романов. Люди и нравы..., стр. 199.

² В.В.Бартольд. Соч., т.П, ч.1. М., 1963, стр. 822.

³ Правда Русская, т.1. Тексты. М.-Л., 1940, стр. 70.

⁴ К.С.Аксаков. Полн.собр.соч., т.1. М., 1889, стр. 105.

⁵ А.А.Зимин. Феодалная государственность и Русская Правда. — «Исторические записки», т. 76, 1965, стр. 231 (Указание на большую семью находил здесь и Б.Д.Греков. — Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 106).

статья не только уточняет состав мстителей, но без обиняков указывает, что большая семья покончила с родом и утвердила себя прочно в древнерусском обществе.¹

В литературе высказывалось мнение, будто Правда Ярослава ограничила кровную месть ближайшими родственниками, почему месть и представлена якобы в усеченном виде.³ Идея об ограничении кровной мести построена на явном недоразумении. Она была бы справедливой, если бы изучаемое общество покоилось на родовом начале. Но поскольку ячейкой общежития стала большая семья, то, естественно, мстить могли единственно лишь ее члены.

Не следует забывать о своеобразном значении мести как предупредительной мере, ограждающей род, а потом семью от нанесения материального ущерба со стороны других родов и семей. В древнем обществе жизнь человека взвешивалась не с точки зрения отвлеченных генеалогических расчетов, хотя и ими нельзя пренебрегать, но сообразуясь по преимуществу с прикладной ролью человека в добывании средств, потребных для жизни. Поэтому уже при родовом строе кровная месть часто предупреждается выражением сожаления, сопровождает

¹ О том, что Русская Правда дает не просто перечень родичей, а изображает семью, свидетельствуют обычно-правовые реликты кровной мести в судебной практике Галичины, исследованные В.Ф.Инкиным. Автор замечает: «Круг родичей, которые обыкновенно имели право мстить или получать вознаграждение за голову родича, ограничивается теми рамками, в каких существовала и продолжала существовать на данной территории до конца XIX в. неразделенная семья в своей последней исторической стадии». — В.Ф.Инкин. Нов! матер^али до коментування статей «Русько! Правди» про мужебШство та помету. «Вютник ЛьвIвського державного ушверситету. Серия Iсторична», вып. 6. ЛьвIв, 1970, стр. 89.

² М.Н.Тихомиров. Исследование о Русской Правде. М.-Л., 1941, стр. 53; Его же. Пособие для изучения Русской Правды. Изд. МГУ, 1953, стр. 75; С.В.Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, стр. 479 — 480; Его же. История государства и права в СССР, ч. I. М., 1961, стр. 121.

³ Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 540.

мом дарами значительной ценности.

В средневековье право получать и обязанность платить вергельд распространялось на лиц, входивших в круг наследников убитого.² А.Попов как-то хорошо сказал: «Единство рода... переходит в единство семейства; потому месть, основанная на мысли о безусловном единстве и самостоятельности рода, переходит в семейную месть». Заменяв род в качестве хозяйственной единицы, большая семья уменьшила и число мстителей потому, что сама была меньше рода. Итак, ст. 1 Краткой Правды об ограничении кровной мести ничего не говорит.

В прямой связи с вышеизложенным следует толковать фразу «аще не будет кто мстя» анализируемой статьи. Комментаторы Русской Правды нередко усматривают в ней намек на отсутствие мстителей, способных покарать виновного. Но

¹ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 21, стр. 89; Л.Морган. Древнее общество, стр. 46 — 47. О древних германцах Тацит сообщает: «Разделять ненависть отца и сородичей к их врагам и приязнь к тем, с кем они в дружбе, — непреложное правило; впрочем, они не закосневают в непримиримости; ведь даже человекоубийство у них искупается определенным количеством быков и овец, и возмещение за него получает весь род, что идет на пользу и всей общине, так как при безграничной свободе междоусобия особенно пагубны» (Корнелий Тацит. Соч. в двух томах, т. I. Л., 1969, стр. 362). Д.М.Петрушевский понимал это место из Тацита так, будто родовой выкуп шел на смену родовой мести. (Д.Петрушевский. Очерки из истории средневекового общества и государства. М., 1907, стр. 205). Вряд ли с ним тут можно согласиться, потому что и месть и выкуп уходят далеко в первобытную эпоху и установить стадильность их очень трудно.

² А.Я.Гуревич. Большая семья в северо-западной Норвегии в раннее средневековье (по судебнику Фростатинга). «Средние века», вып. VIII. М., 1956, стр. 74-75.

³ А.Попов. Русская Правда в ее отношении к уголовному праву. М., 1841, стр. 33.

⁴ См.: Н.М.Карамзин. История государства Российского, т.И. СПб., 1892, стр. 31; М.Ф.Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права. СПб.-Киев, 1888, стр. 276; А.Е.Пресняков. Княжое право в Древней Руси.

есть более удачные разъяснения. В.И.Сергеевич писал: «В памятниках древнего русского права нет указаний на существование у нас особого обряда примирения, но ст. 1 Русской Правды говорит о мести и выкупе альтернативно и предоставляет обиженному выбор. Выражение «аще не будет кто мстыя, то 40 гривен за голову» надо понимать не в том смысле, что выкуп берут, когда некому мстить. Если некому мстить, то и выкуп платить некому. Это выражение значит: выкуп платится в том случае, когда нет желающих мстить».¹ Недавно Л.В.Черепнин решал вопрос путем компромисса. «В статье, - говорит он, - речь идет о мести за убийство и ее замене (в случае отсутствия лиц, имеющих право мстить или нежелающих своим правом воспользоваться) сорокагривенным штрафом».² Нас нимало не волнуют длинные дебаты исследователей Правды об истории текста ст. 1 Древнейшей Правды: вышла ли она сразу в том варианте, какой нам известен по списку Краткой Правды³, или же посредством вставок собиралась в несколько приемов.⁴ Важно то, что ее нормы - это отражение не случайно подобранных казусов, а компактная аранжировка ситуаций, логически спаянных друг с другом. Статья распадается на две части: 1) «оубьеть моужь мо-ужа... то 40 гривенъ за голову»; 2) «аще боудеть роусинь... то 40 гривенъ положите за нь». В первой части наличие мстителей подразумевается безусловно. Но с самого начала преду-

СПб., 1909, стр. 255; А.А.Зимин. Феодальная государственность и Русская Правда. «Исторические записки», т.76, 1965, стр. 231, 256, 257.

¹ В.И.Сергеевич. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1894, стр. 228.

² Л.В.Черепнин. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская правда. В кн.: А.П.Новосельцев (и др.). Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, стр. 133.

³ М.Н.Тихомиров. Исследование о Русской Правде, стр. 49.

⁴ Л.В.Черепнин. Общественно-политические отношения..., А.П.Новосельцев (и др.). Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, стр. 133-134.

сматривается, что инцидент исчерпывается двояко: либо реализацией принципа кровной мести, либо компенсацией родственникам убитого, т.е. полнободно. И кровная месть, и дары, ее предупреждающие, - явления старого порядка, традиции которого, как мы заметили, теряются в сумраке родового строя. Значит, выражение «аще не боудеть кто мстыя» указывает, что мстители есть, но они предпочли покончить дело добром, удовлетворившись сорокагривенным искуплением.² Таким образом, отпадает необходимость предположения об отсутствии мстителей или о нежелании их воспользоваться своим правом. Вторая часть статьи рубит гордые узел смаху: за людей, лишенных широкой поддержки и защиты родичей, платить 40 гривен, и делу конец.

Пространная Правда повторяет статью первую Древнейшей Правды в измененной и расширенной редакции: «Аже оубиеть мужь мужа, то мстыти брату брата, любо отцю, ли сыну, любо братучадо, ли братню сынови; аще ли не будет кто его мстыя, то положити за голову 80 гривенъ; аче будеть княжь моужь или тиюна княжа, аще ли будеть русинь, или гридь, любо купецъ, любо тивунъ боярескъ, любо мечникъ, любо изгой, ли словенинь, то 40 гривенъ положити на нь». С точки зрения построения ст.1 Пространной Правды никаких новшеств не вносит: так же, как и в Краткой редакции, ст. 1

¹ Ср.: Н.А.Максимейко. Мнимые архаизмы уголовного права Русской Правды. «Вестник права», 1905, № 4 - 5; Его же. Опыт критического исследования Русской Правды, вып. I. Харьков, 1914, стр. 54 - 55, 81 - 83.

² Б.Д.Греков признавал необязательность мести и возможность заменить ее выкупом, но рассматривал этот порядок как новое явление - показатель разложения родовых связей (Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 68). В последнем он, конечно, был неправ. Ближе всего к истине приблизился В.Ф.Инкин. Но он несколько усложнил дело, считая, что за фразой «аще не будет кто мстыя» скрывались и родичи женского пола, и отсутствующие мстители, и те, кто согласился на композицию (В.Ф.Инкин. Ноеі матер!а-ли..., стр. 89, 96).

³ Правда Русская, т. I, стр. 104.

Пространной кончается словами о размере компенсации за убийство. Если эти слова Пространной Правды («то положите! за голову 80 гривен») отнести к мужу княжому и тиуну княже-1скому, то фраза об убийстве мужа мужем предстанет искусственно урезанной, так как в ней окажется опущенным установление о денежном вознаграждении, чем утверждается исключительное значение кровной мести. Но это далеко не так, ибо уже в ст. 1 Краткой Правды мирно уживается и тот и другой принцип. В доказательство выше сказанному необходимо обратить внимание на функционирование в тексте личностного местоимения «его», которое употреблено вместо названия лица предшествующего контекста («оубиеть мужь мужа»), а не последующего («аче будет князь моужь или тиюна княжа»), так как вряд ли может в предложении личное местоимение фигурировать раньше, чем существительное, — название лица, им замененное. Далее, вторая часть статьи построена аналогично в обеих редакциях; одинаково выглядят придаточные условия, состоящие из двух частей: в Краткой «аче боудеть роусинь... любо мечникъ» — «аче изьгой... любо словенинь»; в Пространной «аче будет князь моужь или тиюна княжа» — «аче ли будет русин... ли словенинь». Кроме всего, «придаточное предложение условия (в древнерусском языке, — И.Ф.), как правило, стоит в препозиции к главному предложению».¹ Это правило будет нарушено, ежели фразу «аче боудеть князь моужь или тиюна княжа» отнести к предваряющему повествованию. Значит, 80 гривен нужно связывать не с мужем княжеским и тиуном, как это делают переводчики и комментаторы Русской Правды,² а со словом «муж» по образцу ст. 1

¹ В.И.Борковский, П.С.Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1963, стр. 484.

² Правда Русская, т. II. Комментарии. М.-Л., 1947, стр. 241 — 244; М.Н.Тихомиров. Пособие для изучения Русской Правды, стр. 87; ПРП, вып. 1, стр. 121.

Краткой Правды. Тогда вид ее будет следующий: «Если убьет человек человека, то мстит брат за брата, либо отец, либо сын, либо двоюродный брат, либо племянник; если никто не будет мстить за него, то положить за убитого 80 гривен; если будет княжий муж или тиун княжеский, если будет русин, гридин, купец, либо боярский тиун, либо мечник, либо изгой, или словенин, то положить 40 гривен». Отличие данного вида от общепринятого заключается на первый взгляд в малом — расстановке знаков препинания. Но по-иному расставленные знаки ведут к более глубокому расхождению в прочтении ст. 1 Пространной Правды.¹

До сих пор мы не затрагивали вопроса, насколько актуальной была рассматриваемая статья во времена создания и действия Пространной редакции Русской Правды. И тут вспоминается ремарка кодификатора: «По Ярославе же паки совоку-пившеся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодь и мужи ихъ: Косняченко, Перенег, Никифор и отложиша оубиение за голову, но кунами ся выкупати; а ино все яко же Ярославъ судил, такоже и сынове его оуставиша».² Подавляющее большинство исследователей Русской Правды на основании цитированных строк приходят к выводу о том, что законодательство Ярославичей отменило кровную месть, заменив ее выкупом, т.е. вознаграждением деньгами.³ В.И.Сергеевич нашел малоудовлетворительным такое толкование. Но то, что предложил он, тоже нельзя назвать неоспоримым. Под «убиением

¹ Правильное чтение, хотя и сокращенное, имеется, на наш взгляд, в Толстовском виде Русской Правды: «Аще убьет муж мужа, то мстити брату брата, либо отцу, либо сыну; оже ли не будет кто его мстя, то положити за голову 80 гривен, либо разсудити по муже смотря» (Правда Русская, т. I, стр. 269).

² Правда Русская, т. I, стр. 104.

³ Правда Русская, т. II, стр. 246 — 254; С.В.Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства, стр. 486; М.Н.Тихомиров. Пособие..., стр. 88; А.А.Зимин. Феодалная государственность..., стр. 254 - 260.

за голову» В.И.Сергеевич понимал «не мечь, а смертную казнь, введенную под влиянием византийского законодательства»,¹ почему Ярославичи и не помышляли отменять кровную мечь, а отложили казнь, присуждая выкуп.² Одолевали сомнения и М.С.Грушевского, который, отметив лояльное отношение Пространной Правды к мести за удар, указал, что она «ничем не ограничивает результатов этого удара мечом, хотя бы от такого удара приключилась смерть; где же логика, за убийство нельзя убить, а за удар можно?»³ Н.А.Максимейко версия об отмене кровной мести сыновьями Ярослава казалась легендой. Мечь, соответственно его взгляду, — родовое понятие, отчего убийство «могло быть только одним из частных проявлений мести. Следовательно, отменить убийство за голову не значит отменить мечь... если бы мечь была отменена Ярославичами, то мы бы, наверное, нашли этот закон в сборнике, содержащем их уставы. Это был акт величайшей важности, который имел больше прав на запись и внимание, чем постановление о краже гуся, курицы и т.п. Сходные мысли развивал впоследствии Б.А.Романов.⁵ Действительно, наличие в Пространной Правде статьи о кровной мести — факт сам по себе в высшей мере примечательный. Выносить на страницы

¹ В.И.Сергеевич. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1894, стр. 229.

² Там же.

³ М.С.Грушевский. История Украс! — Руси, т. III. Львов, 1906, стр. 362 (прим.).

⁴ Н.А.Максимейко. Опыт критического исследования Русской Правды, вып. 1. Харьков, 1914, стр. 54 — 55.

⁵ Правда Русская. Учебное пособие. М.-Л., 1940, стр. 56 — 57. Среди позднейших историков попытку объяснить эту загадку Русской Правды предпринял В.Ф.Инкин. «Отложиша убийство за голову, но кунами ся выкупати» он понимает не как отмену кровной мести, а как установление штрафа за совершенную мечь и отмену «того порядка, когда «убийство за голову» было нормой права и не влекло за собой уголовных последствий». В.Ф.Инкин. Нов! матер!али ..., стр. 95.

законодательного сборника предписания, потерявшие всякое реальное значение, было бы полнейшей бессмыслицей. А.А.Зимин напоминание о кровной мести в Пространной Правде объяснил спецификой технических приемов составителя: «Отмена кровной мести прокламировалась в статье 2 Пр.Пр., а предшествующая статья оставлена была княжичами в основном в том виде, как она существовала ранее, хотя содержащаяся в ней форма о "мести" уже была анахронизмом ("еще не будет кто мстя" и "мстити"). Такой прием изложения нововведений характерен для кодификатора древнерусского права (ср. ст. 65, где сначала говорится о том, что было при Ярославе, а затем об "установлениях" княжичей)».¹ Сложность, однако, заключается в том, что ст. 1 Пространной Правды — это не копия ст. 1 Краткой Правды, а ее развитие; она содержит узаконения, чуждые Правде Ярослава. На примере ст. 1 Пространной Правды мы наблюдаем совершенствование законодательства, почему А.А.Зимин и признал, что «не вся ст. 1 потеряла свою силу. В противном случае все те изменения, которые законодатель произвел в ней (по сравнению со ст. 1 Кр. Пр.), были бы по меньшей мере, странны. Начало статьи ("аже убьет... братню сынови") не содержит чего-либо существенно нового. Правда, вместо устаревшего счета по материнской линии ("сестрину сынови") появилось более соответствующее новым условиям "братню сынови". Несколько неожиданно 40 гривен "за голову" статьи 1 Кр. Пр. заменяются 80-гривенной виной за убийство "княжа мужа" и "тиуна княжа". Это изменение сделано на основании ст.ст. 19—22 Кр.Пр. с той разницей, что вместо новгородского огнищанина мы находим киевского княжьего тиуна. Последняя часть ст. 1 оставлена почти без изменений». О заключительной части ст. 1 Пространной Правды можно сказать больше. Среди уже из-

¹ А.А.Зимин. Феодальная государственность..., стр. 256.

² Там же, стр. 256.

вестных нам по Древнейшей Правде лиц, ограждаемых сорокагривенным штрафом, тут стоит «тивун бояреск». В появлении боярского тиуна А.Е.Пресняков тонко почувствовал «слабо выраженный, но тем более ценный намек на усвоение черт княжого права и княжого быта средой бояр...»¹

Выход нового персонажа на авансцену законодательной жизни — надежное свидетельство реального смысла и значения установлений, посвященных ему. Так «тивун бояреск» помогает понять, что последняя часть ст. 1 Пространной Правды так же не потеряла силу, как и закон о безопасности «княжа мужа» и «тиуна княжа». Следовательно, ст. 1 со слов «аще ли не будеть кто его мстыя» является действующим постановлением. Но если это так, то статья 1 Пространной Правды — удивительное сочетание действующих норм и омертвелых архаизмов. Не странно ли? К числу пережитков относится, по А.А.Зимину, все, заключенное в словах «аже убьет... братню сынови». Затем начинаются нововведения: «княж муж», «тиуна княжа», 80 гривен «за голову» в качестве виры, а не прежнего головничества. Сомнения в том, воплощают ли эти нововведения живую ткань юридической практики, быть, таким образом, не может. Вот итог самого А.А.Зимина: «Итак, если в Краткой Правде первые 40 гривен означали головщину, шедшую общине за убийство "мужа" в случае отсутствия мстителя, то теперь они заменены были двойной вирой за убийство высшего члена дружины; жизнь низших дружинников оставалась защищенной тем же штрафом, что и общинника. Таким образом, ст. 1 Пр. Пр. стала говорить лишь о вире, являясь в этих пределах действующим законом».² Вот тут-то мы и заметим, что фраза «аще ли не будеть кто его мстыя» приурочена к 80-гривенной голове, олицетворяющей действующее право. Спрашивается, где же отмена кровной мести, где

же ликвидация «убиения за голову»? Если отмена мести не состоялась, то право «мстити» остается в силе. Чтобы спасти положение, 80 гривен нужно привязать к предшествующему предложению. Но тогда всплывает новое затруднение: первая часть статьи приобретает по сравнению с первой статьей Древнейшей Правды существенно новые санкции — восьми-десятигривенный штраф вместо сорокагривенного. Куда бы, таким образом, мы ни перебрасывали 80 гривен и выражение «аще ли не будеть кто его мстыя», результат один: спорность построения о падении кровной мести.

Обращаясь ко второй статье Пр.Пр., видим, как составитель, повествуя об отмене «убиения за голову», пользуется формой глагола «отложиша» (аористная форма). Казалось бы, автор должен был особо подчеркнуть, что месть «отложена» раз и навсегда. Для безусловного выражения такого значения удачнее было бы употребить не аористную, а перфектную форму («отложили»), так как только эта форма способна выразить в древних славянских языках «момент, который нередко называют "результативным" или "перфективным"... момент актуальности последствий действия для более позднего временного плана»,¹ способна акцентировать наличие «этого результата самой грамматической формой».² Аористной же формой «отложиша» назван лишь факт отмены; закрепились ли отмена в более позднее время, форма «отложиша» не показывает, что еще раз позволяет сомневаться в отмене кровной мести как привившейся к жизни мере.

Если сопоставить ст.2 Пространной Правды со ст. 65, где встречаемся со сходным на первый взгляд явлением в области глагольных форм («судил —отложиша», «был уставил — уставиша»), то обнаруживаем следующее. В ст. 65 для констата-

¹ А.Е.Пресняков. Лекции по русской истории, т. I. М., 1938, стр. 225.

² А.А.Зимин. Феодальная государственность..., стр. 256.

¹ Ю.С.Маслов. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление). «Вопросы грамматики болгарского литературного языка». М., 1959, стр. 162.

² Там же, стр. 282.

ции случившегося при Ярославе употреблен глагол в форме плюсквамперфекта («был уставил»), называющий действие давнего установления, хронологически предшествующее всем остальным событиям высказывания.¹ Последствия такого действия существуют *до момента* нового действия позднего временного плана (в данном случае «уставиша»)² В ст. же 2 Пространной Правды перфектная форма «судил» называет действие, результат которого актуален и в момент «отложиша».³ Поэтому сходство ст. 2 и 65 мнимое, так как в последней «закон Ярослава» отменен, что подчеркнуто семантикой глагольной формы («был уставил» имеет следствие до момента «уставиша»), в то время как в ст. 2 последствия законодательной деятельности Ярослава («судил») вполне допустимы и в момент «уставиша». В ст. 65 такое значение подтверждается всем содержанием ее, где нет единого решения и допускается выборочный способ наказания («уставиша на куны, любо бити и розвязавше, любо ли взяти гривна кун за сором»). Итак, лингвистические наблюдения над ст. 2 Пространной редакции Русской Правды делают сомнительным утверждение о ликви-

¹См.: В.Вондрак. Древнецерковнославянский синтаксис. Казань, 1915, стр. 7; Е.С.Истрина. Синтаксические явления синодального списка Первой Новгородской летописи. Пг., 1923, стр. 125; С.Д.Никифоров. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI в. М., 1952, стр. 163.

² Аналогичное значение замечаем, например, в Синодальном списке НПЛ: «гръкы же и варягы изгнаша из града, иже бяху остали» (стр. 49); «и призваша и-Суждаля Судилу, Нежату, Страшка, оже беху бежали из Новгорода» (стр. 26); «а в Пльскове почали бяху грабити недобрии людие и двory в городе... и избиха их пльсковичи» (стр. 94) и др.

³Свойственны эти отношения и другим памятникам письменности: «мы же, елико нас хрестилися есмы, кляхомся церковью... (ПВЛ, ч. I, стр. 38); «тогда же зажоша двор Красный, его же поставил благоверный князь Всеволод» (там же, стр. 152); «Мстислав же приде на Волгу и поведаша ему, яко Олег вспятился к Ростову» (там же, стр. 169); «поведаша ему белозерцы, яко два кудесника избихи уже многы жена» (там же, стр. 117); «и разгневался на ты, оже то грабили Даньслава и Ноздрю» (НПЛ, стр. 21).

дации кровной мести Ярославичами.

В нравах людей второй половины XI в. кровная месть — рядовое событие, не стесняемое ни гражданской совестью, ни законом. «Старый» дружинник князя Святослава Ян Вышатич как личным «мировоззрением», так и кровавой расправой «нарочитой чади» над взбунтовавшимися волхвами-смердами, учиненной с его ведома, подтвердил живучесть мести и дал в распоряжение критиков легенды об упразднении ее сильный аргумент.¹

Совокупность доказательств, приведенных выше, убеждает в том, что падение кровной мести, приписываемое инициативе Ярославичей, не состоялось. Возможно, княжичи попытались кое-что предпринять в этом направлении, издав какое-то «установление», но реформа оказалась чересчур скороспелой и пришлось опять вернуться к старой политике, уступая закоренелым привычкам полуязыческой Руси; поэтому право кровной мести и вошло в состав Пространной Правды, но не без новшеств, так как прежние 40 гривен, поступавшие родственникам убитого при любовном исходе инцидента, заменены 80 гривнами.

Список родственников, обязанных мстить, по сравнению с Краткой Правдой не претерпел глубокой переделки в тексте Пространной редакции. Их состав по-прежнему олицетворяет большую семью.² Корни большой семьи еще не подрублены.

¹ См.: В.И.Сергеевич. Лекции и исследования..., стр. 230; Правда Русская. Учебн. пособие. М.-Л., 1940, стр. 56.

² Следует отметить, что термины родства, применявшиеся в Древней Руси, значительно более разнообразны и богаче, чем нынешние. (М.В.Крюков. Типы систем родства и их историческое соотношение. «Проблемы истории докапиталистических обществ», кн. 1. М., 1968, стр. 377). Обилие родственной терминологии говорит о большесемейном укладе нашей старины. П.А.Лавровский, рассматривая термины родства, действовавшие на Руси, пришел к выводу о том, что «полнота родственных терминов, которые приходится нам собирать отрывками, относится к самому полному развитию семейно-родовой жизни. В таком состоянии для членов в роде сама собой представлялась на-

Древняя Русь ни в коей мере не претендовала на исключительность своего быта. В современных ей соседних странах болынесемейный уклад—такое же ординарное явление. В средневековой Норвегии XI-XII вв. большие патриархальные семьи, вбиравшие в себя представителей трех поколений, встречаются сплошь и рядом.¹ Широко представлена большая семья и в Византии и византийских областях Южной Италии,³ в Болгарии,⁴ Хорватии.⁵ Болыпесемейные объединения превосходно известны варварским Правдам: письменная история застает их у алеманнов и баваров,⁶ бургун-

добность выделить из общего понятия «дядя» брата отца и брата матери; та же, конечно, надобность побуждала к более строгому определению племянников с племянницами, которые могли быть детьми братьев и сестер» (П.А.Лавровский. Коренное значение в названиях родства у славян. СПб., 1867, стр. 4).

¹ А.Я.Гуревич. Большая семья в Северо-Западной Норвегии..., стр. 76.

² А.П.Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII-XIV вв. М., 1952, стр. 74-76; Его же. Византийская община в IX-X вв. «УЗ Великолуцкого пед. ин-та», вып. 2, 1956, стр. 83-84; Его же. К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии VIII-X вв. «Византийский временник», X, 1956, стр. 50-51; Его же. Деревня и город в Византии IX-X вв. М., 1960, стр. 32-35 (См. также рецензию М.Я.Сюзюмова на книгу Кажда-на «Деревня и город» в «Византийском вестнике», XXI, 1962, стр. 212).

³ М.Л.Абрамсон. Крестьянство в византийских областях Южной Италии. «Византийский временник», VII, 1953, стр. 166-168.

⁴ Г.Г.Литаврин. Крестьянство Западной и Юго-Западной Болгарии в XI—XII вв. «УЗ Ин-та славяноведения АН СССР», т. XIV, 1956, стр. 230.

⁵ КХВ.Бромлей. Становление феодализма в Хорватии (К изучению процесса классообразования у славян). М., 1964, стр. 127-197; М.М.Фрейденберг. К истории общины на Балканах. «Византийский временник», XX3, 1962, стр. 198-209; Его же. «Новиградский сборник» как источник по социально-экономической истории Хорватии «Славянский архив». М., 1962, стр. 28-58.

⁶ А.И.Неусыхин. Структура общины в Южной и Юго-Западной Германии в VIII-XI вв. «Средние века», вып. IV, 1953, стр. 32 (прим.); Его же. К вопросу об эволюции форм семьи и земельного аллода у алеманнов в VI-IX вв. (в связи с толкованием термина «генеалогия»). «Средние века», вып. VIII, 1956, стр. 59-60, 65; Его же. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI-VIII вв. М., 1956, стр. 56, 58,

дов,¹ лангобардов,² саксов,³ салических франков.

В Русской Правде обеих редакций статья о кровной мести начинает перечислять мстителей с брата и только за ним идут сын с отцом. Исследователи Правды не обращают внимания на эту особенность. Но случайна ли она? Едва ли. В те времена право мести было тесно связано с правом получать долю вергельда и обязанностью платить его при случае, а также с порядком наследования. Выдвигая на первый план брата, а не сына, не говорит ли тем самым Правда о принципе старейшинства, характерном для большой семьи типа задруги. Об устойчивости традиции, предпочитающей брата сыну, можно судить по духовной Климента, который после росписи вклада в Юрьев монастырь восклицает, адресуясь к игумену Варлаа-му: «А ты, Варламе, исправи, того дея написах, зань да не было у мене брата, ни сыну».⁵ Преимущества брата нужно рассматривать как отражение патриархальных правил наследования, пропитанных родовыми принципами.⁶

Русская Правда имеет еще одну деталь, заслуживающую внимания. Из статей Пространной Правды, устанавливающих порядок наследования, явствует, что до смерти отца взрослые сыновья жили одной семьей с родителями.⁷ В современной этнографической литературе подобные семьи именуются неразделенными, относящимися к переходной форме от больших семейных организаций к малым.

328-330; Его же. Судьбы свободного крестьянства в Германии VIII-XII вв. М., 1964, стр. 125.

¹ А.И.Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства..., стр. 285-287.

² Там же, стр. 233.

³ Там же, стр. 155.

⁴ Там же, стр. 76, 77.

⁵ Грамоты В.Н. и П., № 105, стр. 163.

⁶ Л.Морган. Древнее общество, стр. 325.

⁷ Правда Русская, т. I, стр. 114-116.

⁸ Н.А.Кисляков. Очерки..., стр. 20-21; Я.О.Винников. Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР. М., 1969, стр. 228.

Приведенный нами материал показывает чрезвычайную сложность семейных связей в Древней Руси. Формы семьи в ту пору варьировались от большесемейных союзов до малой семьи, отрицать вообще существование которой было бы безрассудно. Но контуры последней источниками очерчены столь невыразительно, что мы можем с полным основанием отклонить утверждение Б.Д.Грекова о доминирующей роли индивидуальной семьи на Руси XI — XII вв.¹ И если Я.Н.Щапову роль большой семьи в древнерусском обществе рисуется не вполне ясной,² то нам обстановка представляется достаточно определенной: большие семьи вместе с переходными своими формами (неразделенные семьи) являлись наиболее распространенными в Киевской Руси.

Обломки большой семьи поздние памятники регистрируют нередко. Вот некоторые данные о совместном владении земельными угодьями как прямых, так и боковых родственников, относящиеся к XIV — XV вв. Согласно купчей Спасского Ковалева монастыря, «Прокуй с сыном своим с Ористом и с Михаилом, и з братаном своим Павлом» продает земли, пожни и «островы».⁴ В другой купчей середины XV в. читаем: «Се купи Зиновеи Харитонович у Семена и Павлова и у его брата у Григорья у Клименьтеева землю юрьмольскую Вильятово орамицю, и з краины, и с притеребы».⁵ Ясно, что землю продают неродные братья. А Семен и Александр «Клобучковы дети» купили «у Пантелеевых детей, у Костянтина, и у Исая, и у Федосова сына Ивана землю юрьмольскую с притеребом в

¹ Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 87.

² Я.Н.Щапов. Брак и семья в Древней Руси. «Вопросы истории», 1970, № 10, стр. 216.

³ Уместно здесь вспомнить указание В.И.Ленина о том, что «мелкие семьи сделались господствующими только при буржуазном режиме...» — В.И.Ленин. Полн.собр.соч., т. 1, стр. 153 (прим.).

⁴ Грамоты В.Н. и П., № 121, стр. 178.

⁵ Там же, № 195, стр. 228.

нижнем кону...»¹ Иван сын Федосов не был посторонним для «Пантелеевых детей», это засвидетельствовано последней фразой купчей: «А у печати стоял в братьи своей место Костянтин».² Или: «Се куписе Филипе поп у Хомя и у брата его у Микифира и у стрянчицех их у Якова землю, очину их на Камне и под Игиною горою и дедину их, и у попеня, и дворище, и вода в реке. А куда ходил Хома и брате его Микифора и строициц их Якове, тута ходити Филипу попу водерень». Стало быть, продавцами выступают братья «Хома и Микифор», а также их двоюродный брат — «строициц (стрыичичь)» Яков.⁴ В «обряжении» крупного собственника Остафия Ананьевича сказано: «А что отцына моя и дедина на Ловоти, земля и вода, и пожне, и лесы, в Ходыни, и в Дроздине и в Селской луке, по володенью отца моего и дяди моего, и по нашему володенью мне з братом своим з Григорьем на пол, а моя половина сыну моему чиста. А что отцына и дедина моя, земля и вода за Волоком в Шенкурье, а в той земле мне з братом з Григорьем половина и в лесе, и в озерах, и в речках, и в ловищах, по володенью отца моего и дяди моего. Что прикупле отца моего, а то сыну моему чыста по купным грамотам и по володенью отца моего».⁵ Видимо, Григорий доводился Остафию неродным братом, так как в противном случае непонятно, почему «володенье» отца и дяди, т.е. отчина и дедина, противопоставлено «прикупле», свершенной отцом Остафия. Дальше узнаем: «А что отцына наша на Кокшенском погосте, земля и вода, и лес, а в том мне с своим братом з Григорьем и з дядею с Семеном половина...».⁶ Итак, перед нами совладельцы,

¹ Там же, № 272, стр. 274.

² Там же.

³ Там же, № 342, стр. 328 - 329.

⁴ См.: В.Даль. Толковый словарь живого Великорусского языка. Т. IV. М., 1956, стр. 344.

⁵ Грамоты В.Н. и П., № 110, стр. 166.

⁶ Там же.

являющиеся боковыми родичами. В одной раздельной грамоте XV в. констатировано: «Се розделиша промеж себе по любви Василеи Федорович з братом своим с Васильем Степановичем отчину и дедину, землю и села».¹ Потом говорится о том, что некоторые села «досташетца Василью Степановичи) от дяди от своего в отдел».² В купчей Дмитрия Алферьевича состав родственников столь же характерен: «Се купи Дмитрие Олуферьевич у Давыда у Сидорова, и у Евсея у Сидорова, и у Поташа и у Григорья у Мандаровых детей, и у Пянтелея в Омо-сова сына тоню на Летной стороне половину Лошпенге».³ Степень родственных отношений поясняют заключительные слова грамоты: «А у печати стоял Поташь в дядь своих место и в братьи своей место». Аналогичная ситуация в купчей Федора Макарова: «Се купил Федор Макаров у Луквияна у Васильева сына и у его братних детей у Григорья, и у Силивест-ра, и у Ивана у Степановых детей село земли на Лодми...»⁴ Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что только в рамках большой семьи практика наследования могла наряду и наравне с понятием «отчины и дедины» выработать термин «дядевщи-на».⁵

Источники довольно часто упоминают братьев-совладельцев: «Се купи Окынфо, и Еван, и Марке, и Федоре у Жирятиничей у Гошкуя, и у Якова, и у Бориса, и ув Ыгната Разуваев острова, у Пикинчие земли»; «се купи Мартемьян и его братья у Местиле и у его братьи у Ивана Вежища, отчину ево, вечно себе одерень и своей братьи»;⁷ «се купи поп Максим Иониничь у Семеновых детей у Левонтья и у Ивана на

¹ Там же, № 278, стр. 277.

² Там же, стр. 278.

³ Там же, № 189, стр. 224 – 225

⁴ Там же, № 199, стр. 230 – 231

⁵ Там же, №122, стр. 179.

⁶ Там же, № 106, стр. 163.

⁷ Там же, № 131, стр. 187.

Летной сторони тони...»;¹ «се купи Иван Петрович у Ивана, и у Бориса, и у Савастияна, и у Фомы у Кириловых детей на Лодме половину села, вотчину их»;² «се купи поп Максим Ивонин сын у Нефедевых детей у Бориса и в Одряна и у Парфения оцину и дедину их...»;³ «се купил Дмитре Яколь у Ильиных детей у Семена, и у Дементя, и у Филикса, и у Федора, и у Ивана лоскут земли орамой на Вильютови, отчину них».⁴ Эти примеры легко продолжить.⁵

«Отчина и дедина» — наследственное владение, своеобразная «племенщина» южных славян или норвежской «одаль». Поэтому отчуждение ее обставлено ограничениями, к числу которых принадлежит право выкупа и преимущественной покупки «отчины и дедины» родственниками. «Се срядися, — читаем в рядной грамоте начала XV в., — Василии Федорове и его дети, и его братане Олексадрове дети, Мартемьяне, и Иване, и Ондряне, и Якове с посадником с новгородским с Ываном с Даниловицом про учясток дяде своего, про Ондреев, что купил посадник Иван Даниловиць у игумена святого Спаса и у всих церенцев учясток Ондреев, дяде их...». В купчей Якова Ивановича и Ивана Андреева находим: «Се купи Яков Иванович у Юрья у Григорьева и братане его Иване Ондреев сын село Коидокурьи, отчину свою...».⁷ По оформлении закладной на землю право выкупа существовало независимо от срока за-

¹ Там же, №136, стр. 190.

² Там же, № 187, стр. 223.

³ Там же, № 203, стр. 233.

⁴ Там же, № 228, стр. 249.

⁵ Там же, № 247, стр. 260; № 268, стр. 272; № 269, стр. 272; № 270, стр. 273; № 286, стр. 288; № 296, стр. 294. См. также: Л.М.Марасинова. Новые псковские грамоты XIV — XV веков. Изд. МГУ, 1966, № 7, стр. 51; № 25, стр. 63; Л.В.Данилова. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV — XV вв. М., 1955, стр. 265.

⁶ Грамоты В.Н. и П., № 130, стр. 186.

⁷ Там же, №267, стр. 271.

клада: «Се заложи Сбросим и Лаврентеи Васильевы дети село земли на Лодми, отчину свою, Федору Макарову и его детем. Взяли есмя 20 сорок белке, а заложили есмя на 5 год. А изойдет 5 год, ино Обросиму и Лаврентью отчину свою выкупи-ти своими кунами. А не будет в Обросима и Лаврентья кун своих, ино им в людей кун не имати, по праву слова и по хресному челованию и по святого Спаса обету. А Федору Макарову и его детем на Обросима и на Лаврентья и на детей в кунах не наступати. А в тих кунах оцтина их до кун».¹ Продажа отчины, сопровождаемая сакраментальным выражением «купи себе одерень», не означала безвозвратную ее утрату. Право выкупа иногда сохранялось и на этот раз: «Се выкупи Онъдрн Левонтьевич ув Омоса у Микулина тоню на Летной стороны, отчину свою, межю Лахтою и Онескими тоняме, из дерну и з дерной грамотою»² Инок Чухченемского монастыря Григорий продал обители свое село «в веки». Но это отнюдь не мешало его родственникам то «проданье подвигивати». Нужно было лишь вернуть братии полученную Григорием сумму.

Родичи озабоченно следили за сделками, отрывавшими родовую землю на сторону. «А боле Жиритяничямо ненадобе у Пикиниче земли, увидаются Гошкой, и Яково, и Борис сами с своим племенем», — говорится в известной нам уже купчей. Предполагалось, что в продажу шли «очищенные» от притязаний родственников угодья.

Стремясь воспрепятствовать распылению родовых земель, «отчичи» спешили покупать их сами друг у друга: «се купи Матфеи Левонтьевич у Василья у братана у своего у Марту-

¹ Там же, № 196, стр. 228 - 229.

² Грамоты В.Н. и П., № 139, стр. 192.

³ Там же, № 155, стр. 202.

⁴ Там же, № 106, стр. 163.

⁵ Состав родственников описал тот же схимник Григорий — это братья, дочери, внучата, зятья, т.е. представители большой семьи (См.: Грамоты В.Н. и П., № 155, стр. 202; Л.В.Данилова. Очерки..., стр. 267).

шова сына землю, отчины его участок»;¹ «се купи Есиф село у брата своего у Игната Станиинское»;² «се купил Родивон Тимофеевиц у своего брата у Сидора лоскут земли на юрмоли орамои»;³ «се купил Филипеи Семеновиц у Ульяне, у своей жены, и у ее у зятя у Нафлока и у его жены Марьи землю Сенькинскую на Икшине острове»;⁴ «се купи Васильи Васильевич у Василья, у свояка своего, и у Марьи у свести свое, на Лодми село: двор и дворище, орамые земли, и пожни, и ловища, и путики, и полешии лесы, чим володел Олуферьи, тесть наш, и его зять Васильи, что се достало Олуферью от брата от Василья в тъдели, с притерьбы»;⁵ «се купи Иване Сменове у шурья своей и поповых детей у Нестеровых у Рабыновых у Ивана и у Василья селе в Коидокурьи, отчину их»;⁶ и т.п.⁷ Семейный союз спланивало так называемое владение «вопче».⁸ Но тяга к разделам проявлялась все сильнее, и земельные владения дробились на участки, доли, образуя новые формы собственности, обстоятельно исследованные Л.В.Даниловой, А.И.Копаневым, Н.Е.Носовым, А.Л.Шапино и другими.⁹

Грамоты В.Н. и П., № 159, стр. 205.

² Там же, № 224, стр. 247.

³ Там же, № 229, стр. 250.

⁴ Там же, № 249, стр. 261.

⁵ Там же, № 163, стр. 207.

⁶ Там же, № 266, стр. 271.

⁷ Особенно замечательны следующие строки: «А сведе бог смерть Василью Федорову, а не буде отрода или буде не до земли, ино ему земли своей мимо братана своего Василья Степанова ни менять, ни продавать, ни приказывать. А сведе бог смерть Василью Степанову, а не буде у него отрода или буде не до земли, ино ему земли своей мимо дяди своего Василья Федорови ни менять, ни продавать, ни приказывать» (Там же, № 278, стр. 278). Во всем этом нельзя не видеть права преимущественной покупки родственниками родовых земель.

⁸ Там же, № 111, стр. 170; № 122, стр. 180; № 278, стр. 278 и др.

⁹ Л.В.Данилова. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV-XV вв. М, 1955; А.И.Копанев. К вопросу о структуре землевладения на Двине в XV-XVI вв. «Вопросы аграрной истории». Вологда, 1968; Его же. Крестьянское землевладение Подвинья до 60-х го-

Известия, почерпнутые из памятников XIV — XV вв., обладают внушительной ретроспективной силой, поскольку упоминают явления, восходящие генетически к первобытным временам. И если эти памятники говорят о большесемейном строе в обычном, будничном тоне, то тем больше оснований экстраполировать поставляемые ими данные на Киевскую Русь.¹

Большие семьи были результатом распада патриархальных родов. Вот почему, высказываясь о преобладающей роли больших семей на Руси XI — XII вв., мы тем самым утверждаем, что древнерусское общество обозначенной поры с родовым строем как таковым покончило. О том же свидетельствует факт появления городов на Руси: «В их рвах зияет могила родового строя, а их башни достигают уже цивилизации».²

дов XVI в. «Тезисы докладов и сообщений XIII сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы». М., 1971; Н.Е.Носов. Опыт генеалогических изысканий по истории зарождения крестьянских торгово-промышленных капиталов в России. «Вспомогательные исторические дисциплины», вып. 1. Л., 1968; Его же. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969, стр. 240 — 284; Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI вв. Л., 1971.

¹ Большая семья была очень живучей. В России она продержалась до XIX столетия, показав тем свою исключительную стойкость и экономическую целесообразность; даже в XIX в. преимущества большой семьи как производственного коллектива обращали на себя внимание современников. (См.: Н.Стремухов. Мысли о возможности улучшения сельского хозяйства в России, основанные на природе человеческой и на древних российских обычаях. «Земледельческий журнал», XXI, 1829; Д.Самоковасов. Семейная община в Курском уезде. «Зап. Русск. географ. об-ва по отд. этнографии», т. 8. СПб., 1878).

² К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 21, стр. 164.

IV. Исторические предпосылки и причины возникновения городов на Руси.

Древнерусский город давно находится в центре внимания отечественной историографии. Еще М.Т.Каченовский увидел в городах Древней Руси и сопряженной с ними торговле неоспоримое свидетельство отступления феодальной анархии перед «средним» классом, водворявшим гражданский порядок в феодальном хаосе. Поистине системосозидающее значение приобрели города в построениях творца городской теории происхождения Древнерусского государства В.О.Ключевского, который, в отличие от М.Т.Каченовского, воспринимавшего город как средоточие муниципальных прав и преимуществ, антифеодальных по своему существу, вывел города с тянувшими к ним торгово-промышленными округами на смену племенных и родовых союзов.² Показателем глубокого интереса к истории древнерусского города у дореволюционных авторов служит появление специального монографического исследования на данную тему, принадлежащего Д.Я.Самоковасову.³

Не пропал интерес к городам Древней Руси и в советское время. Проникнуть в тайну зарождения городов, создать более или менее отчетливую картину их ранней истории без соответствующих археологических сведений невозможно. Поэтому многое зависело от археологов. До тех пор, пока в руках исследователей не собралась необходимая сумма археологических данных, изучение городов осуществлялось главным образом в плоскости социально-политической, а если речь и заводилась о социально-экономических процессах, то примени-

¹ С.Н.Валк. Страничка из истории древнерусского города. В кн.: Города феодальной России. М., 1966, стр. 80 — 82.

² В.О.Ключевский. Боярская Дума Древней Руси. Пг., 1919, стр. 21 — 22; Его же. Соч., т. I. М., 1956, стр. 127 - 128.

³ Д.Я.Самоковасов. Древние города России. СПб., 1873.

тельно к более позднему периоду, чем ко времени возникновения городских поселений. Но уже в начале 30-х годов археологи стремятся воссоздать явления, связанные с происхождением русского города.² Тем не менее накопление археологического материала шло значительной медленнее, чем хотелось бы. И еще в 1944 г. Б.Д.Греков, касаясь проблемы города, замечал: «Вопрос этот крайне запутан. Письменные источники не дают на него прямого ответа, а археология еще не успела собрать достаточного количества материала. Загадка происхождения русских городов не разрешена и сейчас».³ Четыре года спустя Б.А.Рыбаков писал примерно то же: «Пути создания русских городов были различны. К сожалению, ранняя история их совершенно не исследована, да и самый основной источник — городище — надлежащим образом не изучен».⁴

Сейчас обстановка в науке более отрадная. В определении понятия «город» у наших историков нет разногласий: все единодушно называют города центрами ремесла и торговли.⁵ Ко-

¹ См.: Д.А.Ширина. Изучение русского феодального города в советской исторической науке 1917 — начала 1930-х годов. «Исторические записки», т. 86, 1970.

² А.В.Арциховский. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 11 — 12; В.И.Равдоникас. О возникновении феодализма в лесной полосе Восточной Европы в свете археологических данных. «Изв. ГАИМК», вып. 103, М.-Л., 1934.

³ Б.Д.Греков. Культура Киевской Руси. М.-Л., 1944, стр. 20.

⁴ Б.А.Рыбаков. Ремесло Древней Руси. Изд. АН СССР, 1948, стр. 97.

⁵ С.В.Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.-Л., 1939, стр. 22; Б.Д.Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 98; Н.Н.Воронин. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города. «КСИИМК», вып. XI, 1951, стр. 8-9; М.Н.Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 12; Д.А.Авдусин. Возникновение Смоленска. Смоленск, 1957, стр. 11; Н.Н.Воронин. П.А.Раппопорт. Археологическое изучение древнерусского города. «КСИА», вып. 96, 1963, стр. 15; М.Г.Рабинович. Из истории городских поселений восточных славян. В кн.: История, культура, фольклор и этнография славянских народов. М., 1968, стр. 131.

ренным признаком социально-экономического существа города является наличие посада, без которого нет подлинного города.¹ Советские историки не ограничиваются характеристикой городских поселений в смысле торгово-ремесленных центров, они идут дальше, стараясь уяснить специфические условия возникновения городов. И тут получается, будто города — детище формировавшегося на Руси феодализма.² Выходит так, что древнерусский город, будучи торгово-ремесленным пунктом, стал возможен лишь в обстановке классового общества, которое на Руси с изначала было феодальным. Это положение в отточенном виде сформулировано М.Н.Тихомировым — автором монографического исследования о древнерусских городах. Он утверждал: «Настоящей силой, вызвавшей к жизни русские города, было развитие земледелия и ремесла в области экономики, развитие феодализма — в области общественных отношений».³ А.Л.Хорошкевич, подводя итоги изучению в отечественной историографии городов XI — первой половины XVII в., нашла, что этим М.Н.Тихомиров впервые внес ясность «в один из самых сложных и запутанных в буржуазной историографии вопросов, правильно определил социально-экономические причины возникновения древнерусских городов».⁴ Данное заявление А.Л.Хорошкевич отражает отношение наших специалистов к соображениям М.Н.Тихомирова.

¹ А.М.Сахаров. Города Северо-Восточной Руси XIV — XV вв. М., 1959, стр. 11; В.К.Яцунский. Некоторые вопросы методики изучения истории феодального города в России. В кн.: Города феодальной России. М., 1966, стр. 84, 89.

² В.И.Равдоникас. О возникновении феодализма..., стр. 105; Б.Д.Греков. Киевская Русь. М., 1953, стр. 100, 106; Н.Н.Воронин. К итогам и задачам..., стр. 14; П.А.Раппопорт. О типологии древнерусских поселений. «КСИА», вып. ПО, 1967, стр. 8; М.Г.Рабинович. Из истории..., стр. 131.

³ М.Н.Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 64.

⁴ А.Л.Хорошкевич. Основные итоги изучения городов XI — первой половины XVII в. В кн.: Города феодальной России. М., 1956, стр. 4.

Недаром глава советской школы историков Киевской Руси Б.Д.Греков принял рассуждения его без какого бы то ни было изъятия.¹ И если сейчас раздаются критические голоса в адрес М.Н.Тихомирова, то они нацелены на уточнение количества древнейших русских городов и не подвергают сомнению его определение причин, вызвавших их возникновение.² Надо иметь в виду, что выход на историческую арену феодализма и городов М.Н.Тихомиров изображал не последовательно, а параллельно. Он писал: «Рост этих крупнейших русских городов (Киева, Чернигова, Полоцка, Пскова, Смоленска и Новгорода. — И.Ф.), развитие в них ремесла и торговли происходит в IX — X вв., т.е. одновременно с усиленной феодализацией Древней Руси».³

Тезис о городах как центрах ремесла и торговли вряд ли кем всерьез может быть оспорен. И все же мы не разделяем утверждения А.Л.Хорошкевич по поводу ясности и справедливости основных положений М.Н.Тихомирова, устанавливающего причины появления древнерусских городов.⁴ Достаточно сказать, что даже Б.Д.Грекову, с большим сочувствием относившемуся к его идеям, не все было одинаково понятно. Так, он замечал, что отдельные мысли М.Н.Тихомирова нуждаются в разъяснении.⁵ Далее, приведя выдержку из «Древнерусских городов» о зависимости роста посада от постоянного спроса на ремесленные изделия в близлежащей округе, Б.Д.Греков неуверенно говорит: «Если я правильно понимаю

¹ Б.Д.Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 97 - 98; М., 1953, стр. 102-103.

² См. напр.: П.А.Раппопорт. О типологии... стр. 5.

³ М.Н.Тихомиров. Древнерусские города, стр. 32.

⁴ Мы полностью отдаем себе отчет в том, что монография М.Н.Тихомирова о древнерусских городах во многих отношениях является образцом научного исследования. Наши замечания ограничиваются лишь разбором основательности причин появления городов на Руси, принятых автором.

⁵ Б.Д.Греков. Киевская Русь. М., 1953, стр. 102.

основную мысль автора, земледелие только посредственно оказывает воздействие на развитие городских посадов, прямой связи с их возникновением оно не имеет». Да и сам М.Н.Тихомиров, кажется, не вполне определенно представлял себе суть дела. Это явствует из сопоставления первого издания «Древнерусских городов» со вторым в том месте, где говорится о времени появления посадов на Руси. Сначала М.Н.Тихомирову казалось, что «городские посады начинают появляться примерно с конца X - начала XI в., в Киеве раньше, чем в других пунктах, в большинстве же русских городов — с XI века».² На другой странице он еще раз подчеркивает: «Появление городских посадов — новое и важное явление в истории русских городов, с которыми мы встречаемся не ранее конца X века».³ В истории русских городов период с конца X — начала XI в. автор считал переломным.⁴ Не то видим во втором издании книги. Попутно заметим, что переработка «Древнерусских городов» для второго издания в той части, которая нас сейчас интересует, произведена не всегда удачно, и в книгу вкрались непримиримые противоречия. Автор, например, перенес во второе издание только что приведенную фразу: «Появление городских посадов — новое и важное явление в истории русских городов, с которым мы встречаемся не ранее конца X в.».⁵ Однако несколько ниже читаем: «Городские посады начинают появляться примерно с IX в., в Киеве раньше, чем в других пунктах, в большинстве же русских городов — с XI в.».⁶ И еще: «Возникновение предградий, или посадов, в древнерусских городах... относится к определенному времени

¹ Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 102 — 103.

² М.Н.Тихомиров. Древнерусские города. М., 1946, стр. 27.

³ Там же, стр. 25.

⁴ Там же, стр. 31. ⁵ М.Н.Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 44.

⁶ Там же, стр. 47.

и начинается с IX — X вв.». В результате переломный момент в истории древнерусских городов оказался чересчур растянутым: ЕХ-Х-ХІ столетия.²

В настоящее время, когда после второго издания книги М.Н.Тихомирова получен новый археологический материал, мотивы, взятые им для объяснения происхождения городов на Руси, кажутся еще более спорными. Почему?

Начнем с утверждения ученого об обусловленности возникновения городов развитием земледелия и ремесла. Встает вопрос: в чем оно выражалось? Как ни странно, но у М.Н.Тихомирова мы не найдем достаточно полного ответа на него. Это особенно относится к земледелию, которое подается автором в виде благоприятствующей среды для роста городов — и только; все, чем занят здесь М.Н.Тихомиров, сводится к наблюдению, что города Древней Руси размещались исключительно в плодородных районах Восточной Европы. Но земледелие в этих районах существовало издревле, а города появились сравнительно поздно. Следовательно, речь должна идти не о земледелии вообще и его развитии, а о конкретных проявлениях качественных изменений земледельческого производства, содействующих появлению городов. И тут мы неизбежно приходим к элементарному положению, что прогресс в области земледелия был прежде всего связан с переходом от подсечной его формы к пашенной. В южной стороне, обжитой восточными славянами, это случилось не позже IX в., а в X столетии пашенное земледелие продвинулось и в северные области.³ В нашем распоряжении есть данные, по-

¹ Там же, стр. 51.

² Там же, стр. 51.

³ В.П.Левашова. Сельское хозяйство. В кн.: Очерки по истории русской деревни X — XIII в. М., 1956, стр. 20 — 23; В.В.Мавродин. К вопросу о развитии производительных сил в земледелии восточных славян и о связи этого процесса с разложением первобытнообщинных отношений. «Проблемы отечественной и всеобщей истории». Л., 1969.

звolyающие говорить о сложных приемах ведения земледельческого хозяйства, практиковавшихся уже накануне образования Древнерусского государства, — о постепенном вытеснении перелога двухпольем и трехпольем с паровым клином. Видимо П.Н.Третьяков был недалек от истины, когда замечал: «... археологические данные позволяют утверждать, что в VII-IX вв. не только на юге, но и в центральных и северных областях постепенно складываются такие формы сельского славянского быта, какие были характерны для ряда последующих столетий».

Обращаясь к ремеслу, встречаем весьма примечательные явления. Отделение ремесла от земледелия обнаруживается даже у представителей черняховской культуры. Это относится к таким отраслям, как выплавка железа, кузнечное дело, гончарное производство.³ Но, несмотря на существование самостоятельных специализированных ремесел и передового для тех времен плужного земледелия с паровой системой, города у черняховцев не найдены. Поселения у них, «как правило, неукрепленные, т.е. селища. Городищ нет». Данная особенность будет еще разительнее, если стать на точку зрения исследователей, определяющих черняховскую культуру в качестве славянской.⁶ Что касается археологических древностей, славян-

¹ И.И.Ляпушкин. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Л., 1968, стр. 138.

П.Н.Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 271.

³ Г.Б.Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н.э. М., 1960, стр. 108-111, 205.

⁴ В.И.Довженко. Об экономических предпосылках сложения феодальных отношений у восточных славян. В кн.: Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969, стр. 28.

⁵ Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. М., 1958, стр. 64.

⁶ См.: Э.А.Рикман. Проблема черняховской культуры Днестровско-Дунайского междуречья в исторической науке. В кн.: Далекое прошлое Молдавии. Кишинев, 1969, стр. 68-69; Э.А.Сымонович. Страницы истории

екая принадлежность которых общепризнана, то и здесь мы имеем довольно красноречивые факты. Благодаря обстоятельному труду Б.А.Рыбакова о древнерусском ремесле, нам известно, что «в IX в. на юге и на севере уже выделилось в ремесло кузнечное дело, литейно-ювелирное дело, гончарное дело, косторезное дело».¹ И лишь впоследствии «развитие ремесла идет двумя путями: с одной стороны, деревенское ремесло и с другой — быстро обгоняющее его ремесло городское». В последней обобщающей монографии И.И.Ляпушкина о восточных славянах накануне образования Древнерусского государства также подчеркиваются обстоятельства, связанные с образованием самостоятельных отраслей хозяйственной деятельности восточнославянского общества, — железоделательной, кузнечной, ювелирной.³

Со стимулятором древнерусских городов в сфере общественных отношений — феодализмом — положение в историографии ясное: большинство советских историков, в том числе и М.Н.Тихомиров, встречают его в IX в., если не раньше.

Итак, еще в IX столетии и в земледелии, и в ремесле, и в социальных отношениях был, казалось, достигнут уровень, обуславливающий появление городов, но они возникли не тогда, а значительно позже. Бросим беглый взгляд на раннюю историю некоторых наших древнейших городов. Вот Киев, выросший в районе, где социально-экономические течения были быстрее и глубже, чем в иных областях. Ему как единому городскому центру предшествовали по меньшей мере три

отечественных исследований памятников культуры полей погребений после Великого Октября. «КСИА», вып. 121, 1970, стр. 86.

¹ Б.А.Рыбаков. Ремесло Древней Руси, стр. 119.

² Там же.

³ И.И.Ляпушкин. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Л., 1968, стр. 149.

славянских поселения, относящихся к концу VIII-X вв. Только на исходе X в. произошло их слияние и образование города.² Было бы, на наш взгляд, поспешно рассуждать на этом основании о синхронном появлении значительного ремесленного производства. М.К.Каргеру, тщательно изучавшему обстоятельства гибели многочисленных мастерских, открытых новыми раскопками, удалось установить, что «основная масса этих мастерских была разрушена и прекратила свое существование в результате разгрома Верхнего Киева татаро-монгольскими полчищами в декабре 1240 г.». Как это наблюдение, так и другие дали возможность М.К.Каргеру сделать примечательный вывод: «...большая часть известных доньше произведений киевского ремесла и сами мастерские относятся к концу XII — первой половине XIII вв. Изделия XI — начала XII вв. встречаются в раскопках Киева значительно реже и потому известны намного хуже. Более ранние изделия конца IX — X вв. известны главным образом по находкам в погребальных комплексах и потому для характеристики ремесленного производства имеют несколько меньшее значение». Вероятно, о Киеве — большом ремесленном центре, городе с подлинным, а не мнимым посадом — надо говорить, по крайней мере, с середины XI в.⁵

¹ М.К.Каргер. Древний Киев. В кн.: По следам древних культур. Древняя Русь, М., 1953, стр. 45.

² Там же.

³ М.К.Каргер. Древний Киев, т. I, М.-Л., 1958, стр. 372.

⁴ Там же, стр. 373.

⁵ В последнее время предпринимаются попытки удревнить киевский посад. Одна из этих попыток принадлежит П.П.Толочко, который относит первые этапы формирования торгово-ремесленного посада к началу IX в. (См.: П.П.Толочко. Древний Киев. Киев, 1970, стр. 12-13; Его же. Новые археологические открытия в Киеве. «Вопросы истории», 1973, №4, стр. 212). Однако убедительного материала, подтверждающего его предположение, П.П.Толочко не приводит, ограничиваясь ссылками на обнаруженные в районе Подола «уникальные археологические объекты: срубные жи-

М.К.Каргер проводил археологические работы и на территории Переяславля Русского. В ходе раскопок установлена плохая сохранность древнего культурного слоя. Удалось все же вскрыть полуземляночные жилища, относящиеся к XII — XIII вв. «По своему типу, — читаем у М.К.Каргера, — переяславские жилища ближайшим образом напоминают массовые городские жилища XI — XIII вв., открытые раскопками в Киеве, Чернигове, Вышгороде, Белгороде и других южнорусских городах».¹

Обращаясь к Смоленску, видим, что городских слоев ГХ-Х вв. там пока не найдено.² Проблески же ремесленного производства обнаруживаются только с XI в.³

Симптоматична и первоначальная история Новгорода. А.В.Арциховский, осуществивший раскопки на Славне, пришел к заключению: нижний предел самого раннего слоя «отодвигать глубже X в. нельзя из-за полного отсутствия вещей и архаичной керамики. О X в. говорить можно, но и то без осо-

лые и хозяйственные постройки, деревянные сваи, заборы, дощатые помосты, многочисленные изделия из дерева, березовой коры, глины, кости, камня, стекла, цветных металлов, датирующиеся X-XI веками» (Новые археологические открытия в Киеве, стр. 212). Все эти материалы ровно ничего не говорят о наличии посада. Другое дело — вопрос о заселении Подола. П.П.Толочко, вероятно, прав в том, что наши представления о времени заселения территории Подола нуждаются в уточнении. Но вопрос о заселении и образовании посада — разные проблемы, которые нельзя смешивать. У П.П.Толочко, судя по тому, что он пишет, как раз и произошло такое смешение.

¹ М.К.Каргер. Раскопки в Переяславле-Хмельницком в 1952 — 1953 гг. «Советская археология», XX, 1954 стр. 9.

² Д.А.Авдусин. Возникновение Смоленска. Смоленск, 1957, стр. 14; И.И.Ляпушкин. Гнездово и Смоленск. — В кн.: Проблемы истории феодальной России. Сб. статей к 60-летию проф. В.В.Мавродина. Л., 1971, стр. 37.

³ Д.А.Авдусин. Возникновение Смоленска, стр. 43.

бой уверенности». Эта хронология нашла подтверждение при исследовании дворища.² Важные результаты получены археологами при раскопках Неревского конца. «Неревский раскоп — это главное звено в археологическом изучении Новгорода. Он имеет огромное значение и для изучения любого древнерусского города вообще».³ Здесь открыто большое число ремесленных мастерских, но раньше середины XI в. они не датируются.⁴ Недаром П.И.Засурцев, предпринявший увлекательное путешествие в Новгород X в., встретился там лишь с одними дружинниками и огородниками. Следовательно, о новгородском посаде мы должны говорить не ранее XI в. Высказываясь же в целом о городах Руси, мы присоединяемся к Л.В.Алексееву, который писал: «Если определяющим для возникновения города признать существование при детинце торгово-ремесленного посада, то, судя по имеющимся далеко не полным данным, образование древнерусских городов следует отнести не к IX — X вв., а к XI в. — времени, которым датируется возникновение в раннесредневековых городах Руси посадов».⁵

Где кроются причины появления городов в Древней Руси? Очевидно, одних экономических успехов в земледелии и ремесле совершенно недостаточно, чтобы возник город, и выделившееся из сельского хозяйства ремесло мирно живет в лоне кровной общины, о чем, кстати, говорил Ф.Энгельс, вспоминая постоянных ремесленников «родовых общин в Индии».⁶

¹ А.В.Арциховский. Раскопки на Славне в Новгороде. «МИА СССР». №11, 1949, стр. 124-125.

² А.В.Арциховский. Раскопки восточной части Дворища в Новгороде. Там же, стр. 176.

³ П.И.Засурцев. Новгород, открытый археологами. М., 1967, стр. 6.

⁴ А.В.Арциховский. Археологическое изучение Новгорода. «МИА СССР», №55, 1956, стр. 23.

⁵ Л.В.Алексеев. Полоцкая земля. М., 1956, стр. 132 — 133.

⁶ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 21, стр. 160.

Секрет такого органического слияния ремесленников с остальным земледельческим коллективом заключался в стойкости кровнородственных уз, крепко спаявших общину. В атмосфере господства родовых отношений ремесленники не могли работать, кроме как на потребу родственного им союза. Понятно, что при данной ориентации производства регулярный внутренний обмен — явление сугубо нетипичное. Вот почему исследователи находят его либо едва уловимым, либо вовсе отсутствующим.² Этим во многом объясняется имущественное однообразие вскрытых восточнославянских поселений.

Несравненно ощутимее был внешний обмен.⁴ Но и он пока не подрывал основы родового строя, ибо внешняя торговля осуществлялась чаще не отдельными индивидуумами, а родовыми общинами в лице собственных старейшин.⁵ Однако внешняя торговля таила в себе сюрпризы, неприятные для старого порядка. Она (как и сопровождавшиеся грабежом войны) постепенно способствовала обогащению некоторых родов, возвышению родовой знати, пробуждению низменной алчности к богатству, которое, по выражению Ф.Энгельса, «раскололо членов рода на богатых и бедных».⁶ Мы лишены, к сожалению, счастливой возможности проследить шаг за шагом, как богатство разъедало прежде единое общество. Несомненно только, что имущественное неравенство в X в. успело заметно продвинуться вперед. Повесть временных лет, рассказывая об эпизодах второй половины X в., называет богатых, убогих и нищих.⁷ Это — неоспоримый симптом распада родовых отно-

¹ И.И.Ляпушкин. Славяне Восточной Европы... стр. 149.

² Г.Б.Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н.э., стр. 224.

³ И.И.Ляпушкин. Славяне Восточной Европы... стр. 167.

⁴ Там же, стр. 149-154.

⁵ См.: К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 21, стр. 160.

⁶ Там же, стр. 165.

⁷ ПВЛ, ч. I, стр. 80.

шений. Но еще более яркое свидетельство глубины кризиса родовых связей заключалось в развитии внутреннего обмена, апогей которого падает на XI-XII вв.¹ Рост внутренней торговли указывает на происшедшую смену рода семьей, ставшей производственной единицей общества. Возникновение ремесленных посадов мы и связываем с заменой рода семьей, т. е. с разложением родовых отношений. Если в предшествующие времена ремесленник, будучи членом рода, не мог покинуть его, то теперь после распада родового союза, он получил свободу действий, и ремесленники устремились к городам, которые предоставляли им удобства как пункты обмена и как убежища на случай опасности.

Прогресс земледелия и выделение из него ремесла — важнейшие исторические предпосылки возникновения городов. Но непосредственной причиной появления и быстрого роста городских посадов на Руси был именно разрыв родовых пут, мешавших подвижности населения. Не при чем тут и феодализм. Он, напротив, приковывал крестьян к земле, а ремесленников — к барской усадьбе. Правда, в древнерусском городе жили зависимые ремесленники, но это были ремесленники-холопы (рабы), а не феодальнозависимые.² Подавляющее же большинство городских ремесленников состояло из свободных людей, бросивших деревню и поселившихся у городских стен.³ Разумеется, какая-то часть их осела в городах еще в ту пору, когда они являлись племенными центрами. И все же древнерусский посад сформировался, по всей видимости, из пришлых элементов, тем более что далеко не все города Древней Руси выросли из родоплеменных.

¹ Б.А.Рыбаков. Торговля и торговые пути. В кн.: История культуры Древней Руси, т. I. М.-Л., 1948, стр. 350 - 363; М.В.Фехнер. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. В кн.: Очерки по истории русской деревни X — XIII вв. М, 1959, стр. 173.

² М.Н.Тихомиров. Древнерусские города, стр. 147 — 150.

³ Там же, стр. 141.

В литературе высказывались разные суждения о путях становления городов на Руси. Согласно В.И.Равдоникасу, «на территории лесной полосы Восточной Европы город возникает из большесемейного поселения».¹ С.В.Юшков, следуя за В.И.Равдоникасом, тоже констатировал «теснейшую связь городов ГХ-Х вв. с городищами предшествующей стадии развития».² Начальный тип отечественного города — это племенной город, центр племенной верхушки. «Можно предполагать, — продолжает С.В.Юшков, — что эти племенные центры были в первую очередь городами дофеодальной эпохи».³ Позднее в роли строителей городов-крепостей выступали князья. Воздвигнутые ими города — это центры властвования над окружающей местностью.⁴ С.В.Юшков думал, что «большинство городов-посадов возникло вокруг городов-замков».⁵ Последняя идея в гипертрофированном виде встречается в работах М.Ю.Брайчевского. Но если С.В.Юшков зарождение подобных городов относил к XI и последующим векам, то М.Ю.Брайчевский отодвинул замок в VIII — IX вв., водрузив его в красный угол своей «теории» о происхождении древнерусского города.⁶

Проследивая пути создания русских городов, Б.А.Рыбаков отметил, что они были различны. Часть их «возникла путем разрастания укрепленных поселков, развития на них различных производств. Выделение ремесла в таком случае было решающим фактором превращения большого поселка в го-

¹ В.И.Равдоникас. О возникновении феодализма в лесной полосе Восточной Европы в свете археологических данных, стр. 119.

² С.В.Юшков. Очерки..., стр. 21.

³ Там же, стр. 22.

⁴ Там же, стр. 134-135.

⁵ Там же, стр. 136.

⁶ М.Ю.Брайчевский. К происхождению древнерусских городов. «КСИИМК», вып. XI, 1951, стр. 32 - 33; Его же. Когда и как возник Киев. Киев, 1964, стр. 116-120.

род».¹ Путь других городов пролегал «через боярскую или княжескую усадьбу, когда крепость (иногда поставленная даже в стороне от более древнего поселка) быстро превращалась в сложный хозяйственный комплекс, в котором очень видную роль занимали многочисленные ремесленники».²

Идею о генетической связи русского города с племенными центрами проводила С.А.Тараканова. На односторонность ее построений, а также схем М.Ю.Брайчевского указал Н.Н.Воронин.⁴ Но и он вскоре должен был выслушать критические замечания. «Неправомерно, кажется, — писал, адресуясь к нему Л.В.Алексеев, — строго отделять "замковую теорию" от теории "племенных городов" и т.д. Город возникал именно там, где ремесленная продукция могла найти сбыт. Для его конкретного возникновения по меньшей мере были необходимы два обстоятельства: торгово-транзитный путь, обеспечивающий ремесленнику бесперебойный сбыт товаров, и наличие укрепленного пункта, гарантирующего его безопасность. Последним мог быть и замок феодала, и монастырь, и даже племенной центр со святилищем, если таковое укреплено. Так, очевидно, возникли крупнейшие древнерусские города Киев, Новгород, Псков, Полоцк».⁵ Многообразные пути образования восточнославянских городов изображал М.Г.Рабинович. У него городом становится и недавняя деревня, благодаря удобному положению и обеспеченности сырьем высоко развившая ремесло, и замок феодала-землевладельца, когда «у стен замка селились ремесленники, а затем купцы», и ремесленно-

¹ Б.А.Рыбаков. Ремесло Древней Руси, стр. 97.

² Там же, стр. 98.

³ С.А.Тараканова. К вопросу о происхождении города в Псковской земле. «КСИИМК», вып. XI, 1951, стр. 30-31.

⁴ Н.Н.Воронин. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города. Там же, стр. 9.

⁵ Л.В.Алексеев. Полоцкая земля, стр. 132.

торговый поселок («рядок»). «Наконец, — заключает М.Г.Рабинович, — город мог быть построен по распоряжению того или иного крупного феодала — князя, иногда даже среди нерусского населения, и заселен специально вывезенными из других владений этого князя людьми — ремесленниками, купцами; ставили здесь и воинские гарнизоны».²

По мнению В.Л.Янина и М.Х.Алешковского, «древнерусский город возник не из княжеских замков или торгово-ремесленных поселений, а из административных вечевых центров сельских округ — погостов, мест концентрирована дани и ее сборщиков».

Приведенные высказывания страдают одним общим недостатком: им не хватает историчности, так как направление путей, какими шло развитие городов, не было одинаковым в различные эпохи древнерусской истории. Самые старейшие русские города возникли, безусловно, из племенных городов. Напомним, что Ф.Энгельс считал вполне закономерным существование городов, сделавшихся «средоточием племени или союза племен»⁴. В них он увидел угрозу родоплеменному строю. А раз так, то эти города, претерпев известную эволюцию, легко могли шагнуть в средневековье. Возвращаясь к древнерусским городам, отметим одну особенность: немало их стояло в гуще городищ-поселений, группировавшихся в гнезда по пять-восемь поселков. Это и есть племенные центры. «Половина градов, — пишет Б.А.Рыбаков, — впоследствии в XII в. стала настоящими городами, столицами небольших удельных

¹ М.Г.Рабинович. Из истории городских поселений..., стр. 135.

² Там же.

³ В.Л.Янин, М.Х.Алешковский. Происхождение Новгорода. (К постановке проблемы). «История СССР», 1971, № 2, стр. 61.

⁴ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 21, стр. 163.

⁵ Там же, стр. 164.

⁶ Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР III-VII вв. М., 1958, стр. 850-851.

феодалных княжеств (Курск, Рязань, Путивль)». Киев когда-то был городом полян, а Смоленск — кривичей.² Новгород также функционировал сперва как племенной центр ильменских словен.³ Племенными центрами выступали Изборск и Туров.⁴

Таким образом, первые русские города выросли из племенных центров. Потом, когда утвердилось княжеское государство, в качестве градостроителей начали выступать князья. Но сначала они строили города-крепости для обеспечения обороны, из которых в будущем при благоприятных обстоятельствах могли возникнуть города. С расцветом внешней торговли на особенно оживленных и бойких местах торгового оборота вырастали поселки городского типа. Однако нельзя забывать, что многие племенные города поднимались вдоль купеческих магистралей. Позднее всего, не раньше начала XI в., сложились условия для образования городов на базе внутреннего обмена и успехов ремесла. Завязываются города в подлинном социально-экономическом смысле слова. Важно еще раз напомнить, что их появление было непосредственно связано с распадом родо-племенного строя на Руси.

Об этом, кажется, говорит и судьба древнерусских «старцев градских».

V, «Старцы градские» на Руси X в.

В Повести временных лет сохранились лишь обрывки воспоминаний о старцах градских. Подобно мимолетным видениям проходят они перед взором исследователя и точно сказать,

¹ Там же, стр. 852.

² Повесть временных лет, ч. I, стр. 13, 20.

³ П.И.Засурцев. Новгород, открытый археологами. М., 1967, стр. 11.

⁴ В.В.Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970, стр. 77, 91.

кого разумел под ними летописец, к сожалению, невозможно. Но, несмотря на неопределенность их социального облика, историки не упускали случая, чтобы высказать ту или иную версию относительно общественной функции, которую приходилось им выполнять. Такое внимание ученых к старцам градским объясняется прежде всего тем, что в летописи они показаны на фоне событий, имеющих принципиальное значение для воссоздания социально-политических порядков, бытовавших на Руси X в. Еще Н.М.Карамзин, характеризуя состояние древней России, обратился и к градским старейшинам, «которые летами, разумом и честью, заслужив доверенность, могли быть судиями в делах народных»¹. И.Ф.Г.Эверсу старцы градские тоже казались мужами, благодаря своей старости и опытности получившими решительное преимущество перед другими согражданами. Однако, в отличие от Н.М.Карамзина, И.Ф.Г.Эверс, будучи зачинателем родовой теории, сделал старцев почетнейшими мужами в воинских родах, обитавших в городе.² По мысли А.Рейца, старейшины, поселившиеся в городе, усвоили имя старцев градских.³ Они — не просто старые люди, а знатные начальники племен, славянские вожди, присоединившиеся к государю-князю и перешедшие «в класс знатнейших слуг его».⁴ С.М.Соловьев, в чьих произведениях родовой теория достигла конечных вершин, изображал старцев градских в качестве родоначальников и старших в роде. При-

¹ Н.М.Карамзин. История Государства Российского, т. I. СПб., 1892, стр. 160.

² И.Ф.Г.Эверс. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб., 1835, стр. 244.

³ А.Рейц. Опыт истории российских государственных и гражданских законов. М., 1836, стр. 30 (прим.).

⁴ Там же, стр. 29.

⁵ С.М.Соловьев. Очерк нравов, обычаев и религии славян, преимущественно восточных, во времена языческие. «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России», кн. 1, отд. 1. М., 1850, стр. 20; Его же. История России с древнейших времен, кн. 1. М., 1959, стр. 223.

мерно в том же духе рассуждал С.Шпилевский, причисляя старцев градских к представителям родовых начал общественного союза, наблюдаемого в истории России X столетия.¹ Сочувственно воспринимал идеи С.М.Соловьева и Н.Хлебников, усматривавший в слове «старейшина» титул, каким «пользовались главы рода».² При этом Н.Хлебников подчеркивал, что было бы странно думать, будто старейшины есть старшие по возрасту, ибо организации, «где бы старшие играли первостепенную роль, мы не встречаем нигде». И хотя Н.Хлебников здесь имел в виду Н.М.Карамзина, его утверждение могло быть направлено и против В.И.Сергеевича, поскольку в первом издании книги «Вече и князь» старцы градские представлены убежденными сединой стариками, благодаря маститой старости занявшими почетные и передовые места в обществе.

В тот год, когда С.М.Соловьев напечатал своей «Очерк нравов, обычаев и религии славян», А.Тюрин выпустил небольшую книгу «Общественная и духовная жизнь и земские отношения в Древней Руси», где тоже коснулся вопроса о старцах градских. Автор показал их в эволюции: от родовых старейшин до общинных, иначе — земских. В эпоху Владимира-крестителя старцы были уже земскими старейшинами.⁵ Эти взгляды А.Тюриня оказались как бы посредине двух противоположностей: теорий родового и общинного начал в истории

¹ С.Шпилевский. Об участии земщины в делах правления до Ивана IV. «Юридический журнал», 1861, № 5, стр. 209, 217.

² Н.Хлебников. Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб., 1872, стр. 23 (Н.Хлебников под старейшинами понимал старцев градских. См.: Там же, стр. 22 — 24, 92 — 93.).

³ Там же.

⁴ В.И.Сергеевич. Вече и князь. М., 1867, стр. 44 (прим.). Позднее В.И.Сергеевич заговорил о старцах в более аморфных выражениях, называя их «лучшими элементами населения», «лучшими людьми». См.: В.И.Сергеевич. Русские юридические древности, т. II. СПб., 1900, стр. 343.

⁵ А.Тюрин. Общественная жизнь и земские отношения в Древней Руси. СПб., 1850, стр. 61-62.

Древней Руси. Поклонники русской общины — славянофилы — в полемике со столпами родовой теории К.Д.Кавелиным и С.М.Соловьевым отстаивали тезис об общинном быте на Руси. Естественно, что старцы градские не могли у них фигурировать в качестве родовых начальников. К.С.Аксаков, например, толковал их как народных старейшин с весьма скромным общественным значением.¹

Другие исследователи, такие, как Д.И.Иловайский и И.Линниченко, поставили еще более тесные пределы общественной значимости старцев, считая их домохозяевами и домо-владыками.²

Следующий шаг в изучении нашей темы сделал В.О.Ключевский. Всю силу критики он сосредоточил на тех, кто связывал старцев градских с родовыми отношениями. В согласии со своим воззрением о торговом значении древнерусских городов В.О.Ключевский полагал, что городские старцы — «это образовавшаяся из купечества военно-правительственная старшина торгового города, который внешние обстоятельства в IX в. заставили вооружиться и устроиться по-военному».³ В целом торговая аристократия городов носила имя «нарочитых мужей», а выходившие из ее среды десятские, сотские и прочие управители назывались «старцами градскими».⁴ Предположение В.О.Ключевского о старцах градских — городской старшине, десятских и сотских — воспринял А.Е.Пресняков. Но если у В.О.Ключевского эти чины являлись плоть от плоти местной военно-промышленной знати, тузем-

¹ К.С.Аксаков. Полное собрание сочинений, т. I. М., 1889, стр. 102 — 105.

² Д.И.Иловайский. История России, ч. II. М., 1880, стр. 501г И.Линниченко. Вече в Киевской области. Киев, 1881, стр. 11.

³ В.О.Ключевский. Боярская Дума Древней Руси. Пб., 1919, стр. 28 - 29.

⁴ Там же, стр. 28. См. также: В.О.Ключевский. Соч., т. VI. М., 1959г стр. 151 - 152.

ной аристократии, то, по А.Е.Преснякову, они — «орудия княжого управления, а не представители местного общества».¹ По Н.А.Рожкову же — наоборот: «старцы градские — это выбиравшиеся вечею начальники ополчения смердов, тысяцкие и сотские».² М.Ф.Владимирский-Буданов понимал под старцами земских бояр.³ Наконец, С.Ф.Платонов, подчеркнув неопределенность того, воплощают ли старцы выборную власть, рожденную общиной, или же просто людей высшего общественного класса, не сомневался в одном, а именно, что «в данном случае мы имеем дело с высшим классом до-княжеского общества».

Не прошли мимо старцев градских и советские историки. М.Н.Покровский высказался против предположения о старцах в смысле выборной городской старшины, ибо «выборное начало в древнерусском городе не ослабевало, а усиливалось с течением времени. Выборный институт мог изменить название, но исчезать ему не было ни малейшего основания. Другое дело, если мы допустим, что «старцы градские» были главами печищ, составлявших первоначально город: тогда их постепенное исчезновение...будет как нельзя более естественно».⁵

Специальная заметка о старцах градских принадлежит В.Строеву, предложившему в термине русской летописи «старцы градские» видеть не более чем элементарное заимствование из Библии, так как «это — ПрЕфутерог тг|с;7ГБА,еоос;», с которыми совещался Соломон, но перестал совещаться его

¹ А.Е.Пресняков. Княжое право в Древней Руси. СПб., 1909, стр. 174, 195.

² Н.А.Рожков. Обзор русской истории с социологической точки зрения, ч. I. М., 1905, стр. 83.

М.Ф.Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права. СПб.-Киев, 1907, стр. 47.

⁴ С.Ф.Платонов. Лекции по русской истории. СПб., 1907, стр. 61, 62.

⁵ М.Н.Покровский. Избранные произведения, кн. I. М., 1966, стр. 156.

недостойный сын Ровоам». Летописец, думает В.Строев, лишь перенес эту соломоновскую черту на Владимира Свято-славича и только.² Столь нехитрое объяснение летописного текста советские историки не поддержали. Б.Д.Греков о старцах градских судил примерно так же, как и М.Ф.Владимирский-Буданов. Он относил их к боярам. «Бояре нашей древности, — писал Б.Д.Греков, — состоят из двух слоев. Это наиболее богатые люди, называемые часто людьми "лучшими, нарочитыми, старейшими" — продукт общественной эволюции каждого данного места, туземная знать, а также высшие члены княжеского двора, часть которых пришлого происхождения. Терминология наших летописей иногда различает эти два слоя знати: "бояре" и "старцы". "Старцы", или иначе "старейшие", — это и есть так называемые земские бояре».³ С.В.Юшков, противопоставляя старцев боярам, рассматривал первых в качестве родо-племенной знати.⁴ Потомками племенных князей казались они С.В.Бахрушину. Во времена Владимира старцы градские принадлежали к местным землевладельческим кругам, содействовавшим укреплению власти киевского князя.

С.А.Покровский возводит родословную наших героев к выборным племенным старейшинам, которые жили в племенном центре — городище, погосте.⁶ Но так было давным-давно,

¹ В.Строев. По вопросу о «старцах градских» русской летописи. «Изв.отд.русс.яз. и словесности Российской академии наук», т. XXIII, кн. 1, Пг., 1919, стр. 64.

² Там же.

³ Б.Д.Греков. Киевская Русь. М., 1953, стр. 126; Его же. Феодалные отношения в Киевском государстве. М.-Л., 1936, стр. 66.

⁴ С.Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.-Л., 1939, стр. 34.

⁵ С.В.Бахрушин. «Держава Рюриковичей». «Вестник древней истории», 1938, №2, стр. 96.

⁶ С.А.Покровский. Общественный строй Древнерусского государства. — «Труды всесоюзного юрид. заочн. ин-та», Т. XIV. М., 1970, стр. 38.

а в VIII — IX вв. они превратились в земских, местных бояр, крупных землевладельцев, эксплуатирующих «труд посаженных на землю рабов и зависимых крестьян».¹ Тут С.А.Покровский полностью смыкается с Б.Д.Грековым, о чем свидетельствует и сам.²

По словам Л.Т.Мирончикова, старцы градские — языческие жрецы, руководившие древнерусским обществом и занимавшие одинаковое с боярами социальное положение, входя вместе с ними в правящее сословие класса феодалов.³

Итак, в исторической литературе о старцах градских существуют многочисленные и самые противоречивые представления. Пестрота этих представлений обусловлена крайней скудостью и фрагментарностью источников.

Первый вопрос, возникающий перед исследователем, состоит в том, какова степень достоверности известий о старцах, сообщаемых древними летописями. Не есть ли они плод легендарного творчества? Данный вопрос тем более уместен, что летописные заметки, несущие сведения о старцах градских, пронизаны духом исторических преданий и легенд. Однако еще В.О.Ключевский, преодолевая аналогичные сомнения, говорил: «...старцы градские присутствуют в думе князя и подают голос вместе с епископами по таким делам, о которых начальная летопись рассказывает без заметной примеси легенды...»⁴ Мы не хотим простой ссылкой на авторитет В.О.Ключевского отделаться от обсуждения важной источни-

¹ Там же, стр. 52 — 53.

² Там же.

³ Л.Т.Мирончиков. К вопросу особенностей двоеверия и происхождения монашеских названий «старцы» и «старосты». В кн.: Белорусские древности. Минск, 1967, стр. 447, 449; Его же. К вопросу общественного положения древнерусских старцев. В кн.: Вопросы истории. Сб. статей молодых ученых и аспирантов. Минск, 1968, стр. 184; Его же. Дохристианское жречество Древней Руси (старцы, старосты, волхвы). Авто-реф. канд. дисс. Минск, 1969, стр. 4, 6, 7, 22.

⁴ В.О.Ключевский. Боярская дума Древней Руси, стр. 15.

коведческой проблемы, хотя и убеждены, что игнорировать указание одного из крупнейших русских историков было бы непростительно. Мы идем дальше и задаемся вопросом, нельзя ли за счет каких-нибудь дополнительных летописных материалов подкрепить веру в реальный характер старцев градских. И тут невольно напрашивается сопоставление терминов «старцы» и «старейшины». Попутно отметим, что подавляющее большинство ученых пользовалось ими как синонимами, и эта операция казалась настолько безобидной, что они прибегали к ней, не производя какого бы то ни было предварительного исследования. Только И.Линниченко возражал против отождествления старцев со старейшинами. «Следует прежде всего, — настаивал он, — строго отличать старцев от старейшин. Старейшины являются в летописи с официальным значением — правителей».² Если старейшины — правители, то старцы — всего лишь домохозяева, сходившиеся на вече.³ Вернемся, впрочем, к терминам «старейшины» и «старцы». В летописи первый из них иногда употребляется в значении старшинства или первенства над людьми одного и того же разряда. Победитель Царьграда вещий Олег, вспомнив о любимом коне, отданном на попечение слугам, «призва старейшину конюхом, рече: «"Кде есть конь мый, его же бех поставил кормити и блюсти его?" Он же

¹ См.: И.Ф.Г.Эверс. Древнейшее русское право... стр. 244; А.Рейц. Опыт истории..., стр. 30 (прим.); С.М.Соловьев. Очерк нравов..., стр. 20; А.Тюрин. Общественная жизнь..., стр. 62; С.Шпилевский. Об участии земщины..., стр. 217; Н.Хлебников. Общество и государство..., стр. 22-24, 92-93; В.О.Ключевский. Боярская дума..., стр. 28; Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 126; В.Т.Пашуто. Черты политического строя Древней Руси. В кн.: А.П.Новосельцев (и др.). Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, стр. 25; С.А.Покровский. Общественный строй..., стр. 28.

² И.Линниченко. Вече в Киевской области, стр. 10—11.

³ Там же, стр. 11.

рече: "Умерл есть"».¹ Нетрудно догадаться, что старейшина конюхов — это старший конюх. В том же смысле старшинства летописец пользуется термином «старейшина», когда передает речь «философа», склонявшего князя Владимира принять христианство. Но нередко под словом «старейшина» древнерусский книжник выводил, говоря языком современной социологии, общественных лидеров, т.е. тех, кто принадлежал к правящей верхушке, руководившей обществом, и тогда термин принимал уже отчетливое социальное звучание. Для иллюстрации сошлемся на хазарских старейшин, предрекших по славянской дани мечами печальную будущность собственного племени,³ старейшин из Искоростеня, Белгорода и других городов. Есть ли что-либо общее между ними и старцами? Как смотрел на одних и других летописец?

Ближайшее знакомство с Повестью временных лет показывает, что непроходимой грани, отделявшей старейшин от старцев, не было. Больше того, для летописца старейшины и старцы — понятия взаимозаменяемые. Это явствует из текста о тех же хазарских старейшинах. «Съдумавше же поляне, — читаем в летописи, — и вдаша от дыма мечь, и несоша козари ко князю своему и к старейшиным своим...И реша старци козарьстии: "Не добра дань, княже!"»⁵ Любопытную замену слова «старейшина» на термин «старцы» обнаруживаем при сравнении Повести временных лет по Лаврентьевскому и Воскресенскому вариантам:

¹ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 29.

² «Видев же первый от ангел, старейшина **чину** ангелску, домыслн в себе, рек: «Сниду на землю, и преиму **землю...**». Там же, стр. 62.

³ Там же, стр. 16.

⁴ Там же, стр. 43, 85, 87.

⁵ Там же, стр. 16.

ПВЛ по Лаврентьевской
летописи

«...приведоша Моисея
пред Фараона, и реша ста-
рейшина Фараоня: се хочеть
смирити область Еюпеть-
скую...»¹

ПВЛ по Воскресенской
летописи

«...приведоша Моисея пред
царя Фараона, и реша Фараону
старци Египеть-ския: о царю! се
хощет смирити и область Египет-
скую»

Итак, вслед за древнерусскими летописцами мы утверждаем, что старейшины и старцы — понятия эквивалентные. И зря И.Линниченко доказывал обратное.³ Предположив эту равнозначность, мы получаем возможность заключить о тождестве терминов «старейшины градские» и «старцы градские» и таким образом расширить комплекс известий о старцах градских, поставив, следовательно, изучение вопроса на более надежную основу. Далее, если старейшины градские и старцы градские — одни и те же лица, то вряд ли прав В.Строев, уподобивший их библейским персонажам, фантазией летописца, перенесенным в повествование о Владимире, так как на исторической сцене они появляются раньше, чем Владимир во-княжился в Киеве; летопись сообщает о них под 945 годом, рассказывая о жестокой расправе «блаженной» Ольги над жителями древлянского Искоростеня, среди которых были и "старейшины града".⁴ Но, быть может 945 г.— еще не самая ранняя вежа выступления городских старейшин (старцев градских) на страницах летописных памятников. Архангелогородский летописец сообщает, как в 881 г. Олег «налезоста Днепр реку, и приидоста под Смоленск, и стаща выше города и шат-

¹ Там же.

² ПСРЛ, т. 7. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856, стр. 266 (Далее - ПСРЛ, т. 7).

³ И.Линниченко. Вече в Киевской области, стр. 10—11.

⁴ ПВЛ, ч. 1, стр. 43.

ры иставиша многи разноличны цветы. Уведавше же смольня-не, и изыдоша старейшины их к шатром и спросиша единого человека: "кто сей прииде, царь ли или князь в велицей славе?" И изыде из шатра Ольг, имьи на руках у себя Игоря, и рече смольняном: "сей есть Игорь, князь Игоревич (Рюрикович?) руский". И нарекоша его смольняне государем, и вдася весь град за Игоря»¹ В свое время А.А.Шахматов находил в Архангелогородском летописце наиболее древнюю перередачу летописных статей Начального свода, чем в Новгородской I летописи. Поэтому Архангелогородский летописец представлялся ему «весьма важным источником при исследовании нашего летописания». Правда, А.Н.Насонов полагает, будто «в ходе дальнейших разысканий он (А.А.Шахматов. — Авт.), по-видимому, пришел к мысли, что источник этот (Устюжский свод) слишком поздний, чтобы можно было использовать его для решения поставленной задачи, и в последующих трудах он к нему почти не прибегал».³ Однако современные издатели Устюжского Летописного свода, учитывая редакторскую отделку составителя (сокращения всякого рода, осмысления и подновления текста), видят в нем все же огромную ценность, поскольку он донес до нас более древнюю и более полную редакцию Начального свода, отражение которой нигде больше не встречается.⁴ Что касается привлеченной нами записи, то и в ней явно ощущаются следы обработки позднейшего редактора: подозрительной выглядит фразеология старейшин («кто

¹ Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). М.-Л., 1950, стр. 21.

² А.А.Шахматов. О Начальном киевском летописном своде. «ЧОИДР», 1897, кн. 3, стр. 52.

³ А.Н.Насонов. История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969, стр. 21.

⁴ Устюжский летописный свод, стр. 5. См. также: К.Н.Сербина. Устюжский летописный свод. «Исторические записки», т. 20, 1946, стр. 260 - 263.

сей прииде, царь ли или князь в велицей славе»), свидетельство о том, будто смольняне нарекли Игоря государем. И все-таки участие старейшин в событиях вряд ли стоит отвергать. Это становится очевидным в свете обстоятельств, обеспечивших Олегу власть над Смоленском. Здесь нам придется сделать историографическое отступление, так как без напоминания о некоторых деталях, имеющих в высказываниях историков по поводу продвижения Олега из Новгорода в Киев, определить указанные обстоятельства будет не вполне удобно.

Н.М.Карамзин, повествуя о походе князя Олега вниз по Днепру, говорит: «Смоленск, город вольных кривичей, сдался ему, кажется, без сопротивления, чему могли способствовать единоплеменники их, служившие Олегу».¹ Предположение Н.М.Карамзина перечеркнул С.М.Соловьев, который, рассказав о том, как Олег закрепил за собой Смоленск и Любеч, специально подчеркнул: «Как достались Олегу эти города, должен ли был он употреблять силу или покорились они ему добровольно — об этом нельзя ничего узнать из летописи». Нерешительность С.М.Соловьева устранил С.Ф.Платонов. «Олег не долго пробыл на севере, — писал С.Ф.Платонов, — он спустился по великому водному пути, покорил все племена, на нем жившие, и успел счастливо, без особенных усилий, завладеть Киевом».³ Б.Д.Греков не различает особенностей, при которых Олег утвердился в Смоленске и Любече: князь занимает их, овладевает ими.⁵ Такое недифференцированное представление, просочилось и в учебники для высшей школы.

¹ Н.М.Карамзин. История Государства Российского, т. 1, стр. 82.

² С.М.Соловьев. История России с древнейших времен, т. 1, стр. 139.

³ С.Ф.Платонов. Лекции по русской истории, стр. 63.

⁴ Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 453.

⁵ Б.Д.Греков. Борьба Руси за создание своего государства. М.-Л., 1945, стр.

⁶ См., напр.: История СССР, ч. I. Учебник для педагогических институтов. М., 1961, стр. 63.

Мы не можем согласиться с тезисом С.М.Соловьева о том, что из летописи нельзя понять, применил ли Олег при заволадении Смоленском и Любечем, или же нет. Догадка Н.М.Карамзина при вдумчивом отношении к летописному тексту находит полное подтверждение. В самом деле, когда летописец сообщает о занятии Олегом Смоленска, он употребляет выражение «принял город», а Любеча — «взял Любеч».¹ Отсюда ясно, что в Смоленск Олег попал мирным путем, тогда как Любеч и Киев открыли ворота, покоряясь силе завоевателя. Рассказ летописца позволяет судить, почему Олег без вооруженного столкновения занял Смоленск. Оказывается, он «приде к Смоленску с кривичи».² А если еще вспомнить о тесном содружестве словен, кривичей и других околных племен, завершившимся образованием конфедерации племен, сыгравшей важную роль в новгородской истории,³ то добровольное подчинение Смоленска вновь прибывшему князю получает исчерпывающее объяснение. Но мирный, обусловленный каким-то договором, въезд Олега в город кривичей не мог быть безучастным со стороны местных властей, олицетворенных в старейшинах. Поэтому версия Архангелогородского летописца о смоленских старейшинах, вошедших в контакт с Олегом накануне его появления в городе, весьма правдоподобна. Мы принимаем ее и связываем с ней самое раннее упоминание в древнерусских летописных памятниках о городских старейшинах, или старцах градских.⁴

¹ ПВЛ, ч. I, стр. 20.

² Там же.

³ В.Т.Пашуто. Особенности структуры Древнерусского государства. В кн.: А.П.Новосельцев (и др.). Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, стр. 84 - 85; В.Л.Линин, М.Х.Алешковский. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы). «История СССР», 1971, № 2.

⁴ В недатированной части Никоновской летописи (ПСРЛ, т. 9, стр. 3) упоминается о старейшине Гостомысле, управлявшем новгородскими словенами. Но ввиду того, что в этой летописи смешиваются понятия «ста-

Как в описанном Архангелогородским летописцем эпизоде, так и в других старцы градские выступают в качестве полномочных руководителей общества, с которыми князья вынуждены считаться. Даже во второй половине X в., в переломную эпоху Владимира Святославича,¹ они еще теснятся в аппарате управления и влияют на ход государственных мероприятий первостепенной важности, таких, как введение христианства, расходование казенных средств. Старцы — советники в княжеской думе и неперенные участники пиров Владимировых, выполнявших задачу социального общения местного населения с носителем публичной власти — киевским князем.³

Выделялись ли старцы чем-нибудь из остальной высокопоставленной знати или же сливались с ней? Каково, например, отношение их к боярам? В исторической литературе прослеживаются две линии в данном вопросе. Одни историки (А.Рейц, С.В.Юшков) стараются не смешивать бояр со старцами градскими,⁴ другие (М.Ф.Владимирский-Буданов, Б.Д.Греков), относя старцев к категории земских бояр, сглаживают тем самым различия между ними.⁵ Позиция последних историков легко уязвима и с точки зрения фактов, упоминаемых летописью, и с точки зрения логики развиваемых ими положений. Обращаясь к летописи, замечаем, что ее составитель

рейшина» и «князь» (Там же, стр. 9), мы считаем необходимым воздержаться от использования данного текста.

¹ В.В.Мавродин. Образование Древнерусского государства. Л., 1945, стр. 289 - 346.

² ПВЛ, ч. 1, стр. 74-75, 87.

³ Р.С.Липец. Эпос и Древняя Русь. М., 1969, стр. 127 - 131.

⁴ А.Рейц. Опыт истории..., стр. 30 (прим.); С.В.Юшков. Очерски..., стр. 34.

⁵ М.Ф.Владимирский-Буданов. Обзор..., стр. 26 — 28, 47 —, 48; Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 126 — 127.

разграничивает бояр и старцев градских.¹ Вникая в логическую канву исследования названных авторов, ощущаем слабость построения отдельных звеньев. Дореволюционных ученых, впрочем, можно еще понять, поскольку они исходили из идеи о прибытии издалека варяжских дружин на Русь, представители которых образовали княжеский двор с его высшим слоем — княжими боярами, противостоящими туземному боярству. Но исследователь, придерживающийся мнения о ничтожной миссии варягов в социально-политической истории Древней Руси и быстрой ассимиляции их славянской средой, не может противопоставлять «высших членов княжеского двора» туземной знати, не впадая в противоречие с самим собой.

Еще меньше похожи старцы на князей. Мы говорим об этом потому, что в историографии предпринимались попытки сравнивать старцев градских и князей. М.В.Довнар-Запольский писал: «Наша древняя летопись считает очень многих князей в среде русских племен, находящихся под властью киевского князя Олега. Очень вероятно, что эти племенные князья были такими же родовыми старейшинами (старцами градскими. — Авт.). С объединением Руси они затерялись в среде местного земского боярства».² Автор не приводит ни одного факта, который как-нибудь бы подтвердил его мысль. Не знаем и мы таковых. Поэтому спор тут бесплоден.

Итак, старцы градские — это ни князья, ни бояре. Кто же они? Без привлечения этнографического материала ответить на поставленный вопрос нельзя. И достойно сожаления, что историки до сих пор изучают старцев градских без помощи

¹ «И реша старци и боляре...» (ПВЛ, ч. I, стр. 58); «Созва Володимер боляры своя и старци градские...» (Там же, стр. 74); «И созва князь боляры свои и старца...» (Там же, стр. 75); «И съзываше боляры своя, и посадники, старейшины по всем градом...» (Там же, стр. 85).

² Русская история в очерках и статьях, т. I. Под редакцией М.В.Довнар-Запольского, б/г, стр. 293.

этнографов. Наблюдения Л.Моргана над бытом индейцев демонстрируют сложную структуру власти в родо-племенном обществе на позднем этапе его развития, когда народом управлял совет вождей, народное собрание и высший военачальник.¹ Совет вождей выполнял гражданские функции.²

На аналогичное разделение властей у древних германцев обратил внимание Ф.Энгельс. «Высшей ступени варварства, — говорит он, — соответствует и организация управления. Повсеместно существовал, согласно Тациту, совет старейшин (principes), который решал более мелкие дела, а более важные подготовлял для решения в народном собрании... Старейшины (principes) еще резко отличаются от военных вождей (duces), совсем как у ирокезов».

Старцы градские, по нашему убеждению, и есть та племенная знать, которая занималась гражданскими делами, чем она и отличалась от князей и их сподручников бояр, профилирующихся прежде всего в области военной. Наименование «градские» они получили потому, что пребывали, как и следовало ожидать от племенной знати, в «градах» — племенных центрах.

Не везде положение старцев градских было одинаковым. Более уверенно и устойчиво они чувствовали себя в тех землях-княжениях, где правили местные князья — потомки племенных вождей, вросших в туземную почву. Между этими князьями и старцами вряд ли возникали острые или неразрешимые противоречия. Вспомним древлян с их патриархально-идиллическим общественным тонусом, добрыми князьями, нарочитыми мужами (старейшинами), «иже дерьжаху Деревьску землю». Несколько иной была судьба старцев там, где утвердилась иноземная династия Рюриковичей. Здесь, пожалуй,

¹ Л.Морган. Древнее общество. Л., 1934, стр. 71.

² Там же.

³ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 21, стр. 142.

чаще возникали поводы для взаимного недовольства. Однако и Рюриковичи вынуждены были на первых порах считаться с ними и при случае пользоваться их поддержкой. Пример князя Владимира Святославича тут более чем кстати. Но нельзя также преувеличивать значение старцев градских: при всем своем социальном весе они по отношению ко второй половине X в. — осколки прошлого, готовые навсегда исчезнуть с политического небосклона Древней Руси. И действительно, в XI в. о них уже ничего не слышно. В чем причина ухода старцев? Собрание восточнославянских земель вокруг Киева губительно отзывалось на старцах, тяготевших к местной обособленности и замкнутости, поднимавших свои племена против гегемонии киевских князей. Не случайно Ольга, ворвавшись в Искоростень, подвергла экзекуции тамошних старцев.¹ Но главная причина исчезновения старцев градских заключалась, конечно, не в карательных мерах князей из Киева, а в распаде родового строя, из недр которого вышли старцы; рухнули учреждения родового строя, и вместе ними отошли в небытие старцы градские, их персонифицирующие.

* * *

Какие выводы можно сделать из проделанного в первой главе исследования? Основной вывод заключается в том, что в Киевской Руси (в ее социально-экономической структуре) факторам дофеодального характера принадлежала в высшей степени существенная роль. Здесь необходимо прежде всего назвать общину в различных вариациях и крупные семейные объединения. Эти социальные институты генетически восходят к родовому строю и в сущности являются его модифика-

¹ ПВЛ, ч.1, стр.43. В Лаврентьевском списке Повести временных лет читаем: «...старейшины же града изынима...». Не то в Ипатьевском списке: «...старейшины же города ижеже...». Трудно сказать, какой из вариантов более правилен. Несомненно только, что старцы градские побежденных Киевом восточнославянских племен нередко теряли свободу и даже жизнь.

цией. Не случайно Ф.Энгельс указывал: «...родовой строй может продолжать существовать в течение целых столетий в измененной, территориальной форме в виде маркового строя и даже на некоторое время восстанавливаться в более слабой форме в позднейших дворянских и патрицианских родах, и даже в родах крестьянских».¹ Наличие «родов крестьянских» выражалось в Древней Руси в большой семье, явившейся результатом распада древнего патриархального рода.

В плане социально-экономическом крупные семейные союзы играли роль сдерживающего начала. «И частная собственность, и наследство, — пишет В.И.Ленин, — категории таких общественных порядков, когда сложились уже обособленные, мелкие семьи (моногамные) и стал развиваться обмен».²

Наши наблюдения насчет значения в жизни древнерусского общества дофеодальных институтов должны быть проверены в ходе исследования явлений, знаменовавших наступление нового порядка, противостоящего как исторически, так и логически доклассовому периоду. И тут, по нашему убеждению, речь надо вести в первую очередь о возникновении и развитии крупного землевладения. Конечный смысл данного исследования сводится к тому, чтобы выявить, в какой мере было представлено в Древней Руси крупное землевладение. От решения этой задачи во многом зависят итоговые выводы, полученные в первой главе настоящей диссертации. К изучению крупного землевладения и хозяйства на Руси X—XII вв. мы и переходим.

¹ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 21, стр. 169.

² В.И.Ленин. Полн. собр. соч., т. I, стр. 152.

Глава вторая

КРУПНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ХОЗЯЙСТВО НА РУСИ X - XII вв.

/ Из историографии вопроса о крупном землевладении на Руси X-XII вв.

На протяжении многих столетий земля в аграрной России была главной ценностью и составляла основное богатство общества. Это вполне объясняет, почему русские историки с особым вниманием относились к истории поземельных отношений. Центральной проблемой данных отношений является вопрос о землевладении. В отечественной историографии рассматривалось как общинное, так и частное землевладение. Наличие последнего С.М.Соловьев допускал уже в эпоху первых Рюриковичей, полагая, что княжеские дружинники того времени могли иметь села, населенные военнопленными, купленными рабами и наймитами.¹

Другой выдающийся русский историк В.О.Ключевский признаки появления частной земельной собственности на Руси отодвинул к XI в.² Первое упоминание о владельческих селах с дворовой челядью он нашел в известном торговом договоре, заключенном, по версии В.Н.Татищева, князем Владимиром с

С.М.Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. I. М., 1959,²

В.О.Ключевский. Соч., т. I. М., 1956, стр. 275.

волжскими болгарами в 1006 г.¹ Потом «в XII столетии мы встречаем несколько указаний на частных земельных собственников. Такими собственниками являются: 1) князья и члены их семейств, 2) княжие мужи, 3) церковные учреждения, монастыри и епископские кафедры. Но во всех известиях о частном землевладении XII в. земельная собственность является с одним отличительным признаком: она населялась и эксплуатировалась рабами; это села с челядью».

Согласно Н.А.Рожкову, «в наших источниках совершенно не сохранилось известий о существовании частной, личной земельной собственности до призвания князей... Но со времени появления князей в Русской земле к древним чисто вервным землевладельческим порядкам примешиваются новые формы, постепенно и медленно проникая в жизнь. Прежде всего появилось княжеское землевладение. Первые следы его становятся заметны уже в X в., когда Ольга устроила по всей земле свои "места" и "села" ...»³ Вслед за княжеским появляется боярское землевладение. Зарождается оно в XI в. В том же XI столетии возникает и духовная земельная собственность.⁴ Сходные суждения имеем у Г.Ф.Блюменфельда и П.И.Беляева.⁵

А.Е.Пресняков, хотя и отмечал слабые контуры княжого землевладения и княжого хозяйства времен Ярославичей, но в существовании княжеских дворов и сел несколько не сомне-

¹ В.О.Ключевский. Соч., т. VII. М., 1959, стр. 361.

² В.О.Ключевский. Соч., т. I, стр. 275.

³ Н.А.Рожков. Натуральное хозяйство и формы землевладения в древней России. «Жизнь», 1900, № 9, стр. 50.

⁴ Там же. См. также: Н.А.Рожков. Обзор русской истории с социологической точки зрения, ч. I. СПб., 1905, стр. 34; Его же. Город и деревня в русской истории. СПб., 1913, стр. 16.

⁵ См.: Г.Ф.Блюменфельд. О формах землевладения в древней России. Одесса, 1884, стр. 98; П.И.Беляев. Древнерусская сеньория и крестьянское закрепощение. «Журнал Министерства юстиции», 1916, № 8.

вался.¹ Наряду с княжим, А.Е.Пресняков упоминает церковное землевладение, возникшее, по его мнению, еще в XI в. Источником его «были пожалования князей и вклады других лиц».² В отличие от княжеского и церковного боярское владение землей строилось на принципиально иных основах. Оно возникало «путем заимки и распашки новин на незанятых участках. Ставилось и велось это хозяйство руками челяди».³

Незначительное развитие частного землевладения на Руси до XI в. отмечали А.Васильчиков и Н.Огановский.⁴ «В Киевскую эпоху, — говорил Н.Огановский, — земля не имела ценности, так как большинство ее лежало "впусте" ...»⁵

Некоторые дореволюционные авторы были не прочь приписать древнерусским князьям право частной собственности на всю государственную территорию. Еще Н.М.Карамзин замечал, что «вся земля Русская была, так сказать, законной собственностью Великих Князей: они могли, кому хотели, раздавать города и волости».⁶ Автор находит возможным говорить даже о поместной системе в то время.⁷ Аналогичные идеи мелькали и у Н.А.Полевого.⁸

Но особенно настойчиво проявил себя здесь А.Лакиер. Первые князья ему казались государями-вотчинниками, рас-

¹ А.Е.Пресняков. Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X-XII столетий. СПб., 1909, стр. 274; Его же. Лекции по русской истории, т. I. Киевская Русь. М., 1938, стр. 186.

² А.Е.Пресняков. Лекции по русской истории, т. I, стр. 194.

³ Там же, стр. 195.

⁴ См.: А.Васильчиков. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах, т. I. СПб., 1876, стр. 305; Н.Огановский. Закономерность аграрной эволюции, ч. II. Очерки по истории земельных отношений в России. Саратов, 1911, стр. 48, 50.

⁵ Н.Огановский. Закономерность аграрной эволюции, ч. II. Очерки по истории земельных отношений в России. Саратов, 1911, стр. 50.

⁶ Н.М.Карамзин. История Государства Российского, т. I. СПб., 1892, стр. 159.

⁷ Там же.

⁸ Н.Полевой, История русского народа, т. I. М., 1829, стр. 72 — 73.

поряжавшимися всей землей по личному произволу.¹ Идею Лакиера активно поддерживал Б.Н.Чичерин. Их представления встретили резкую критику со стороны К.Д.Кавелина, И.Д.Беляева, А.Д.Градовского, Н.Л.Дювернуа, Ф.И.Леонтовича, Г.Ф.Блюменфельда и др.³

Тем не менее схема Лакиера-Чичерина приросла к произведениям последующих исследователей. Так, Ю.В.Готье писал: «...можно предположить, что уже тогда (X-XII вв. — И.Ф.) верховным собственником вервной земли считался князь».⁴ Будучи верховным собственником земли общинников-смердов, он свободно раздавал ее своим мужам, церковникам.⁵ О возникновении индивидуальной земельной собственности Ю.В.Готье писал несколько прямолинейно, связывая ее с появлением «сильных людей, устанавливающих свою власть, над первоначально свободными группами равноправных людей».⁶

Следовало бы вспомнить и о тех, кто специально занимался церковным землевладением. Для В.Милютина не было со-

¹ А.Лакиер. О вотчинах и поместьях. СПб., 1848, стр. 3 — 5.

² Б.Н.Чичерин. Опыты по истории русского права. М., 1858, стр. 64 — 67; Его же. Областные учреждения в России в XVII веке. М., 1856, стр. 2.

³ К.Кавелин. Рецензия на книгу Лакиера «О вотчинах и поместьях». «Современник», т. X, отд. III. СПб., 1848, стр. 63, 65; И.Д.Беляев. Обзор исторического развития сельской общины в России. «Русская беседа», 1856, I, отд. «Критика», стр. 105 — 107; Его же. Еще о сельской общине. «Русская беседа», 1856, II, стр. 123 — 128; Его же. Крестьяне на Руси. М., 1903, стр. 7 — 29; А.Д.Градовский. История местного управления в России, т. I. СПб., 1868, стр. 16 — 21; Н.Дювернуа. Источники права и суд в Древней России. Опыты по истории русского гражданского права. М., 1869, стр. 115 — 121; Ф.И.Леонтович. Задружно-общинный характер политического быта Древней России. «ЖМНПросв.», 1874, 8, стр. 227; Г.Ф.Блюменфельд. О формах землевладения в Древней России. Одесса. 1884, стр. 86 — 88.

⁴ Ю.В.Готье. Очерк истории землевладения в России. Сергиев Посад, 1915, стр. 9.

⁵ Там же, стр. 10.

⁶ Там же, стр. 4.

мнения в том, что «уже в конце XI века Русское духовенство владело как ненаселенными, так и населенными землями».¹ Способы, которыми пользовалось духовенство в политике «стяжательства», были различны — это правительственные пожалования, дарения частных лиц, купля, мена и т.д.² Осторожность, с какою В.Милютин пометил начальный этап недвижимого имущества у духовенства в России, М.Горчакову показалась излишней. «Нет сомнения, — утверждал он, — что самые первые христианские русские князья, св.Владимир и Ярослав, предоставили митрополиту всея России право владеть земельными имуществами. Примеру первых князей следовали в этом отношении другие князья XII в., великие и удельные. Означить точно — где и какие земли, сколько их и в какой силе имели митрополиты всея России в течение XI и XII вв., — исторические свидетельства не дают достаточных для этого материалов».³

К М.Горчакову присоединился Е.Голубинский. Разбирая вопрос о материальном обеспечении ранних церковных иерархов, он заключает: «Итак, св.Владимир обеспечил епископов в средствах содержания, во-первых, десятиной, которая должна была взиматься с княжеских доходов в более или менее полном объеме последних и с доходов частных людей, составлявших класс вотчинников; во-вторых, как со всею вероятностью должно предполагать, недвижимыми имениями, которые состояли в землях для ведения собственных хозяйств, с причею к землям потребного количества сельских холопов, а также потребного количества служилых людей или слуг, которые бы в действительности вели хозяйства и вообще заведовали

¹ В.Милютин. О недвижимых имуществах духовенства в России. «ЧОИДР», 1859, кн. 4, стр. 25.

² Там же, стр. 43.

³ М.Горчаков. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. Синода (988 - 1738 г.). СПб., 1871, стр. 47.

ими».¹ Что касается монастырей, то они, по мнению Е.Голубинского, «начали владеть недвижимыми именами не позднее, как со времени преп.Феодосия».² Точку зрения В.Милютина воспринял Б.Д.Греков, когда работал над историей Новгородского дома св. Софии. Духовенство, считал Б.Д.Греков, стало обрастать землей сравнительно поздно — к концу XI — началу XII в.³ Характерно, «в первые времена существования русской церкви охота жертвовать в церковь свое имущество была далеко не у многих ее членов прежде всего потому, что мало было тогда настоящих христиан на Руси ...При таком отношении к вере нельзя допустить, чтобы новгородская церковь в первое время своего существования могла обогащаться частными пожертвованиями в значительных размерах, как это было позднее».⁴

Вопрос о землевладении в советской исторической литературе приобрел чрезвычайное значение. Процесс формирования княжеской земельной собственности М.Н.Покровский ставил в тесную зависимость с развитием государственности в Древней Руси. Он считал, что «древнейший тип государственной власти развился непосредственно из власти отцовской».⁵ Отсюда и та особенность, «в силу которой князь, позже государь московский, был собственником всего государства на частном праве, как отец патриархальной семьи был собственником самой семьи и всего ей принадлежавшего».⁶ Владение государственной территорией на частном праве, отводимое М.Н.Покровским в удел древнерусскому князю, вытекало из

¹ Е.Голубинский. История русской церкви, т. I, перв.половина тома. М., 1901, стр. 512-513.

² Е.Голубинский. История русской церкви, т. I, втор.половина тома. М., 1904, стр. 712.

³ Б.Д.Греков. Избранные труды, т. IV. М., 1960, стр. 141.

⁴ Там же, стр. 141 — 142.

⁵ М.Н.Покровский. Избранные произведения, кн. 1. М., 1966, стр. 96.

⁶ Там же, стр. 100.

смещения частного и государственного права.

Боярщину М.Н.Покровский встречает в очень раннюю эпоху.² Но «процесс образования в Древней Руси крупного землевладения не может быть изучен в деталях за отсутствием документов».³ Автор полагал, что «насилованный захват в легальной или нелегальной его форме едва ли был главным способом образования крупного землевладения в Древней Руси. В истории, как и в геологии, медленные молекулярные процессы дают более крупные и, главное, более прочные результаты, чем отдельные катастрофы».⁴ Эти «молекулярные процессы» он усматривал в сфере экономических отношений, ставящих крестьянское хозяйство в хроническую зависимость от барского.⁵

В 20-е годы было высказано немало интересных соображений по поводу укладывания частного землевладения на Руси. Конечно, многие из них потеряли сейчас научную ценность. Нельзя, например, согласиться с П.Г.Архангельским, который писал: «Первые ростки частной собственности на землю показали у нас так же давно и рано, как и первые зачатки общинного землевладения». В настоящее время никто не станет оспаривать то положение, что общинное землевладение исторически предшествовало частной собственности на землю. Но следует признать весьма плодотворным наблюдение П.Г.Архангельского, согласно которому «колыбель у частного и общинного землевладения была общая: этой колыбелью был первоначальный захват ничьей, пустопорожней дикой земли; происходил этот захват в далекую пору безгранич-

¹ Там же, стр. 101.

² Там же, стр. 104.

³ М.Н.Покровский. Очерк истории русской культуры, ч. I. М.-Л., 1925, стр.45.

⁴ М.Н.Покровский. Избранные произведения, кн. I, стр. 116—117.

М.Н.Покровский. Очерк истории русской культуры, ч. I, стр. 46.

П.Г.Архангельский. Очерки по истории земельного строя в России. Казань, 1920, стр. 18.

ного земельного приволья». Заслуживает внимания и попытка П.Г.Архангельского показать эволюцию отраслевых направлений в княжеском и боярском хозяйстве. «Занявши много вольной, дикой земли, — писал он, — князья и бояре руками своих рабов извлекали из нее доходы: они заставляли их ловить и бить ценных пушных зверей в лесах — бобров, медведей, лисиц, куниц и др.; ловить рыбу, водить пчел, заниматься скотоводством (водить коней); что же касается земледелия, то в самом начале оно не было в хозяйстве крупных «господ» старинной Руси на первом месте: продавать хлеб было почти некому, везти его в чужие края опасно, долго и невыгодно; поэтому хлеба сеялось в княжеских и боярских имениях лишь столько, чтобы прокормить хозяйскую семью, хозяйских гостей, слуг и холопов». И только «с течением времени устройство княжеского и боярского крупного имения стало мало-помалу изменяться: в нем все большее значение начало приобретать земледелие, а звероловство, рыболовство и коневодство постепенно отступали все больше на второй план. Происходило это оттого, что запас ценных пушных зверей сам собою сокращался, да и сбыт их за границу, дававший ранее большие доходы князьям и боярам, сильно расстроился после того, как в степях нынешней южной России появились и утвердились хищные азиатские кочевники — половцы, а еще позже татары». Эти рассуждения хотя и довольно схематичны, но не без рационального зерна, которому, к сожалению, не удалось прорасти: идеи П.Г.Архангельского остались в стороне от столбовой дороги советской историографии.

В противоположность П.Г.Архангельскому, А.А.Ржаницын наиболее древним видом землевладения на Руси называл

¹ Там же.

² Там же, стр. 20.

³ Там же, стр. 20 — 21.

общинное, или, как он выражается, вервное. «Однако очень рано, — продолжает А.А.Ржаницын, — рядом с вервным землевладением появляются и земли частных владельцев. Первыми видными представителями частного землевладения являются князья Рюрикова рода. Затем — дружинники и сподвижники князей, которым за подвиги и услуги князья начинают раздавать земли. Наконец, с введением и распространением христианства на Руси приобретает видное значение землевладение церковью и особенно монастырем».² Момент появления частной собственности на землю А.А.Ржаницын обозначил XII в.³ Вслед за В.О.Ключевским он подчеркивал, что владельческая земля населялась и эксплуатировалась рабами, что «идея о праве собственности на землю вытекала из рабовладения, была развитием права собственности на холопа. Эта земля моя, потому что люди мои, которые ее обрабатывают».⁴ В заключение А.А.Ржаницын приходит к выводу, будто «еще в период Киевской Руси уже начался захват землевладельцами земель крестьян (смердов)».⁵ О существенном значении экспроприации земли «первобытных деревенских производителей» в процессе формирования частновладельческого земельного

¹ А.А.Ржаницын. Борьба за землю в России, ч. I. Закрепощение земли. М., 1925, стр. 16.

² Там же.

³ Там же, стр. 17.

⁴ Там же. (Здесь А.А.Ржаницын чуть ли не слово в слово повторяет В.О.Ключевского, у которого читаем: «На Руси рабовладение было, по-видимому, не только экономическим условием, но и первоначальным юридическим проводником идеи частного землевладения: сельский холоп давал землевладельцу возможность не только эксплуатировать землю, но и признавать ее своею. Эта земля моя, потому что мои люди, ее обрабатывающие, мной к ней привязанные, — таков был диалектический процесс усвоения мысли о частной земельной собственности первыми русскими землевладельцами». См.: В.О.Ключевский. Подушная подать в России и отмена холопства. - «Сочинения», т. VII. М., 1959, стр. 362). Там же, стр. 19.

фонда писал также И.Д.Шулейкин.¹

В книге В.И.Пичеты по истории сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии имеются соображения и о начальном периоде частного землевладения на Руси. Сначала, по идее В.И.Пичеты, выступает княжеское землевладение - это села X в. Но они «не были производительными хозяйствами. Это были скорее загородные дворцы, дачи, куда князья ездили для отдыха или останавливались на время охоты».² «Трудно сказать, — пишет В.И.Пичета, - каковы размеры княжеских владений, так как для этого не имеется никаких данных. Но, конечно, нельзя согласиться с теми исследователями, которые считают, что в начале княжеской эпохи земля принадлежала одному князю, и что князья и дружинники, как думает Чичерин, силой оружия захватывали землю, чем содействовали распаду родовой общины... Князья на правах собственности владели только отдельными земельными участками, что отчасти нашло свое отражение в «Русской Правде».³ С принятием христианства и созданием церковных учреждений на Руси появляется крупное землевладение духовных чинов.⁴ Третьим видом крупного землевладения В.И.Пичета именуется боярское, которое «развивалось наряду с княжеским, но только менее интенсивно...»⁵ Боярское землевладение не получило серьезного развития до половины XII в.⁶ И лишь с этого времени в результате экономического кризиса и распада Киевского государства бояре сажаются на землю и начинают заниматься сельским хозяйством.⁷

В 30-е годы рассматриваемая проблема получила совсем

¹ И.Д.Шулейкин. История земельных отношений и землеустройства, ч. I. М.-Л., 1933, стр. 20.

² В.И.Пичета. История сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии, ч. I (до конца XVI века). Минск, 1927, стр. 23.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 25.

Там же.

⁶ Там же, стр. 25-26.

⁷ Там же, стр. 26.

иное освещение, чем это было раньше. Ведущей темой в указанное время стала социально-экономическая проблематика, вследствие чего вопрос о частной собственности на землю стал одним из центральных. Решение ключевых проблем истории древнерусского феодализма связано с именем Б.Д.Грекова. Выступая с докладом на пленуме ГАИМК в 1932г., он утверждал, что «князья, бояре, церковь, т.е. вся правящая верхушка славянского и неславянского общества, объединенного в IX — X вв. под гегемонией Киева, была в основе своей классом землевладельческим».¹ Если первоначально Б.Д.Греков определял княжеское землевладение способом перечисления сведений о селах, сохранившихся в древних памятниках письменности, то очень скоро он дает и общее обозначение княжескому хозяйству, вводя термин «домен». Мы ошибемся, думая, что использование Б.Д.Грековым понятия «домен» не имело принципиального свойства. Напротив, оперируя этим термином, автор хотел оттенить большую масштабность княжеского землевладения, а вместе с ним боярского и церковного в экономике Киевской Руси. Впоследствии Б.Д.Греков только совершенствовал и шлифовал свои представления о характере и роли крупного феодального землевладения в Древней Руси.³ В унисон с Б.Д.Грековым рассуждал А.Г.Пригожин. Производительные силы Киевской Руси IX — X вв. он распределил так, что «земля — основной источник

¹Б.Д.Греков. Рабство и феодализм в Древней Руси. «Изв. ГАИМК», вып. 86. М.-Л., 1934, стр. 35.

²Б.Д.Греков. Главнейшие этапы русской феодальной вотчины. В кн.: Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в., вып. I. Л., 1933, стр. XXIV; Его же. Очерки по истории феодализма в России. Система господства и подчинения в феодальной деревне X — XVI вв. «Изв. ГАИМК», вып. 72. М.-Л., 1934, стр. 37.

³См.: Б.Д.Греков. Феодальные отношения в Киевском государстве. М.-Л., 1937; Его же. Киевская Русь. М.-Л., 1939; Его же. Киевская Русь. Госполитиздат, 1953; Его же. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Книга первая. М., 1952 и др.

производства — находится в монопольном владении князей боярства и церкви, которым противостоят истинные производители, начиная от рабов (но рабов уже модифицированных условиями феодализирующихся процессов) и кончая целой плеядой категорий зависимого населения».¹

С критикой представлений Б.Д.Грекова выступил С.В.Вознесенский. Он показал, как Б.Д.Греков, соединив в одну картину разновременные черты княжеского хозяйства, нарисовал, в сущности, статически феодальное землевладение.² По мнению С.В.Вознесенского, «в X — XI вв. мы присутствуем лишь при начальном образовании, так сказать, при самом становлении феодальной вотчины, которая лишь в XII — XIII вв. является в таком виде, как ее обрисовывает Б.Д.Греков».³ С.В.Вознесенский обратил внимание на одну весьма важную деталь, которая показывает, что «роля, или княжеская пахота, в княжеском хозяйстве стала играть известную роль много позже, чем борничество и охота. Любопытно также отметить, что в Краткой Правде вообще выступает на первом месте не земледелие, а скотоводство и особенно коневодство, в котором господствующий класс был особенно заинтересован».⁴ Продукты земледелия — прежде всего хлеб — князья и бояре получали в виде дани с подчиненного им населения.⁵

Полемизировал с Б.Д.Грековым также С.В.Бахрушин. Он, как и С.В.Вознесенский, упрекал Б.Д.Грекова за статический подход в изображении социально-экономической жизни Приднепровья.⁶ Сам С.В.Бахрушин в IX и первой половине X ве-

¹ А.Г.Пригожин. О некоторых своеобразиях русского феодализма. «Изв. ГАИМК», вып. 72. М.-Л., 1934, стр. 15.

² С.В.Вознесенский. К вопросу о феодализме в России. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 7 — 8, стр. 225.

³ Там же, стр. 226.

⁴ Там же, стр. 227.

⁵ Там же, стр. 227-228.

⁶ С.В.Бахрушин. Некоторые вопросы истории Киевской Руси. «Историк-марксист», 1937, кн. 3, стр. 169.

ков признаков княжеского землевладения не находит.¹ Все известия о селах второй половины X в. несут печать легенды. Но это отнюдь не означает, что «в конце X в. еще не начался процесс освоения общинных земель будущими феодалами... но дело идет еще... не столько о пашенных землях, сколько о промысловых угодьях».² Нельзя, впрочем, забывать о том, что С.В.Бахрушин в своих построениях исходил из ошибочного тезиса о слабом развитии земледелия в хозяйстве приднепровских славян вплоть до XI в.; только с XI столетия земледелие становится основным компонентом экономики Древней Руси.³ «В связи с этим, — замечает он, — возникновение крупного феодального землевладения следует отнести к эпохе более поздней».⁴

Возникновению и развитию феодального землевладения, феодальной ренты и феодальной зависимости С.В.Юшков уделил главу в книге «Очерки по истории феодализма в Киевской Руси». Он писал, что «в историографии, посвященной вопросу о возникновении и первоначальном развитии феодализма в Древней Руси, мало обсуждался вопрос о княжеском домене. Обычно говорят о «княжеских селах», об «окняжении» земли. Не применяется и самый термин — «княжеский домен».⁵ Как мы могли убедиться, в советской литературе еще в 1933 г. Б.Д.Греков ввел этот термин; вскоре он придал ему и соответствующее значение. Поэтому С.В.Юшков в данном случае вряд ли прав. Но попытка его рассмотреть княжеский домен стадийно, т.е. исторически, может оцениваться как новый шаг в историографии темы. «Одной из начальных стадий образования княжеского домена, — считал С.В.Юшков, —

¹ С.В.Бахрушин. «Держава Рюриковичей». «Вестник древней истории», 1938, №2, стр. 94.

² С.В.Бахрушин. Некоторые вопросы истории Киевской Руси, стр. 169.

³ Там же, стр. 168 — 169; Его же. К вопросу о русском феодализме. «Книга и пролетарская революция», 1936, № 4, стр. 46.

⁴ С.В.Бахрушин. Некоторые вопросы истории Киевской Руси, стр. 169.

⁵ С.В.Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.-Л., 1939, стр. 44.

была организация княжеских сел, где князья эксплуатировали холопов и первые группы выбитого из колеи и обезземеленного крестьянства — закупов и изгоев».¹ Подобные княжеские села фигурируют уже с середины X в.² В XI и XII вв. количество сел, находящихся в собственности князей, увеличивается. Основной способ образования их — захват земель у общинников, «экспроприация земли», «окняжение земли общинников».³ «Одним из моментов, свидетельствующих о росте прав князей над территорией княжений и росте княжеского домена, — продолжает автор, — является сообщение летописей о возникновении "собственных" княжеских городов».⁴ Они (города) принадлежали киевским князьям на особом праве, были пунктами феодального властвования, а их жители — людьми князя, а не подданными.⁵ Возникновение собственных княжеских городов создавало благоприятные условия «для роста княжеского землевладения, княжеского домена. Имея эти опорные пункты, князья овладевали и окрестной территорией».⁶ Последующая история княжеского домена «идет по линии постепенной консолидации княжеских городов и волостей с городами и волостями, находившимися в общей административной системе земли-княжения... Вероятно, в некоторых землях-княжениях князьям удавалось добиться этого слияния, и, таким образом, все земли, не входившие в состав церковных и боярских сеньорий, стали составлять княжеский домен. Князья в этом случае могли эксплуатировать все владения одинаковым образом и распоряжаться ими по своему усмотрению».

Из-за отсутствия данных С.В.Юшков не решился сказать, когда и как возникло землевладение бояр, но рост его доста-

¹ Там же, стр. 45.

² Там же.

³ Там же, стр. 45 — 46.

⁴ Там же, стр. 46.

⁵ Там же, стр. 46 — 47.

⁶ Там же, стр. 47.

⁷ Там же, стр. 49.

точно замечен в X в., а в XII и XIII вв. оно проходит «настоящее быстрое развитие». В отношении земельных владений, принадлежащих церковным учреждениям, «нет серьезных оснований сомневаться в достоверности поздних источников, говорящих о факте существования владений уже в первые годы христианства на Руси».² При всех, казалось бы, своеобразиях положений С.В.Юшкова его точка зрения близка концепции Б.Д.Грекова; он так же, как и автор «Киевской Руси», признает раннее появление феодального землевладения и наделяет его такими размерами, которые позволяют говорить о ведущем характере этого землевладения в экономике Древнерусского государства.

Дальнейшее развитие историографии генезиса феодализма в России шло в плоскости уточнения хронологии вопроса. Одни исследователи считали возможным говорить о феодальном обществе на Руси применительно к IX в.³ Другие авторы связывали проблему с более поздним временем. Так, по мнению В.В.Мавродина, «в IX и даже в X вв. феодальное землевладение еще не сложилось».⁴ Согласно А.А.Зимину, именно в переломную эпоху княжения Владимира Святославича «князь и дружина все более и более оседают на землю».⁵

Следует, впрочем, сказать, что в литературе обозначились перемены и более радикального свойства. Если Б.Д.Греков возникновение феодализма ставил в зависимость от появления крупного землевладения князей, бояр и клириков, выступавших в роли частных собственников, то впоследствии некото-

¹ Там же, стр. 51.

² Там же, стр. 55.

³ Л.В.Черепнин. Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII в.). «Вопросы истории», 1953, № 4, стр. 47; М.Н.Тихомиров. Крестьянские и городские восстания на Руси XI-XIII вв. М., 1955, стр. 15-16, 30-31; Б.А.Рыбаков. Киевская Русь. В кн.: История СССР, т. I. М., 1966.

⁴ В.В.Мавродин. Образование Древнерусского государства. Л., 1945, стр. 160.

⁵ А.А.Зимин. Феодальная государственность и Русская Правда. «Исторические записки», т. 76, 1965, стр. 244.

рые историки проблему складывания феодализма на Руси стали рассматривать на фоне окняжения земли, выражавшегося в подчинении восточнославянских племен власти киевских князей. Дань, уплачиваемая при этом подчиненными племенами, отождествлялась с феодальной рентой.¹

Наиболее завершенный и отшлифованный вид данная концепция имеет в трудах Л.В.Черепнина. Он устанавливает три линии развития феодализма в Древней Руси: «во-первых, происходило «окняжение» земли и обложение свободных общинников данью, перераставшей в феодальную ренту. Так складывалась государственная собственность, получившая впоследствии наименование «черной». Во-вторых, наблюдалось расслоение соседской общины, из которой выделялись крестьяне-аллодисты, превращавшиеся затем в феодалов, и безземельные люди, труд которых присваивался землевладельцами. Наконец, в-третьих, собственники-феодалы сажали на землю рабов, становившихся зависимыми крестьянами. До середины XI — XII вв. господствующей формой феодальной собственности была государственная, господствующим видом эксплуатации — взимание дани. К XII в. складывается землевладение княжеское (домениальное), боярское, церковное, основанное на присвоении прибавочного продукта, произведенного трудом зависимого крестьянства и посаженных на землю холопов. Но это не две разные формации, а два периода в пределах одного общественного строя (феодального)».²

Какие итоги можно извлечь из обзора дореволюционной и

¹ В.Довженко и М.Брайчевский. О времени сложения феодализма в Древней Руси. «Вопросы истории», 1950, № 8; В.И.Довженко. О некоторых особенностях феодализма в Киевской Руси. В кн.: Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья. Киевская Русь и ее славянские соседи. М., 1972.

² Л.В.Черепнин. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX — XV вв. В кн.: А.П.Новосельцев (и др.). Пути развития феодализма. М., 1972, стр. 250.

советской исторической литературы о крупном землевладении в Киевской Руси? Старые историки об этом писали, как правило, в форме цитирования источников, упоминающих княжеские, боярские и церковные земли. Ими хотя и были намечены этапы возникновения землевладения князей, бояр и духовенства, но история землевладельческого хозяйства как такового осталась в общем не раскрытой. Вопрос о социально-экономической природе частного землевладения, о значении его в общей экономической системе Древней Руси оказался также не вполне разработанным.

Последний недостаток был восполнен в советский период. Трудami Б.Д.Грекова и его сторонников проводилась идея о феодальной сущности частного землевладения уже в момент его зарождения, доказывалось, что в Киевской Руси оно стало экономической основой общественных отношений. Новые выводы, однако, покоились на прежних исследовательских приемах — простом перечислении и суммировании свидетельств памятников о частном землевладении. Поэтому тут мы еще не имеем собственно историю частного землевладения, а узнаем больше о том, что оно действительно было. В произведениях Б.Д.Грекова нет, кроме того, изображения отраслевых направлений крупной вотчины, не показаны перемены в отраслях с течением времени. Оппоненты Б.Д.Грекова (С.В.Вознесенский и С.В.Бахрушин) обратили внимание на этот важный пробел, но их замечания не достигли цели и повисли в воздухе. Лишь в последнее время наметился перелом. Однако историки обращались пока преимущественно к истории зависимого населения в Древней Руси, складывания права и государственности. Исключение здесь представляет интересное исследова-

¹ См.: Л.В.Черепнин. Из истории формирования класса феодально-зависимого крестьянства на Руси. «Исторические записки», т. 56, 1956; Его же. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда. В кн.: А.П.Новосельцев (и др.). Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965; Его же. К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X - начала XIII вв. «Исторические записки»,

I

Важнейшим упущением является и то, что частное хозяйство изучалось нередко изолированно от внешнего мира, вне связи с такими значительными явлениями, как внешняя торговля, многочисленные войны, полюдья-кормления, которые сильно влияли на производственную структуру вотчины. Все это дает повод еще раз вернуться к вопросу о частном землевладении в Древнерусском государстве. Но сперва о роли крупного землевладения в процессе складывания феодализма и о некоторых терминологических нюансах.

П.Несколько методических и терминологических замечаний

В трудах Б.Д.Грекова, посвященных Киевской Руси, была раскрыта роль крупного землевладения как экономической основы феодального процесса.² Этот взгляд разделяют многие новейшие исследователи.³ Однако А.Я.Гуревич усомнился в его справедливости. Он пишет: «Генезис феодализма заключа-

89, 1972; А.А.Зимин. Холопы Древней Руси. «История СССР», 1965, № 6; Его же. Феодальная государственность и Русская Правда. «Исторические записки», 76, 1965.

¹ Л.В.Черепнин. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности. В кн.: А.П.Новосельцев (и др.). Пути развития феодализма. М., 1972.

² См.: Б.Д.Греков. Киевская Русь. М., 1953, стр. 258 - 261.

³ См.: А.И.Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI — VIII вв. М., 1956, стр. 23; Н.Е.Носов. О двух тенденциях развития феодального землевладения в Северо-Восточной Руси в XV — XVI вв. В кн.: Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972, стр. 44; Б.Ф.Поршнева. Феодализм и народные массы. М., 1964, стр. 33 — 43; С.Д.Сказкин. Очерки по истории западно-европейского крестьянства. М., 1968, стр. 93-114; З.В.Удальцова. К вопросу о генезисе феодализма в Византии. В кн.: Византийские очерки. М., 1971.

ется — если взять наиболее кардинальную линию этого процесса — не в складывании крупного поместья (роль которого в системе феодальной эксплуатации не приходится оспаривать), а в таком изменении положения крестьянства, при котором оно становится объектом эксплуатации со стороны господствующего класса, какую бы специфическую форму эта последняя не принимала: вотчинной эксплуатации или государственной, ренты продуктами или барщины, сопровождалась ли она "закрепощением" крестьян или только лишением их полноправия».¹ В другой работе А.Я.Гуревич пошел дальше: в своих теоретических построениях крупному землевладению автор отвел еще меньше места, поставив во главу угла упрочение власти над населением, соединенной с различными поборами, выколачиваемыми из подвластного люда господствующим классом.² Даже в прекарной сделке А.Я.Гуревич счел наиболее существенным «акт личного подчинения крестьянина; распространение же на его землю права собственности сеньора — следствие признания личной зависимости».³ Свои наблюдения А.Я.Гуревич распространяет и на Русь.⁴ Но он явно недоучитывает значение земли в ранних обществах.

А.Я.Гуревич отталкивается от доклассового общества, где «человек не относился к земле как к чему-то внешнему и постороннему ему самому. Земля была условием его существования, но о каких-либо исключительных правах на определенные пространства земли еще не могло быть и речи, во всяком случае до тех пор, пока приходили в столкновение два коллектива (племени, поселения), претендовавшие на одну и ту же землю».⁵ О каком этапе доклассового общества идет речь,

¹ А.Я.Гуревич. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967, стр. 27.

² А.Я.Гуревич. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970, стр. 11, 41, 45, 57, 183-184.

³ Там же, стр. 42.

⁴ Там же, стр. 56.

⁵ Там же, стр. 28.

А.Я.Гуревич не уточняет. А следовало бы, так как на протяжении первичной формации отношение к земле менялось. Существенно и то, о какой земле мы станем говорить: о необработанной или же об окультуренной. Ведь это очень важно.¹

Эпоха варварства была наполнена и межплеменными войнами, вызывавшимися то нарушением границ, то притязанием разных племен на какую-нибудь территорию. А.Я.Гуревич прав, когда говорит о минимальных возможностях письменных и археологических источников, с помощью которых исследователь реконструирует поземельные отношения варваров. Тем удивительнее, что он не воспользовался материалами этнографической науки. А именно они свидетельствуют о существовании в бесклассовом обществе права собственности племени на свою землю, о наличии широких ничейных полос, пролежавших между племенами. (Это ли не доказательство, что уже в ту пору люди относились к земле «как к чему-то внешнему»?). Переселения племен тоже сопровождались борьбой за земли. «Среди условий, — замечает А.Л.Погодин, — которые могли вызывать переселение не только германских, но и славянских народов... на первое место должны быть выдвинуты вещественные причины, заставлявшие племена бросать в паническом ужасе свои насиженные места и отправляться в поисках удачи. Кажется, теперь общепризнано, что главной из этих естественных причин был недостаток земли, годной для земледелия». ² Но, сорвавшись с обжитых земель, варвары не всегда отказывались от них и не забывали о своих владельческих правах на покинутые края.³

¹См.: А.Л.Шапиро. О природе феодальной собственности на землю. «Вопросы истории», 1969, № 12, стр. 65.

² А.Л.Погодин. Из истории славянских передвижений. СПб., 1901, стр. 114.

³ Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами, вандалами и готами. Перевод с греческого С.Дестуниса. «Записки историко-филологического факультета Петербургского университета», ч. XXVIII. СПб., 1891, стр. 153-154.

феодалная рента есть прежде всего земельная рента. Паяное положение остается непоколебленным даже после красочных примеров внеземельного характера феода, приводимых А.Я.Гуревичем, включая и тот пикантный эпизод, когда в качестве лена выступает ... публичный дом.² Последнее только доказывает ту очевидную истину (в справедливости которой, надеемся, не сомневается и сам А.Я.Гуревич), что отношения в упомянутом доме не являются феодальными производственными отношениями, а доходы, собираемые владельцем его, — неоплаченным прибавочным трудом.

Нет слов, в таких странах, как Англия, Норвегия, Русь, пожалования некоторым лицам права сбора кормлений и податей имели существенное значение в последующем росте феодализма. Но ведь и А.Я.Гуревич признает, что феодальное освоение пожалованных территорий происходило позже.³ Это освоение, по нашему глубокому убеждению, было ничем иным, как утверждением права собственности на подведомственную территорию. Значит, и тут мы приходим к старой проблеме: формированию крупного землевладения. Выходит, своеобразие становления феодализма в указанных странах заключается в специфике способов складывания крупного землевладения, без которого феодальные отношения становятся

¹ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 367.

² А.Я.Гуревич. Проблемы генезиса..., стр. 55.

³ Там же, стр. 45.

⁴ А.Я.Гуревич сколько ни старается, все же не может уйти от этой коренной проблемы. Об английском бокленде он, например, говорит как о профилирующей форме крупного землевладения (Проблемы генезиса..., стр.45). Но тут же, противореча сам себе, заявляет, что пожалование в бокленд заключалось в передаче права сбора доходов, а не земельного владения (Там же). Второе положение справедливо, хотя и не ново. (См.: Д-М.Петрушевский. Очерки из истории английского государства и общества в средние века. М., 1937, стр.47-48). А.И.Неусыхин (Дофеодальный пе-риод как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодальному. В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ, кн. 1. М., 1968, стр.606) тоже отличает бокленд от феодального землевладения.

неуловимыми и нам, действительно, не понять, где кончается простое подданство и начинается феодальный строй. Власть над людьми — еще не феодализм. Он появляется тогда, когда эта власть соединяется с крупным землевладением, являющимся экономической основой феодализма.¹

В своих суждениях А.Я.Гуревич не одинок. Сходный с ним образ мыслей замечен не только у специалистов по западному средневековью,² но и у историков, изучающих раннюю русскую историю. Так, согласно Л.В.Даниловой, «зачатки крупного землевладения вряд ли возможно относить ко времени ранее второй половины XI в., а классовое общество и государство, эксплуатирующее массу населения через дань, различные налоги и повинности возникли за несколько столетий до этого».³ Другой автор, Ю.А.Кизилов, подобно А.Я.Гуревичу, акцент переносит в плоскость политики, доказывая, будто «предпосылкой феодального подчинения устойчивых задруг, или вервей, являлась не экспроприация непосредственного производителя, а их подчинение власти государственного «связующего единства» с последующим прикреплением к земле». Не совсем ясно, в каком соответствии с феодализмом находятся эти два порядка явлений. Можем ли мы усматривать феодализм в подчинении населения государственной власти без прикрепления к земле? Если — да, то нетрудно любой контроль публичной власти над людьми подогнать под феодализм. Если же необходимо сочетание подчинения с прикреплением, то о феодализме в России мы сможем говорить лишь с конца XVI в.

Гораздо последовательнее поступают те историки, кото-

¹ А.Л.Шапино. О природе феодальной собственности ..., стр. 58 — 66.

² См., напр.: Н.Ф.Колесникий. К вопросу о раннеклассовых общественных структурах. В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ, кн. I. М., 1968, стр. 635 - 636.

³ Л.В.Данилова. Дискуссионные проблемы теории докапиталистических обществ. Там же, стр. 43 (прим.).

⁴ Ю.А.Кизилов. Предпосылки перехода восточного славянства к феодализму. «Вопросы истории», 1969, № 3, стр. 98.

пытаются изобразить первых Рюриковичей в качестве ховных собственников территории княжеств, где им приходилось управлять.¹ Но с этой концепцией трудно согласиться. Авторы ее не учитывают того факта, что развитие публичной власти на Руси шло не только в форме княжеской, но и вечевой. Нередко вече оказывалось сильнее князя, о чем знаем из летописей, описывающих политические события XI-XII вв. Как-то не вяжется мысль о верховной земельной собственности князя с многочисленными случаями, когда вече указывало путь незадачливому правителю, иначе — сгоняло его со стола.

Мы убеждены, что генезис феодализма есть проблема, тесно связанная с возникновением и ростом крупного землевладения, покоящегося на частном праве.

Самые ранние свидетельства существования частного землевладения на Руси историки справедливо усматривали в известиях о княжеских селах, которые донесла до нас Повесть временных лет. Эти разрозненные и скудные упоминания привели Н.Н.Воронина, специально занимавшегося историей русского сельского поселения в эпоху феодализма, к выводу: «... в X в. село выступает на страницах летописи как княжеское загородное имение, с княжеской челядью и двором».² В другом месте еще более определенно говорится о селе, «которое уже на ранних ступенях феодализма является поселением, принадлежащим феодалу; он ведет здесь свое господское хозяйство силами не только рабов, челяди, но и руками других категорий

¹ Л.В.Черепнин. Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII в.). "Вопросы истории", 1953, № 4, стр. 48; Его же. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда. В кн.: А.П.Новосельцев (и др.). Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, стр. 146; Л.В.Черепнин. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX — XV вв. В кн.: А.П.Новосельцев (и др.). Пути развития феодализма. М., 1972; О.М.Рапов. К вопросу о земельной ренте в Древней Руси в домонгольский период. «Вестник Московского университета. История», 1968, № I.

² Н.Н.Воронин. К истории сельского поселения феодальной Руси. Погост, свобода, село, деревня. Л., 1935, стр. 42.

феодално зависимых земледельцев». С.В.Бахрушин, возражая Н.Н.Воронину, указывал, что такое определение недостаточно широко, ибо «селу феодальному предшествует село смерда-общинника (т.е. участок земли с дворовой усадьбой), возникшее еще на территории общинника и существовавшее рядом с погостом, который объединял окрестные села».² Автор, по мнению С.В.Бахрушина, упростил свою задачу.³ Н.Н.Воронин не посчитался с критикой рецензента и впоследствии высказывался о селе как о новом виде поселения — результате «окняжения и обояривания земли свободных общин и закабаления общинников».¹ Оно «представляет собой значительный владельческий поселок, где господская усадьба с ее жилым домом и службами окружена хижинами зависимых крестьян и рабов».⁵

Аналогичный взгляд развивал и В.В.Седов. «Термин "село", — утверждал он, — впервые появляется в письменных источниках в X в. Обозначает он загородное княжеское имение с княжеским двором и челядью. В XI — XIII вв. селами назывались поселения, жители которых находились в различной степени феодальной зависимости. Это прежде всего поселения, входившие в состав княжеских доменов».⁶ В XI — XII вв. «селами назывались не только поселения, входившие в состав

¹ Там же стр. 43.

² С.В.Бахрушин. Рецензия на книгу Н.Н.Воронина «К истории сельского поселения феодальной Руси». «Историк-марксист», 1936, кн. 6, стр. 193.

³ Там же. (Точка зрения Н.Н.Воронина казалась неприемлемой и Б.А.Романову, замечания которого в связи с этим увидели свет, к сожалению, лишь недавно. См.: Б.А.Романов. Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма. В кн.: Вопросы экономики и классовых отношений в русском государстве XII—XVII вв. М.-Л., 1960, стр. 380 — 381).

⁴ История культуры Древней Руси, т. I. М.-Л., 1948, стр. 186.

⁵ Там же, стр. 186.

⁶ В.В.Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII - XV вв.). М., 1960, стр. 31.

княжеских владений, но и поселения, зависимые от монастырей и рядовых феодалов».

Вряд ли можно согласиться с Н.Н.Ворониным и В.В.Седовым уже потому, что слово «село» по происхождению общеславянское, его мы находим в болгарском, польском, сербском, чешском, белорусском, украинском языках.² Следовательно, оно возникло раньше, чем полагают вышеупомянутые авторы. И в источниках термин «село» фигурирует ранее X в., в недатированной части летописи «...брати не бываху в них, но игрища межю селы, схожахуся на игрища, на пласанье и на вся бесовская песни...»³ В нашей отрывке село — основной вид поселения восточных славян задолго, до образования Древнерусского государства. Но это значение не исчерпывает всего содержания термина «село», нередко он употребляется иначе, когда, например, нужно противопоставить городские поселения сельским: «...яко же бысть во царство Доментианово. Некий волхв, именем Аполоний Тиянин, знаем беаше, шествуа и творя всюду и в градах и в селах бесовская чудеса».⁴ После крещения киевлян Владимир «нача ставити по градом церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всем градом и селом». Или: «...и рать велика бяше от половець и отвсюду; взяша 3 грады: Песочен, Переволоку, Прилук, и многа села

¹ Там же (Точку зрения Н.Н.Воронина и В.В.Седова воспринял М.Г.Рабинович. «Древнейшие русские письменные источники, — говорит он, — упоминают села — владения феодалов, нередко находившиеся вблизи городов. В XIII — XV вв. села оставались владельческими поселениями, где был двор феодала и дворы зависимых от него людей. — Очерки русской культуры XIII — XV веков. Ч. I. Материальная культура. Изд-во МГУ, б/г, стр. 233).

² Н.М.Шанский (и др.). Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961, стр. 299; F.Miklosich. Etimologisches Worterbuch der Slawischen Sprachen. Wein, 1886, s. 289; M.Vasmer. Russisches Etimologisches Worterbuch. Heidelberg, 1955, s. 606. ³ ПВЛ, ч. I, стр. 15. ⁴ Там же, стр. 30. ⁵ Там же, стр. 81.

воеваша по обема стронома».¹

Большой интерес представляют наблюдения лингвистов над этимологией слова «село». Устанавливается, что оно того же корня, как и глагол «сидеть».² Не случайно, в чешском и верхнелужицком языках *sedlak* обозначает крестьянина.³ Отсюда, вероятно, селиться — все равно что садиться на землю, освоить ее под жилье или для хозяйственных нужд, а село — либо жилой комплекс, либо освоенный участок земли с различными хозяйственными сооружениями. Последнее находит убедительное подтверждение в словосочетании «село земли», распространенное, как свидетельствуют Н.Н.Воронин и Г.Е.Кочин, в северных документах XIV — XV вв.⁴ Столь же симптоматично соединение слов «село» и «сидеть» (орфографически измененное древнерусское «сѣдеть»), наблюдаемое в некоторых памятниках: «Дал я святей Богородицы и Лявлю по себе и по своему сыну Ивану и по своей жене Опросеньи село в Лявли в век, где Повоша седел».⁵ А вот другой случай: «...Никита Хов даеть село свое на Выбуте, Кукасово сиденье, сыну Марку... а что село ево в Смолинах Махново сиденье... а клеть на огороде и село Кустово сиденье в монастырь Иоанна Предтечи...» Иногда такому сочетанию подвергается и «село земли»: «Се розделишася Василь з братом своим с Маковеем живот и отчину отца своего Прокофья по половинам. И досташась Василию 3 села земли: Июдино сиденье, да Созоново

¹ Там же, стр. 141.

² F.Miklosich. Ibid., s. 289; M.Vasmer. Ibid., s. 606.

³ F.Miklosich. Ibid.

⁴ Н.Н.Воронин. К истории сельского поселения феодальной Руси, стр. 41; Г.Е.Кочин. Сельское хозяйство на Руси в период образования централизованного государства. Конец XIII — начало XVI вв. М.-Л., 1965, стр. 108. (См. также: Л.М.Марасинова. Новые псковские грамоты XIV — XV веков. Изд. МГУ, 1966, стр. 140; Н.С.Бондарчук. Лексика северодвинских грамот XIV — XV вв. Автореф. канд. дисс. М., 1955, стр. 19).

⁵ Грамоты В.Н. и П., стр. 267.

⁶ Там же, стр. 329.

еденье, да Михалкино сиденье. А Маковею достались против того 3 села земли: Василево сиденье, да Елизарово сиденье, да Онаныно сиденье».

Село — участок возделываемой земли с хозяйственными постройками — нельзя считать особенностью XIV — XV столетий. Киевская Русь тоже хорошо знакома с ним. Об этом можно справиться в Патерике, в той его части, где рассказывается об отроческих подвигах будущей звезды древнерусского мнишества Феодосия: «В то время отец его конец житию приат, сущу же того да блаженному Феодосию 13 лет. И оттоле начат на труды подвижнее быти, яко-же исходити ему с рабы своими на село делати со всяким прилежанием».² Ясно, что село, куда ходил трудиться наравне с рабами Феодосии, — какой-то нежилой сельскохозяйственный комплекс, в котором нетрудно угадать участок земли с необходимыми строениями, обрабатываемый подневольным трудом. Аналогичное впечатление производит и другой эпизод, описанный в Патерике. Вели однажды связанных татей в город на суд и расправу. Случилось им «миновати мимо единое село монастырское, и един от злодей тех связанных, покивав главою на село то, глаголаше, яко некогда в единую ночь приходихом к селу тому, разбой хотяще творити и поимати вся бывшая, — и видихом град высок зело, яко не мощи намъ приблизитися к нему. Си бо бе благой Бог оградил невидимо вся та съдрожания молитвами праведного и преподобного сего мужа» (Феодосия. — И.Ф.).³ Отбросив чудеса, усомнившись даже целиком в достоверности рассказа, мы тем не менее должны оценить тот факт, что агиограф мыслил село без людского надзора как нечто вполне реальное. Что речь у него идет именно о таком селе, можно заключить, взяв в соображение особенность построения рассказа: сначала разбойников излавливают стерегущие

¹ Там же, стр. 310. ² Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, стр. 17.

³ Там же, стр. 48.

«дому своего», потом следует описание монастырского села, которое стережет сам Бог молитвами преподобного Феодосия. Налицо как бы скрытое противопоставление: с одной стороны, дом охраняемый, с другой, — безнадзорное село. Этим достигалась максимальная сила воздействия чуда на воображение читателя.

Возвращаясь к селам живущим, т.е. населенным, следовало бы сказать об их различии по численности обывателей: встречаются сравнительно крупные с относительно большим населением и миниатюрные с малой семьей. Первые подразумевал летописец, когда сообщал о русских пленниках, гонимых половцами в свои вежи, которые «со слезами отщепеных друг другу, глаголюще: аще бех сего города, а другие, — из сего села».¹ Вряд ли название села говорило бы что-нибудь, если бы оно относилось к малому селу, в лучшем случае известному в округе. Калибр вторых определен Владимиром Мономахом в его известной речи у Долобского озера в 1093 году, обращенной к «несмысленным», государственным недоумкам. В устах Мономаха смердий комплект села — это сам смерд с женой и детьми.

Надо думать, что большие села выступали в качестве поселений свободных крестьян-общинников, восходя к весьма архаическим временам эпохи первобытнообщинного строя. Малые же села — скорее новообразование, связанное с возникновением и формированием зависимого люда в Древней Руси.

¹ Полное собрание русских летописей, т. II. Ипатьевская летопись. М., 1962, стб. 216 (Далее - ПСРЛ, т. II). (Наличие в Древней Руси больших сельских поселений подтверждается археологически. См.: В.В.Седов. Сельские поселения ... стр. 23).

² ПВЛ, ч. I, стр. 183.

³ Аналогичную картину в раннесредневековой Хорватии наблюдает Ю.В.Бромлей. Там, наряду с крупными селами общинников, существовали мелкие села земельных собственников с живущими в них зависимыми людьми. — Ю.В.Бромлей. Становление феодализма в Хорватии. М., 1964. стр. 105 - 107.

Вскрывая смысл термина село, Г.Е.Кочин писал: «В южной и юго-западной Руси этим словом обозначались вообще все сельские поселения — поселки с усадьбами крупных землевладельцев и селения земледельческие. Так было в Древней Руси в X—XIII вв., так осталось и в последующее время».¹ Изученный материал позволяет взглянуть на дело несколько конкретнее: первоначально, когда не было городов,² слово «село» именовало поселение вообще; позднее оно стало обозначать лишь сельское поселение, которое могло быть большим и малым по величине. Как правило, в первом случае это были жилые массивы свободных крестьян-общинников, во втором — зависимых людей. Такие малые села возникли, естественно, гораздо позже.³ Но термин «село» в Киевской Руси применялся и для обозначения осво-

¹ Г.Е.Кочин. Сельское хозяйство на Руси ..., стр. 107.

² Разумеются города в социально-экономическом значении, а не укрепленные сооружения.

³ Целиком относить малые села к поселениям зависимого населения, безусловно, нельзя. Археологические данные говорят нам о тенденции к уменьшению размеров сельских поселений, наблюдаемой в рамках длительного времени. «С VIII-X до XV вв. происходит постепенное уменьшение размеров сельских поселений, — пишет В.В.Седов. — Все поселения IX-X вв. довольно крупные, площадь самого маленького селища около 6,5 тыс.кв.м, самого большого — 40 тыс. кв. м. В XI—XIII вв. появляются поселения небольшие, площадью от 2 до 5 тыс.кв.м, хотя по-прежнему много крупных селищ. В третий период, в XIV—XV вв. особо крупные поселения исчезают (самое большое имеет площадь в 20 тыс.кв.м), а количественно преобладают небольшие селища». — В.В.Седов. Сельские поселения..., стр. 23. По наблюдениям А.В.Успенской и М.В.Фехнер, в северозападной и северо-восточной Руси X—XIII вв. одной из отличительных черт сельских поселений были незначительные размеры деревень. — А.В.Успенская, М.В.Фехнер. Поселения Древней Руси. В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М., 1956, стр. 18. Однако в эти наблюдения должна быть внесена поправка, поскольку В.В.Седов, как мы убедились, зарегистрировал для XI—XIII вв. большое количество крупных селищ.

енного участка земли — прототипа «села земли» в документах; XIV-XV вв.¹

Исследование частного землевладения должно непременно учитывать терминологическую сложность слова «село». К сожалению, историки мало уделяли этому внимания, в их построениях село толкуется однозначно, что, конечно, неправильно.

III. Землевладение и хозяйство князей

Дальше X века известия о частных владениях не идут. Единственный источник, который поставляет их нам, — Повесть временных лет. Но ее сообщения давно заподозрены в легендарности,² и это — не единственная сложность, встающая перед исследователем, ибо помимо «сказочности», они чрезвычайно немногочисленны и крайне лапидарны. Тут раскрывается главная особенность летописи как исторического источника, односторонне освещающего прошлое, озабоченного больше межкняжескими и внешнеполитическими происшествиями, нежели внутренними явлениями социально-экономического порядка.

¹ Заметим, что еще А.А.Потебня настаивал на понимании термина «село» только в смысле участка возделанной земли. Но здесь он допустил некоторую односторонность (А.А.Потебня. Этимологические заметки. Варшава. 1891). Более правильными представляются суждения А.Л.Ефименко. Она писала: «Село или деревня вначале непременно обхватывает совокупность земли и двора или дворов и это сложное понятие лишь позже дифференцируется на два отдельных понятия — населенного места и земли». — А.Я.Ефименко. Исследования народной жизни, вып. I. М., 1884, стр. 231.

² См.: С.В.Бахрушин. Некоторые вопросы истории Киевской Руси. «Историк-марксист», 1937, № 3, стр. 169.

В новейшей историографии в качестве классических примеров княжеского землевладения на Руси X в. фигурируют села Ольжичи и Будутино, принадлежавшие Ольге, Берестово — Владимиру Святославичу, Ракома под Новгородом — Ярославу Мудрому.¹ Ради осторожности из этого, скажем прямо небогатого, перечня следовало бы исключить два названия — Ракому и Берестово. Повесть временных лет Ракому селом не именует, а только указывает: «Вставше новгородци, избиша варяги во дворе Поромони. И разгневался Ярослав, и шед на Роком, седе въ дворе».² Берестово хотя и называется «сельцом», но говорить о нем как о чисто хозяйственном заведении нет оснований. Оно напоминает загородную резиденцию киевского князя. Владимир часто сиживал там, разгонял скуку с наложницами, здесь и умер. Особенно ярко политическая роль Берестова изображена в описаниях ссоры

¹ Б.Д.Греков. Киевская Русь. М.-Л., 1939, стр.81-82; Его же. Киевская Русь. Госполитиздат, 1953, стр.136-137; Его же. Крестьяне на Руси, кн.1, М., 1952, стр.104; Очерки истории СССР. Период феодализма IX — XV вв. ч.1. М., 1953, стр.63; С.В.Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.-Л., 1939, стр. 45; В.В.Мавродин. Образование Древнерусского государства. Л., 1945, стр.160; М.Н.Тихомиров. Крестьянские и городские восстания на Руси XI-XIII вв. М., 1955, стр.16, 31; А.А.Зимин. Феодальная государственность и Русская Правда. «Исторические записки», т. 76. 1965, стр. 244.

² ПВЛ, ч. I, стр. 95. Полное единодушие с Повестью проявляют и другие летописи (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов М.-Л., 1950, стр.174; Полное собрание русских летописей, т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.-Л. 1949, стр.372; Полное собрание русских летописей, т.9 — 10. Патриаршая, или Никоновская, летопись. М., 1965, стр.74). Не случайно Н.П.Барсов понимал под Ракомой загородный княжеский двор Ярослава, на месте которого впоследствии выросла Деревня Ракома. — Н.П.Барсов. Очерки русской исторической географии. Варшава. 1885, стр. 203 — 204. Предположение Н.П.Барсова весьма правдоподобно, поскольку из летописи узнаем о существовании загородных княжеских дворов: «...и бе вне града двор другой...»; «Ольга же повеле ископати яму велику и глубоку на дворе теремstem, вне града». — ПВЛ, ч. тр. 40, 41.

Ярославичей, закончившейся изгнанием Изяслава из Киева-«Изиде Изяслав ис Киева, Святослав же и Всеволод внидоша в Киев, месяца марта 22, и седоша на столе на Берестовомъ, преступивша заповедь отню»¹. Следовательно, вокняжиться в Киеве или Берестове — одно и то же.

Итак, из всей номенклатуры княжеских сел остаются два — Ольжичи и Будутино, соединяемые с хозяйственной деятельностью Ольги. Куда были направлены хозяйственные интересы вдовствующей княгини? Раскроем летопись: «Иде Вольга Новугороду, и устави по Мьсте повосты и дани и по Лузе obroki и дани; и ловища ея суть по всей земли, знаменья и места и повосты, и сани ея стоятъ в Плескове и до сего дне, и по Днепру перевесища и по Десне, и есть село ея Ольжичи и до-селе». Оставив в стороне упорядочение взимания даней, предпринятое Ольгой, видим, что поиски и эксплуатация промысловых угодий заботят княгиню. Освоение их происходит не только в результате вольного захвата земельных массивов, но и устройства сел: Ольжичи, как явствует из текста, стало одним из таких хозяйственных мест, которое стягивало в едином промысловом комплексе заведенные перевесища. Если вслед за С.В.Бахрушиным под «знаменьями» понимать бортовые угодья,³ можно с уверенностью сказать, что охота на пушного зверя и пернатую дичь, добыча меда и воска — вот в чем смысл предпринимательства Ольги.

Недаром перевесища находились также под Киевом: «...а двор князь бѣше в городе, идеже есть ныне двор Вороти-елавль и Чюдин, а перевесище бе вне града».⁴

Князя ревниво относились к своим охотничьим загонам, оберегая их от вторжения посторонних. «Лов деюще Свеналдичю, именем Лют, — рассказывает летописец, — исшед бо ис

¹ ПВЛ, ч. I, стр. 121.

² ПВЛ, ч. I, стр. 43.

³ С.В.Бахрушин. Некоторые вопросы истории Киевской Руси, стр. 168;

⁴ ПВЛ, ч. I, стр. 40.

Киева гна по звери в лесе. И узре и Олег, и рече: "Кто се о".

И реша ему: "Свеналдичь". И заехав, уби и, бе бо ловы деяОлег».¹

Охота на пушного зверя, добывание меда и воска, поставленные на уровень хозяйственного предпринимательства, в значительной мере, по-видимому, зависели от большого спроса на эти важнейшие статьи древнерусского экспорта, испытываемого константинопольским рынком. Так устанавливается влияние международной торговли на княжеское хозяйство X века.

Кто жил в княжеских селах и были ли они укомплектованы постоянными жильцами, мы не знаем, источники молчат на сей счет. М.Н.Тихомиров допускает, что Ольжичи «было населено потомками покоренных древлян».² А наименование «Олжичи» — собственно те люди, которые принадлежали к челяди Ольги и по ее имени получили свое прозвище».³ Существование на Руси X в. обширного корпуса челяди делает предположение М.Н.Тихомирова весьма правдоподобным.

Наличие в княжеском хозяйстве скотоводства незаметно. Конечно, лошади у князя и дружинников были. За княжеской конюшней присматривал целый штат конюхов во главе со «старейшиной».⁴ Но конского поголовья явно не хватало. По словам императора Константина, «руссы стараются жить в мире с печенегами; они покупают быков, коней и овец и от этого живут и легче и привольнее...».⁵ Примерно в этом же

¹ Там же, стр. 53.

² М.Н.Тихомиров. Крестьянские и городские восстания на Руси XI — XIII вв. М., 1955, стр. 31.

³ Там же. ⁴ ПВЛ, ч.

I, стр. 29.

⁵ Константин Багрянородный. Об управлении государством. «Изв. ГАИМК», вып. 91. М.-Л., 1934, стр. 6.

смысле свидетельствуют арабские писатели.¹ Русские известия не противоречат иностранным источникам, оповещая потомков о мудрых рекомендациях Владимиру его думцев-епископов и старцев градских. «Рать многа, — рассуждали они, — оже вира, то на оружьи и на коних буди».² Слабое развитие скотоводства надо объяснять новизной княжеского землевладения, делавшего в X в. лишь первые шаги.

Аналогичное положение складывалось и с земледелием у князей, которое в изучаемое время едва зарождалось. Следует согласиться с идеей П.Г.Архангельского, С.В.Бахрушина, С.В.Вознесенского о доминирующем значении промыслов в хозяйственных предприятиях первых Рюриковичей.³ Нельзя, однако, принять мотивировку этого факта, выдвигаемую С.В.Бахрушиным. Основная причина, по его мнению, состояла в том, что на протяжении X в., а тем более раньше, земледелие не играло первостепенной роли в экономике Древней Руси и только во второй половине XI в. оно приобретает ведущее значение.⁴ Б.Д.Греков был полностью прав, когда отклонил эти суждения С.В.Бахрушина, хотя из признания земледельческого характера древнерусской экономики вовсе не следует, что вотчина с самого начала должна быть земледельческой. У Б.Д.Грекова, к сожалению, так и вышло: свои важные и плодотворные наблюдения о господстве земледелия на Руси он автоматически перенес на владельческое, в частности княже-

¹ А.П.Новосельцев. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI — IX вв. В кн.: А.П.Новосельцев (и др.). Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, стр. 388, 390.

² ПВЛ, ч. I, стр. 87.

³ П.Г.Архангельский. Очерки по истории земельного строя России. Казань, 1920, стр. 20; С.В.Бахрушин. Некоторые вопросы истории Киевской Руси. «Историк-марксист», 1937, кн. 3, стр. 168; Его же. «Держава Рюриковичей». «Вестник древней истории», 1938, № 2, стр. 94; С.В.Вознесенский. К вопросу о феодализме в России. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 7 — 8, стр. 227.

⁴ С.В.Бахрушин. К вопросу о русском феодализме. «Книга и пролетарская революция», 1936, № 4, стр. 46; Его же. Некоторые вопросы, стр. 169.

хозяйство. «Я не могу здесь повторять того, что было^c сказано выше в главе III (раздел о сельском хозяйстве и ельскохозяйственной технике в Древней Руси. - И.Ф.), но умаю, — писал Б.Д.Греков, - что тот, кто захочет поддержать мнение, высказанное моим критиком (С.В.Бахрушиным. — ИФ-)» должен опровергнуть сначала все собранные выше аргументы, а потом уже говорить о том, легендарны или нелегандарны факты о селах X в.»¹ Приглашая опровергнуть сведения им факты о земледелии на Руси, Б.Д.Греков понимал колоссальную сложность, если не безнадежность, подобной затеи. Но для доказательств о промысловом направлении княжого хозяйства в X в. совсем не обязательно и даже бессмысленно ревизовать представления, утверждающие господство земледелия в масштабе Древнерусского государства, так как это разные проблемы.

Согласно С.В.Юшкову, княжеский домен X в. — учреждение довольно устойчивое, прошедшее ряд этапов в своем развитии. Одной из начальных стадий образования домена он считает организацию княжеских сел.² Следующий шаг — появление городов у князей на праве собственности.³ «Можно, например, думать, - поясняет С.В.Юшков, - что всякий город, строившийся по инициативе князя и на его средства, принадлежал ему на особом праве».⁴ Не касаясь пока существа вопроса, заметим, что такая последовательность в росте княжеского «домена» противоречит источникам, которыми располагает историческая наука. По свидетельству автора Повести временных лет, к строительству городов приступил еще Олег: «Се же Олег нача города ставите, и устави дани словеном,

¹ Б.Д.Греков. Киевская Русь. М.-Л., 1939, стр. 76.

² С.В.Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Русь. М.-Л., 1939, стр. 45.

³ Там же, стр. 46 — 47.

⁴ Там же, стр. 46.

кривичем и мери...»¹ Градостроительство Олега начато в годы, когда княжеских сел и в помине нет. Олега потом копирует Владимир, ставя «города по Десне, и по Востри, и по Трубежеви, и по Суле и по Стугне».² Столь же не оригинален был и Ярослав, начавший «ставите города по Ръси».

Цель создания городов диктовалась потребностями обороны Руси от внешних врагов, то и дело беспокоивших южные пределы молодого государства. «Се не добро, еже мал город около Киева», — роняет реплику Владимир.⁴ Постройка городов и заселение их лучшими мужами «от словен, и от кривичь, и от чюди, и от вятич» непосредственно вытекает из военных нужд: «...бе бо рать от печенег. И бе воюяся с ними и одолая им».⁵ Закладка белгородских стен вызвана, по всему вероятно, теми же стратегическими планами: Белгород прикрывал Киев с юго-запада. Стал ли Белгород собственностью Владимира? Видимо, нет. Иначе трудно объяснить деятельность в нем веча, несомненного признака городской свободы⁶ и устройство белгородской епископии.⁷

Побудительные причины строительства князьями городов С.В.Юшков понимал слишком упрощенно. «Если бы князья не имели возможности, — писал он, — эксплуатировать городское население своих городов гораздо интенсивнее, чем это было возможно в других городах, то им не было бы смысла их строить и организовывать»⁸. Автор забывает об общественных функциях княжеской власти, важнейшая из которых состояла в военной защите русских земель. Города, вновь организуемые

¹ ПВЛ, ч. I, стр. 20.

² Там же, стр. 83.

³ Там же, стр. 101.

⁴ Там же, стр. 83.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 87.

⁷ См.: А.Н.Насонов. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, стр. 32.

⁸ С.В.Юшков. Очерки..., стр. 47.

князьями, — это, в основном, не феодальные центры, «бурги», как полагает С.В.Юшков,¹ — а военные форты, отбивающие нападения извне.

Только по поводу Вышгорода сомнения, казалось бы, излишне: летопись без обиняков отдает его Ольге. «И възложи-ша на ня дань тяжку, — сообщает она, — 2 части дани идета Киеву, а третья Вышегороду к Ольге; бе бо Вышегород град Вользин». При всей своей выразительности данный отрывок все же молчит о главном — на каком праве город принадлежал Ольге. Утверждение о собственническом характере владения Вышгородом — не что иное, как интерпретация источника, а не прямое его показание. Но любая интерпретация претендовать на универсальность и всеобщую обязательность не может.

Думается, что строить какие бы то ни было выводы, базирываясь на одном приведенном тексте, рискованно. Другие же известия памятника о Вышгороде подают его в несколько ином свете, чем представляется С.В.Юшкову. Так, например, древнерусский Каин — Святополк, — помышляя о братоубийстве, сначала заручается поддержкой вышгородских бояр, под которыми надо, вероятно, понимать верхний слой местного земства:

«Святополк же приде ночью Вышегороду, отай призва Путшю и вышегородские боярьце, и рече им: «При-яете ли ми всем сердцем?» Рече же Путыша с вышегородьци: «Можем главы своя сложити за тя».³ Особенно красноречивы те записи, которые показывают Вышгород в виде обычного княжеского стола наравне с городами вольными: «Сядящю Святополку ...Новгороде, сыну Изяславлю, Ярополку сядящю Вышегороде, а Володимеру сядящю Смолинске»;⁴ «Мстисла-вичь Всеволод, внук Володимерь...приде к стрьєви своему

¹ Там же, стр. 46.

² ПВЛ, ч. I, стр. 43.

³ ПВЛ, ч. I, стр. 90.

⁴ Там же, стр. 132.

Ярополку Киеву. И да ему Вышегород, и ту седе лето одино»;¹ «Гюргеви же послушавшю боляр, вывед из Вышегорода сыща своего Андрея и да и Вячеславу»;² «...вниде в Киев и седе на дедни и на отни столе. Тогды же сед, родая волости детем своим: Андрея посади Вышегороде, а Бориса Турове, а Глеба Переяславли, а Василкови вда Поросье».³ Из всех этих фактов вытекает два возможных, но не одинаково убедительных вывода: 1) Вышгород, находясь первоначально в собственности у киевских князей, вскоре по каким-то причинам выпадает из княжеских владений и получает статус вольного города, вышедшего из домениального княжеского владения; 2) Вышгород X в. и позже по положению своему ничем не отличался от других свободных городов Руси. Более правдоподобной представляется вторая версия, согласующаяся с наблюдениями А.Н.Насонова, который писал: «Вышгород XI — XII вв. возник не из княжеского села, как можно было бы думать, имея в виду слова летописца «Ольгин град» (под 946 г.). В X — XI вв. это не село-замок, а город со своим городским управлением (начало XI в.), населенный (в X в.) теми самыми "руссамы", которые ходят в полюдь, покупают одnodеревки и отправляют их с товарами в Константинополь... Вышгород являлся центром, подобным крупнейшим центрам тогдашней России».

Вспоминая о правительственной деятельности Владимира, древний книжник обобщал: «Бе бо Володимер любя дружину, и с ними думая о строи землею, и о ратех, и о уставе землею, и бе живя съ князи околными миром, съ Болеславом

¹ Полное собрание русских летописей, т. 1. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М., 1962, стб. 304 — 305 (Далее - ПСРЛ, т. 1).

² Там же, стб. 326.

³ Там же, стб. 345.

⁴ А.Н.Насонов. «Русская земля» ..., стр. 53 — 54; с А.Н.Насоновым в данной связи полемизировал М.Н.Тихомиров. Но его контраргументы нельзя признать удачными. См.: М.Н.Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 294-296.

Пядьскимъ, и съ Стефаном угрьским, и съ Андрихомъ Чешьским»-¹ А.А.Зимин, комментируя этот текст, пишет: «Итак, Владимир уже думает о "строе землею", т.е. именно в его переломную эпоху князь и дружина все более и более оседают на землю. Летопись сохранила сведения о селах Владимира, в том числе Берестове. "Земляной устав" продолжал, очевидно, строительство княжеского хозяйства, начатое еще бабкой Владимира Ольгой».² По мысли Л.В.Черепнина, «устав земляной» Владимира продолжал ту же политическую линию, которую наметила своими «уставами» и «уроками» княгиня Ольга. Ее задачей являлось, во-первых, укрепление власти над общинами-данниками, живущими на земле, считавшейся верховной собственностью киевских князей; во-вторых, устройство вотчинного хозяйства на земле, перешедшей в дворцовую княжескую собственность».³ Но есть более удачные, на наш взгляд, объяснения, обращающие думы Владимира к задачам общегосударственного значения.⁴

Итак, в Древней Руси X в. домен обнаружить не удастся, если под ним понимать больших масштабов княжеское хозяйство. В руках князей всего лишь несколько сел, заводившихся с промысловыми целями. Князь и дружина еще далеки от того, чтобы почувствовать тягу к земле, она пока остается вне сферы их притязаний. В XI в. княжеское хозяйство несколько расширяется и перестраивается.

Следить за развитием хозяйства у князей XI в. значительно легче, чем в предшествующую пору, так как количество ис-

¹ ПВЛ, ч. I, стр. 86.

² А.А.Зимин. Феодалная государственность и Русская Правда. «Исторические записки», т. 76, 1965, стр. 244.

³ Л.В.Черепнин. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда. В кн.: А.П.Новосельцев (и др.). Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, стр. 154.

⁴ См.: Н.Дювернуа. Источники права и суд в Древней России. Опыт по истории русского гражданского права. М., 1869, стр. 117; С.В.Бахрушин. «Держава Рюриковичей». «Вестник древней истории», 1938, № 2, стр. 96.

точников заметно увеличивается, они становятся полнее, разнообразнее. Из всех источников первое слово, конечно, нужно дать Краткой Правде в той ее части, которая именуется «Правдой Ярославичей». Естественно, что Б.Д.Греков княжескую вотчину XI в. воссоздал главным образом по материалам Правды Ярославичей.¹ Признавая за Правдой Ярославичей особое значение при исследовании вотчинного хозяйства XI в., приходится все же с самого начала поставить вопрос о пределах пользования памятником, т.е. проверить его потенциальные возможности. Б.Д.Греков это, к сожалению, не сделал.

Определяя состав и происхождение Краткой редакции Русской Правды, И.А.Стратонов когда-то верил, что она механически объединила вполне самостоятельные памятники, действовавшие в судебной практике, подобно различным актам, дополняющим друг друга.² Объединение разношерстных документов «произошло на почве уже летописи, а сводчиками являлись авторы летописных сводов».³ Современное источниковедение пришло к иным результатам. В отношении Правды сыновей Ярослава установлено, что она «в первоначальном виде до нас не дошла».⁴ Краткая Правда синтезировала законодательные документы, составленные Ярославом и его сыновьями. Крупнейший знаток Русской Правды М.Н.Тихомиров отмечает: «Дошедшие до нас тексты Краткой Правды являются, несомненно, цельным памятником».⁵ «Для того, чтобы разделить Краткую Правду на два различных докумен-

¹ Б.Д.Греков. Киевская Русь. М., 1953, стр. 143 - 149.

² И.А.Стратонов. К вопросу о составе и происхождении Краткой редакции Русской Правды. «Изв. Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. XXX, вып. 4. Казань, 1920, стр. 405.

³ Там же, стр. 413.

⁴ А.А.Зимин. К истории текста Краткой редакции Русской Правды. — «Тр. Московского гос. истор.-архивн. ин-та», т. 7, 1954, стр. 182.

⁵ М.Н.Тихомиров. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.-Л., 1941, стр. 44.

— продолжает М.Н.Тихомиров, — надо иметь уверенность в том что мы имеем в ней обычный сборник, в который были вписаны два памятника, лишь механически соединенные вместе. Но как раз эта мысль и не может быть доказана, так как есть все основания думать, что дошедший до нас текст Краткой Правды представляет сборник, положивший в свое основание несколько источников, которые соединены в один памятник после соответствующей переработки и редакционных изменений».¹ Еще один крупнейший исследователь Русской Правды С.В.Юшков считал: «Правда Ярослава вместе с новеллами Ярослава и Правда Ярославичей с новеллами Ярославичей существовали самостоятельно. Вероятно, наблюдались противоречия между их нормами или во всяком случае существовали различия в формулировках отдельных норм. Естественно, что в конце концов возникла настоятельная необходимость в объединении этих двух основных пластов, норм Русской Правды. Была составлена так называемая Краткая Правда».²

Выработанный метод позволил разобраться в некоторых парадоксах уже внутри самой Правды Ярославичей. Замечено, в частности, что «раздел Краткой Правды, включающий статьи 29 — 40, довольно сложен по своему составу». Таким образом, Правда Ярославичей распадается как бы на две части, из которых первая, собственно, и была плодом законодательства детей Ярослава. Она завершалась постановлением о пенях за скот, т.е. ст. 28.⁴ После ст.28 «начинается новая часть Краткой Правды, позже присоединенная к Правде Ярославичей». Так выявляются дополнительные статьи, первоначально

¹ Там же, стр. 45.

² С.В.Юшков. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. М., 1950, стр. 343.

³ А.С.Орешников. К вопросу о составе Краткой Правды. - «Лингвистическое источниковедение». М., 1963, стр. 129.

⁴ М.Н.Тихомиров. Исследование о Русской Правде, стр. 66. Там же, стр. 67.

не связанные «с тем письменным памятником, который по существу и должен называться Правдой Ярославичей».¹ Это — последний пункт нашего совместного пути с М.Н.Тихомировым. Далее автор приходит к заключению, с которым трудно согласиться: Правда Ярославичей якобы дополнялась «статьями определенного направления, составленными в защиту княжеских интересов».²

В нашей исторической литературе укрепились какое-то одностороннее представление о древнем русском законодательстве, придающее исключительные способности вотчинникам влиять на складывание норм права. Вместо живой картины со всеми ее противоречиями, замедлением, остановками, движением вспять, осложняющими поступательное развитие общества, подается скучный график, кривая которого однообразно ползет вверх, где от избытка феодальных испарений свободному крестьянину-общиннику прямо-таки нечем дышать. Не снижаем ли мы воздействие трудовых масс на судьбы нашей истории, когда отдаем их на откуп произвольным выходкам власти имущих? В обществе, еще не завершившем процесс становления феодализма (а таким обществом и выступает Русь X-XI вв. в новейших исследованиях), «господствующий класс» не имеет достаточных средств для реализации в полном объеме своекорыстных планов и вынужден прибегать к осознанным и неосознанным компромиссам как в законодательстве, так и в повседневной политике.

Узаконения, следующие за 28 статьями Краткой Правды, связывать только с княжескими интересами, не прибегая при этом к натяжкам, невозможно. Так, ст. 30 о «кровавом муже» с княжеским хозяйством ничего общего не имеет. Нельзя в статьях 29, 34 — 40 усматривать только княжеские prerogatives, они могли относиться ко многим лицам. Сопоставление ст.28 со статьями 31 и 40 показывает различие сфер их приме-

¹ Там же, стр. 68.

² Там же, стр. 69.

нения: в первом случае — это княжеский двор, во втором — любое другое хозяйство. Б.Д.Греков поставил ст.34 среди тех, которые охраняют домен князя. Довод один — высокий штраф за нарушение межи. «Столь высокий штраф, — читаем у него, — едва ли может относиться к крестьянской меже (за кражу княжеского коня — 3 гривны, за "княжью борть" — 3 гривны). У нас есть основания признать в княжеской вотчине наличие княжеской пашни».¹ Конечно, у нас есть все данные говорить о княжеской пашне в Правде Ярославичей, но достаточно ли оснований придавать столь решающее значение высоте штрафа? Сам Б.Д.Греков чувствовал зыбкость почвы, на какую стал. «Вообще исходить из штрафной сетки, — писал он, — применяемой к различным группам населения для определения социального положения различных категорий населения, — неосторожно».² Разумеется, речь тут идет об ином предмете. Но сюжеты так близки!

Итак, для реконструкции княжеской вотчины, отраженной Правдой в Краткой редакции, придется ограничиться статьями 19 — 28, 32, 33, т.е. тем материалом, который законодателем поставлен в прямую связь с частновладельческими интересами древнерусского княжества.

Каким заставим мы княжеское хозяйство у Ярославичей? За минувшее столетие оно заметно выросло и усложнилось. Ум-

¹ Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 145.

² Там же, стр. 192.

³ Е.Д.Романова в этой связи имела все основания сказать: «Ничем не подкреплено представление, что охотничий пес, водоплавающая птица и т.д. - все это собственность лишь княжеского хозяйства. Нет и достаточных данных о том, что ст.28(?) охраняла обязательно только княжеские межи. Штрафы за их нарушение были без изменений перенесены в Пространную Правду и взимались по ней за нарушение земель, принадлежащих каждому. Следовательно, величина штрафа в данном случае вовсе не зависела от того, кому принадлежали земли». - Е.Д.Романова. Свободный общинник в Русской Правде. "История СССР", 1961, № 4, стр. 88.

ножился и штат княжеской службы: помимо челяди, здесь мелькают холопы, разного рода управители — огнищане, рядовичи, старосты и пр. Промыслы, как и прежде, не теряют значения. Краткая Правда недвусмысленно постановляет: «А в княже борти 3 гривне, любо пожгоуть любо изоудроуть».¹ Значительное развитие получило скотоводство. Ст. 23 предписывает: «А конюх старый оу стада 80 гривен, яко оуставил Изяслав в своем конюсе, его же оубиле Дорогобоудьци».² Состав поголовья скота у князей показывает ст.28: «А за княжь конь, иже той с пятном, 3 гривне, а за смердеи 2 гривне, за кобылоу 60 резан, а за вол гривноу, а за корову 40 резан, а третьякъ 15 коун, а за лоныциноу пол гривне, а за теля 5 резан, за яря ногата, за боран ногата». В том же направлении, хотя и несколько торопливо, идет ст. 21 Краткой Правды: «Аже оубиють огнищанина оу клети, или оу коня, или оу говяда, или оу коровье татьбы, то оубити въ пса место; а то покон и тивоуницю».⁴ Мнения историков относительно ст. 21 не отличаются единством.⁵ Одни полагают, что в ней разрешается убивать, подобно псу, огнищанина, застигнутого при воровстве, другие в ст. 21 усматривают расправу с убийцей огнищанина, охранявшего княжеское имущество. К последней интерпретации склоняются А.Е.Пресняков,⁶ Б.Д.Греков,⁷ Б.А.Романов,⁸ Л.В.Черепнин,

¹ Правда Русская, т.1, стр. 72.

² Там же, стр. 71.

³ Там же, стр. 72.

⁴ Там же, стр. 71.

⁵ См.: Правда Русская, т. 2. Комментарии. М.-Л., 1947, стр. 154 — 159.

⁶ А.Е.Пресняков. Княжое право в Древней Руси. СПб. 1909, стр. 241.

⁷ Б.Д.Греков. Избр. труды, т. 1. М., 1957, стр. 123.

⁸ Правда Русская. Учебн. пособие. М.-Л., 1940, стр. 48 — 49.

⁹ Л.В.Черепнин. Русская Правда (в Краткой редакции) и летопись как источник по истории классовой борьбы. «Академику Б.Д.Грекову ко дню семидесятилетия. Сб. статей». М., 1952, стр. 93; Его же. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда, стр. 189.

С.В.Юшков.¹ В советской литературе противную точку зрения защищал М.Н.Тихомиров.² Недавно его поддержал А.А.Зимин.³ Известно, что Б.А.Романов, выступая за гипотезу о расправе над убийцей огнищанина, исходил из явственного, как ему казалось, единства ст. 19 — 21, «предметом которых неизменно является убийство огнищанина».⁴ А.А.Зимин легко выявил слабое место данного принципа. «Но это единство, — замечает он, — сохраняется и при другой трактовке раздела, приобретая даже большую стройность: ст. 19 говорит о случае, когда за убийство огнищанина платит сам убийца, ст.20 — когда платит вервь, а ст.21 — когда никто не платит, причем слова «в пса место» означают, что если огнищанина убьют за кражей, то и пусть».⁵ Но варианты группировки ст. 19 — 21 по координирующему принципу этим не исчерпываются. Обстоятельства убийства огнищанина — еще одна основа объединения данных статей: различие обстоятельств влечет за собой и некоторое своеобразие в установлении субъекта ответственности и меры наказания. Все объяснения не исключают друг друга и располагают примерно равной степенью убедительности. Стало быть, разгадку надо искать на иных путях.

М.Н.Тихомиров пытался решить дело способом текстологических параллелей, относящихся к сходным ситуациям. Возражая Б.А.Романову, он писал: «Истинный смысл фразы "аже убьют...то убити в пса место" становится понятным, когда мы обратимся к источникам, близким по времени появле-

¹С.В.Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М, 1949, стр. 495.

²М.Н.Тихомиров. Исследование о Русской Правде, стр. 66; Его же. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953, стр. 80 — 81; Его же. Крестьянские и городские восстания..., стр. 110.

³А.А.Зимин. Феодальная государственность и Русская Правда, стр.

⁴Правда Русская. Учебное пособие. М.-Л., 1940, стр. 49.

⁵А.А.Зимин. Феодальная государственность..., стр. 251.

ния и происхождению к «Русской Правде». В проекте договора Смоленска с немцами середины XIII в. читаем фразу: «оже имуть русина вольного у вольное жены в Ризе или на Готском берегу, оже убьют, и тот убит». Смысл фразы совершенно тот же, что и в «Русской Правде»: «если убили, то сделали правильно». Конечно, нет никакого основания думать, что в статье Смоленского договора речь идет не об убийстве вольного русина, пойманного у «вольной жены», а, наоборот, об убийстве того, кто мстил насильнику. Поэтому комментарий Б.А.Романова к рассматриваемой нами статье "Русской Правды" следует отвергнуть». ¹ М.Н.Тихомиров ссылается также и на ст. 38 Краткой Правды, имеющую форму «аще убьют татя...то той убит», которая, по его мнению, опровергает выводы Б.А.Романова по ст.21. ² Для наглядности поставим в один ряд все интересующие нас выражения: «аже убьют...то убити» (ст. 21 Кр.Пр.); «аще убьют...то той убит» (ст. 38 Кр.Пр.); «оже убьют, и тот убит» (Согл.Смоленска с Ригою и Готским берегом). Нетрудно заметить, что сходство в построении отрывков не идет дальше их первой части («аже убьют» — «аще убьют» — «оже убьют»). Вторая же половина фразы не дает этого сходства с точки зрения грамматической: в ее состав входят совершенно разные формы, имеющие далеко не одинаковую семантику. В первом случае («убити») имеем форму инфинитива, выступающую как в современном русском, так и в древнерусском языке со значением «действия, которое должно быть осуществлено», ³ то есть действия, которое еще не осуществилось, но *обязательно* должно произойти. Во втором случае («убит») использована иная форма — страдательное причастие прошедшего времени со смыслом действия, совершенного в прошлом. Таким образом, в первом примере подра-

¹ М.Н.Тихомиров. Крестьянские и городские восстания..., стр. 110.

² М.Н.Тихомиров. Пособие..., стр. 81.

³ В.И.Борковский, П.С.Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1963, стр. 392.

зумевается действие, которое только *должно* свершиться, а во втором — которое *уже* совершилось. Поэтому А.Е.Пресняков справедливо недоумевал, отвечая своим противникам: «Непонятно, как можно убить во пса место уже убитого огнищанина». ¹ Особенности грамматического построения ст.21 Краткой Правды целиком на стороне А.Е.Преснякова, поддержанного впоследствии Б.А.Романовым. Материал, предложенный М.Н.Тихомировым в комментарии к ст. 21, не выдерживает филологической критики и свидетельствует скорее о правоте А.Е.Преснякова — Б.А.Романова.

Правда Ярославичей, как мы заметили, показывает важные сдвиги в экономике, произошедшие в первую очередь за счет подъема скотоводства. Князья держали лошадей, волов, коров, овец. Упоминается и молодняк («третьяку», «лоныщина», «теля») — показатель возрастания поголовья скота. Разведение лошадей особенно занимало князей. Княжеский конь в Правде Ярославичей выдвигается на первый план. Коней к этому времени накопилось немало, они ходили уже стадами под присмотром конюхов рядовых и старших. ² Летопись поминает Сновида Изечевича, конюха Святополка Изяславича, ³ и Дмит-ра, конюха Давида Игоревича. ⁴ За овцами тоже требовался специальный уход, почему и возникает нужда в овчарах. Из летописи знаем о таком овцеводе — это «торчин, именем Беренди, овчюх Святополчъ». ⁵

Если бы Правда Ярославичей умолчала о старосте ратайном, то о пашне у сыновей Ярослава мы, пожалуй, ничего бы не знали. Этот староста — единственный из княжих слуг, намекающий на существование запашки в хозяйстве князей. Он задержался в ст.24, которая гласит: «А в сельском старосте

¹ А.Е.Пресняков. Княжое право..., стр. 241 (прим.).

² Правда Русская, т. 1, стр. 71.

³ ПВЛ, ч. 1, стр. 173.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

княжи и в ратаинем 12 гривне».¹ Историки по достоинству оценили смутную фигуру управителя по ратайным делам, установив «наличие княжеской пашни, т.е. княжеской барской запашки».² Но староста ратайный слишком проигрывает по сравнению со «старым конюхом у стада», чтобы доверить ему первую скрипку в хозяйственных предприятиях княжья, пахотные поля у которых хотя и были, но не на них делалась ставка. Пашня здесь выполняет подсобную роль, а главная ложится на скотоводство, в первую очередь — коневодство. В споре Б.Д.Грекова с С.В.Вознесенским о значении земледелия в княжеском хозяйстве XI в. надо все же стать на сторону последнего. С.В.Вознесенский говорил: «Ясно, что роль, или пахота, в княжеском хозяйстве стала играть известную роль много позже, чем бортничество и охота. Любопытно также отметить, что в Краткой Правде вообще выступает на первом месте не земледелие, а скотоводство и особенно коневодство, в котором господствующий класс был особенно заинтересован».³

К показаниям Правды Ярославичей присоединяется Владимир Мономах, когда дает наставления детям своим в хлопотах по дому, стараясь увлечь их личным примером повседневных трудов и всяческих бдений. «Весь наряд, и в дому своем то, — похваляется он, — я творил есмь. И в ловчих ловчий наряд сам есмь держал, и в конюсех, и о соколах и о ястрябех». О земледелии Мономах не проронил ни слова. Разумеется, это не значит, что пашни вовсе не было у него. Речь о месте ее в общем хозяйстве княжеского дома, «наряд» которого складывается главным образом из попечений о скотоводстве и охоте.

Таким образом, есть некоторые основания предполагать,

¹ Правда Русская, т. 1, стр. 71 — 72.

² Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 145.

³ С.В.Вознесенский. К вопросу о феодализме в России. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 7 — 8, стр. 227. ⁴ПВЛ, ч. 1, стр. 163.

что в отличие от X в. в княжеском хозяйстве в XI в. быстрыми темпами развивается скотоводство с уклоном в коневодство и появляется незначительная по размерам пашня с подсобной задачей. Это хозяйство является многоотраслевым, на переднем плане тут стоят разведение скота (лошадей преимущественно), бортничество и охота, а позади — земледелие. В чем причины перемен? Возникновение собственной запашки князя могло быть связано с увеличением его двора, занятой поручениями и работой «по дому». Быстрый рост скотоводства объясняется доходностью этой отрасли хозяйства. Поспешное же разведение лошадей — не что иное, как отзвук и обострение внешнеполитической обстановки из-за наплыва к границам Руси сначала печенегов, а потом — половцев. Войны «бес перестани» требовали оружия и коней. Князьям пришлось заняться разведением лошадей для военных нужд, что отразилось, в частности, и в Правде Ярославичей. Потребность в лошадях была большая. Поэтому наряду с князьями поставкой их занимались смерды,¹ чем, наверное, и разъясняется соседство княжого коня со смердым в ст. 28 Краткой Правды.

Та же озабоченность князей замечается в Пространной Правде. Но время внесло и некоторые перемены. Если Краткая Правда знает одного лишь «старого» конюха, то Пространной известен просто конюх (очевидно, рядовой конюх) и тиун «конюший» — какое-то подобие «старого» конюха из Правды Ярославичей. Голова обычного конюха оценивается в 40 гривен.² За покушение на тиуна конюшего назначена более солидная сумма в 80 гривен.³ По поводу княжеского коня Пространная Правда высказывается еще раз в ст. 45 и назначает плату за него на гривну больше, чем за остальных: «Паки ли лица не будеть, а был княжь конь, то платити за нь 3 гривны, а

¹ См.: Б.А.Романов. Смердий конь и смерд (в летописи и в Русской Правде). «ИОРЯС АН», т. XIII, кн.3. СПб., 1908.

² Правда Русская, т. 1, стр. 105.

³ Там же.

за инех по 2 гривны».¹ Эту разницу не обязательно понимать как выражение особых преимуществ князя, характеризующих его со стороны частновладельческих прав. Оборона страны — задача общегосударственная, задевавшая все общество, отчего княжеский конь, предназначенный преимущественно для воинских потребностей, в глазах современников ценился выше, чем прочие.²

В княжеских селах содержалось огромное количество лошадей. «И оттуда шедше, стаха у Мелтекове селе, — рассказывает книжник, — оттуда пославше и заграбиша стада Игоревы и Святославля, стада в лесе в Порохне: кобыл стадных 3000, а конь 1000». Большие запасы сена и фуража надо было заготавливать для таких внушительных косяков. Естественно, что в «сельце» у Игоря Ольговича стояло 900 стогов сена.⁴ Поголовье лошадей и скота росло не только за счет хозяйственных мер, но и вследствие нескончаемых войн с кочевниками, сопровождавшихся обильными полонами как людей, так и скота, включая лошадей.⁵ К аналогичному выводу пришел

¹ Там же, стр. 108.

² О том, что в бой нередко ходили на княжеских конях, говорит Повесть временных лет и Новгородская летопись. Первая в записи о событиях 1068 г. в Киеве устами людей киевских заявила: «се половцы росулися по земли; дай, княже, оружие и кони, и еще бьемся с ними» (ПВЛ, ч.1, стр.114). По словам второй, «рекоша новгородци: "княже не хотим измерети на коних, но яко отчи наши билися Кулачьскеи пеши". Князь же Мстислав рад бысть тому». (Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950, стр. 56). Вряд ли новгородцы чувствовали бы себя столь неуверенно в седле, будь у них собственные кони. И чему же не радоваться князю, как не надежде сохранить своих лошадей?!

³ ПСРЛ, т. II, стб. 331 - 332. В другом месте Ипатьевской летописи читаем: «Оже бяху холопи его покраве коне Мстиславля у стаде и пятны свое въсклале, рознаменяюще...» (Там же, стб. 541) «...и стада роздая убогим людям, у кого то конии нетуть» (Там же, стб. 914).

⁴ Там же, стб. 333. См. также: С.В.Юшков. Очерки..., стр. 49.

⁵ Летописи буквально пестрят записями: «...взяша бо тогда скоты, и овце, и коне, и вельблуды» (ПВЛ, ч.1, стр.185); «а веже их пойма, и коне и скоты их зая множество» (ПСРЛ, т.1, стб.339); «и взяша Рускии князи по-

Г.Е.Кочин, изучавший данные о скотоводстве на Руси.¹

Летописи различают коней «поводных», «сумных» и «товарных».² Набор мастей еще разнообразнее: белые, вороные, бурые, рыжие, пегие, сивые. Нет ли во всем этом некоторых элементов селекции? К сожалению, письменные свидетельства остаются пока в одиночестве, без археологического подкрепления, так как «степные и лесостепные лошади раннего железного века оказываются практически не отличимыми по изученным признакам скелета от древнерусских лошадей. Таким образом, вопрос о породном составе степных и лесостепных лошадей должен считаться неразрешенным и подлежащим дальнейшему углубленному исследованию».⁴

Но у историков русского коневодства есть все же некоторые позитивные сведения. Разумеется, искать единства среди них — напрасный труд. Н.Зезюлинский, например, говорил о «заводском разведении» лошадей в Древней Руси как о смелой гипотезе.⁵ По мнению А.Степанова, напротив, «Россия искони страна коннозаводственная».⁶ И.К.Мердер и В.Э.Фирсов отмечали, что «княжеское коневодство велось хотя и по старой косячной системе, но не без забот об улучшении табунов при

лону много и стада их заяша» (Там же, стб. 420); «и взяша скоты их, а с стады утекоша, яко всим воем наполнится скотом» (Там же, стб.507); «веже их пойма, коне их и скоты их зая» (ПСРЛ, т. II, стб. 460); «наполнится до изобилья... и скоты и коньми» (Там же, стб.540); «взяша веже Половецкеи, много полона и конии» (Там же, стб.637); «ополонишася скотом и конии» (Там же, стб.673); «и ополонишася Ростислав и Черни Клобуце скотом и коньми» (Там же, стб. 677); «Василку же князю многи плены приешю, стада коньска и кобыльа» (Там же, стб.746).

¹ Г.Е.Кочин. Сельское хозяйство на Руси, стр. 249.

² ПСРЛ, т. 2, стб. 448, 651, 726.

³ ПСРЛ, т. 1, стб. 514; ПСРЛ, т. 2, стб. 735.

⁴ В.И.Цалкин. Древнее животноводство племен Восточной Европы и средней Азии. М., 1966, стр. 89.

⁵ Н.Зезюлинский. Историческое исследование о коннозаводском деле в России, вып. 1. СПб., 1889, стр. 5.

⁶ А.Степанов. История коннозаводства в России. «Труды ВЭО», 1866, т. 4, вып. 1, стр. 308.

посредстве иноземных производителей, что уже имеет некоторое подобие коннозаводства».¹ Определяя состояние животноводства в Киевской Руси, М.Е.Лобашев писал: «В XII в. в княжеских хозяйствах скот зимой содержался в стойлах (хлевах), а летом пасся в поле. В летописях при описаниях княжеской челяди упоминаются пастухи, конюхи и овчары (овчухи). Это разделение труда по характеру ухода за скотом указывает на то, что уже в X — XII вв. у славян имелось пастбищное и стойловое содержание скота. Наличие последнего свидетельствует о более развитых формах скотоводства по сравнению с пастбищным содержанием, характерным для южного скотоводства».² Существование различных пород лошадей в Древней Руси М.Е.Лобашев считает вполне доказанным.³ При этом «значительное влияние на процесс породообразования лошади, в отличие от других видов скота, оказала необходимость использования ее в военных целях».⁴ Вот почему развитие коневодства вытекало из нужд княжества-государства, а не из частной хозяйственной предприимчивости князей, как думал Н.Зезюлинский.⁵

Таким образом, можно констатировать, что в XI — XII вв. в княжеском хозяйстве рост животноводства шел быстрыми темпами. Особенно больших успехов оно достигло в области коневодства, развитие которого в значительной мере обуславливалось военными потребностями древнерусских земель-княжеств. Скотоводство в хозяйстве князей было центральной отраслевой ветвью, ее основой, фундаментом.

По старому занимал князей и «ловчий наряд». В Ипатьевской летописи, например, читаем: «...на ту же зиму вышедшу

¹ И.К.Мердер и В.Э.Фирсов. Русская лошадь в древности и теперь. СПб., 1896, стр. И.

² М.Е.Лобашев. Очерки по истории русского животноводства. М.-Л., 1954, стр. 22.

³ Там же, стр. 23.

⁴ Там же, стр. 25.

⁵ Там же, стр. 26.

Володимиру в Тисмяничю на ловы»; «Ростислав Ростиславич...еха с ЛЮБОВ от Чернобыля».¹ Если приведенные известия могут быть поняты как указания на личное совершенствование князей в охотничьем деле, то другие определенно говорят о хозяйственном назначении охоты.² Но по сравнению с животноводством охота обрисована в памятниках бледнее, что указывает, вероятно, на различие их хозяйственной роли. Охотничий промысел, как и раньше, дополняется бортничеством. Ростислав отдает смоленскому епископу прощеников с медом, добычей которого, по всей видимости, они занимались.³ В селе Ясенском, переданном тому же епископу, сидел княжеский бортник.⁴ Князья держали специалистов-медоваров,⁵ изготовлявших «прохладные» пития, столь любезные веселому нраву Руси, о чем в свое время с большим подъемом говаривал Святой Владимир.

Земледельческое производство не сделало таких заметных успехов, как животноводство. Больше того, сопоставление ст.24 Краткой Правды со ст. 13 Пространной, посвященных одному и тому же сюжету, создает впечатление какой-то тенденции к статике в этой области: обе статьи ничем по сущест-

ПСРЛ.т. II, стб. 316,677.

² «Володимер же приеха из Раю в Любомль, ту и лежаще всю зиму в болести своей, росылая слуги свое на ловы» (Там же, стб. 905); «Яков, родом Полочанин, ловчий бе у князя» (ПСРЛ, т.1, стб. 480). Организуя епископию, смоленский князь Ростислав среди прочих людей отдает епископу «тетеревник с женою и з детми» (ПРП, вып.И, стр.41). Новгородцы, разгневавшись на Ярослава Ярославича, брата Александра Невского, «исписавше на грамоту всю вину его: "чему если отъял Волхов гогольниши лов-ци, а поле отъял еси заячимы ловцы"» (НПЛ, стр.88). В договорные грамоты Великого Новгорода с приступающими к управлению князьями часто вводится оговорка: «А свиньи ти, княже, гонити за шестьдесят верст около города; а в той шестидесят новгородцю гонити, князя докладая» (Грамоты В.Н. и П., стр.28); «а свинье бити, княже, за 60 верст около города, а далее куда кому угодно» (Там же, стр. 17.).

³ ПРП, вып. II, стр. 39.

⁴ Там же, стр. 41.

⁵ Грамоты В.Н. и П., стр. 11.

ву не отличаются друг от друга. Но движение все-таки было, о чем повествует «Устав о закупах», выводя на земной круг релейного закупа. Правда, знакомство с ним мало что дает для уяснения вопроса, поскольку «Устав» в основном сосредоточен на скандальных казусах, возникающих между господином и закупом. Известно только о работе «наймита» в поле.² «Устав о закупах» тем не менее позволяет предположить известное расширение княжеского земледелия. Не надо, впрочем, преувеличивать произошедших сдвигов. Недаром смоленский князь Ростислав, наделяя вновь учрежденную епископию землей, перечисляет угодья, связанные либо с бортничеством, либо с рыболовством, либо со скотоводством, либо с огородничеством. Пашня в его перечне отсутствует.⁴ Вряд ли это случайность. Если бы у Ростислава имелось много пашенной земли, она, несомненно, фигурировала бы в грамоте. Видно богатство князей заключалось не в пашнях и хлебе. Летописец, во всяком случае, так рассказывает о княжеских запасах, хранившихся в селе: «...идоста на Игоре селче, идеже бяше устроил двор добре. Бе же ту готовизни много; в бретьяничах и погребях вина и медове, и что тяжкого товара всякого до железа и до меди не тягли бяхуть от множества всего того вывозити». Затем он упоминает гумно, где лежало 900 стогов. Что надо понимать под этими стогами, трудно сказать. В литературе чаще писали о том, что якобы в стогах хранился хлеб.⁶

¹ Правда Русская, т. 1, стр. 71 - 72, 105. Место старосты ст. 24 Краткой Правды в Пространной Правде занимает тиун, в чем, по мнению А.А.Зиминой, надо видеть унификацию термина (ПРП, вып. 1, стр. 144.).

² Правда Русская, т. 1, стр. 111.

³ Это предположение весьма гипотетического свойства, так как общественное положение господина, у которого служит закуп, точно неизвестно. А.Е.Пресняков, например, причислял его к боярам (А.Е.Пресняков. Лекции по русской истории. Т. 1. М., 1933, стр. 195).

⁴ ПРП, вып. II, стр. 39, 41.

⁵ ПСРЛ, т. II, стб. 333.

⁶ См.: В.Н.Татищев. История Российская, т. 2. М.-Л., 1963, стр. 167; Н.М.Карамзин. История государства Российского, т. 2. СПб., 1892, стр.

С.В.Юшков же в данной связи замечал: «В сельце у Игоря Ольговича находилось 900 стогов сена».¹ Мнение С.В.Юшкова, на наш взгляд, полнее соответствует действительности. Не так просто представить себе столь огромное гумно, на котором можно было бы поставить 900 стогов хлеба. Слово «гумно», кстати, имело не только узкое специфическое значение, а употреблялось в смысле утолченного, утоптанного места. Последнее значение, по А.Г.Преображенскому, было даже основным.² Пояснение С.В.Юшкова хорошо смыкается с предшествующим летописным повествованием о тысячных косяках лошадей, принадлежавших князю Игорю и его брату Святославу. Сено на гумне «Игорева сельца» скорее всего и было заготовлено для них.

Заглянем теперь во двор к другому Ольговичу — Святославу: «... и ту двор Святославль раздели на 4 части: и скотьнице бретьянице и товар, иже бе не мочно двигнути, и в погребях было 500 берковьсков меду, а вина 80 корчаг».

Значит, богатство множилось не за счет плодов земледельческого труда, а в результате накопления движимых ценностей, увеличения стад и эксплуатации промысловых угодий. Согласно Б.Д.Грекову, здесь прежде всего сказалось то, что «продукты сельского хозяйства еще не стали сколько-нибудь заметным товаром. Хлеб, во всяком случае на рынке, еще не играл сколько-нибудь заметной роли; внутренний рынок еще достаточно слаб, чтобы заставить землевладельца расширять свою сельскохозяйственную деятельность».⁴ Безусловно, указанная закономерность действовала в Киевской Руси. Но оши-

139; Очерки истории СССР. Период феодализма IX — XV вв., ч. 1. М., 1953, стр. 394; М.Н.Тихомиров. Крестьянские и городские восстания на Руси XI - XIII вв. М., 1955, стр. 15, 16.

¹ С.В.Юшков. Очерки..., стр. 49.

² А.Г.Преображенский. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1959, стр. 49.

³ ПСРЛ, т. II, стб. 333 - 334.

⁴ Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 152.

бочно думать, будто княжеское хозяйство строилось в глубокой изоляции от внешнего мира. Мы наблюдали, какое сильное воздействие на него оказывала внешняя торговля, военные события. Расширение княжеской запашки сдерживалось не только малым объемом внутреннего рынка, недоразвитостью товарно-денежных отношений. Его стимул падал и потому, что личные потребности в хлебе князя главным образом удовлетворяли через кормления, полюдье, всевозможные дары. Это обстоятельство в нашей литературе или недооценивается или вовсе игнорируется. Поэтому мы считаем необходимым привести некоторые факты, подтверждающие важную роль кормлений в бюджете древнерусских князей. В 1110г., после кровавых усобиц, Владимир, Святополк и Олег «посла-ша слы своя к Володареви и к Василкови: «Пойми брата своего Василка к собе, и буди вама едина власть Перемышль. Да аще вам любо, да седита, аще ли ни, — да пусти Василка семо, да его кормим еде».¹ Изгнать князя из волости — отнять у него хлеб: «Се бо мя выгнал из города отца моего. А ты ли ми zde хлеба моего же не хоцещи дата». Или: «...brate и свату отчи-ну нашу и хлеб наш взял еси...»

В 1216 г Юрий «поклонися княземь Мстиславу и Володимеру и рече: «братья, вам челом бью, вам живот дати и хлеба накормите».⁴ Следом за ним присмиривший Ярослав Всеволодович обращается с подобной просьбой к брату своему Константину: «а сам, брате, накорми мя хлебом».⁵ Разумеется, не всегда князья получали поборы натурой. Ипатьевская летопись, например, рассказывает: «Роман же посла ко Рюрикови, рече ему: "отче, то ци про мене тебе не жити сватом своим и в любовь не внити, а мне любо ину волость в тое место даси,

¹ПВЛ, ч. 1, стр. 181.

²Там же, стр. 168.

³ПСРЛ, т. II, стб. 698.

⁴ПСРЛ, т. I, стб. 500. Юрий получил в корм «Радилов городецъ» (Там же, стб. 501).

⁵Там же, стб. 501.

лоубо кунами даси за нее во что будеть была"».¹ Кроме того, термин «хлеб» мог обозначать доходы с волости вообще. Но появление термина первоначально было бесспорно связано с хлебной дачей, поступавшей от населения, подведомственного тому или иному князю, и являвшейся натуральной по форме платой за исполнение общественных функций, лежащих на княжеской власти. И чем ниже мы станем опускаться в пучину истории, тем непосредственнее смысл термина «хлеб». Течение времени постепенно деформировало и видоизменило его, придавало ему несколько расплывчатый вид, но полностью переродить не успело и хлебные поставки вместе с другими продуктами сельскохозяйственного производства держались долго.

Ни о чем ином, как о привычной практике кормлений, не скажут следующие строки Ипатьевской летописи под 1238 годом: «Михаил иже за страх Татарьскийи не сме ити Киеву. Данил же и Василко выдаста ему ходити по земле своей, и даста ему пшенице много и меду и говяд и овец доволе».² В 1289 г. князь Мстислав устави «ловчее на Берестьяны и в веки за их коромолу, со ста по две лукне меду, а по две овце, а по пятидцать десятков лну, а по сту хлеба, по пяти цебров овса, а по пяти цебров ржи, а по 20 кур, а по толку со всякого ста, а на горожанах 4 гривны кун». Натуральный характер платежей подсказан, конечно, всем предшествующим опытом, новое здесь — вид повинности, установленный в наказание берестьянам за их мятеж, ибо раньше ловчее они не платили. Однажды «князь великий Андреи и всь Новгород дали Федору Михайловицю город стольный Пльсков и он ед хлеб. А како пошла рать, и он отъехал, город повьргя, а Новагорода и Пльскова поклона не послушал; приехав в село, Новгородскую волость пусту положил, братию нашу испродал. Тобе, княже, не

¹ПСРЛ, т. II, стб. 684-685.

²Там же, стб. 783.

³Там же, стб. 932.

кърмити его новгородским хлебомъ, кърми его у себе... А Бориса Костянтиновича кърмил Новгород Корелою; и он Корелу всю истерял... А ныне серебра ему не вели емати. А тебе, господине, новгородским хлебом не кърмити его».¹ Понятие «хлеб» в данном примере несколько шире, чем само значение слова, оно включает и серебро. Однако будет неверно ограничивать состав «хлеба» одним серебром. Против такого ограничения говорят тексты последующих грамот, совершенных в Новгороде Великом: «А что серебро и хлеб князем великим не добра в Торъжку или на губах, а то князем великим не надобе», «а что серебро и хлеб великим князем в Торъжку или на губах, а то великим князем не надобе». Следует, разумеется, отдавать себе отчет в том, что приведенные известия идут из XIII — XV вв., но тот факт, что они отражают архаические явления, придает им значительную ретроспективную силу.

Волость, кормившая князя, совсем не случайно называется жизнью. Жить, жито, жизнь — все это однокоренные слова.⁴ В летописной похвале князю Ярополку сказано: «...сии бо Ярополк вда всю жизнь свою Небльскую волость и Деревьскую и Лучьскую и около Киева».⁵ Рогволод Борисович в 1159 г. пошел «искать собе волости, поем полк Святославль, зане не створиша ему милости ему братья его, взявше под ним волость его и жизнь его всю».⁶

В междоусобных столкновениях князя неуклонно преследуют стратегическую цель, сводившуюся к опустошению земли — волости противника с тем, чтобы подорвать его экономи-

¹ Грамоты В.Н. и П., стр. 18 - 19.

² Там же, стр. 42.

³ Там же, стр. 49.

⁴ А.Г.Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. 1. М., 1959, стр. 233. Иногда в летописи «княжить» заменяется словом «жить»: «...иде Святослав из Новгорода к Турову жити» (ПСРЛ, т. 1, стб. 207).

⁵ ПСРЛ, т. II, стб. 492.

⁶ Там же, стб. 493.

ческие возможности, ослабить военную мощь и в конечном счете — сломить.¹ Изяслав Мстиславич реально взвешивал обстановку, когда говорил: «...се: есмы села их пожгли вся и жизнь их всю и они к нам не выидуть».² Разгоряченный Святослав хотел было выступить против Мстислава, да трезвые головы из его дружины отсоветовали: «...они же рекоша, княже, не стряпая поеди, zde ти не о чем быти: нетуть ни жита, ни что, пойди в лесную землю».³ Недостаток хлебного довольствия сковывал наступательные действия князей, вынуждая их отсиживаться в обороне, «в сторожах» земли своей. В 1193 г. осторожный Святослав вразумлял рвавшегося в поход нетерпеливого Рюрика: «Святослав же рече: ныне, брате, пути не мочно учинити, зане в земле нашей жито не родилося ныне, абы ныне земля своя устеречи».⁴

Факты, сведенные выше, весьма красноречивы, они показывают, что древнерусские князья на хлебном довольствии

¹ «Попина своего посла к Давидовичема, рек има: "братья мои, се еста землю мою повоевали и стада моя и брата моего заяли, жита пожгли и всю жизнь погубила еста"». (Там же, стб.332); «и пожже вся села их оли и до Боловаса. Нача Изяслав молвити: "се есмы села их пожгли вся и жизнь их всю и они к нам не выидуть, а поедем к Любчю, идеже их есть вся жизнь"» (Там же, стб.361); «А Изяслав пришед за Десною города наша пожегл и землю нашу повоевали, а се паки пришед опять к Чернигову, став на Ол-гове поле, ту села наши пожгли оли до Любча и всю жизнь нашу повоевали» (Там же, стб.363); «и начаста города его жечи и села и всю землю его воевати» (Там же, стб.371); «волость мою повоевал и пожегл» (Там же, стб.375); «не стоите на нашей земли и жизни наша ни сел наших не губите» (Там же, стб.388); «еси волость мою погубил, а жита еси около города потравил» (Там же, стб.458); «Мстислав же иде по нем до Дорогобужа, воюя и жга села и много зла створи» (Там же, стб.487); «поиде на Олга и пожже волость его» (Там же, стб.579). Все эти факты дружно говорят о том, что «жизнь» князя — это его города и села, составлявшие волость, или землю.

² Там же, стб. 361.

³ Там же, стб. 334.

⁴ Там же, стб. 676.

стояли каждый в своем княжестве — волости.¹ Корм хлебом, а нередко и другими сельскохозяйственными продуктами сдерживал хозяйственную предприимчивость князя, особенно в области зернового хозяйства. Незначительная княжеская запашка, запечатленная источниками, находит естественное объяснение в широко бытовавшей практике поставок зерна, которое поступало в закрома князей как своеобразная плата за несение ими общественных служб, главнейшие из которых — организация суда и военный «наряд». Эта практика была отзвуком далекой старины, когда только завязывалась власть князя — вождя племени или союза племен, кормившегося за счет добровольных приношений соплеменников. Постепенно эти приношения теряли непосредственно потребительский характер, переплавляясь в нечто, подобное натуральным налогам, смешивать которые с централизованной феодальной рентой нет оснований. В Киевской Руси мы и застаем кормления на стадии их сближения с налогами натурой. Им суждено было оказать глубокое воздействие на развитие частного хозяйства князей.

^Землевладение и хозяйство бояр

В Древней Руси рядом с княжеским землевладением поднималось боярское. Источники, относящиеся к его истории, отрывочны и бледны. Но это не обескуражило исследователей. «Упоминания о боярских селах, — писал А.Е.Пресняков, — случайны и немногочисленны, но это — упоминания мимоходом, как о явлении обычном». И тем не менее о боярских се-

¹ Запасы хлеба, собиравшееся за счет кормлений, были значительны. Князья торговали хлебом: «...и пошли, господине, к нам жито свое продавать, а мы ради купим, чего восхочешь, воску ли, бели ль, бобров ли, черных ли кун, серебра ль мы ради дады» (ПСРЛ, т. II, стб. 879).

² А.Е.Пресняков. Лекции по русской истории, т. 1. Киевская Русь. М., 1938, стр. 195.

лах на Руси X в. нам ничего неизвестно. Надо полагать, что развитие боярского землевладения несколько отставало от княжеского. Судя по источникам, лишь в XI в. бояре обзаводятся селами.¹ Из Патерика узнаем, как они несли в Печерскую лавру «от имени своих на утешение братии и на устройство монастырю. Друзии же села вдающе монастыреви и братии».² Наличие сел бояр в XI — XII вв. не подвергается сомнению. Сводить известия о боярском землевладении — лиш-

¹ Б.Д.Греков, сторонник ранней и глубокой феодализации Киевской Руси, чувствовал острый недостаток сведений о боярском землевладении в X в. Поэтому его историю он начинал с пояснений и оговорок. «Если дружинники, — подчеркивал Б.Д.Греков, — некоторое время могли пользоваться ленами, составлявшимися "только из даней", то говорить то же о местной знати, выросшей в землевладельческом обществе в процессе расслоения сельской общины и появления частной собственности на землю, — решительно невозможно. Самое верное решение этой задачи будет состоять в допущении, что могущество этих бояр основывалось не на "сокровищах", а на земле» (Киевская Русь, стр.129). В летописи местная знать, земские бояре, называются, по Б.Д.Грекову, «старцами градскими», «старейшинами» (Там же, стр. 126). Спор о боярском землевладении X в. - это в конечном счете спор о методике исследования. Отсутствующие источники Б.Д.Греков компенсирует непрерывными допущениями, вытекающими из его представлений об «общем ходе развития» древнерусского государства (См.: Я.С.Лурье. Критика источника и вероятность известия. Культура Древней Руси. М., 1966, стр.122 — 123). Странное впечатление производит противопоставление дружинников киевского князя и земских бояр. Как будто киевские князья и их бояре не находились в земледельческом обществе и не являлись порождением социальных сдвигов, произошедших в нем. Такое противопоставление — наследие старой историографии, которую нетрудно понять, если учесть, что ее представители исходили из норманистских идей о дружине и князе как пришельцах из Скандинавии, легших инородным слоем на туземную Русь. Не лишено вероятия, что эти соображения Б.Д.Грекова — рецидив его прежних воззрений, легко уживавшихся с тезисом о завоевании Руси варягами (См.: Б.Д.Греков. Феодальные отношения в Киевском государстве. М.-Л.1936, стр. 12 — 19).

² Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, стр. 31.

нее занятие, это осуществлено исследователями.¹ Целесообразнее заглянуть в источники, питавшие доходы боярства. И тут внимание останавливается на внеземельных доходах бояр. Они складывались из части княжеских поступлений как вознаграждение за исполнение поручений по делам суда и управления. Яркий тому пример — Русская Правда. В ст. 42 Краткой Правды определяется: «А се поклон вирный: вирнику взяти 7 ведер солоду на неделю, тьже овен любо полоть, или две ногате; а въ среду резану въже сыры, в пятницу тако же; а хеба по кольку могут ясти, и пшена; а кур по двое на день; коне 4 по-ставити и сути им на рот, кольку могут зобати; а вирнику 60 гривен и 10 резан и 12 веверици, а переди гривна; или ся при-годи в говение рыбами, то взяти за рыбы 7 резан; ть всех кун 15 кун на неделю, а борошна кольку могут изьясти; до недели же виру сберуть вирници, то ти урок Ярославль». По мнению А.А.Зиминой, вирник — это «княжеский дружинник, ведавший сбором виры и, очевидно, судом по уголовным делам». В служебную «командировку» он отправлялся в сопровождении помощника-отрока.⁴ Последнее, очень важное для нас, наблюдение А.А.Зиминой подтверждается ст. 9 Пространной Правды, которая, воспроизводя Ярославов урок вирнику, подчеркивает: «...то вирнику со отроком».⁵ Да и сама ст. 42 Краткой Правды, хотя не называет отрока, спутника вирника, но косвенно свидетельствует о его присутствии, так как форма сказуемого в рассматриваемом отрывке стоит во множественном числе («я хлеба по кольку *могут*»; «а борошна кольку *могут* изьясти»). Существенную долю «кормленных» сборов составляют, как замечаем, продукты сельскохозяйственного производства. Эта традиция просуществовала длительное время, она извест-

¹ См., напр.: А.Е.Пресняков. Лекции по русской истории, т. 1, стр. 195-196; Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 122 - 143.

² Правда Русская, т. 1, стр. 73.

³ ПРП, вып. 1, стр. 105.

⁴ Там же.

⁵ Правда Русская, т. 1, стр. 105.

на Русской Правде Пространной редакции, в ст. 74 которой записано: «А се наклады. А се наклады: 12 гривен, отроку 2 гривны и 20 кун, а самому ехати со отроком на дву коню, сути же на рот овес, а мяса дати овен любо полоть, а инем кормом, что има черево возметь, писцю 10 кун, перекладного 5 кун, на мех две ногата». Кто же он, этот «сам», разъезжающий по «мирам», «городам» и «весям» с отроком и писцом в эскорте? Конечно, сановный боярин, ибо отроки — служебный антураж князей и бояр.

Драгоценные показания Русской Правды удачно дополняются эпистолярным материалом. Летописцы неоднократно говорят о боярских кормлениях. Так, в 1234 г. Даниил и Васильке «ста на берез Днестра и прия землю Галичскую и розда города бояром и воеводам, и беаше корма у них много».² Интересно, что бояре получают в кормление не только села, но и города, — деталь, раскрывающая доходнейшую статью боярского бюджета. В том же духе действует князь Мстислав, которому Владимир Василькович, «сотьснувьси немощью тела своего», решил «по животе своем» передать «землю свою всю и города» вместе со стольным Владимиром. Не успел Василькович упокоиться, как Мстислав начал распоряжаться княжеством самоуправно. Угасающему Васильковичу доносили, что он «дасть город Всеволожь бояромь и села роздаваеть».³ Бывало, бояре дерзко посягали на княжеские права, узурпируя их. Вспомним классические строки: «Бояре же Галичстии Данила княземь себе называху, а саме всю землю держаху. Добро-слав же вокняжилсѧ бе и Судьичь попов внук. И грабяше всю землю, и въшед во Бакоту, все Понизье прия без княжа повеления. Григорьи же Васильевич собе горную страну Перемышльскую мышляше одержати...».⁴ Даниил посылал стольника своего Якова «ко Доброславу, глаголя к ним: «князь ваш аз

¹ Там же, стр. 112.

² ПСРЛ, т. II, стб. 771.

³ Там же, стб. 900.

⁴ ПСРЛ, т. II, стб. 789.

семь, повеления моего не творити, землю грабите. Черниговских бояр не велех ти, Доброславе, приимати, *но даты волости* Галичким (курсив наш. — И.Ф.), а Коломыйскою сол отлучите на мя».¹ Доброслав самовольно отдал Коломыю боярам Лазорю Домажиричю и Ивору Молибожичю, двум беззаконникам «от племени смердя», по нелестной аттестации летописца.² Пусть часть «кормов» незаконно присвоена галичкими боярами. Бесспорно одно: Даниил считает вполне естественной раздачу волостей местному боярству, он возражает только против кормления пришлых черниговских бояр, чья «жизнь» («хлеб», «корм») в Черниговской области.

После смерти Юрия Долгорукого жители киевского княжества избивали «суждалци по городом и по селом, а товар их грабяче».³ Видимо, Долгорукий развел своих мужей «на покорм» по городам и селам Киевской области. Патерик Печерского монастыря передает о Шимоне (Симоне), варяге по происхождению, пришедшем к Ярославу на службу со всем своим огромным двором, «яко до 3000 душ и со ереи своими». Ярослав, «его же приимь, въ чести имяше и дать его сынови своему Всеволоду, да будеть старей у него. Прия же велику власть от Всеволода».⁵ Раздавал волости в кормление и отец Ярослава князь Владимир, а раньше его - Олег.⁶ Понятно, что политические и хозяйственные интересы боярства тесно переплетались с княжескими, судьба князя - судьба бояр. Потеря князем волости - княжества означала утрату его боярами до-

¹ Там же.

² Там же, стб. 790.

³ Там же, стб. 489.

⁴ Патерик..., стр. 5.

⁵ Там же, стр. 3.

⁶ ПВЛ, ч. 1, стр. 20, 56.

⁷ «Лечеп» Петр, видимо, не сгушал краски, когда корил Святошу, укравшегося в иноческую келью: «Оставиши плачь неутешим братома свои-ма. Се бо и бояре твои, служивыше тебе, мнящейся иногда велиции быти и славни тебе ради, ныне же лишени твоеа любье, желетве дома велики сътворивыше, и седять в них в мнозе унынии. Патерик, стр. 84

ходов, поступавших от населения в виде различных кормов, натуральных и денежных. В этом смысле, очевидно, и надо понимать речь Изяслава Мстиславича, которую ученые обычно привлекают для иллюстрации боярского землевладения.¹ Изяслав произнес перед дружиной: «Вы есте по мне из Рускы земли вышли, своих сел и своих жизни лишився, а яз паки своя дедины и отчины не могу перезрети, но любо голову свою сложю, паки ли отчину свою налему и вашу всю жизнь».²

Выше отмечалось, что термин «жизнь» обозначал «хлеб», «корм», т.е. волостные сборы, предназначавшиеся князю и его окружению, в том числе боярам, занимавшим «высокооплачиваемые» должности на служебной лестнице.³ Служить при князе - есть хлеб из его рук, кормиться. В «некрологе» Васильку Константиновичу, князю ростовскому, убитому в татарское лихолетье, читаем: «Василко лицом красен, очима светел и грозен, хоробр паче меры на ловех, сердцем легок, да бояр ласков, никтоже бо от бояр, кто ему служил и хлеб его ел, и чашю пил и дары имал, тот никакож у иного князя можаше быти».⁴ Перед началом битвы с полками Изяслава в 1153 г. галицкие бояре просят юного князя Ярослава не вмешиваться в бой и наблюдать со стороны за его исходом: «Галичский же мужи почаша молвити князю своему Ярославу: «ты еси молод, а поеди прочь и нас позоруи. Како ны будеть отец твой *кормил и любил* (курсив наш. — И.Ф.), а хотим за отца твоего честь и за твою головы своя сложити». И реша князю своему: «ты еси у нас князь один, оже ся тебе што учинить, то што нам деяти. А поеди, княже, к городу, ать мы ся

¹ М.А.Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1912, стр. 78; А.Е.Пресняков. Лекции по русской истории, ч. 1, стр. 195; Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 138.

² ПСРЛ, т. II, стб. 409-410.

³ Значительно, что боярская «жизнь» упоминается в *одной* плоскости с «отчиной» и «дединой» Изяслава. ⁴ ПСРЛ, т. I, стб. 467.

бьем сами с Изяславом».

Итак, можно не сомневаться, что большая доля боярских доходов в Древней Руси собиралась в виде кормлений — платы свободного населения, обеспечивавшей материально представителей государственного аппарата. Бояре получали не только деньги, но и продукты сельского хозяйства, что фиксируется различными источниками — Русской Правдой, грамотами, летописями. Эти доходы не нужно отождествлять с феодальной рентой. Они — примитивная форма налогообложения, порожденная внутриполитическими отношениями в древнерусском обществе.

Мы должны по достоинству оценить тот факт, что среди поборов продукты сельскохозяйственного производства занимают значительное место. Организация боярами собственного хозяйства производилась, надо полагать, с учетом этого факта. Бояре, таким образом, имели возможность развивать у себя неземледельческие отрасли сельского хозяйства, в особенности скотоводство. При всем недостатке сведений обнаруживаем все же подтверждения нашему предположению. По сообщениям Лаврентьевской летописи, в 1177 г. Всеволод с дружиной грабил села ростовских бояр — приверженцев Мстислава Ростиславича, племянника своего: «...а села боярьская взяша, и кони, и скот».³ В 1146 г. «розьграбиша Кияне с Изяславом дружины Игоревы и Всеволоже, и села, и скоты».⁴ Под 1159 годом в Ипатьевской летописи значится: «Мьстислав же зая товара много Изяслави дружины: золота и серебра, и че-

¹ ПСРЛ, ч. II, стб. 466 - 467.

² В полемике с Б.Н.Чичериным Ф.И.Леонтович указывал, что «кормление было не частноправовой формой отправления суда и управления, но лишь одним из способов служебно-общественного (не частного) содержания мужей и дружины, позже служилых чиновных людей» (Ф.И.Леонтович. Задружно-общинный характер политического быта Древней Руси. «ЖМНПросв.», 1874, август, стр. 227).

³ ПСРЛ, т. I, стб. 382.

⁴ ПСРЛ, ч. II, стб. 328.

ляди, и кони, и скота и все прави Володимерю».¹ На севере, в Новгородском крае, сходная картина. В духовной Климента, которого М.Н.Тихомиров справедливо считает крупным боярином, упоминается довольно разнообразный состав поголовья в его селах: лошади, крупный скот, овцы, свиньи.³

Источники, упомянутые выше, приведены с целью, чтобы обратить внимание, во-первых, на важную роль внеземельных доходов боярства на Руси X — XIII вв. и, во-вторых, подчеркнуть существенное значение в частном хозяйстве бояр скотоводства. Земледелие, разумеется, тоже было здесь представлено, но трудно сказать, перевешивало ли оно в хозяйственном балансе частных предприятий древнерусского боярства.

В заключение коснемся вопроса о поместном землевладении. В литературе нет единого мнения по вопросу, когда оно возникло. Н.А.Рожков, например, отмечал: «...в сфере княжеского дворцового землевладения и хозяйства зародилась и воплотилась в действительность идея поместья, то есть временного владения землей под условием службы и с правом того, кто пожаловал землю, отобрать ее у временного владельца или помещика. Следы поместья на княжеской земле наблюдаются впервые, по нашим источникам, в завещании великого князя Ивана Калиты, составленном в 1328 году».⁴

В академическом издании «Очерков истории СССР» находим: «Условное землевладение в северо-восточной Руси сложилось давно, еще в Древней Руси. Для московского княжества первым документальным указанием на существование условных владений в землях, зависимых от Московского княжества, обычно считают духовную грамоту Ивана Калиты (около

¹ Там же, стб. 502.

² М.Н.Тихомиров, М.В.Щепкина. Два памятника новгородской письменности. М., 1952, стр. 14.

³ Там же, стр. 8-9.

⁴ Н.А.Рожков. Город и деревня в русской истории. Пг., 1919, стр. 38.

1339 г.)». М.Н.Тихомиров специально занимался условным землевладением на Руси XII в. Согласно его представлениям, «историю поместной системы и служилого землевладения надо начинать искать гораздо раньше, чем в XIV-XV вв. Поместная система была только частью феодальной системы. Она начала складываться на Руси уже в XII-XIII вв., когда появляются милостники».² Автор поставил перед собой задачу «показать, что условное феодальное держание уже существовало в XII в. под другим названием — "милость", "придаток", "хлеб", а сами феодальные держатели носили название "милостников".³

Как же показывает М.Н.Тихомиров наличие условного феодального держания в XII веке? Поскольку в центре внимания исследователя стоят милостники, то терминологические разъяснения по поводу слова «милостник» стали первой необходимостью. М.Н.Тихомиров привел убедительные доводы в пользу того, что под «милостниками» следует понимать не просто княжеских любимцев, а «особый разряд княжеских слуг, занятых непосредственно в дворцовом хозяйстве» и не входящих в корпорацию «лепших мужей» князя — бояр.⁴ «По-видимому, — продолжает он, — милостники XII в. те же княжеские слуги, какие нам известны по Русской Правде под име-

¹ Очерки истории СССР. Период феодализма (IX — XV вв.), ч. II. М., 1953, стр. 66.

² М.Н.Тихомиров. Условное феодальное держание на Руси XII в. В кн.: Академику Б.Д.Грекову ко дню семидесятилетия. Сб. статей. М., 1952, стр. 104.

³ Там же, стр. 100 (Недавно мысль М.Н.Тихомирова об условных земельных держаниях в Древней Руси, т.е. поместьях, была оспорена Л.В.Лерепниным. — Л.В.Черепнин. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX-XV вв. В кн.: А.П.Новосельцев (и др.). Пути развития феодализма. М., 1952, стр. 161. Мы считаем необходимым привести некоторые дополнительные аргументы, свидетельствующие о неприемлимости концепции М.Н.Тихомирова).

⁴ Там же, стр. 101.

нем огнищан». Но с последним трудно согласиться хотя бы потому, что милостники в летописи названы паробками князя. Не лучше ли паробка-милостника подвести к отроку древнерусских источников. Ведь между словами «холоп» («хлоп», «хлопчик», «мальчик»), «отрок», «паробок» прямая семантическая близость. Вызывает сомнение и равенство между «милостью» и «beneficium'oM», проводимое М.Н.Тихомировым. Автор не назвал ни одного факта, который ясно и определенно подтвердил бы его точку зрения. Что, к примеру, значит реплика, брошенная Даниилом Заточником: «всякому дворянину имети честь и милость у князя». Различные благодеяния и почести — вероятный ее смысл. Но М.Н.Тихомиров чересчур осязаемо воспринимает мечты Заточника, когда заявляет: «Здесь слово "милость" соединено с "честью". "Честь и милость", на которую имеет право рассчитывать каждый дворянин, — это его почетное место при княжеском дворе и пожалование (beneficium, милость) определенными денежными или земельными получениями».³ Конечно, было бы нелепо отрицать всякое пожалование. Главное — в чем оно выражалось. Если князь жаловал своих слуг деньгами, оружием и конями, то от этого они феодалами не становились. Иное дело — земельная дача. Но о «милостных» землях источники упорно молчат.⁴ В поисках выхода из безмолвия памятников М.Н.Тихомиров обращается к статье 111 Пространной Правды, сохранившей термин «милость»: «А в даче не холоп, ни по хлебе

¹ Там же.

² Там же, стр. 103.

³ Там же.

⁴ Единственный памятник, говорящий об этом, — Законник Стефана Душана. М.Н.Тихомиров ссылается на него. Однако Законнику нельзя придавать решающее значение, ибо данный памятник сравнительно поздний и, самое главное, иноземный (кстати, еще П.А.Аргунов термин «милость» сопоставлял с аналогичным термином Законника. См.: П.А.Аргунов. О закупах Русской Правды. «Изв. АН СССР», отд. обществ. наук, № 10, серия 7, 1935, стр. 777).

роботать, ни по придатьце; но оже не доходить года, то ворочати ему милость; отходить ли, то не виноват есть».¹ В диссонансе мнений о ст. 111 слышится все же общий мотив: большинство исследователей Русской Правды видело в ней случай, когда какой-нибудь бедняк в трудную минуту просил помощи зажиточного хозяина и получал ее в виде «милости». Рассматривая статью 111 Пр. Пр., М.Н.Тихомиров убедился, что «нет никаких оснований настаивать на том, что в "Русской Правде" говорится обязательно о хлебе как ссуде, которую получали бедные люди. Наоборот, хлеб, дача, придаток могут быть поняты как виды феодального условного держания, объединяемого общим названием "милости"». Свой вывод М.Н.Тихомиров обосновывает примерами, которые рассказывают об отдаче городов и волостей в кормления.⁴ Однако кормления — это право сбора доходов с волости, а не феодальное условное держание, как представляется автору. «Хлеб» в значении кормления для XII века не новость. Раздача городов заметна едва ли не с IX века: «И прия власть Рюрик, и раздал мужем своим грады: овому Полотеск, овому Ростов, другому Белоозеро...»⁵ В движении на юг Олег «приде к Смоленску с кривичи и прия град, и посади мужь свои, оттуда поиде вниз и взя Любец и посади муж свои...»⁶ Владимир Святославич, «переклюкавший» варягов, «избра от них мужи добры и смыслены и раздая им грады». Раздача городов и целых волостей в корм не была связана с земельным пожалованием, она не нарушала прежний хозяйственный уклад населения, не ставила его в отношения зависимости от кормленщика. Какое же это феодальное владение без земли и непосредственных производителей?!

¹ Правда Русская, т. 1, стр. 116.

² См.: Правда Русская, т. 2, стр. 708 - 716.

³ М.Н.Тихомиров. Условное феодальное держание ..., стр. 104.

⁴ Там же, стр. 103.

⁵ ПСРЛ, т. 1, стб. 23.

⁶ ПВЛ, ч. 1, стр. 20.

⁷ Там же, стр. 56.

Назначение ст. 111 М.Н.Тихомиров определял так: «...статья о "милости" вовсе не опекает бедных людей, которых голод и нужда заставили взять ссуду у богатого человека. Эта статья ставит своей задачей охранить от порабощения мелких феодалов, занявших холопские места при боярском и княжеском дворе, но стремившихся сохранить свою свободу. Подобная статья типична для "Русской Правды" как кодекса феодального права». Тут совсем непонятно, что к чему. Прежде ход рассуждений сводился к тому, будто «милостытники» — люди, в результате феодального пожалования («милости») превратившиеся в феодальных держателей. Теперь же феодалы — «милостытники» занимают «холопские места при боярском и княжеском дворе», дрожат за свою свободу и стараются гарантировать ее с помощью законодательства. Остается недоумение: в лице «милостытников» князья и бояре стремились окружить себя слугами феодального образа и подобия или холопами-рабами. Трудно представить человека, ставшего феодалом по «милости» и увязшего в рабстве по той же «милости». Надо выбирать что-нибудь одно.

Письменные свидетельства, взятые М.Н.Тихомировым для уяснения ст.111, совершенно не вяжутся с его взглядом на причины ее появления. Он берет тексты, в которых называются имена князей Юрия и Ярослава, сыновей Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, и некоего Федора Михайловича, кормившегося Псковом.¹ При чем же здесь «мелкие феодалы», устраивавшиеся на холопские места в боярском и княжеском дворе? Если Юрий и Ярослав — «мелкие феодалы», а Радилов городец и Псков — «холопские места», то какими тогда были крупные феодалы и должности, предназначенные свободным людям?!

М.Н.Тихомирову не удалось доказать существование на Руси XII в. поместной системы и служилого землевладения, совместить древнерусского милостника с московским поме-

¹ М.Н.Тихомиров. Условное феодальное держание..., стр. 103.

щиком. Служилые люди типа помещиков пришли позднее. Недаром Бориско Ворков в духовной Калиты так одинок. Почему князь Иван не преминул помянуть Воркова? Уж не потому ли, что он своего рода социальный феномен, не привычный взору великого князя? Думается, утвердительный ответ не покажется натянутым.

У. Церковное землевладение и хозяйство

Вопрос о времени возникновения земельной собственности духовенства вызвал противоречивые суждения еще в до-революционной историографии. Согласно М.Горчакову, «самые первые христианские русские князья, св.Владимир и Ярослав, предоставили митрополиту всея России право владеть земельными имуществами».² Идеи М.Горчакова разделял крупнейший специалист по истории русской православной церкви Е.Голубинский.³ По мнению же В.Милютина, церковное землевладение сделалось ощутимым только со второй половины XI в.⁴ Его соображение было поддержано рядом исто-

¹ Обеспечение милостников-дворян осуществлялось, вероятно, из других фондов. Весьма характерной в данной связи выглядит запись Новгородской Первой летописи: «...и Мстислав же князь взя на них дань, и да новгородцем две чести дани, а третьюю часть дворяном» (НПЛ, стр. 52 — 53, 251). Известно также, что галицкие князья держали Коломью «на раздавание оружником» (ПСРЛ, т. II, стб. 790). Тем не менее идеи М.Н.Тихомирова кажутся современным исследователям настолько привлекательными, что их популяризируют в изданиях для широкого читателя. См.: «История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской Социалистической революции», т. I. М., 1966, стр. 579, 580.

² М.Горчаков. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. Синода (988 - 1738 гг.). СПб., 1871, стр. 47.

³ Е.Е.Голубинский. История русской церкви, т. I. Период первый, Киевский или домонгольский. Первая половина тома. М., 1901, стр. 511, 513.

⁴ В.Милютин. О недвижимых имуществах духовенства в России. «ЧОИДР», 1859, кн. 4, стр. 24.

риков.¹ Что касается Б.Д.Грекова, то он сначала земельные приобретения церковников отнес на несколько десятилетий позже, принимая древнейшей из подлинных дошедших до нас жалованных грамот жалованную Мстислава и его сына Всеволода новгородскому Юрьеву монастырю.² Впоследствии Б.Д.Греков резко изменил собственные представления. «Церковь на Руси с момента своей организации, — убеждает он, — начинает владеть недвижимым имуществом».³ В унисон с Б.Д.Грековым высказывался С.В.Юшков.⁴ Новейший исследователь Я.Н.Щапов получил более убедительные результаты. Он пишет: «Возникновение церковного землевладения на Руси может быть отнесено ко второй половине XI в. В системе феодальной собственности на Руси X — XII вв. церковь, следовательно, занимает место сравнительно поздно, когда другие институты — княжеское, боярское землевладение — уже существовали и были результатом относительно долгого внутреннего развития восточнославянского общества».⁵

Первые известия относительно земельных владений духовенства касаются Печерского монастыря. Уже в игуменство Феодосия при обители находились села. Это явствует не только из упоминаний о вкладах,⁶ но и других не менее вырази-

¹ См.: М.Н.Покровский. Избранные произведения, кн. 1. М., 1966, стр. 102; Н.А.Рожков. Город и деревня в русской истории. Пг., 1919, стр. 16; И.Кулишер. Из истории крестьянского труда в Древней Руси. — «Архив истории труда в России», кн. 10. Пг., 1923, стр. 95.

² Б.Д.Греков. Избранные труды, т. IV. М., 1960, стр. 141 - 142.

³ Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 139.

⁴ С.В.Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.-Л., 1939, стр. 54 - 55; Его же. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, стр. 136.

⁵ Я.Н.Щапов. Церковь в системе государственной власти Древней Руси. В кн.: А.П.Новосельцев (и др.). Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, стр. 336; Его же. 3 історія давньоруської церкви X — XII ст. «Український історичний журнал», 1967, № 9, стр. 89.

⁶ Патерик..., стр. 31.

тельных сообщений. «В един же пакы от дънии, — повествует агиограф, — от единого веси монастырьския прииде мних к блаженному отцу нашему Феодосию, глаголя, яко в хлевине, идеже скот затворяемъ, жилище бесом есть...прииде же (Феодосии. — И.Ф.) в село то и вечер един вниде в хлевину...се же оттоле ни в селе томъ пакости творити никому же...»¹ В фантастический рассказ о борьбе преподобного с бесами вкраплены реальные куски действительности, склеив которые, получаем рельефное изображение монастырского землевладения и хозяйства: перед нами чернецкое село с хлебом для скота, находящееся на попечении печерского инок. Монастырь держал не одно село. Перед своей смертью Феодосии велел позвать к себе всю братию, в том числе и тех, «еже и в селах или на иную кую потребу отошли». Но монастырских ресурсов не хватало. Часто не из чего было готовить «ядь» монахам. Тогда надо было обращаться к рынку.

Сведения Патерика о связях лавры с древнерусским торгом двоякого рода. Одни из них указывают на более или менее постоянный контакт монастыря с рынком. Однажды к Феодосию «вниде иконом, глаголя блаженному, яко утрий день не имам чим купити на ядь братии и на ину потребу».² Следовательно, покупать продукты для братии — вещь обычная; исключителен лишь случай, когда не на что купить снедь. Характерен рассказ и о том, как иноки «фукома своима делахуть дело, ово ли копытыца плетуще и клобуки и ина ручная дела строяще и тако носяще в град продаяху и тем жито купяху».³

Другие сведения, дополняя первые, воспроизводят случаи оскудения монастырских сусеков, что также вынуждало отправляться «на торг». Но это, конечно, был не единственный выход. Недостаток «брашна» пополнялся порой за счет приношений. Так, «в един от дънии приде келарь к сему блажен-

¹ Патерик..., стр. 45.

² Там же, стр. 36.

³ Там же, стр. 26.

ному, (Феодосию. — И.Ф.) глаголя, яко в сии день не имам, что предложити братии на ядь, се бо ни сварить что имам».¹ Выручил братию на этот раз боярин Иоанн, который наполнил «три возы брашна: хлебы и сыр и рыбу, сочиво же и пшено, еще же и мед, — и посла к блаженному в монастырь».² Однако эти дары, будучи эпизодическими, не решали продовольственной проблемы, и монахи продолжали не только покупать провиант, но и брать его в кредит.³

Нельзя, разумеется, преувеличивать степень необеспеченности лавры. «Села Печерского монастыря, — отмечал Б.Д. Греков, — были бедны. Почему тем не менее монахи этого монастыря доходили иногда до бедственного положения и буквально не знали, что им придется есть завтра, — разгадать довольно трудно. Возможно, что автор жития Феодосия сообщает факты, взятые из того времени, когда монастырь был еще беден. Но всего вероятнее, что автор жития нашел для себя полезным несколько стусить краски относительно бедности монастыря при жизни Феодосия».⁴ Видимо, Б.Д. Греков прав, что писатель-монах при беднялся, ибо Феодосии «по вся суботы посылаше въз хлебов, иже в темницах сухих и в узах».⁵ В урожайные годы села монастырские изобиловали хлебом и скотом.⁶ Автор жития не раз говорит о все возрастающем благополучии монастыря. Но не подлежит сомнению, что монахи иногда испытывали нехватку в продуктах питания и восполняли ее, прибегая к рынку. Следовательно, наличное монастырское хозяйство не всегда удовлетворяло самые насущные потребности братии.

¹ Там же, стр. 41.

² Там же.

³ Известен случай, когда Феодосии велел эконому пойти в город и взять у торговцев «взаим, еже на потребу братии, и последи, егда Богу благодаявшу, отдамы и долг». — Там же, стр. 36.

⁴ Б.Д. Греков. Киевская Русь, стр. 140.

⁵ Патерик..., стр. 42.

⁶ Там же, стр. 55.

⁷ Там же.

Благосостояние Печерского монастыря зависело не только от его сел. Он имел и другие источники дохода. Здесь припоминается Ярополк Изяславич, который «вда всю жизнь свою Небльску волость и Деревьскую, и Лучьскую и около Киева».¹ Летопись не уточняет, «в животе своем» или «по животе» Ярополк передал волости. Князь «прободен бысть треклятым Нерадьцем» в 1086 году.² Значит, вклад осуществлен не позже этого срока. Но обстоятельства гибели Ярополка позволяют предположить более раннее время, чем 1086 год. В самом деле, смерть князя наступила столь неожиданно, что ни о каких завещаниях накануне ее речи быть не может. В 1078 г. после смерти Изяслава вокняжившийся в Киеве Всеволод Ярославич посадил «Ярополка Володимери, придав ему Туров».³ Поэтому передача монастырю волости около Киева произошла раньше 1078 г., поскольку смещение князей сопровождалось утратой прежде принадлежавших им волостей и приобретением других, составлявших вновь получаемое княжество. При жизни Изяслава Ярославича Ярополк княжил в Вышгороде.⁴ Вот тогда он и мог отдать печерским монахам волость, располагавшуюся где-то неподалеку от Киева. А отсюда следует, что княжеский вклад не был единовременным. Небльскую, Деревьскую и Лучьскую волости, лежавшие в пределах Волынского края, монастырь получил не раньше того года, в который Ярополк пришел во Владимир Волынский, т.е. не ранее 1078 г. В Повести временных лет под 1084 годом помечено: «Приходи Ярополк ко Всеволоду на Велик день».⁵ Может быть, в великий день воскресения Христа богобоязненный князь и одарил Печерский монастырь — средоточие святости и

¹ ПСРЛ, т. II, стб. 492.

² ПВЛ, ч. I, стр. 136.

³ Там же, стр. 135.

⁴ Там же, стр. 132.

⁵ См.: Н.П.Барсов. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885, стр. 121-122, 123, 128. ⁶ ПВЛ, ч. I, стр. 135.

всяческого благолепия, как думали современники о лавре.

В литературе с давних пор этот вклад истолкован как передача недвижимости — земельных владений.¹ Наиболее отточен взгляд Е.Е.Голубинского. «Что касается до Печерского монастыря, — утверждал он, — то мы не знаем всех недвижимых имений, которыми он владел в период домонгольский, но во всяком случае и из того, что знаем, следует, что он был наделен ими весьма щедро. Князь Ярополк Изяславич, умерший в 1086 г., вдал Печерскому монастырю «всю жизнь свою, Небльскую волость и Деревьскую и Лучьскую и около Киева». Выражение «всю жизнь свою» должно понимать или так, что Ярополк отдал монастырю все свои частные недвижимые имения, которые имел, или так, что он отдал те из них, в которых были его лучшие хозяйственные заведения». Советские историки Б.Д.Греков, С.В.Юшков и Я.Н.Щапов занимают в сущности ту же позицию.³ М.Н.Тихомиров судит осторожнее: «Неизвестно, получил ли монастырь Небльскую волость в полное владение, может быть, речь идет только о доходе с нее».⁴ Однако и он фразу «всю жизнь свою» переводит как «все свое имущество».

Рассматривая термин «жизнь», мы заметили, что он обозначал не личное имущество, частную собственность, а волость, и не просто волость, но владение в смысле кормленной единицы. Передачу волостей, стало быть, нужно разумеать как уступку права сбора доходов с них. Русь в этом отношении не являлась исключением. Подобного рода пожалования имели место также в других раннесредневековых государствах. В

¹ См.: В.Милютин. О недвижимых имуществах духовенства в России. «ЧОИДР», 1859, кн. 4, стр. 26.

² Е.Е.Голубинский. История русской церкви. Т. 1, 2-пол. тома. М., 1904, стр. 712-713.

³ Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 138; С.В.Юшков. Очерки ..., стр. 48; Я.Н.Щапов. Церковь в системе государственной власти..., стр. 332.

⁴ М.Н.Тихомиров. Крестьянские и городские восстания..., стр. 35.

⁵ Там же.

Англии, например, «пожалование земли в бокленд заключалось зачастую в передаче королем под власть церкви или дружинника населения любой территории страны, на которой королевская власть могла осуществлять свои налоговые и судебные права». Но это отнюдь не было земельным пожалованием. Права, предоставляемые королем, не простирались дальше сбора налогов «и других доходов, которые до пожалования поступали с определенной территории в казну».³ В раннефео-

¹ А.Я.Гуревич. Роль королевских пожалований в процессе феодального подчинения английского крестьянства. «Средние века», вып. IV, 1953, стр. 59 — 60; Его же. Мелкие вотчинники в Англии раннего средневековья. «Изв. АН СССР. Серия истории и философии», т. VIII, № 6, 1951, стр. 553.

² В данной связи Д.М.Петрушевский писал: «В передаче королем своих фискальных прав...на те или иные местности и округа обыкновенно и состояли те земельные пожалования, о которых говорят дошедшие до нас грамоты (land books) англо-саксонских королей, выданные ими церквям, монастырям и светским магнатам. Грамоты эти не передают права собственности на ту или иную землю; они передают в частные руки лишь права государственного верховенства, принадлежащие королю как главе государства. Права частной собственности в отношении к каждой точке данной территории остаются при этом в неприкосновенности... И хозяйство, и владение живших на территории данного округа свободных людей оставались неприкосновенными. Отношение их к земле, на которой они сидели и хозяйствовали, по-прежнему было или правом родовой или индивидуальной собственности, регулируемой обычным народным правом.... (Д.М.Петрушевский. Очерки из истории английского государства и общества в средние века. М., 1937, стр. 47 — 48). Отличал бокленд от феодального пожалования и А.И.Неусыхин. — А.И.Неусыхин. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодальному. «Проблемы истории докапиталистических обществ», кн. 1, М., 1968, стр. 606.

³ А.Я.Гуревич. Роль королевских пожалований..., стр. 60. Далее А.Я.Гуревич пишет: «С особенной ясностью подлинный характер королевского пожалования раскрывается в грамоте, оформлявшей передачу Эдвином некоему Элфину селения Middleton. Сначала в этом документе, как и обычно, указывается на пожалование земли в наследственную собственность с правом свободно ею распоряжаться, а затем сказано: «Совершено это освобождение земли от уплаты королю всяческих податей, за исключением участия в ополчении и строительстве мостов и крепостей, в 956 го-

дальной Норвегии практиковались пожалования королями вейцты, но они «не были сопряжены с передачей права собственности на землю».¹ История раннего средневековья Хорватии отмечена аналогичными явлениями.²

Передача прав по сбору волостных доходов на Руси XI — XII вв. подтверждается не только летописными записями о князе Ярополке Изяславиче. В ИЗО г. «Мьстислав Володимирь сын, держа Русьску землю в свое княжение, повелел есмь сыну своему Всеволоду отдати Буице святому Георгиеви с данию, и с вирами, и с продажами, и вено вотское... А яз дал рукою своею осеннее полюдие даровное, полтьтретьдесяте гривн святому же Георгиеви».³ Формуляр грамоты достаточно характерен: пожалование осуществляется от имени князя, олицетворяющего государство, а не в порядке частной акции. Сколь далеко простиралась сфера полномочий монастыря над только что полученной территорией — вопрос принципиальный, от которого зависит многое. Л.В.Черепнин и Л.В.Данилова считают, что волость вместе с населением ее отдавалась

ду». Оказывается, под пожалованием земли в «вечную наследственную и полную собственность» в действительности подразумевались освобождение ее от уплаты налогов в пользу короля и передача их получателю пожалования» (Там же, стр. 61). Характерно и то, что «население территорий, передававшихся в бокленд, состояло обычно из свободных от феодальной зависимости людей» (Там же, стр. 62). Однако далее автор неожиданно заявляет: «Превращение в бокленд земли, на которой находилась свободная община, нанесло тяжелый удар. Хотя по виду происходила как будто лишь замена получателя подати, население общины фактически утрачивало свою независимость... Королевский налог превращался в ренту, которую отныне взимал с деревни феодал» (Там же, стр. 63).

¹ А.Я.Гуревич. Так называемое «отнятие одаля» королем Харальдом Прекрасноволосым (Из истории возникновения раннефеодального государства в Норвегии). «Скандинавский сборник», вып. II. Таллин, 1957, стр. 34.

² Ю.В.Бромлей. Становление феодализма в Хорватии (К изучению процесса классовобразования у славян). М., 1964, стр. 286.

³ Грамоты В.Н. и П., стр. 140.

монастырю в феодальную собственность.¹ Я.Н.Щапов еще больше усложняет картину. Он находит здесь передачу земли «из фонда уже закрепощенных государством земель».² Следует согласиться с Т.И.Осьминским и А.Л.Шапиро, усматривающими в пожаловании волости Буйцы передачу права сбора доходов Юрьеву монастырю.³ Справедливость этого предположения подтверждает последующая судьба волости. Как показывает договорная грамота великого князя Казимира с Новгородом (1440-1447 гг.), Буйцы временами выходили из-под власти монастыря, и население ее «тянуло» черными кунами уже не к юрьевским монахам, а к тому, кому Господин Великий Новгород предоставлял право их сбора.⁴ Вот почему в Новгородских писцовых книгах упоминание о Буйцах сопровождается формулой: «волость, что *бывала* (курсив наш. — И.Ф.) Юрьева монастыря».⁵

А.Л.Шапиро верно замечает, что переход права сбора доходов с волости в руки монастыря «давал возможность для превращения черных земель в феодальную собственность».⁶ Это наблюдение выглядит еще более убедительным в сопоставлении с аналогичными явлениями на Западе. Например, королевское пожалование земли в бокленд открывало «возможность захватить свободную деревню, присваивать уплачивавшиеся ее населением подати и другие доходы, а в дальнейшем, по мере укрепления его власти над крестьянами, закрепостить

¹ Л.В.Черепнин. Русские феодальные архивы XIV — XV вв., ч. 2. М., 1951, стр. ИЗ — 114; Л.В.Данилова. Очерк по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV — XV вв. М., 1955, стр. 54.

² Я.Н.Щапов. Церковь в системе государственной власти..., стр. 329.

³ Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начала XVI в. Л., 1971, стр. 68, 85.

⁴ В данном случае черные куны получал Казимир. — Грамоты В.Н. и П., стр. 116.

⁵ Аграрная история Северо-Запада России, стр. 85.

⁶ Там же, стр. 68.

их и превратить их земли в свою собственность».¹ В Хорватии то же: «Передача верховным правителем отдельным лицам права сбора налогов со свободного населения предполагает и появление возможности превращения суверенитета в верховную собственность на землю, принадлежащую этому населению».²

Таким образом, передача князьями земель монастырям с правом сбора доходов не являлась актом феодального пожалования. Она создавала лишь *возможность* эволюции пожалованной земли в феодальную собственность. И тут духовенство шло впереди князей, которые из-за частых переездов и смены столов не успевали сконцентрировать свои частновладельческие усилия на каком-нибудь постоянном объекте — волости или группе волостей. Так было, по крайней мере, до середины XII в. Монастырь же, получив волость, постепенно подрывал ее свободу. Его наступление встречало энергичный отпор крестьянства. Поэтому оно затянулось надолго. Сначала устанавливалась верховная собственность на землю волости, носившая скорее номинальный характер, нежели действительный. На данной стадии между вотчинником и крестьянским миром нет никаких или почти никаких экономических связей. Это — два самостоятельных организма, скрепленных политически. Медленно, шаг за шагом, владелец приближается к волости, и, наконец, внедряется в общественную ткань, подрывает общину и устанавливает над ней господство — завязывается феодальное хозяйство. Чем меньше объект пожалования, тем легче и быстрее идет процесс перерождения свободной общины в комплекс зависимых хозяйств. Но при самых оптимальных условиях для вотчинника он растягивается на длительный период.

Кроме волости Буйцы, Юрьев монастырь получил от имени великого князя Всеволода Мстиславича Терпужский погост

¹ А.Я.Гуревич. Роль королевских пожалований, стр. 63; Его же. Мелкие вотчинники в Англии, стр. 553.

² Ю.В.Бромлей. Становление феодализма в Хорватии, стр. 286.

Ляховичи «с землею, и с людьми, и с коньми, и лес, и борти, и ловища на Ловати...». Наименование погоста Ляховичи, очевидно, происходит от слова «ляхи», т.е. «поляки». Видимо, население погоста состояло из пленников, выведенных из Польши и помещенных на землях Новгорода. Пленники, посаженные на землю, назывались смердами, основная функция которых — платить дань. Пожалование погоста Ляховичи состояло, по всему вероятию, в переадресовке дани: прежде она поступала князю, теперь — Юрьеву монастырю.

Изяслав Мстиславич дал Пантелеймонову монастырю село Витославицы со смердами, живущими там, на сходных правах. Любопытно то, что «грамота Изяслава Мстиславича является не рядовым актом пожалования земельных владений одному из новгородских монастырей. Это документ, выданный Пантелеймонову монастырю его основателем в момент основания...». Следовательно, мы имеем случай видеть один из способов обеспечения создаваемых монастырей, заключающийся в предоставлении сбора дани. Эта мера была началом быстрого превращения смердов, пребывавших под властной опекой государства и отданных монастырю, в феодально зависимый люд. Значит, темпы феодализации зависели от того, какой погост получал монастырь: если его население было в массе свободным, феодализация шла медленнее, если же зависимым, то значительно быстрее.

Само собой разумеется, и на севере монастыри держали собственные села на частном праве, о чем свидетельствуют духовные и данные грамоты.³ Но их было не много, они не могли лежать в основе жизнедеятельности монастырей: в подавляющем большинстве монастыри на Руси не являлись феодальными собственниками «и никаких хозяйственных задач

¹ Грамоты В.Н. и П., стр. 139.

² В.Л.Янин. Из истории землевладения в Новгороде XII в.— В кн. Культура Древней Руси. М, 1966, стр. 315.

³ См.: Грамоты В.Н. и П., стр. 159-163.

перед собой не ставили».¹ К наблюдениям И.В.Будовнича добавим: те монастыри, которым он придает хозяйственное значение (Киево-Печерский, Юрьев, Пантелеймонов и др.),² полагались не на одно свое монастырское хозяйство, но в значительной степени на волостные доходы, какими подкармливали их князья.

С введением христианства на Руси белое духовенство, завезенное из Византии, получило довольствие по специальному указу Владимира Святославича — так называемому Церковному уставу князя Владимира. Церковные уставы на Руси X — XII вв. внимательно изучались Я.Н.Щаповым.³ По его правильному наблюдению, «важной особенностью устава Владимира является отсутствие среди названных в нем источников, которыми обеспечивается церковь, землевладения».⁴ Действительно, в 3 ст. «Устава святого князя Володимира, крестивша-го Руськую землю», записано: «По томъ же летом многым минувшем, создах церковь святая Богородица Десятинную и дах ей десятину, по всей земли Русьстей ис княжения в сборную церковь от всего княжа суда, десятую векшую, а ис торгу десятую неделю, а из домов на всяко лето от всякого стада, и от всякого жита чюдному спасу и чюдней его матери».⁵ Умолчание о землях в Уставе Владимира Я.Н.Щапов объясняет тем,

¹ И.В.Будовниц. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV — XVI веках. М. 1966, стр. 73. Переворот в монастырской жизни, по мнению автора, совершился в XIV в. и был связан с именами Сергия Радонежского и митрополита Алексея (Там же, стр. 77 — 111).

² Там же, стр. 46.

³ Я.Н.Щапов. Смоленский Устав князя Ростислава Мстиславича. «Археологический ежегодник за 1962 год». М., 1963; Его же. Редакции устава князя Ярослава Владимировича. «Проблемы источниковедения», XI, 1963; Его же. Церковь в системе государственной власти ..., стр. 279 — 297; Его же. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. М., 1972; См. также: А.В.Поппэ. Учредительная грамота Смоленской епископии. «Археологический ежегодник за 1965 год». М., 1966.

⁴ Я.Н.Щапов. Церковь в системе государственной власти ..., стр. 291.

⁵ ПРП, вып. I, стр. 244.

что «основа устава складывалась тогда, когда этот институт не играл еще важной роли в обеспечении церкви, когда основными источниками ее обеспечения были только те, которые названы в уставе: десятина и церковные суды».¹ Этот вывод принять можно, но с поправкой: церковное землевладение в первые десятилетия после крещения Руси вовсе не играло никакой роли.

Выделение части княжеских доходов в пользу церкви Я.Н.Щапов понимает как раздел феодальной ренты между церковной и светской властью. В состав десятины, предоставленной церкви государством, входили, как он считает, «отчисления от трех основных форм совокупной феодальной ренты: десятина от даней в различных ее видах, десятина от княжеского суда (от "вир" и "продаж") и десятина от торгова».² К сожалению, свои положения Я.Н.Щапов попросту декларирует, а не доказывает фактами. Последние показывают, что дань на Руси X в. не может быть зачислена в разряд феодальных повинностей. Это — примитивная форма эксплуатации, основанная на внешнеполитических комбинациях, у которой ничего общего с феодализмом нет. Поэтому и десятина от дани к феодальной ренте не имеет никакого касательства. Я.Н.Щапов находит возможным «говорить не только о феодальной земельной ренте, но и, например, о феодальной судебной (!) ренте как форме реализации собственности феодала на работника?!»³

Попутно он напоминает, что К.Маркс не исключал тождества судебных пошлин с феодальной рентой.⁴ Это верно. Но для какого времени? Автор впадает в глубокое противоречие с самим собой, когда, рассуждая об этом тождестве, ссылается на повадки средневековых сеньоров, требовавших от своих крестьян торговые, провозные, судебные пошлины, так как

¹ Я.Н.Щапов. Церковь в системе государственной власти..., стр. 291.

² Там же, стр. 302.

³ Там же, стр. 302 (прим.).

⁴ Там же.

укреплению сеньориальной власти предшествует длительный период складывания частновотчинных отношений. А Я.Н.Щапов изучает Русь, в которой, по его собственному убеждению, частное крупное землевладение господствующего класса еще не сформировалось.¹ Столь же не уместна сноска на книгу Б.Ф.Поршнева, где хотя и указывается, что «судебные штрафы составляли очень важную статью дохода феодалов почти (курсив наш. — И.Ф.) на всех этапах развития феодализма, «речь идет преимущественно о судебных доходах с населения поместий».²

У Я.Н.Щапова нет ни тени сомнения, что торговые пошлины на Руси X в. — одна из форм совокупной феодальной ренты.³ Не мешало бы задуматься над сложностью понятия. Ведь эти пошлины в значительной мере шли с внешнеторгового оборота. Значит, торговые пошлины по крайней мере раскладываются надвое: доходы от внешней и внутренней торговли. Если последние подходят формально к схеме Я.Н.Щапова, то первые никакими силами не подогнать под нее.

Итак, раздел феодальной ренты между церковной и светской властью при Владимире не состоялся, поскольку ее в том виде, как рисует Я.Н.Щапов, не существовало. Историк поставил мирян и церковников делить шкуру неубитого медведя.

Перенесемся в XII в., посмотрим, чем снабжают князья церковь. Вот Устав Святослава Ольговича, выданный новгородской епископии. В его преамбуле сообщается: «Устав, бывши прежде нас в Руси от прадед и от дед наших: имати пис-

¹ Там же, стр. 305.

² Б.Ф.Поршнева. Феодализм и народные массы. М., 1964, стр. 68.

³ Я.Н.Щапов. Церковь в системе государственной власти ..., стр. 302.

⁴ См. критику положений Я.Н.Щапова в работах: С.М.Каштанов, Ю.Р.Клокман. Советская литература 1965 - 1966 гг. по истории России до XIX века. «История СССР», 1967, № 5, стр. 166 - 167; А.Л.Шапири. О природе феодальной собственности на землю. «Вопросы истории», 1969, № 12, стр. 70.

купом десятину от дании и от вир и продажъ, что входит в княж двор всего».¹ Если правы те, кто полагает, что цитированные строки есть пояснение к Уставу Владимира,² то лишний раз убеждаемся в решающей роли внеземельных доходов церкви на Руси конца X-XI вв. Непосредственные предшественники Святослава Ольговича, по его признанию, выделяли епископу то же: «А zde в Новгороде, что есть десятина от Дании, обретох уряжено, преже мене бывшими князи, толико от вир и продажъ десятины зрел, олико днии в руце княжи и в клетъ».³ У исследователей вызывает затруднение чтение фразы: «...олико днии в руце княжи и в клетъ». «Дании» или «днии» — вот в чем сложность. Я.Н.Щапов вслед за другими авторами принимает транскрипцию «дании».⁴ Мотив следующий: «Слово "днии" под титулом действительно употреблялось в древнерусской письменности и как сокращение от "дънии" (дней), однако в этом случае нам представляется более правильным чтение его как "дании"».⁵ Отчего «представляется», неизвестно.

Чтение М.Н.Тихомирова считаем наиболее удачным. Почему? Обращаясь к оригинальному тексту грамоты, находим, что слово «дании» написано полностью, а «днии» — под титулом. В Новгородской Синодальной летописи во всех случаях в термине «дань» ни одна буква не опускается,⁷ зато при написании «день» постоянно отсутствует вторая буква (ь) и слово

¹ М.Н.Тихомиров, М.В.Щепкина. Два памятника новгородской письменности. М., 1952, стр. 19-20.

² Там же, стр. 19.

³ Там же, стр. 20.

⁴ Я.Н.Щапов. Церковь в системе государственной власти..., стр. 283 — 284.

⁵ Там же, стр. 284.

⁶ М.Н.Тихомиров, М.В.Щепкина. Два памятника ..., стр. 28.

⁷ Новгородская харатейная летопись. М., 1964, стр. И, 121, 161, 162, 221, 261, 303.

везде стоит под титулом. В Новгородских берестяных грамотах соблюдаются те же правила написания: «дань»² и «днь».³

По поводу истолкования отрывка Я.Н.Щапов пишет: «Загадочная фраза в этом случае может быть переведена следующим образом: «Что касается десятины от вир и продаж, те ее я застал столько, сколько даней поступает в руки князя и в его клетъ», т.е. размер десятины точно не фиксирован, но находится в зависимости от размеров дохода самого князя и изменяется вместе с ним».⁴ В этом переводе смешиваются различные статьи дохода: виру, продажи и дани. Источники не дают на то оснований: термины в них строго разграничены и не заменяют друг друга. И в самом Уставе Святослава подчеркивается, что десятина идет от даней, вир и продаж. Я.Н.Щапов привнес значение термина, ему не свойственное.

О чем тогда говорит «загадочная» фраза? В ней нашли отражение особенности княжеского суда в Новгороде Великом, заключавшиеся не только в наказе князю суд вершить под наблюдением новгородского чиновника — посадника,⁵ но и в известном ограничении дней княжеского суда.⁶ М.Н.Тихомиров

¹ Там же, стр. 18, 34, 40, 46, 47, 54, 62, 66, 76 и др.

² А.В.Арциховский и В.И.Борковский. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1956 - 1957 гг.). М., 1963, стр. 113, № 286.

³ А.В.Арциховский и В.И.Борковский. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1953 - 1954 гг.). М., 1958, стр. 73, № 134; Их же. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1955 г.). М., 1958, стр. 19, № 142; стр. 31, № 154; А.В.Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1958 - 1961 гг.). М., 1963, стр. 88, № 388.

⁴ Я.Н.Щапов. Церковь в системе государственной власти ..., стр. 284.

⁵ С.М.Соловьев. История России с древнейших времен, кн. II. М., 1960, стр. 29.

⁶ Вот выражения памятников, покоящихся на старых традициях: «А куда пошло судии твоему ездити по волости, ехати им межень по Петрове днии» (Грамоты В.Н. и П., стр.10); «а судье слати на Петров день, тако пошло» (Там же, стр. 13); «а судье слати тебе свое на Петров день, тако пошло» (Там же, стр. 16); «а судиям твоим ездити по волости, куда пошло, лете с Петрова дни, по пошлине» (Там же, стр. 17); «а судье слати тебе

был прав, когда переводил: «А здесь в Новгороде я нашел, что есть десятина от даней, установлено прежде меня бывшими князьями. Столько от вир, и продаж десятины видел, сколько дней в руке княжей в его казну».¹ Стало быть, размер десятины зависел от количества дней княжого суда, определенных Новгородом.

Помимо 100 гривен, назначенных Святославом епископу взамен десятой части вир и продаж, новгородская епископия еще наделяется отчислениями с дани, величина которых указана по отдельным погостам, вносящим ее в княжескую казну. Всего дом Святой Софии получал 43 с половиной сорочка. «Из Еми владыке шли меха (скора), а с соляных варниц по пузу (3 пуда²) соли от каждого црена и салги».³

Уставная грамота князя Ростислава Смоленской епископии представляет особую ценность для изучения нашей темы, поскольку она, будучи учредительной, тщательно фиксирует главные источники доходов церковного ведомства середины XII в.⁴ И что же? Оказывается, даже в это время церковь в основном питается «уроком» от княжеских сборов: дани, вир и продаж, полюдья, а также торговых, мытных, перевозных, корчемных денег и др.⁵ По подсчетам А.А.Зими́на, княжеские доходы в Уставной грамоте Ростислава «исчисляются суммой свыше 4000 гривен (нужно учитывать также, что многие пода- свое на Петров день, тако пошло» (Там же, стр. 20); «а судне слати тобе свое на Петров день, тако пошло» (Там же, стр. 22).

¹ М.Н.Тихомиров, М.В.Щепкина. Два памятника ..., стр. 23.

² Е.И.Каменцева, Н.В.Устюгов. Русская метрология. М., 1965, стр. 48.

³ М.Н.Тихомиров, М.В.Щепкина. Два памятника ..., стр. 20.

⁴ Устав, изданный в 1136 — 1137 гг., пополнялся до 1150 года. См.: Я.Н.Щапов. Смоленский Устав князя Ростислава Мстиславича. «Археологический ежегодник за 1962 год». М., 1963, стр. 37 — 47; Его же. Церковь в системе государственной власти ..., стр. 279; А.В.Поппэ. Учредительная грамота Смоленской епископии. «Археологический ежегодник за 1965 год». М., 1966, стр. 69 - 71.

⁵ ПРП, вып. II, стр. 39-41.

ти в грамоте точно не обозначены)».¹ Взяв в расчет минимальные 4000 гривен, получим внушительную сумму в 400 гривен, т.е. десятину, поглощаемую церковью. После перечисления разноликих поступлений князь добавил: «И се даю из Торопча от всех рыб, иже идетъ ко мне, десятину святей Богородици и епископу, от Жизця такоже от всех рыб, иже идетъ ко мне, десятина святей Богородици и епископу».² В сравнении с остальными пожалованиями, земельные занимают очень скромное место. Князь дал всего два села, несколько сеножатей и озер, да еще капустный огород.³ Для большой епископии эти пожалования ничтожны. Так получаем веское свидетельство о том, что в XII в. земля не стала еще основным богатством церкви, она даже сильно проигрывала при соотношении с иными доходами.

Коснемся еще некоторых доходных статей, помеченных княжескими церковными уставами. Уже Устав Владимира очертил судебную компетенцию епископа, выделив церковные суды. Устав Ярослава Владимировича с особым старанием оповещает о них.⁵ В грамоте Ростислава церковные суды также обозначены.⁶ Несомненно, судебная практика способствовала обогащению церкви, которая, таким образом, держала в руках еще один важный источник дохода.⁷

Из всех уставов о полюдья прямо говорит лишь грамота

¹ Там же, стр. 45.

² Там же, стр. 41.

³ Там же.

⁴ ПРП, вып. I, стр. 244 - 245.

⁵ Там же, стр. 265-271.

⁶ ПРП, вып. II, стр. 41.

⁷ В Новгородско-Псковском крае со временем владычный суд, так же как и княжеский, был ограничен во времени. По крайней мере в НПЛ читаем: «Того же лета поиха владыка Василии в Плесков на подъезд, и плеско-вечи суда не даша...» (НПЛ, стр. 348); «той же зимы ездѣ владыка Иоанн в Псков на свои подъезд» (Там же, стр. 396); «и том осени ездил владыка Семеон в Псков и месяц судил» (Там же, стр. 411).

Ростислава. Но мы ошибемся, если подумаем, что князья до этого не делились им с отцами церкви. Примечательно, что Святослав Ольгович предоставляет епископу право брать «на Ивани погосте с даром ... у Лигуя с даром...у Вавдита с даром».²

Иногда князья давали кафедральным церквям города, т.е. поступались кормами с них. Первый на Руси митрополит, приглашенный из Царьграда, получил, как известно, Переяславль. Б.Д.Греков видит в этом наделение митрополита недвижимым имуществом.³ Предположение Б.Д.Грекова не может быть принято, поскольку Русь X — XII вв. не знает владения крупными городами на частном праве. История самого Переяславля довольно внятно рассказывает о большом свободном городе — сначала центре земли, а потом княжества. Подобно Киеву и Чернигову, Переяславль не мог принадлежать частному владельцу.

Передача городов в кормление церкви заметна и в XII в. Суздальский «писатель» вспоминает щедрость Андрея Юрьевича, наделявшего городами церковь Богородицы во Владимире.⁴ В усобицы, наступившие после убийства Андрея, Ростиславичи взяли их на себя. И потом лишь Михалко с Всеволодом, одержав победу над Мстиславом и Ярополком Ростиславичами, «да города святое Богородицы, яже бе отъял Ярополку».⁵

Подчеркивая существенную роль в жизни древнерусской церкви неземельных доходов, нельзя, разумеется, игнорировать совершенно отчетливые указания источников о церковном землевладении. Автор Повести временных лет, описывая сожжение Суздаля по указке Олега Святославича, заключает: «токмо остана двор монастырьский Печерскаго монастыря и

¹ ПРП, вып. II, стр. 39,40.

² М.Н.Тихомиров, М.В.Щепкина. Два памятника..., стр. 20.

³ Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 139 - 140.

⁴ ПСРЛ, т. I, стб. 375.

⁵ Там же, стб. 377.

церквы, яже тамо есть святого Дмитрея, юже бе дал Ефрем и с селы». Все ту же Богородицкую церковь Андрей Боголюбский одаривал многими именьями, купленными «свободами», «лепшими» селами.² Епископ Кирилл поражал воображение современников «кунами и селы и всем товаром и книгами и просто рещи так бе богат всем, так ни един епископ быв в Суздальстей области».³ Однако, хотя иерархи церкви села и держали, земельный фонд не стал пока основой их благополучия, из чего можно заключить о сравнительно слабом развитии землевладения древнерусской церкви XI — XII вв.

VI. Место крупного землевладения в экономике Древней Руси и способы его формирования

Для ответа на вопрос, какое место занимало крупное землевладение в экономике древнерусского общества, источники предоставляют разрозненные и крайне немногочисленные сведения. И все же вплетенные в канву нашего исследования, они приобретают убедительность.

Отец Феодосия Печерского, небогатый, по словам Б.Д.Грекова,⁴ землевладелец, располагал одним селом.⁵ Но и богатые вотчинники не удивляют обилием сел. Вдова князя Глеба завещала в Печерский монастырь 5 сел,⁶ причем она отдала все свое имущество до последней нитки. В духовной Антония Римлянина фигурирует лишь одно село с прилегаю-

¹ ПВЛ, ч. I, стр. 169.

² ПСРЛ, т. I, стб. 348.

³ Там же, стб. 452.

⁴ Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 180.

⁵ Патерик..., стр. 17.

⁶ ПСРЛ, т. II, стб. 493.

⁷ Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 167.

щими землями и тоней.¹ А ведь Римлянин — выходец из весьма состоятельного рода.² У знатного и богатого новгородца Климента³ замечаем только 4 села (к двум из них тянули малые селища), борти и воды.⁴ А.Л.Шапиро полагает, что «пожалованная Юрьеву монастырю рель равнялась сотне десятин, а пожалованный Пантелеймонову монастырю участок (вместе с озером) — 400-500 десятинам. Если пользоваться для сравнения данными о владениях новгородских феодалов в XV в., придется признать оба эти пожалования не крупными. Что же касается пахотных земель и населенных мест, то в одном пожаловании их нет, а в другом они должны быть признаны незначительными».⁵ Наблюдения А.Л.Шапиро приобретают еще больший резонанс, если учесть, что пожалование Пантелеймонову монастырю осуществлено князем в момент его основания.⁶ Наконец, по «Рукописанию» Владимира Васильковича, далеко не рядовой князь имел город Кобынь и села Березовичи, Городел, Садовое, Сомино.⁷ Как видим, земельные владения, находящиеся в частных руках, не столь уж велики, чтобы

¹ Грамоты В.Н. и П., стр. 160. Духовную Антония Римлянина С.Н.Валк считал подложной, появившейся с 1572 года. Подделками, по мнению С.Н.Валка, были также купчая Антония, вкладная Варлама и др. (С.Н.Валк. Древнейшие новгородские акты. «Новгородский исторический сборник», вып. П. Л., 1937; Его же. Начальная история древнерусского частного акта. «Вспомогательные исторические дисциплины». М.-Л., 1937). М.Н.Тихомиров, полемизируя с С.Н.Валком, доказывал подлинность этих документов (М.Н.Тихомиров. О частных актах в Древней Руси. «Исторические записки», т. 17, 1945). Мы не отказываемся от использования названных памятников, тем более что в собрании грамот Великого Новгорода и Пскова, изданных под редакцией С.Н.Валка, они выступают с традиционной датировкой. — См.: Грамоты В.Н. и П., стр. 159 — 162.

² М.Н.Тихомиров. О частных актах Древней Руси, стр. 239.

³ М.Н.Тихомиров, М.В.Щепкина. Два памятника ..., стр. 14.

⁴ Там же, стр. 8 — 9.

⁵ Аграрная история Северо-Запада России, стр. 66.

⁶ В.Л.Янин. Из истории землевладения в Новгороде XII в. В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966, стр. 316, 319.

⁷ ПРП, вып. II, стр. 28.

положить их в основание общественного строя. Более того, они не так значительны, чтобы усматривать в них главный источник доходов, которыми благоденствовала древнерусская знать. Между тем в литературе встречаются диаметрально противоположные суждения. По мысли Б.Д.Грекова, материальной базой верхних слоев общества в Киевской Руси были не движимые ценности, а земля.¹ Сходные представления развивал И.И.Смирнов. Он говорил: «...княжеское "село", т.е. княжеская вотчина, его домен, — вот экономическая основа существования князя XII в., вот откуда — т.е. путем эксплуатации населения этой вотчины — получает князь материальные ценности, приобретаемые им и его двором».²

Сосредоточение отдельными лицами богатств было одной из коренных причин упадка родового строя и перехода к классовому обществу. Первоначально индивидуальное богатство выражалось в драгоценностях, разных товарах, скоте, рабах и только позднее — земле.³ Мы полагаем, что в Древней Руси движимость являлась главным богатством в руках господствующей верхушки, и это свое значение движимые ценности сохраняли на протяжении X, XI и XII столетий. Обратимся к фактам.

Взгляд на «вся благая» высказал князь Святослав Игоревич. Золото, драгоценные ткани, вина, овощи, серебро, кони, меха, мед, воск, рабы — вот перечень товаров, дразнивших воображение князя — «пардуса».⁴ «Святой мученик» Борис, скорбный от сознания, что в жизни людской «все мимо ходить и хуже паучины», тревожа предков, восклицает: «Къде бо их жития и слава мира сего, и багряница, и брячины, сребро и золото, вина и медове, брашна чъстная, и быстрин кони, и до-

¹ Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 136, 142.

² И.И.Смирнов. Очерки социально-экономических отношений Руси XII - XIII вв. М.-Л., 1963, стр. 15.

³ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 21, стр. 166, 167.

⁴ ПВЛ, ч. 1, стр. 48.

мове красньи и велиции, и имения многа, и дани и чьсти бешисльны».¹

Введение к летописному своду 1095 года содержит любопытное нравоучение: «Вас молю, стадо христово, с любовью приклоните уши ваши разумно: како быша древний князи и мужие их, и како отбараху Русския земле, и ины страны при-даху под ся; теи бо князи не збираху многа имения, ни творимых вир, ни продаж въскладаху люди; но оже будяше правая вира, а ту возмя, дааше дружине на оружье. А дружина его кормяхуся, воююще ины страны и бьющеся и ркуще: "братие, потягнем по своем князе и по Руской земле"; глаголюще: "мало есть нам, княже, двусот гривен". Они бо не складаху на своя жены златых обручей, но хожяху жены их в серебряных, и расплодили были землю Руськую».² Сторонники теории о раннем происхождении феодализма на Руси восприняли цитированные строки с нескрываемым энтузиазмом. Б.Д.Греков по их поводу замечал, например, следующее: «Составитель "Начального" свода совершенно четко противопоставляет один, более ранний период, другому, более позднему, отдавая явное предпочтение первому за то, что князья и их мужи тогда воевали ины страны, богатели за счет этих иных стран, свою же землю не обременяли тяжелыми поборами. Автору "Свода" определенно не нравится новый порядок вещей. Он, несомненно, предпочитает военную добычу и дань с завоеванных народов новому способу обогащения знати, освоению больших пространств своей же русской земли и превращению свободных доселе соотечественников в своих подданных, обязуемых с этого момента работать не только на себя, но и на своих

¹ Успенский сборник XII — XIII вв. М., 1971, стр. 45. Мы допускаем, что монолог Бориса выдуман автором жития. Но это нисколько не умаляет значения источника, поскольку в нем все же отразилось представление современника о том, из чего складывалось богатство древнерусских князей.

² НПЛ, стр. 103-104.

господ». Эти построения Б.Д.Грекова воспринял И.И.Смирнов.² Но где в своде сказано «об освоении больших пространств русской земли», о принуждении подданных работать на господ? Говоря так, мы тем самым искажаем содержание летописного текста и привносим в него собственные домыслы. Древний моралист озабочен «несытовством» князей и дружинников к богатству, причем его огорчает не столько сама алчность, сколько способы обогащения, применяемые элитой. Жить за счет ограбления чужих народов похвально и даже почетно, выжимать деньги из своих сограждан предосудительно — вот лейтмотив летописца, который, конечно, ведет нас к психологии, свойственной людям эпохи военной демократии. Итак, княжеско-дружинная знать еще в конце XI в. воззрения о богатстве соединила преимущественно с драгоценностями и деньгами, а не с землей.⁴

Было бы ошибочно думать, что у древнерусской верхушки XII в. пропал вкус к обогащению посредством военных грабежей. Об этом свидетельствуют как многочисленные войны, сопровождавшиеся обильными полонами, тщательно регистрируемые летописцами, так и предписания Закона Судного людям, применявшегося в юридической практике Древней Ру-

¹ Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 258 — 259.

² И.И.Смирнов. Очерки..., стр. 6 — 7.

³ В другом месте своей книги Б.Д.Греков предлагает еще более вольное толкование текста. «Новгородский летописец в конце XI в., — пишет он, — вспоминая прошлое и сравнивая его с настоящим, утверждал, что в старое время князья и дружинники добывали богатство главным образом войной с чужими народами, а свои имения не эксплуатировали чрезмерно. Сейчас же дело переменялось. Эксплуатация своих имений стала главным источником обогащения, с чем связано и насилие над своими соотечественниками». — Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 139.

⁴ Интересен в этом отношении эпизод с немецкими послами, прибывшими в 1075 г. к Святославу. Князь Святослав, «величался, показа им богатство свое. Они же видевшие бешисленное множество, злато, и серебро, и поволоки...» — ПВЛ, ч.1, стр. 131.

си. «Плена же шестаа часть, — читаем в памятнике, — достойть взяти князем, прочее число всем людем в равну часть делятся от мала и до велика».¹ В XII в., по всей видимости, рабы, табуны лошадей, гурты скота, драгоценности, всевозможный «тяжкий товар», мед еще определяли степень богатства князей и бояр.

Наши предположения усиливаются наблюдениями ученых, исследовавших новгородские берестяные грамоты. «Вероятно, на протяжении XII века, — пишет относительно истории Новгорода В.Л.Янин, — исподволь происходило накопление денежных ресурсов новгородскими феодалами, позволившее им затем осуществить решительное наступление на те земли, которые в большом количестве в XII веке еще принадлежали новгородским общинникам».³ Догадку В.Л.Янина подтвердил А.А.Коновалов в работе, посвященной периодизации грамот на бересте, найденных в Новгороде. Он установил, что содержание грамот меняется по ходу времени: в ранних преобладают упоминания о деньгах, поздние грамоты содержат факты феодального характера.⁴ А.А.Коновалов предполагает, что «изменения, происходившие в содержании грамот, по-видимому, отражают процесс накопления денег, которые затем были вложены в расширение своих владений новгородскими землевладельцами». I Какими путями создавалась _крупная-3£мельная собствен-

¹ Закон Судный людем пространной и сводной редакции. М., 1961, стр. 58. Замечательно здесь то, что добыча распределяется независимо от знатности («от мала и до велика»). И еще одна чрезвычайно важная деталь: отличившийся мужеством в бою воин («подвиг и храборьство сдееть»), пусть даже из простого народа («или простых людий»), получал сверх положенной доли еще и часть «от урочена урока княжа». — Там же. Во всем этом нельзя не видеть традиций, восходящих к военной демократии.

² См.: ПСРЛ, т II, стб. 333 - 334, 758.

³ В.Л.Янин. Я послал тебе бересту. М., 1965, стр. 170.

⁴ А.А.Коновалов. Периодизация новгородских берестяных грамот и эволюция их содержания. «Советская археология», 1966, № 2, стр. 67 — 69.

ность в _русском государстве X — XII вв.? Советские историки высказывались по этому поводу неоднократно. Древнерусское общество рисовалось Б.Д.Грекову с развитой системой эксплуатации, основанной «на присвоении господствующим классом одного из важнейших условий труда — земли, с вытекающим отсюда крепостничеством».¹ Раз скроенная вотчина «не оставалась в неизменном состоянии. Вотчинник по мере своего экономического и политического преуспеяния при поддержке государства расширяет свои владения путем включения под свою власть больших пространств земли и сидящего на ней населения. Естественно, что для этого необходимо было принуждение, которое шло и от государства и от знати. При помощи своих вооруженных дружин, опираясь на поддержку государства, крупные землевладельцы становятся по отношению к населению освоенных земель не просто хозяевами, а "государями". Вотчина превращается в сеньерию».² По мысли С.В.Юшкова, «основными способами образования княжеского домена была экспроприация общинных земель и захват никем не занятых пустошей. Но наряду с этими способами необходимо указать на постепенное втягивание в систему домени-ального владения крупных владений, возникших внутри разлагавшихся сельских общин, путем превращения землевладельца в княжеского вассала, а также общинных земель путем превращения общинников в феодально зависимое население».³ Церковные учреждения, подражая князьям, «экспроприировали земли и занимали пустоши. Наряду с этим церковное землевладение развивалось и благодаря пожертвованиям князей и бояр, а также на основании покупки и мены».⁴ В приемы мобилизации земли бояре ничего своего не внесли.

¹ Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 154.

² Там же, стр. 155-156.

³ С.В.Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, стр. 135 — 136.

⁴ Там же, стр. 136.

Они, подобно князьям и духовенству, «экспроприировали земли общинников, захватывали пустоши, покупали землю».¹ В.В.Мавродин, исследуя проблему, писал: «Князья либо захватывали свободные земли и угодья, либо экспроприировали земли у общин, превращая "сельских людей" ("Церковный устав" Ярослава), "простую чадь" в рабочую силу своего хозяйства. Экспроприировались земли и у всякого рода кабальных и зависимых людей: рядовичей, закупов, наймитов, смердов».² Интересно то, что «в начале IX — X вв. князья раздают своим дружинникам не столько земли, сколько дани с земель, а затем уже сама земля смерда захватывается князьями и дружинниками, дарится и раздается». Главнейшим инструментом создания феодальной земельной собственности в Древней Руси М.Н.Тихомиров считал захват феодалами крестьянских общинных земель.⁴ И.И.Смирнов, выделяя XII — XIII вв. в качестве нового этапа в развитии Руси, утверждал, что «основным и определяющим в этом развитии являлся процесс роста феодальной земельной собственности за счет экспроприации феодалами общинных крестьянских земель».⁵ С.А.Покровский, указывая на то, что источником происхождения феодальной собственности был переход крестьян под покровительство могущественных феодалов, отмечает и другое: «Немалую роль играл и прямой захват, насильственное присвоение права собственности».⁶

Из приведенной сводки мнений ученых явствует, что в новейшей историографии идея о насильственном захвате крестьянских земель как главном орудии в образовании частной зе-

¹ Там же, стр. 136.

² В.В.Мавродин. Образование Древнерусского государства. Л., 1945, стр. 160.

³ Там же, стр. 168.

⁴ М.Н.Тихомиров. Крестьянские и городские восстания..., стр. 29 — 38.

⁵ И.И.Смирнов. Очерки..., стр.23.

⁶ С.А.Покровский. Общественный строй Древнерусского государства. «Труды Всесоюзного заочного юридич. ин-та», т. XIV. М., 1970, стр. 39.

мельной собственности на Руси весьма популярна.

Наиболее полно аргументирует версию о насильственном отчуждении М.Н.Тихомиров. Поскольку данный вопрос имеет принципиальное значение, необходимо внимательно разобраться в системе его доказательств.

«Известия о насильственной узурпации крестьянских земель и превращении труда крестьян в барщинный труд на Руси XI — XIII вв. не только существуют, но даже относительно многочисленны», — уверенно говорит М.Н.Тихомиров.¹ Первым примером насильственного захвата земель автору служит древлянский поход княгини Ольги, которая-де присвоила Древлянскую землю и заставила ее жителей платить оброк (дань) — феодальную ренту. Но покорением и установлением дани Ольга не изобрела чего-нибудь оригинального, а действовала в духе прежних киевских князей, потративших много энергии, чтобы привести в повиновение непокорных древлян. Еще Олег, «примучив» древлян, «имаше на них дань по черне куне».² Вспомним и более древние времена, когда «тихие» поляне были «обидимы древлянами и иными околними».³ Все это — факты одного порядка. Они свидетельствуют о борьбе за дань, а не за землю.

«Пахотные поля и луга, — пишет М.Н.Тихомиров, — становятся ценностями, которыми феодалы стремятся овладеть. Поэтому уже в Краткой редакции «Русской Правды», отражающей порядки феодальной деревни XI в., находим постановление по поводу нарушения межевых знаков: «Иже между пере-ореть любо перетес», т.е. запрещение перепаживать межи и уничтожать («перетесать») значок, вырезанный на дереве или на столбе для обозначения границы занимаемых владений».⁴ У М.Н.Тихомирова констатирующая часть явно не вяжется с по-

¹ М.Н.Тихомиров. Крестьянские и городские восстания..., стр. 30.

² ПВЛ, ч. I, стр. 20.

³ Там же, стр. 16.

⁴ М.Н.Тихомиров. Крестьянские и городские восстания..., стр. 32.

ясняющей. Получается, феодалы «стремятся овладеть землями», но наталкиваются на запрещение нарушать межевые знаки.

«Три сохранившиеся грамоты, дошедшие до нас в архиве Юрьева монастыря, - продолжает М.Н.Тихомиров, - свидетельствуют о том, что в новгородской земле первой половины XII в. происходил усиленный процесс захвата общинных земель феодалами»¹. Грамота великого князя Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю на рель, которой вооружается автор, ни слова не говорит о захвате земель феодалами. Она зарегистрировала княжеский дар монастырю. Каким путем приобрел рель Всеволод Мстиславич, абсолютно неизвестно. Но М.Н.Тихомиров думает, что «это был один из подгородных лугов, которым самовольно распорядился князь, отмежевав его Юрьеву монастырю».² Грамота Всеволода на Терпужский погост Ляховичи поддается иному толкованию, чем имеем у М.Н.Тихомирова. Выше было высказано предположение, что погост населен пленниками. Если взять в расчет это предположение, то в грамоте на погост Ляховичи мы не найдем факта насильственного захвата территории, населенной свободными крестьянами.³ Следовательно, грамота Всеволода Мстиславича на Терпужский погост Ляховичи Юрьеву монастырю может быть истолкована, по крайней мере, двояко. Передача волости Буйцы тому же монастырю, объясняемая М.Н.Тихомировым в смысле экспроприации свободных общинников, означала, как мы уже видели, уступку права сбора доходов с нее.

«Захват общинных земель и закабаление крестьян, - ут-

¹ Там же, стр. 34.

² Там же, стр. 33. Столь же бездоказательно утверждение М.Н.Тихомирова о том, что посадничьи дети, у которых Антоний купил землю, «самовольно завладели лугом на ручье Витке, как и князь «релью на Мячине». - Там же.

³ То же самое следует сказать и о грамоте Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю на село Витославицы со смердами, которая фигурирует у М.Н.Тихомирова (М.Н.Тихомиров. Крестьянские и городские восстания ..., стр. 34).

верждает М.Н.Тихомиров, - становятся постоянным явлением в XII в. "Ипатьевская летопись" сообщает нам, что вдова одного из полоцких князей, Глеба Всеславича, отдала в Печерский монастырь 5 сел с челядью».¹ Непонятно, как вклад, состоящий из сел с челядью, закрепощенными людьми, по признанию самого автора, способен выступать аргументом, подтверждающим захват общинных земель. Тут же следует ссылка на Ярополка, отдавшего Печерскому монастырю Не-бльскую волость. Но М.Н.Тихомиров сам не знает, «получил ли монастырь Небльскую волость в полное владение, может быть, речь идет только о доходе с нее».³

Далее М.Н.Тихомиров пишет: «Указания на захваты общинных земель мы найдем не только в летописях и грамотах, но и других письменных памятниках. Один из крупнейших политических и церковных деятелей XII в. - митрополит Климент Смолятич - оставил интереснейшее свидетельство о феодальных захватах своего времени. Отводя от себя обвинение в корыстолюбии, Климент пишет: "Да скажу тебе о желающих славы, которые присоединяют дом к дому, и села к селам, изгоев и сябров, борти и пожни, лядя и старые пашни"».⁴ Смолятич молчит о приемах накопления домов и сел. М.Н.Тихомиров находит выход из тупика с помощью ничем не оправданных вольностей в переводе отрывка. Слово «прилагают» он сначала верно перевел как «присоединяют» и неожиданно подыскал ему «синоним» «присваивают».⁵ Но это уже искажение смысла источника. Обращаясь к работе И.И.Смирнова об изгоях и изгойстве, М.Н.Тихомиров выражает полную солидарность с ним в том, что «уставная грамота смоленской епископии 1150 г. доказывает "факт превращения в земельные владения смоленского епископа общинных зе-

¹ М.Н.Тихомиров. Крестьянские и городские восстания..., стр. 35.

² Там же, стр. 26.

³ Там же, стр. 35.

⁴ Там же, стр. 35-36.

⁵ Там же, стр. 36.

мель, не входивших до того в состав феодальной земельной собственности"». ¹ Выводы И.И.Смирнова не столь бесспорны, чтобы так легко согласиться с ними. Поэтому есть основания отклонить и этот вывод М.Н.Тихомирова.

Из всех источников, привлеченных М.Н.Тихомировым, лишь один отвечает надеждам, возложенным на него. «В одном древнем памятнике, - указывает он, - в числе "грехов" находим и следующее: "...кто пригородит от чужого двора или нивы или луга или сада"». ² Нельзя, впрочем, забывать, что памятник безличен и обращен ко всей пастве.

Итак, М.Н.Тихомирову не удалось собрать «относительно многочисленные» известия о насильственных захватах общинных земель феодалами. Источники, приведенные им, на проверку оказались либо неуместными, либо двусмысленными. Значит, экспроприация крестьянских земель в Древней Руси не была так распространена, чтобы говорить о ней как о главном способе формирования частного землевладения.

По словам Ф.Энгельса, «возникновение частной собственности в истории отнюдь не является результатом грабежа и насилия... Уже тот простой факт, что поработанные и эксплуатируемые были во все времена гораздо многочисленнее поработителей и эксплуататоров и что, следовательно, действительная сила всегда была на стороне первых, - уже один этот факт достаточно показывает нелепость всей теории насилия». Насилие - всего лишь средство, тогда как целью выступает экономическая выгода. ⁴ Поэтому насилие «только охраняет эксплуатацию, но не создает ее». ⁵

При сравнительно малочисленном населении Киевской Руси, разбросанном по необозримому пространству Восточной Европы, лежало много неподделанных, никем не освоенных зе-

¹ Там же, стр. 38.

² М.Н.Тихомиров. Крестьянские и городские восстания..., стр. 32.

³ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., стр. 165,183.

⁴ Там же, стр. 164.

мель. На Западе такого рода земли находились, по выражению Ф.Энгельса, «в непосредственном владении всего народа». ¹ По мере становления королевской власти на эти земли стал претендовать король, но не как частное лицо, а как «представитель всего народа в целом». Ф.Энгельс поясняет свою мысль на примере государства франков, где «в качестве представителей народа франкские короли завладели огромными земельными пространствами, принадлежавшими всему народу, в особенности лесами, чтобы расточать их в виде подарков своей придворной челяди, своим военачальникам, епископам и аббатам. Таким путем они заложили основу позднейшего крупного землевладения дворянства и церкви». ³ Современные исследователи подтверждают справедливость этих положений. «Согласно старогерманским представлениям вся завоеванная территория, - пишет Я.Д.Серовайский, - считалась достоянием племени и ее вождя. По мере того, как его власть превращалась в королевскую, все массивы, не находившиеся в непосредственном освоении и пользовании общин, стали, очевидно, рассматриваться как королевские владения. Кристаллизация королевских прав на леса и другие владения происходила очень медленно и едва была улавливаема современниками. Последние долго не видели разницы между владениями короля и племени...» ⁴

Вряд ли на Руси обстановка была совсем иной. Своеобразия, конечно, там имелись. Достаточно сказать, что в Древней Руси публичная власть выступала не только в форме княжеской, но и вечевой. Князь и вече нередко соперничали друг с другом. Поэтому на пути освоения неподделанных земель древнерусские князья встречались с определенными трудностями.

¹ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 19, стр. 330

² Там же.

³ Там же, стр. 337.

⁴ Я.Д.Серовайский. О путях формирования феодальной собственности на леса и пастбища во Франкском государстве. «Средние века», вып. 32, 1969, стр. 53.

Неподеленные земли - это прежде всего леса. На Руси неразмежеванные леса - обычное явление.¹ Возникновение княжеского землевладения обязано в первую очередь освоением лесных массивов. Самые ранние известия о княжеском землевладении как раз и говорят о хозяйственной поездке княгини Ольги, сопровождавшейся заимкой лесных угодий, изобильных пушным зверем и дикими пчелами. «Знаменья», расставленные ею, - это ли не доказательство покушения на ничейные, неподеленные земли. «Знаменными дуб» Русской Правды шумит о том же. Но пути становления княжеского землевладения были общими и для бояр. Недаром А.Е.Пресняков писал о боярском землевладении: «Возникнуть это боярское землевладение могло путем заимки и распашки новин на незанятых участках».²

На обжитых и людных местах, особенно вблизи городов, лежавший «в пусте» земельный фонд довольно скоро исчерпался, и там земля начинает выступать как товар. О земельных куплях в Древней Руси есть достоверные сведения. С.А.Высоцким обнаружена надпись на Софии Киевской, в которой читаем: «Месяца января в 30, на святого Ипполита, купила землю Боянову княгиня Всеволодова, перед святою Софию, перед попами, а тут были: попин Яким Домило, Патилей Стипко, Михалько Неженевич, Михаил, Данило, Марко, Семьон, Михаил Елисавинич, Иван Янчин, Тудор Тубынов, Илья Копылович, Тудор Борзятч, а перед этими свидетелями купила княгиня землю Боянову всю, а дала за нее семьдесят гривен собольих, а в этом (заключается) часть семисот гривен».³ Из Лаврентьевской летописи знаем о «свободах», купленных князем Андреем Боголюбским.⁴ Антоний Римлянин

¹ Г.Е.Кочин. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. М.-Л., 1965, стр. 138 - 139.

² А.Е.Пресняков. Лекции по русской истории, т.1. М., 1938, стр. 195.

³ С.А.Высоцкий. Древнерусские надписи на Софии Киевской XI-XIV вв., вып. 1. Киев, 1966, стр. 64.

⁴ ПСРЛ, т. I, стб. 348.

купил однажды «у Смехна да у Прохна у Ивановых детем у посадничих», заплатив за нее сто рублей.¹ Им же за семьдесят гривен куплена земля с тонями и за сто гривен село Волховское.² Новгородец Климент отдает два села с обильем Юрьеву монастырю за взятые когда-то в долг 20 гривен серебра.³ Судя по вкладной грамоте посадника славенского конца Ивана Фомина Муромскому монастырю, земля, отданная монахом, была куплена дедом Ивана.⁴ Если учесть, что грамота датируется 1181-1182 гг., то эту «дедову куплю» нужно отнести, по крайней мере, к середине XII в. Князей, вступающих в управление делами, новгородцы предупреждали: «А в Бежицах, княже, тебе, ни твоей княгини, ни твоим бояром, ни твоим дворяном сел не държати: ни купити, ни даром приимати, и по всей волости Новгородьской».⁵ Заповедь, видно, нарушалась, поэтому - новое требование: «А свобод ти и сел съступитися. А про землю и про (села): кто у кого будеть купил, знаетъ своего истыца по куны, а земля к святой Софии».

В Московский период, когда аппарат насилия и принуждения несравненно окреп, земельные купли не утратили своей важной роли в процессе складывания частного землевладения. Кирилло-Белозерский монастырь с самого начала активно «прикупает» окрестные «землицы». Основатель обители Кирилл «в первые 10 лет пребывания на Белоозере совершает пять купчих сделок» с соседними крестьянами.⁷ Всего же дошло до нас от него 25 купчих грамот на землю.⁸ Преемники Кирилла в игуменстве Христофор и Трифон с неменьшим

¹ Грамоты В.Н. и П., стр. 159.

² Там же, стр. 160.

³ Там же, стр. 162.

⁴ Там же, стр. 285.

⁵ Там же, стр. 11.

⁶ Там же, стр. 16.

⁷ А.И.Копанев. История землевладения Белоозерского края XV-XVI вв. М.-Л., 1951, стр. 88.

⁸ Там же, стр. 47.

усердием заключают купчие сделки.¹ Покупали землю и светские владельцы.² В Переяславском уезде, как и в Белозерском крае, приобретение земельных угодий не обходится без торговых комбинаций. Возьмем для иллюстрации Троицкий Сергиев монастырь. Одним из первых районов, где появились его вотчины, был Верходубенский стан.³ Там монастырское землевладение завязывалось и росло в первую очередь посредством купель монастыря у средних и мелких землевладельцев.⁴ Прибегали к покупкам и сами светские мелкие владельцы,⁵ а также бояре. Характерна история вотчины бояр А.М. и П.М. Плещеевых. Родовые имения А.М. Плещеева уступали по величине новым приобретениям. Но среди последних на первом месте стоят купли.⁶ Дальнейшее расширение вотчины осуществлялось посредством купель.⁷ Подобные купли в основном и питают боярскую вотчину XVI в.⁸ В Костромском уезде наблюдаем аналогичное.⁹ Наконец, собиравшие земельные владения митрополичьей кафедры тоже происходило частью с помощью покупок. В свете приведенных фактов данные о земельных куплях на Руси XII - XIII вв. получают еще большую устойчивость и выразительность.

Таким образом, заимка пустых неосвоенных земель и купля — основные и первоначальные способы земельного стяжания в Киевской Руси.

¹ Там же, стр. 96-102.

² Там же, стр. 95, 98, 118 - 119, 138, 160 - 161, 164.

³ Ю.Г. Алексеев. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV - XVI вв. Переяславский уезд. М.-Л., 1966, стр. 71.

⁴ Там же, стр. 74.

⁵ Там же, стр. 42 - 47.

⁶ Там же, стр. 62.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 64.

⁹ Ю.Г. Алексеев. Черная волость Костромского уезда в XV в. «Крестьянство и классовая борьба в феодальной России». Л., 1967.

¹⁰ А.Н. Сахаров. Русская деревня XVII в. По материалам патриаршего хозяйства. М., 1966, стр. 41.

Вклады и пожалования также способствовали росту частного землевладения. Но это были явления вторичного порядка; ведь дарят и жалуют уже имеющуюся в личных руках земельную собственность.¹

Жизнь, несомненно, знала и насильственный захват земель, о чем говорит летописец, обличая владимирского владыку Федорца: «Много пострадала человеки от него в держание его, и сел избыла, оружия и конь, дружины же работы добыла, заточенья же я грабленья».² Неясен социальный состав потерпевших. Не исключено, что среди них могли быть, помимо крестьян, люди более высокого социального ранга.

В нашей литературе объектом захвата всегда выступают крестьянские земли, что вряд ли справедливо. В памятниках имеются намеки на захваты земельных владений, принадлежащих вотчинникам. Великий князь Изяслав Мстиславич, подаривший Пантелеймонову монастырю село Витославицы, закликает: «А в тое земли, ни в пожни, ни в тони не вступатися ни князю, ни епископу, ни боярину, ни кому. А кто почынет въступатися в тое земли, и в воду, и в пожни или князь или епискуп, или хто иметь силу деяти, и он в второе пришествие станете тяжатися с святым Пантелеймоном».³ Насилие по отношению к привилегированному собственнику здесь мыслится как вполне реальная возможность. Однако захват земель и крестьянских и вотчинных в процессе складывания частного землевладения на Руси XI-XII вв. играл подсобную, чаще всего эпизодическую роль. Поэтому нельзя согласиться с Б.Д. Грековым, что «в X и начале XI века давно начавшийся процесс освоения земли и сидящего на ней населения делается особен-

¹ Здесь исключаются случаи, когда пожалование производится из государственного фонда.

² ПСРЛ, т. II, стб. 552. Данный текст - лишнее указание на то, что насильственные захваты были редким явлением на Руси, поскольку летописец квалифицирует поведение владыки как аномальное.

³ Грамоты В.Н. и П., стр. 141.

но заметным».¹ Ни в X-XI, ни в XII вв. правящая верхушка не имела достаточно сил, чтобы переварить свободную земельческую общину.

Мы проследили за развитием крупного землевладения в Киевской Руси. Наблюдения, осуществленные во второй главе диссертации, важны для нас в двух отношениях: во-первых, они рисуют конкретную картину истории возникновения и роста частного хозяйства на Руси X-XII вв. и, во-вторых, показывая незначительный его уровень, свидетельствуют тем самым о широкой распространенности свободного крестьянского землевладения. Так на материале второй главы находят подтверждение выводы, полученные в первой главе настоящей работы.

Само по себе наличие крупного землевладения ничего не говорит о социальной своей природе. Это становится ясным после исследования форм эксплуатации непосредственных производителей, к которым прибегает землевладелец, и социального статуса различных категорий зависимого от вотчинника люда. Данную задачу решает следующая, третья, глава диссертации, где речь идет о зависимом населении на Руси X-XII вв.

¹ Б.Д.Греков, Киевская Русь, стр. 260. Ближе к истине подошла В.И.Горемыкина. Она считает, что «крупное землевладение формировалось первоначально за счет неосвоенных и неразделенных между общинами земель, а затем общинных угодий» (В.И.Горемыкина. К проблеме истории докапиталистических обществ (на материале Древней Руси). Минск, 1970, стр. 41). Непонятно только, с какого времени крупное землевладение стало формироваться за счет общинных угодий. Если в хронологических рамках Древней Руси, то с этим согласиться нельзя.

Глава третья

ЗАВИСИМОЕ НАСЕЛЕНИЕ НА РУСИ X - XII вв. /.

Челядь и холопы

Восточные славяне достигли социального неравенства задолго до образования Древнерусского государства. Согласно сведениям византийских авторов VI в., склавинам и антам хорошо было знакомо рабство. Оберегая собственную свободу, они добывали рабов извне. Средством формирования контингента рабов у них являлась война, а исходным материалом - пленники.¹ Следовательно, источники рабства в раннем восточнославянском обществе лежали за пределами отдельно взятого племени, и рабы поставлялись за счет соседей.

Рабы-иноплеменники - наиболее древний тип зависимого люда на территории, занятой восточным славянством. Вполне естественно, что в древнерусских письменных источниках они должны появиться прежде какой-либо другой категории зависимого населения. Самая архаическая форма зависимости, известная Руси, маскируется под именем «челядь».

Впервые с челядином нас сводит «Повесть временных лет», сохранившая тексты договоров Руси с Византией. Из до-

¹ См.: А.В.Мишулин. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей до VII в н.э. - «Вестник древней истории», 1941, № 1, стр. 253; Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950, стр. 295 - 296, 364-366.

кументов видно, что челядь всецело принадлежала господину, и если челядин бежал или похищался, хозяин разыскивал его как свою безусловную собственность.¹ Челядь продавали и покупали. В Царьграде существовал даже специальный рынок, «идеже рустие купци приходяще челядь продають».² Правомерно поступают те исследователи, которые в челяди договоров Руси с греками усматривают рабов.³

Будучи ходким товаром, челядь олицетворяла собой определенное богатство. Понятно, почему ею одаривают при случае.⁴ Нередко она ставится вровень с другими предметами торга, а порой - и просто вещами.

Г В челядине Краткой Правды (ст.И, 16) раб узнается без особого труда: он состоит в полной собственности господина, признаваемой и поддерживаемой законом. Скрывшегося челядина вылавливали и возвращали владельцу. Торговля челядью, судя по данным памятника, - самое заурядное явление. С юридической точки зрения, представленной в Краткой Правде, челядин целиком бесправен, выступая как объект права по отношению к законодателю и как вещь по отношению к господину.

Изучая челядь и холопов Краткой Правды, И.И.Смирнов уверился в том, будто внутри ее «термины "холоп" и "челядин" четко размежевываются, распределяясь между Древнейшей Правдой и Правдой Ярославичей».⁶ Отсюда автор

¹ ТРП. вып. I, стр. 9, 32.

² Памятники древней письменности. 1881, стр. 85.

³ См., напр.: Л.В.Черепнин. Из истории формирования класса феодально-зависимого крестьянства на Руси. «Исторические записки», т. 56, 1956, стр. 240; Его же. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX - XV вв. В кн.: А.П.Новосельцев (и др.). Пути развития феодализма. М, 1972, стр. 171; А.А.Зимин. Холопы Древней Руси. «История СССР», 1965, № 6, стр. 46.

⁴ ПВЛ, ч. I, стр. 39,45.

⁵ Там же, стр. 48; ПСРЛ, т. 2, стб. 333 - 334. Подробнее см.: И.Я.Фроянов. О рабстве в Киевской Руси. «Вестник ЛГУ», 1965, № 2, стр. 85.

⁶ И.И.Смирнов. Очерки социально-экономических отношений Руси

сделал вывод об исчезновении, отрицании челядинства и смене его холопством, произошедшей в середине XI в.¹ Аналогично рассуждают А.А.Зимин и Н.Л. Рубинштейн.² Едва ли утверждения этих исследователей могут быть приняты, ибо в руках у нас нет двух законченных и самостоятельных кодексов - Древнейшей Правды и Правды Ярославичей. Мы имеем дело прежде всего с *Краткой Правдой*, являющейся редакцией двух основных документов, связанных с именами Ярослава и его сыновей. Краткая Правда, хотя и скомбинирована из двух Правд, но не механически, а синтетически. Поэтому она - цельный памятник, соединивший в себе несколько источников «после соответствующей переработки и редакционных изменений». Но поскольку Краткая Правда есть памятник единый и цельный, надо, видимо, говорить о челяди и холопах применительно именно к Краткой Правде, а не к отдельным ее пластам, называемым учеными Древнейшей Правдой и Правдой Ярославичей. А это значит, что челядь-рабы - институт, распространенный во времена создания Краткой Правды (конец XI в.), и что, следовательно, ни о какой замене термина «челядин» термином «холоп» Краткая Правда свидетельствовать не может.

О наличии челяди в социальной структуре Руси XII в. повествует Пространная Правда, где в ст. 32 установлено: «Оже челядин скрыйтсся, а закличуть и на торгу, а за три дня не выведут его, а познает и в третий день, то свои челядин поняти, а оному плати 3 гривны продажи».⁴ Чтобы лучше понять смысл данного предписания, сравним его со ст.56 Пространной Правды, повелевающей «холопить» закупа, дерзнувшего

XII - XIII вв. М.-Л., 1963, стр. 103.

¹ Там же, стр. 103-106.

² А.А.Зимин. Холопы Древней Руси, стр. 58; Н.Л.Рубинштейн. Древнейшая Правда и вопросы дофеодального строя Киевской Руси. «Археологический ежегодник за 1964 г.». М., 1965, стр. 8.

³ М.Н.Тихомиров. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.-Л., 1941, стр. 44 - 45.

⁴ Правда Русская, т. I, стр. 107.

бежать «от господы», При сопоставлении обнаруживается то обстоятельство, что побег челядина остается без социальных превращений, тогда как бегство закупа каралось переводом его в обельные холопы. Иначе, бежавший челядин при возвращении господину оставался челядином, а закуп терял свой прежний статус и становился рабом. Если бы термин «челядин» ст. 32 обозначал просто зависимого человека,¹ то последствия побега непременно подверглись бы детализации со стороны законодателя, как это мы имеем в примере с закупом. Сбежавший челядин сохранял свое челядинство только потому, что он был раб. Ведь низших, чем рабство, социальных ступеней жизнь не знала.

Из ст.38 Пространной Правды явствует следующее: челядь была весьма привычной в господском обиходе; челядь сплошь и рядом продается, покупается. В последнем случае замечаем необыкновенную бойкость торговых операций — живой товар проходил через одного, другого, третьего, четвертого покупателя. Ясно, что челядью торговали постоянно. Но продажа челядина была бы незаконным актом, если бы под именем «челядь» скрывалась «совокупность работавшего на вотчинника населения». Русская Правда, как известно, категорически запрещает продажу закупа. Проданный господином закуп получал свободу. Стало быть челядин рассматриваемой статьи -раб. Б.А.Романов, исследуя нормы Русской Правды и принимая во внимание содержание ст.38, писал: «Перед нами здесь картина внутренней работорговли с довольно быстрым оборотом...»⁴

Ст. 38 Пространной Правды содержит довольно характер-

¹ Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 159.

² Там же, стр. 158.

³ Различие санкций в отношении бежавших челядина и закупа лишний раз показывает, сколь безосновательно поступил Б.Д.Греков, когда в состав челяди ввел закупов (Киевская Русь, стр. 208). Это замечание относится и к И.И.Смирнову, следовавшему за Б.Д.Грековым. - И.И.Смирнов. Очерки..., стр. 294.

⁴ Б.А.Романов. Люди и нравы Древней Руси. М.-Л., 1966, стр. 42.

ную деталь, судя по которой челядин тем лишь отличается от скота, что наделен даром речи. Статья же 99, толкующая о плоде от челяди и скота, низводит тем самым челядина до уровня домашнего животного. По наблюдениям Б.А.Романова, челядь и скот «одно из самых распространенных языковых сращений, стандартная формула летописных записей». Во всем этом нельзя не видеть указания на рабское существо челяди.

Итак, источники позволяют утверждать, что челядь на Руси X - XII вв., - это рабы.² Между тем в литературе широко распространено мнение, будто бы челядь конца XI - XII вв. выступала в качестве всей барской дворни, включавшей различные группы зависимого люда. С.А.Покровский назвал это мнение «ученой легендой».³

Какие факты приводят сторонники столь универсальной интерпретации термина «челядь»? Важное значение они придавали и придают некоторым летописным текстам, содержащим упоминания о челяди. Недаром и М.Б.Свердлов заявляет: «Исследователи, определявшие положение "челядина" как раба, не пересмотрели наблюдения Б.Д.Грекова о том, что челядью на рубеже XI - XII вв. назывались взятые в плен "люди", "холопы", "смерды", т.е. различные слои свободного и зависимого населения»⁴ Познакомимся, однако, ближе с аргументацией Б.Д.Грекова.

Он привлекает сообщение Владимира Мономаха, который однажды, напав на Минск, не оставил в городе «ни челядина, ни скотины».⁵ Тут, по словам ученого, «несколько яснее среди

¹ Правда Русская, т. II, Комментарии. М.-Л., 1947, стр. 94.

² Подробнее см.: И.Я.Фроянов. О рабстве в Киевской Руси, стр. 84- 86.

³ С.А.Покровский. Общественный строй Древнерусского государства. «Труды Всесоюзного юрид. заочного ин-та», т. XIV, 1970, стр. 168.

⁴ М.Б.Свердлов. Об общественной категории «челядь» в Древней Руси. В кн.: Проблемы истории феодальной России. Сб.статей к 60-летию проф. В.В.Мавродина. Л., 1971, стр. 57.

⁵ ПВЛ, ч. I, стр. 160.

челяди проглядывают не-рабы». Б.Д.Греков верно говорит: «Трудно предположить, чтобы Владимир Мономах с дружиной имели возможность строго различать рабов и не-рабов в момент нападения на город Минск. Тут, несомненно, часть неселения была истреблена, часть уведена в плен без различия их социального положения».² Но это отнюдь не значит, что сама челядь, угнанная князем, была разнородной по составу. Пленив население Минска, среди которого могли быть люди разных социальных положений, Мономах превратил его в челядь - пленников-рабов, т.е. в однородную социальную группу.

Не оправдывает надежд Б.Д.Грекова и другой отрывок из Поучения Владимира Мономаха: «и потом к Меньску ходихом на Глеба, оже ны бяше люди заял и Бог ны поможе, и створи свое мышленное».³ Оценивая это известие, автор замечает: «Нет ничего невероятного в том, что этих захваченных Глебом людей можно назвать и челядью».⁴ Конечно, можно. Но по отношению к какому князю? К Глебу и только к Глебу. И тогда социальные признаки «людей» резко меняются: они силой вырываются из привычной им общественной среды, им придается единая социальная форма пленников-рабов, которым соответствует наименование «челядь».

Летописная фраза «Володимир же умирися и начаста быти во велице любви, Володимир же и челядь ему вороти, што была рать повоевала»,⁵ взятая Б.Д.Грековым, свидетельствует лишь о том, что князь Владимир Василькович вернул своему бывшему противнику пленников, захваченных в войне.

Требуется оговорка и еще одна ссылка на источник, проделанная Б.Д.Грековым. Речь идет о требованиях, предъявленных после соглашения в Уветичах Володарю и Васильку

¹ Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 165.

² Там же, стр. 166.

³ ПВЛ, т. 1, стр. 162.

⁴ Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 166.

⁵ ПСРЛ, т. II, стб. 880.

князьями Святополком, Владимиром, Давидом и Олегом: «А холопы наша выдайта и смерды». Само собой разумеется, что участники Уветичского пакта имели собственных холопов и смердов. Они (холопы и смерды) не меняли своего социального облика относительно к прежним господам. Однако статика эта была идеальной, существуя только в умозрении Святополка, Владимира, Давида и Олега. Фактически же с княжескими холопами и смердами произошел метаморфоз: они стали челядью. Б.Д.Греков пишет: «Каким образом чужие смерды и холопы оказались у Вол о даря и Василька, догадаться нетрудно. Это — их полон. Это они успели ополониться челядью, которую недавно враждебные, а сейчас замирившиеся князья хотят получить обратно». Верно то, что чужие смерды и холопы оказались у Володаря и Василька. Но отсюда никак не следует, будто примирившиеся князья стремятся получить обратно свою челядь. Они требуют выдачи не челяди, а своих холопов и смердов, о чем прямо и говорят.

В Ипатьевской летописи под 1282 г. рассказывается, как «вспомяну Володимер, оже преже того Лестко, послав Люблинець, взял бяшетъ у него село на Вькраиници именем Воинь, и напоминася ему Володимер о том много, абы воротил челядь, он же не вороти ему челяди его».³ Какую силу доказательств мог извлечь Б.Д.Греков из приведенного отрывка? Неужели так невероятно предположение, что владимировольинский князь держал пленников-рабов (челядь), сосредоточив их в одном селе? Неужели древнерусский землевладелец не мог располагать семьями голов челяди, как это было в путивльском имении Святослава,⁴ или даже 5 селами с челядью, зафиксированными во вкладной Глебовны — вдовы князя Глеба Всеславича? Здесь нет ничего нелепого. Все это

ПВЛ, ч. I, стр. 181.

² Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 166.

³ ПСРЛ, т. II, стб. 889 - 890.

⁴ Там же, стб. 333 - 334.

⁵ ПСРЛ, т. II, стб. 493.

могло быть в жизни тем более, что в плен уже в те времена брали сотнями и тысячами.¹

Внутренне противоречивым кажется один из ответственных выводов Б.Д.Грекова: «Ополониться челядью не значит захватить только рабов. Захваченные в плен разные категории населения, однако, превращаются тем самым в челядь, где имеются рабы и не-рабы».² По поводу данного суждения С.А.Покровский правильно заметил: «Это соображение трудно понять. Видимо, Б.Д.Греков хотел сказать, что после захвата пленных их сортировали: рабов оставляли рабами, а не рабов делали феодально зависимыми. Но на эту странную операцию нет никаких указаний в источниках. Скорее здесь можно видеть пример того, как неправильная, предвзятая точка зрения заводит в тупик даже такого талантливого исследователя, каким был Б.Д.Греков».³

Итак, доводы Б.Д.Грекова в вопросе о челяди не убеждают.

В последний раз обосновывал идею о том, что термины «челядин» - «челядь» постепенно перерастают свое первоначально узкое значение, сливаясь с названием «люди» в качестве обозначения всего зависимого от феодала населения, Л.В.Черепнин. Автор ссылается на ряд летописных известий о войнах XI - XIII вв., во время которых князья якобы «захватывали зависимых людей противника».⁵

При обращении к летописным материалам, на которые опирается Л.В.Черепнин, обнаруживается, что термин «люди» в них отсутствует. Поэтому сопоставление его с термином «челядь» в рамках упомянутых материалов выглядит по меньшей мере условно. Утверждение же, что во всех этих известиях говорится о захвате князьями зависимых людей про-

тивника, далеко не бесспорно, ибо в подавляющей массе военных повествований речь идет о захвате челяди вместе со скотом и всяким товаром без каких бы то ни было указаний на ее принадлежность хозяевам.¹ В некоторых случаях летописец, пользуясь словом «полон», раскрывает его содержание, называя челядь, скот и коней.² Легко понять, что для летописца челядь и пленники — синонимы. В плен брали всякого, кто попадется. Вот почему при сравнительно крупных военных операциях челяди набиралось «много»,³ «множество»,⁴ «бещисленное множество».⁵ Если стать на точку зрения Л.В.Черепнина, то надо признать, что при вторжении на территорию противника победители забирали в плен одних зависимых, а свободных людей не трогали. Трудно поверить в такую комбинацию.

Из примеров, фигурирующих у Л.В.Черепнина, только три свидетельствуют о принадлежности захваченной челяди владельцам.⁶ Однако в летописи нет никаких данных, которые мешали бы считать челядь рабами.

Далее Л.В.Черепнин обращается к Варлааму Хутынскому, передавшему новгородскому Спасскому монастырю земли с «челядью и с скотиною». В числе первой упомянуты «отроки» и «девки».⁷ По их поводу Л.В.Черепнин говорит: «...может быть, - это рабы, а может быть - нет».⁸ Мы полагаем все же, что челядь Варлаама - рабы. К этой мысли подходит стандартная и вместе с тем красноречивая формула «челядь и скот», смысл и значение которой нами уже обсуждался. Косвенным доказательством здесь могут служить сами «девки» и «отроки», особенно если вспомним, что в плен нередко брали

¹ ПВЛ, ч. I, стр. 149, 160, 185; ПСРЛ, т II, стб. ОД 255, 608, 669, 677, 678, 698, 911, 936.

² ПСРЛ, т II, стб. 911, 936, 937.

³ Там же, стб. 669.

⁴ Там же, стб. 890, 911.

⁵ Там же, стб. 889, 936.

⁶ Там же, стб. 393, 502, 889.

⁷ Грамоты В.Н. и П., стр. 161, № 104.

⁸ Л.В.Черепнин. Русь. Спорные вопросы..., стр. 174.

¹ См.: ПВЛ, ч. I, стр. 104; НПЛ, стр. 28, 214; ПСРЛ, т. 1, стб. 360.

² Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 167.

³ С.А.Покровский. Общественный строй ..., стр. 155.

⁴ Л.В.Черепнин. Русь. Спорные вопросы..., стр. 173.

⁵ Там же, стр. 174.

именно женщин и детей.¹ Показательно и то, что Б.Д.Греков, не упускавший малейшую возможность для толкования челяди как совокупности рабочего люда, отнес челядь из вкладки Варлаама к рабам.²

Л.В.Черепнин подчеркивает: «Челядь живет по селам».³ Весьма сомнительно, чтобы по месту жительства определялся характер социального положения челяди.

Наконец, автор цитирует летописные тексты, где говорится о захвате «людей» в плен. Следует вывод: «Из этих терминологических наблюдений видно, что значительная часть свободных общинников — "людей" переходила в состав феодально зависимой челяди».⁴ Большинство используемых Л.В.Черепниным летописных записей сообщает о захвате половцами русских людей в плен.⁵ Спрашивается, при чем тут древнерусская челядь? Совершенно ясно, что для исследования челяди как разряда зависимого населения на Руси XII в. эти тексты служить не могут. Только две записи, говорящие о пленении «людей» враждующими князьями, имеют отношение к делу.⁶ Но из них никак не видно, что захваченные «люди» переходили в состав феодально зависимой челяди. Они позволяют заключить лишь об одном: «люди» превращены в пленников. Но вряд ли кто решится утверждать, что плен в Древней Руси был источником феодальной зависимости. Плен переводил человека в рабство.

¹ В.В.Бартольд. Сочинения, т. 2, ч. 1. М., 1963, стр. 829; А.Якубовский. Ибн-Мискавейх о походе Русов в Бердаа в 943 - 944 гг. «Византийский временник», т. XXIV, 1926, стр. 69; НПЛ, стр. 17, 22, 206; ПСРЛ, т. I, стб. 364; ПСРЛ, т. II, стб. 560.

² Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 187.

³ Л.В.Черепнин. Русь. Спорные вопросы..., стр. 174.

⁴ Там же.

⁵ ПСРЛ, т. I, стб. 303, 349, 358, 363, 529; ПСРЛ, т. II, стб. 506, 556, 562.

⁶ ПСРЛ, т. I, стб. 361; ПСРЛ, т. II, стб. 560.

⁷ Эту роль плен играл и гораздо позднее. См.: Ю.В.Готье. Замосковский край в XVII веке. М., 1906, стр. 298; А.И.Локтев. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. М.-Л., 1943, стр. 141 - 143;

Таким образом, нет оснований для того, чтобы отказаться от представления о челяди на Руси X — XII вв. в смысле рабов. Каково происхождение челяди?

Во всех случаях, когда древние памятники письменности позволяют в той или иной мере приблизиться к источнику челядинства, всегда взор исследователя упирается в плен. Так, в договоре с Византией 911 г. цена пленника называется ценой за челядина («челядинная цена»).¹ Мы уже отмечали, что летописец, оперируя термином «полон», подразумевал под ним, кроме прочего, и челядь, ставя, следовательно, знак равенства между понятиями «челядь» и «пленники». Это дает возможность видеть челядь (рабов-пленников) там, где фигурирует близкое слово «полон».²

В летописных известиях о победах русских над половцами встречаем выражения «полониша челядь», «взяста веже с челядью».³ Л.В.Черепнин, возражая нам, пишет: «...эти примеры ничего не доказывают, ибо они имеют в виду не то, что пленники обращены в челядь, а то, что челядь взята в плен или возвращена из плена».⁴ Но пленников не надо было обращать в челядь, поскольку они и есть сама челядь, т.е. рабы-пленники. С момента пленения человек превращался в челядина-раба. Поэтому указанные выражения следует понимать в смысле захвата пленников, подтверждением чему служит, к примеру, следующий текст: «Взяша бо тогда (у половцев. — И.Ф.) скоты, и овце, и коне, и вельблуды, и веже с добытком и

А.Г.Маньков. Развитие крепостного права в России второй половины XVII в. М.-Л., 1962, стр. 222; Е.Н.Кушева. О плене как источнике холопства во второй половине XVII в. В кн.: Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971, стр. 231.

¹ ПВЛ, ч. I, стр. 28.

² ПВЛ, ч. I, стр. 191; ПСРЛ, т. I, стб. 291, 301, 397; ПСРЛ, т. II, стб. 283, 286; НПЛ, стр. 32 - 33. См. также: Ф.П.Филин. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. «УЗ ЛГПИ им. Герцена», т. 80. Л., 1949, стр. 86.

³ ПВЛ, ч. I, стр. 149, 185.

⁴ Л.В.Черепнин. Русь. Спорные вопросы ..., стр. 172.

с челядью, и заяша печенегы и торки с вежами».¹ Случайна ли в данном контексте фраза «печенегы и торки»? Нет. Если бы летописец вместо «печенегы и торки» поставил «челядь», он не сумел бы правильно информировать публику, так как получился бы повтор, затемнивший события. Но именно «печенегы и торки» побуждают в предшествующей «челяди» усматривать пленных половцев.

Когда летописец рассказывает о князе Ростиславе, как тот «много зла створи волости Полотьской, воюя и скоты и челядью», он хочет сообщить, что Ростислав грабил полоцкую землю и захватывал в плен ее жителей. Эти сведения, как и многие другие, приведенные в настоящем разделе, указывают на плен как на единственный источник челядинства.

На протяжении XI - XII вв. практика пленения (равно обращению в рабство через плен) была на редкость стабильной, и летописи буквально пестрят известиями о «полонах».³ Вот почему невозможно согласиться с Б.Д. Грековым, утверждавшим, будто в XII в. «плен в качестве источника рабства имеет несомненную тенденцию к сокращению».⁴ Нельзя поддержать и А.А. Зимина, когда он пишет, что «ополонение челядью» в

¹ ПВЛ, ч. I, стр. 185.

² А.А. Зимин, опровергая наш тезис о плене как источнике челядинства, утверждает: «Но в Русской Правде нет никаких данных, позволяющих считать один лишь плен источником челядинства. Этот вывод основан у автора только на летописях и договорах с греками, где, однако, в силу самой специфики материала, не говорится о других источниках пополнения состава челяди» (А.А. Зимин. Холопы Древней Руси, стр. 58). В Русской Правде нет вообще никаких данных об источниках челядинства, в чем отразилось своеобразие памятника, занятого исключительно внутриобщинными казусами. Другое дело договоры и летописи, где внешнеполитические события поставлены на передний план. То, что именно в договорах и летописях, а не в Русской Правде зафиксирован источник челядинства, как раз и подтверждает нашу точку зрения по вопросу о плене - единственном средстве пополнения челяди в Киевской Руси.

³ См.: НПЛ, стр. 17, 22, 23, 32 - 33, 40; ПВЛ, ч. I, стр. 161, 201; ПСРЛ, т. I, стб. 291, 301, 310, 360, 363, 364, 400; ПСРЛ, т. II, стб. 268, 285 - 286.

⁴ Б.Д. Греков. Киевская Русь, стр. 182.

походах «к началу XII в. значительно уменьшилось, и пленники-рабы становились редкостью».¹ Однако в другом месте А.А. Зимин верно замечает: «Плен как источник рабства постепенно теряет свою решающую роль».² Надо только добавить: в Киевской Руси плен, хотя и утрачивал решающую роль в развитии рабства, но не терял функции одного из главных источников, пополняющих армию древнерусских рабов.

Итак, в челяди на Руси X - XII вв. мы видим не просто рабов, а рабов-пленников.

* * *

Древнерусская лексика знала еще один термин, обозначающий раба - «холоп». Как бы часто ни встречались на страницах памятников «челядин» и «холоп», они всегда строго разграничены. Особенно показательна в этом отношении Русская Правда, где данные наименования выступают не как синонимы, а как разные понятия.[^]

Термин «холоп» с конкретным социальным содержанием встречается позднее, чем «челядин». Если последний в Повести временных лет появляется под 911 годом в тексте договора Руси с греками, напоминая путника, преодолевшего дальнюю дорогу, начало которой теряется где-то в VIII - IX веках, а возможно и раньше, то первый всплывает в 986 году,⁴ да и то в смутных чертах библейских переложений. Случайно ли это? Нет. Холоп как социальный персонаж вошел на историческую сцену позднее, нежели челядин. В чем же их коренное отличие? Думается, в происхождении.

Для решения вопроса об источниках холопства Русская Правда поставляет исчерпывающие материалы. Статья 110 Пространной Правды определяет такие источники, и все они -

¹ А.А. Зимин. Холопы Древней Руси, стр. 74.

² Там же, стр. 58.

³ См.: Б.Д. Греков. Киевская Русь, стр. 159.

⁴ ПРП, вып. I, стр. 93.

производное местных условий. Действительно, и самопродажа, и женитьба на рабе «без ряду», и «тиунство без ряду» говорят о казусах внутренней жизни общества. По нормам ст. 56 Пространной Правды сбежавший закуп автоматически переводится в разряд холопов. Согласно ст. 64 проворовавшийся закуп обращался в холопа.

Давно велся спор, продавался ли злостный должник в рабство (холопство) или нет. Разногласия вращались, в частности, вокруг ст. 54 Пространной Правды. С.Г.Струмилин и Б.Д.Греков под «продажей» понимали продажу одного лишь имущества несостоятельного купца,¹ а М.Н.Тихомиров и А.Д.Гусаков - продажу самого должника в рабство (холопство).² После публикации записей Абу Хамида ал-Гарнати стало ясно, что правы М.Н.Тихомиров и А.Д.Гусаков, а не С.Г.Струмилин и Б.Д.Греков.³ В аналогичном смысле надо понимать и ст. 55 Пространной Правды, предусматривающую сходную со ст. 54 ситуацию. Значит, и ст. 54 и ст. 55 указывают на местный источник холопства.

Б.Д.Греков, комментируя ст. И 0, отметил: «Пространная Правда в своем перечне источников рабства пропускает плен».⁴ Но Пространная Правда в ст. ПО говорит об источниках рабства не вообще, а об одном из видов рабства - холопстве. Правда не называет в числе источников холопства плен потому, что путь в холопы начинался не с плена. Плен был источником челядинства, а не холопства. Холоп, как сказано выше, появился позднее челядина, знаменуя новый этап развития рабовладения на Руси. Процесс формирования холопства зависел от некоторых специфических условий, связанных с

обнищанием на одном социальном полюсе и складыванием крупного владельческого хозяйства - на другом. Рост вотчинного хозяйства замечается со второй половины XI в. Не случайно и холоп упоминается в Краткой Правде - памятнике конца XI столетия. Рядом с челядином-рабом в господском хозяйстве живет теперь холоп-раб. В области терминологической в результате этого слова «челядин» и «холоп» сосуществуют, отражая особенности двух социальных категорий, заключающиеся не в общественном статусе (и тот и другой - рабы), а в происхождении. Русская Правда оттого и различает понятия «челядин» и «холоп». Рабовладельцы Древней Руси, следовательно, рабочую силу в лице холопов черпали из местного обьектВаj тогда как челядь они добывали посредством войн, сопровождавшихся угоном пленников, которые и являлись источником пополнения состава челяди. Сказалось ли это на положении холопа в древнерусском обществе? Сопоставим правовое положение холопов и челяди.

^При чтении краткой редакции Русской Правды складывается впечатление, что статус челядина и холопа ничем в сущности не отличается: как тот, так и другой представлены в качестве полной и безусловной собственности господина (ст. 11, 16, 17, 29). Челядин и холоп здесь целиком бесправны и выступают как объект права. Но это не должно нас смущать, ибо Краткая Правда принадлежит той эпохе, когда холопство не вполне оформилось. Поэтому она скупой и невыразительной говорит о холопстве и пытается решить холопий вопрос на уровне старых представлений о челядинстве. Однако жизнь заставила законодателя понять, что в лице челядина и холопа он имеет дело с разными людьми. Пространная Правда - яркое тому свидетельство^

Челядин в Пространной Правде изображен таким же, как и в Краткой Правде. Это - раб, находящийся во власти своего господина, забитое и бесправное существо, одним лишь отличающееся от животного, - речью. Холоп выглядит иначе.^Его положение двойственное: с одной стороны, холоп, подобно

¹ С.Г.Струмилин. Договор займа в древнерусском праве. М., 1929, стр. 59 - 60; Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 185 - 187.

² М.Н.Тихомиров. Пособие для изучения Русской Правды. Изд. МГУ, 1953, стр. 99; А.Д.Гусаков. О ростовщичестве в Киевской Руси. В кн.: Вопросы экономики, планирования и статистики. М., 1957, стр. 289.

³ См.: Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131 - 1153 г.) М., 1971, стр. 36.

⁴ Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 183.

челядину, лишен правоспособности, с другой, - наделен правами, заметно ослабляющими «работное ярмо», в которое он опрокинут. В чем же заключается правоспособность холопа?^

В ст. 66 Пространной Правды сказано: «А послушства на холопа не складають; но оже не будет свободного, то по нужи сложити на боярьска тивуна, а на инех не складывати». Формулировка довольно противоречива: запрещая холопу выступать свидетелем, законодатель тут же пробивает брешь в своем запрете, указав на возможность послушества со стороны высшего разряда холопов - боярских тиунов. Еще более выразительна ст. 85, которая определяет: «Ты тяже все судять послухи свободными, будет ли послух холоп, то холопу на правду не вылазити; но оже хочет истецъ, или иметь и, а река тако: по сего речи емлю тя, но яз емлю тя, а не холоп, и емети и на железо; аже обинити и, то емлетъ на немъ свое не обинити ли его, платити ему гривна за муку, зане по холопыи речя ял и». Стало быть, достаточно желания истца, чтобы показания холопа возымели действие]

f Указания на послушество холопов находим не только в Пространной Правде. В житии Андрея Юродивого читаем «хлапъ (холоп) онъ видокъ есть быть».¹ Нельзя в этом не видеть подтверждения свидетельской практики холопов в Древней Руси. Но право свидетельствовать по суду есть право свободного человека. Холоп, пользующийся элементами этого права, поднимался тем самым над остальной массой рабов-j

¹Холопы заключали различные сделки по торговле и кредиту^Так, ст. 116 Пространной Правды предусматривает: «Аче же холоп кде куны вложить, а он будетъ не ведая вдал, то господину выкупати али лишитися его; ведая ли будетъ дал, а кун ему лишитися». Холоп, следовательно, мог вступать в торговые операции, не скрывая своего холопства. Случалось, господин сам пускал холопа в торг (ст. 117): «Аже пустить холопа в торг, а одождать, то выкупати его господину и не лиши-

¹ М.Н.Тихомиров. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.-Л., 1941, стр. 50.

тиса его». Если Пространная Правда, наделяя холопа экономической дееспособностью, лишает его правоспособности в этой сфере, устанавливая ответственность господина за сделки, совершенные им, то договор 1229 г. Смоленска с Ригию и Готским берегом говорит не только о торговой деятельности, но и о правомочии холопа. «Или Немечьский гость, - гласит ст. 7 договора, - дасть холопу княжю или боярьску, а кто его задницу возьметъ, то в того Немчию товар взята».¹

Правоспособность и дееспособность холопов была замечена еще дореволюционными историками и юристами. П.И.Беляеву древнерусский холоп казался «субъектом права, отнюдь не вещью, лицом правоспособным и дееспособным, могущим совершать гражданские сделки, иметь долги, движимое и недвижимое имение и иметь публичные права». Быть может, П.И.Беляев несколько завысил степень правоспособности и дееспособности холопов. Однако идти путем голого отрицания правомочий холопов, как поступают С.А.Покровский и Е.И.Колычева, рискованно.³ Видимо, надо признать наличие элементов дееспособности и правоспособности у древнерусских холопов.]

¹ Такое положение холопов на Руси прежними историками объяснялось влиянием церкви на общество. «Церковь, - писал В.О.Ключевский, - произвела в положении русского холопства такой решительный перелом, которого одного было бы достаточно, чтобы причислить ее к главным силам, создавшим древнерусское общество».⁴ Советские историки в смягчении холопского права усматривают отражение эволюции от рабства к феодально зависимому состоянию и сокращение института

¹ ТРП, вып. II, стр. 60-61.

² П.И.Беляев. Холопство и долговые отношения в древнерусском праве. «Юридический вестник», кн. IX(1). 1915, стр. 134.

³ С.А.Покровский. Общественный строй Древнерусского государства, стр. 166 - 170; Е.И.Колычева. Некоторые проблемы рабства и феодализма в трудах В.И.Ленина и советской историографии. В кн.: Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970, стр. 138 - 139.

⁴ В.О.Ключевский. Опыт и исследования, сб. 1. Пг., 1919, стр. 294.

рабства как такового.¹ По нашему мнению, особенности правового положения холопов объясняются местным происхождением этой категории зависимого населения Древней Руси. В холопы шел зачастую свободный человек, сохранявший связи с окружающими. Не зря в народных восстаниях, наряду со свободными, деятельное участие принимали и холопы.² С этим необходимо было считаться учредителям законов³

Законодательство о холопах, регламент положения их затрагивали не только интересы непосредственно холопов и их владельцев, но отчасти мелкий свободный люд, являвшийся резервом холопства, сознающий возможность своего «похолопливания» и, естественно, оказывающий давление на законодателей в выгодном для себя смысле. Поэтому Устав о холопах следует рассматривать не как реализацию исключительно интересов холоповладельцев, а как отражение потребностей общества в целом. И лишь конкретное исследование Устава выявит его составные, возникшие под напором разных социальных сил.

Итак, абсолютное бесправие челяди и правоспособность холопов, зафиксированные памятниками старины, позволяют еще раз сделать вывод о внутриобщественном характере формирования холопства⁴

На страницах древнерусских источников рядом с холопом

¹ С.В.Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.-Л., 1939, стр. 61 - 67; Б.Д.Греков. Крестьяне на Руси, кн. 1. М., 1952, стр. 140 - 162.

² М.Н.Тихомиров. Крестьянские и городские восстания на Руси XI - XIII вв. М., 1955, стр. 96-97, 146.

³ Заявление С.А.Покровского, будто «между правовым положением челядина и холопа Русской Правды не было абсолютно никакой разницы», считаем беспочвенным (Покровский С. А. Общественный строй..., стр. 167). Установленные отличия правового и бытового статуса челяди и холопов позволяют также отвести возражения А.А.Зиминой, отмечавшего, что нам не удалось уловить этих отличий. - См. А.А.Зимин. Устав про холодов - памятник истории холопства в Киевской Руси. - «Украинский исторический журнал», 1966, № 7, стр. 51.

нередко фигурирует смерд, чем в известной мере облегчается дешифровка термина «смерд». Но мы не сумеем серьезно продвинуться в изучении «смердского вопроса» без предварительного решения проблемы данников и даннических отношений. Вот почему следующий раздел диссертации посвящен данникам и смердам в Киевской Руси.

II. Данники и смерды

Данник, каким его очерчивают исторические памятники, - довольно примечательная фигура зависимого люда эпохи древнерусского государства. Занимаясь данями, мы устанавливаем одну из наиболее архаических форм эксплуатации, восходящую к дописьменной истории восточного славянства. Важно поэтому определить существо этой эксплуатации и проследить ее эволюцию. Изучение даннических отношений представляет интерес и в другом плане, способствуя уточнению наших познаний о смердах, положение и общественная роль которых, несмотря на длительные усилия историков, остаются спорными и по сей день.

Полнее всего данничество отражено в летописях, причем значительная доля известий о данях падает на X в. Одна часть этих известий посвящена даням, взимавшимся с побежденных племен и народов, другая - установлению даннической зависимости среди родственных восточнославянских племен.

Сообщения первого рода относятся к весьма туманным временам и встречаются в недатированных летописных записях. Из них явствует, что дань добывают вооруженной рукой. Хазарские старцы, призванные растолковать своему «князю» полянскую загадку, с исчерпывающей полнотой охарактеризовывали стиль отношений в данничестве: «Мы ся доискахом оружием одиною стороною, рекше саблями, а сих оружие обоюду остро, рекше мечь. Си имуть имати дань на нас и на

инех странах».¹ Побежденные платят дань ради мира («мира деля»). Она — своеобразная плата за мир и безопасность, предупреждающая угрозу грабежа и разорения со стороны неприятеля. В этом сходятся все источники: отечественные и иностранные.²

Обращаясь к свидетельствам о даних непосредственно у восточных славян и древних русов, замечаем аналогичное положение. В 884 г. Олег «победи северяны, и възложи на нь дань легьку, и не дасть им козаром дани платити...» Очень показательна запись под 885 г.: «Посла (Олег. - И.Ф.) к радимичем, рька: "Кому дань даете?" Они же реша: "Козаром". И рече им Олег: "Не дайте козаром, но мне дайте". И въдаша Ольгови по щяльгу, яко же и козаром даяху».⁴ Судя по извлеченным отрывкам, существо дани, независимо от перестановки тех, кто ее присваивает, не меняется. Мы не думаем, что дань, которую получали хазары от северян и радимичей, являлась феодальной рентой. Не стала она таковой и после того, как Олег сменил хазар на этом поприще. О том, что межславянская дань была не более чем заурядным грабежом побежденного победителем, красноречиво говорят кровавые столкновения киевских князей с древлянами. Стоило древлянам-данникам отказаться от повиновения Киеву, сразу же оттуда предпринимался карательный поход. Особенно драматическим был 945 г. Убийство Игоря и прекращение платежа дани вызвали настоящую экспедицию против древлян, возглавленную вдовой убитого князя. Минуя «затворившиеся» древлянские города, Ольга устремилась к Искоростеню - организационному центру мятежа. И «посла ко граду, глаголюще: "Что

¹ ПВЛ, ч. I, стр. 16.

² ПВЛ, ч. I, стр. 24, 33 - 34, 50 - 51; Летописец Переяславля Суздальского. М., 1851, стр. 9; Константин Багрянородный. Об управлении государством. «Изв. ГАИМК», вып. 91. М.-Л., 1934, стр. 6; В.Г.Васильевский. Труды, т. I, СПб., 1908, стр. 307.

³ ПВЛ, ч. I, стр. 20.

⁴ Там же.

хочете доседети? А вси гради ваши предашася мне и ялися по дань, и делают нивы своя и земле своя..."»¹ Нас в данном случае не смущает, что слова Ольги - сплошная выдумка. Важно другое: стараясь «переключать» древлян, княгиня прибегла к правдоподобным фактам. И вот тут оказывается, что древляне, кроме скрывшихся в Искоростене, изъявили покорность и согласие платить дань, получив тем самым возможность мирно возделывать свои нивы. В конечном итоге судьба Искоростеня была плачевной: «И побегоша людье из града, и повеле Ольга воємь своим имати а, яко взя град и пожьже и; старейшины же града изьнима, и прочая люди овых изби, а другие работе предасть мужем своим, а прок их остави платити дань». Здесь дань еще яснее выступает актом грабежа и насилия победителя над побежденным.

Затем летописец рассказывает, как «иде Вольга по Дервьстей земли с сыном своим и с дружиною, уставляючи уставы и уроки», как она «иде Новугороду, и устави по Мьсте повосты и дани и по Лузе оброки и дани». Это известие привело некоторых исследователей к мысли о реформе, осуществленной якобы княгиней в Древлянской земле и других областях Киевской Руси,⁴ а согласно С.В.Юшкову - по всей территории Киевского государства.⁵ В мероприятиях Ольги С.В.Юшков обнаружил «форсирование процесса сближения дани с типичной феодальной рентой».⁶ Неизвестно, почему С.В.Юшков рассуждает о всей территории Киевского государства, когда

¹ Там же, стр. 42.

² Там же, стр. 43.

³ Там же.

⁴ Л.В.Черепнин. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда. В кн.: Новосельцев А.П. (и др.) Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, стр. 149; А.А.Зимин. Феодальная государственность и Русская Правда. «Исторические записки», т. 76, 1965, стр. 240-242.

⁵ С.В.Юшков. Эволюция дани в феодальную ренту в Киевском государстве в X - XI веках. «Историк-марксист», 1936, № 6, стр. 135.

⁶ Там же, стр. 137.

летопись вполне определенно называет области, где проводилась «реформа». Это территория древлян, земли по Мете и Луге. С древлянами все понятно: они обложены данью как покоренное племя. Но если припомнить, что по Луге в те времена жила вода,¹ а по Мете «сидела» весь,² то деятельность Ольги в здешних местах будет ничем иным, как наложением дани на подвластные иноязычные племена. И вряд ли ее меры представляли собой реформу, несогласную с предшествующей практикой.³ Княгиня скорее начинала не новое дело, а возвращалась к старой системе фиксирования дани, отринутую алчностью Игоря. Древляне, восставшие против неумеренного грабежа, в «уставах» и «уроках» получали гарантию того, что дань будет браться снова по норме, а не по произволу. Однако от этого грабительская сущность дани отнюдь не менялась. Не удивительно, что единственным инструментом добывания да-

¹ П.Н.Третьяков. У истоков древнерусской народности. Л., 1970, стр. 143.

² В.В.Пименов. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.-Л., 1965.

³ А.А.Зимин, характеризуя мероприятия Ольги, пишет: «Необходимо было точно регламентировать сбор дани. Была введена норма дани, сроки ее получения, определены пункты, где останавливался князь («становища»); возможно, они были связаны с местами княжеской охоты («ловища»). После этой реформы, судя по рассказу Константина Багрянородного, сбор дани - «полюдь» происходил в строго установленные сроки». (А.А.Зимин. Феодальная государственность..., стр. 240 - 241). Но дань и раньше собиралась по определенной норме: по «черной куне», по «щылягу» (ПВЛ, ч. I, стр. 20). О том, что существовала какая-то норма дани, свидетельствует и запись о походе Игоря в «Дерева». «Почто идеши опять, -спрашивали древляне у князя, - ноимал еси всю дань» (Там же, стр. 40). Константин Багрянородный, насколько нам известно, не сообщает «о строго установленных сроках», а рассказывает, что в ноябре князья отправляются в полюдь. Однако обычай ходить за данью осенью существовал до пресловутой реформы Ольги. «Приспе осень, - читаем в Повести временных лет, - и нача мыслити (Игорь. - И.Ф.) на деревляны, хотя примыслите большую дань» (Там же, стр. 39). Что касается «становищ», то они в данном случае - не места, где останавливался князь, а места стоянок самой Ольги, как явствует из перевода текста. - Там же, стр. 240.

ней служила военная сила, опираясь на которую киевские князья доискивались данников, а стало быть, - различных дорогих товаров и всякого узорочья. Владимир Святославич был по меньшей мере банален, когда изрек: «Сребромъ и златом не имам налести дружины, а дружиною налезу сребро и злато, яко же дед мой и отец мой доискася дружиною злата и сребра».

Весь доступный нам комплекс известий о даях X в. и более раннего времени выносит даннические отношения на арену внешнеполитических комбинаций, указывая тем самым на отсутствие сбора дани внутри самого племени. Но брал ли что-нибудь киевский князь у своих людей? Сопоставив понятия «полюдь» и «дань», получим ответ на поставленный вопрос.

Источники, хотя и очень скудные, различают дань и полюдь как определенные сборы. Великий князь Мстислав Владимирович совместно с Всеволодом, сыном своим, отдают Новгородскому Юрьеву монастырю Буице «с данию, и с вирами, и с продажами», а также «осеньнее полюдь даровьное». В Уставной грамоте смоленского князя Ростислава проводится такое же различие дани и полюдь.³ Значит, дань и полюдь - не одно и то же. О недопустимости смешения дани и полюдь говорили некоторые наши историки.⁴ Какова тогда функция полюдь? В грамоте Юрьеву монастырю мы имеем «даровное полюдь» — какой-то, вероятно, дар населения своему князю. Эта мысль особенно укрепляется при знакомстве с источником, где упоминается полюдь в связи с именем Всеволода Большое Гнездо. Оказывается, он ходит в полюдь не

¹ ПВЛ, ч. I, стр. 86.

² ПРП, вып. II, стр. 102.

³ Там же, стр. 39.

⁴ М.Д.Приселков. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам. «УЗ ЛГУ», серия исторических наук, вып. 8, 1941; В.В.Мавродин. Образование Древнерусского государства. Л., 1945, стр. 155.

среди «примученного» населения, а по жителям своего княжества. В Лаврентьевской летописи под 1190 годом сообщается о хождении за полюдьем Всеволода сначала в Ростов, а потом - в Переяславль.¹ Но когда летопись повествует о даях, добываемых тем же князем, она открывает картину военных походов, «примучиваний», разворачивающихся за пределами Ростово-Суздальского княжества.²

Полюдье - сбор архаического происхождения. И нам лишь по необходимости, обусловленной недостатком источников, пришлось оперировать чрезвычайно малочисленным материалом более позднего времени. Если мотив полюдья уловлен нами верно, то косвенным аргументом в подтверждении предложенного его понимания может служить еще и тот факт, что основная масса свободного населения на Руси X века и, очевидно, предшествующей поры называлась «людьми». Поэтому полюдье и на сей раз следует уподобить определенному сбору со свободного населения («людей»), причем сбор этот, по всей видимости, имел добровольный (договорной) характер или, другими словами, являлся «даром». Возможно, по своему происхождению древнерусское полюдье сродни тем приношениям, которые, по свидетельству Тацита, древние германцы давали племенным вождям.

Таким образом, памятники отделяют дань от полюдья. Если дань была платежом, который взимался с побежденного народа под угрозой еще большего разорения и, следовательно, брался у иноплеменного населения, т.е. за границами земли победителей, то полюдье выступает актом какого-то соглашения и в качестве дара, предоставляемого князю обитателями того княжества, где он являлся управителем.

Думается, нет достаточных оснований зачислить полюдье

¹ ПСРЛ, т. I, стб. 408 - 409.

² См.: ПСРЛ, т. I, стб. 386; НПЛ, стр. 43, 236.

³ Л.В.Черепнин. Из истории формирования класса феодально зависимого крестьянства на Руси. «Исторические записки», т. 56, 1956, стр. 236 - 237; Его же. Русь. Спорные вопросы ..., стр. 168 - 170.

в разряд феодальных повинностей. Полюдье и разные дары — древнейшие сборы, продержавшиеся в виде пережитков далекой старины вплоть до времен сложившегося феодализма.¹ Еще дальше, чем полюдье, от феодальных платежей стоит дань, изучавшаяся выше. По своему экономическому существу она заметно отличается от ренты продуктами. На протяжении IX—X вв. дань была одним из видов военного грабежа, ничего общего не имеющего с феодальной эксплуатацией.²

Дань-контрибуция сохраняется и позже. Из суммы известий, приуроченных к XI - XII вв., вытекает, что дань в значении «примучиваний» - явление нередкое. При этом она по-прежнему собирается за пределами территории победителя (с касогов, югры, чуди, ятвягов). Дань, доставлявшаяся инородческими племенами древнерусским князьям и их воинам, легко сопоставляется с ясаком, который приносили народы Сибири, покоренные Москвой в XVI - XVII вв. Отдельные советские историки не без основания усматривали в даях прообраз сибирского ясака.³

¹ См.: Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV - начало XVI в. Л., 1971, стр. 60 - 65.

² Иначе думает О.М.Рапов. Дань, уплачиваемая Киеву побежденными восточнославянскими племенами, приравнивается им к земельной ренте. Автор перечислил несколько признаков, позволивших ему отождествить дань с феодальной рентой: «1) верховный земельный собственник — Киевское государство (фактически — киевский князь); 2) регулярность взимания, установленная «уставами» и «уроками»; 3) наличие определенных фиксированных площадей, с которых происходило взимание; 4) сбор ренты производится с помощью внеэкономического принуждения, которое выражалось в изъятии дани вооруженными отрядами княжеских дружинников». (О.М.Рапов. К вопросу о земельной ренте в Древней Руси в домонгольский период. «Вестник МГУ. История», 1968, № 1, стр. 61). Проверку основательности выдвинутых О.М.Раповым положений осуществил А.Л.Шапиро. Он показал их бездоказательность (А.Л.Шапиро. О природе феодальной собственности на землю. «Вопросы истории», 1969, № 12, стр. 69).

³ С.В.Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 2. М., 1955, стр.52; Н.Н.Воронин. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. «Краеведческие записки», вып.4. Ярославль, 1960, стр.77. «Ясак — по преимуществу дань,

Уподобление дани ясаку еще раз убеждает, что дань в наших примерах и феодальная рента — понятия далеко не тождественные. Данью обязаны лишь покоренные народы, а свободное население древнерусских земель-княжеств даннического тягла не несло. Когда киевский князь Святополк в 1093 г. решал, выступить ли против половцев или вершить с ними мир, наиболее трезвые головы советовали ему: «Аще бы их (воинов-отроков. - И.Ф.) пристроил и 8 тысяч, не лихоты есть: наша земля оскудела от рати и от продаж». ¹ При значительной интенсивности даннических отношений внутри княжества вряд ли дань выпала бы из поля зрения «смыслених», кивавших на рать и продажи как причины оскудения Киевской земли. О том, что отсутствие упоминания дани в подобной ситуации — дело не случайное, показывает еще одна летописная заметка, помеченная 1176 г. «Сядящема Ростиславичема в княженьи земля Ростовская, раздаяла бяста по городом посадничьство Руським дедычким. Они же многу тяготу людем сим створиша продажами и вирами. А сама князя молодца бяста, слушаю боляр, а боляре учахуть я на многое имение». ² Не менее красноречив отрывок из введения к Начальному летописному своду конца XI в., отразивший номенклатуру повинностей, налагаемых князьями на свободных жителей. Здесь снова фигурируют «творимые» виры и продажи, а о дани не обронено ни слова. ³

Источники XI — XII вв., помогающие вникнуть в существо

которую платят покоренные победителю; он является поэтому признаком подданства и сопряжен с понятием чего-то позорящего» — так определял ясак С.В.Бахрушин (Указ.соч., стр. 49 - 50). Примерно также о древнерусской дани писал И.Ф.Г.Эверс: «только одни побежденные народы платят дань; взимаемая с них дань или подать есть цена, которою они откупаются от рабства...посему в древние времена всякий налог, всякая подать считались чем-то позорным». — И.Ф. Г.Эверс. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб., 1835, стр. 40. ¹ ПВЛ, I, стр. 143.

² ПСРЛ, т. I, стб. 374 - 375.

³ НПЛ, стр. 103-104.

даннических связей, несут в себе черты, отсутствующие в памятниках, рассказывающих о событиях IX - X столетий. Персонификация данников — одна из этих черт; данник теперь называется смердом. ¹ Кем же был древнерусский смерд?

* * *

Самая ранняя информация о смердах имеется в «Истории Российской» В.Н.Татищева, где говорится о договоре 1006 г. князя Владимира с волжскими болгарами, по которому болгарским купцам запрещалось торговать с огневщиной и смердами, живущими в селах. ² Поскольку доверие к татищевскому известию подорвано С.Л.Пештичем, ³ обратимся к источнику, не вызывающему ни у кого сомнений, — сообщению Новгородской Первой летописи, обозначенному 1016 г.: «...Ярослав иде к Киеву, седе на столе отца своего Володимира; и абие нача вой свои делите, старостам по 10 гривен, а смердом по гривне, а новгородцем по 10 гривен всем, и отпусти их всех домов...». ⁴ Значит, тариф на услуги смердов был наиболее низким и служба их оплачивалась в десять раз меньше, чем тот же ратный труд обыкновенного новгородца, что, видимо, свидетельствует о смердах как о людях, социально неполноценном. ⁵ С.А.Покровский видит в данном летописном тексте подтверждение своей мысли о смердах — свободном крестьянстве Древней Руси. ⁶ Но вся сложность в том, что летописец не дает ответа на вопрос, являлись ли упоминаемые им смерды

¹ См.: ПВЛ, ч. I, стр. 117; НГО1, стр. 221, 232, 274; ПСРЛ, т. IV, стр. 336; ПСРЛ, т. V, стр. 44 - 45.

² В.Н.Татищев. История Российская, т. II. М.-Л., 1963, стр. 69.

³ С.Л.Пештич. О «договоре» Владимира с волжскими болгарами 1006 года. «Исторические записки», т. 18, 1946; Его же. Историография XVIII века, ч. II, Л., 1965, стр. 160 - 163.

⁴ НПЛ, стр. 175.

⁵ А.А.Зимин. О смердах Древней Руси XI - начала XII в. «Историко-археологический сборник», М, 1962, стр. 227.

⁶ С.А.Покровский. Общественный строй ..., стр. 123.

представителями древнерусского общества. Ведь не исключено, что они олицетворяли собой союзные Ярославу иноплеменные племена, которые никакого отношения к сельскому населению Киевской Руси как таковой не имели. Поэтому С.А. Покровский поступает несколько опрометчиво, настаивая на своем толковании летописи.

После мимоходом брошенной «новгородским историографом» фразы о смердах памятники молчат о них пятьдесят с лишним лет и только в 1071 г. они появляются на далеком Белоозере. Повесть временных лет сообщает: «В се же время приключися прити от Святослава дань емлющи Яневи, сыну Вышатину; поведаша ему белоозерци, яко два кудесника избила уже многы жены по Волъзе и по Шексне, и пришла еста семо. Ян же, испытав, чья еста смерда, и ведев, яко своего князя, послав к ним, иже около ею суть, рече им: «Выдайте волхва та семо, яко смерда еста моя и моего князя». Они же сего не послуша». Смерды здесь - жители запредельных по отношению к Черниговскому княжеству земель, обязанные данью Святославу. Их этническая принадлежность, по всей видимости, не славянская, так как обряды, которыми они сопровождали свои проделки над «лучшими женами», живо напоминают мордовский ритуал - обстоятельство, отмеченное в исторической литературе. Сквозь туман легенды о начале города Ярославля выступают сходные обстоятельства. Ярослав Мудрый побеждает язычников, живущих в селище Медвежий угол, расположенном на берегу Волги и Которосли, и собирает у них дань. Сбор ее не был единовременным: Ярослав вновь приезжает за данью к «поганым».³ Е.И. Горюнова считает по-

¹ пвл, ч. I, стр. 117.

² См.: М.К.Любавский. Историческая география. 1909, стр. 121 - 122; В.В.Мавродин. К вопросу о восстаниях смердов. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 6, стр. 79; Его же. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971, стр. 91-92.

³ Краеведческие записки, вып. 4. Ярославль, 1960, стр. 90-93.

следних мерей. ' Можно думать, что население Медвежьего угла, побежденное Ярославом, превращалось в смердов, платящих дань киевскому князю. В «Повести о водворении христианства в Муроме» находим аналогичные факты.

Дознание Яна Вышатича насчет принадлежности смердов натолкнуло С.Н. Чернова на вполне правдоподобную идею о существовании смердов, неподведомственных Святославу черниговскому и находящихся в зависимости от какого-либо другого князя или Новгорода Великого. Догадка С.Н. Чернова о разделе «сфер влияния» и властвования над смердами между древнерусским князем находит полное обоснование в описаниях новгородского хрониста: «Иде Даньслав Лазутиниць за Волок даньником с дружиною своею, и присла Андреи полк свои на нех, и бишася с ними, и бяше новгородец 400, а суздальец 7000; и пособи бог новгородцем, и паде их 300 и 1000, а новгородцов 15 мужь, и отступиша новгородци, и опять ся воротивше, взяша всю дань, а на суздальских смердах другую, и приидоша вси здрави».⁴ Приведенный рассказ интересен не только отражением соперничества из-за даней, но и тем, что под смердами здесь разумеются иноплеменные племена, живущие на территории, не входящей в состав древнерусских земель-княжеств. Итак, смерды тут, как и в прошлых примерах, - неславянские племена, покоренные и обложенные данью. Именно о таких смердах идет речь в Новгородской летописи под 1193 г., когда состоялся поход новгородцев на Югру, которая сама себя отрекомендовала смердами-данниками. Все это свидетельствует о существовании смердов в XI - XII вв., бывших «примученными» племенами неславянского, как пра-

¹ Е.И.Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. М., 1961, стр. 147.

² Памятники старинной русской литературы, вып. 1. СПб., 1860, стр. 229-231.

³ С.Н.Чернов. О смердах Руси X - XIII вв. «Академия наук СССР - академику Н.Я.Марру». М.-Л., 1935, стр. 770.

⁴ НПЛ, стр. 33,221.

⁵ Там же, стр. 40, 232

вило, происхождения. В исторических источниках они начинают фигурировать с конца XI в. Это - условно говоря, «внешние смерды». Их главная обязанность - плата дани. «Внешние смерды» не являлись частью населения княжества-государства, обложившего их данью. Вот почему эта дань являлась не феодальной рентой, а своеобразной контрибуцией. Отсюда ясно, что названных смердов нельзя толковать как феодально зависимых. Это - свободный люд, объединявшийся в общины. Поскольку же «внешние смерды» не входили в состав древнерусского общества, то их свобода не может быть использована для характеристики внутренних социально-экономических связей в Древней Руси. Но источники сохранили память о смердах, живущих на территории древнерусских земель-княжеств. Они размещались по всей Руси: в Киевской «волости», Галицкой Руси, Ростово-Суздальском крае, на землях Новгорода Великого.¹

Источники часто ставят их на одну доску с холопами.² Не случайно новейший исследователь смердов пишет: «Летопись, как и Русская Правда, свидетельствуют о близости по своему положению смердов и холопов».³ Заклучая о близости статуса холопов (рабов) и смердов, мы отнюдь не должны отождествлять их, ибо памятники, с одной стороны, уравнивают холопа и смерда, с другой же, - разделяют.

Зависимое состояние смердов отразилось в ст.90 Пространной Правды, говорящей насчет наследства смердов. О

¹ См.: ПВЛ, ч. 1, стр. 163, 181, 183; ПСРЛ, т. II, стб. 497, 739, 797; НПЛ, стб. 68, 274

² ПВЛ, ч. I, стр. 181; ПСРЛ, т. 10, стр. 2; Правда Русская, т. I, стр. 72; Патерик Киево-Печерского монастыря. СПб., 1911, стр. 230.

³ Л.В.Черепнин. Из истории формирования ..., стр. 249. В аналогичном смысле говорит и А.А.Зимин. - А.А.Зимин. О смердах Древней Руси ..., стр. 226.

⁴ Правда Русская, т. I, стр. 114 (С.А.Покровский против такого толкования ст. 90 Пространной Правды, утверждая, будто данная статья не позволяет говорить о зависимости смерда от князя. Однако в другом месте он высказывается о зависимости смерда-общинника, выразившейся «в праве

зависимых смердах идет речь и в грамоте Великого князя Изяслава Мстиславича новгородскому Пантелеймонову монастырю: витославицкие смерды потеряли право распоряжаться своею судьбой и пребывают под безусловным контролем владельца.¹

В устах свободного человека слово «смерд» имело презрительный, оскорбительный для чести оттенок. Племя смердые - все равно, что смердые отродье.³ Бранное значение слова «смерд» держалось долго: новгородский архиепископ Геннадий сына попа Самсонки, еретика, обругал «смердом», а раздраженный Василий III кричал боярину И.Н. Беклемишеву: «пойди, смерд, прочь, не надобен ми еси».⁵ Для рассказчика, сообщающего подробности присоединения Новгорода к Москве, смерд и скот - взаимобратимые понятия: «... и еще наи-моваху злых тех смердов, убийц, шилников и прочих безыменитых мужиков, иже скотом подобии суть...».⁶

Зависимое положение смердов подводит к мысли о смердах как части сельского населения Древней Руси, а не его совокупности. Еще в конце XIV века смерды несколько противопоставляются другим крестьянам. В «ободной грамоте» 1375 г. читаем: «Се докончаша мир в мир с челмужским боярином з Григорьем Семеновичем и се его детми... староста Вымоченского погосту Артемий, прозвищем Оря, со всем племянем да шунские смерды Иван Герасимов да Василей,

захвата наследия смерда, умершего без сыновей». - С.А.Покровский. Общественный строй ..., стр. 103,114).

¹ В.И.Корецкий. Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича Новгородскому Пантелеймонову монастырю. «Исторический архив», 1955, № 5, стр. 204.

² ПСРЛ, т. 28, стр. 19,174; ПВЛ, ч. 1, стр. 150.

³ ПСРЛ, т. 2, стр. 790; См.также: Б.А.Романов. Люди и нравы ..., стр.

92.

⁴ Памятники древнерусского канонического права, ч. I. СПб., 1908, стр. 781. См. также: Л.В.Черепнин. Из истории формирования ..., стр. 251.

⁵ ААЭ, т. 1, №172, стр. 143. ⁶ ПСРЛ, т. 25, стр. 285.

прозвищем Стоивор Глебов, да Игнатей, прозвищем Игоча, да Осафей Перфильевы дети, да и вси шунжане ... мир взяли и межу в Челмужском погосте урядили...»¹

Сравнительно недавно с обоснованием тезиса о смердах как о свободном сельском населении Древней Руси выступили С.А.Покровский и М.Б. Свердлов. Прав Л.В.Черепнин, когда пишет: «Мало что прибавляют к нашим представлениям о смердах рассуждения С.А.Покровского. Они очень нечетки и противоречивы».² Действительно, потратив уйму энергии, чтобы опровергнуть своих противников и доказать свободное положение древнерусских смердов, автор неожиданно заявляет: «Значит ли, что смерды общинники XI - XII вв. не были зависимы от феодалов? Нет, эта зависимость имела место. Она выражалась в обязанности платить дань, в узурпированном князьями праве верховной собственности на землю и захвате ими важнейших угодий, в передаче права сбора даней и судебных штрафов, а значит, и права суда боярам и монастырям, все ту же затягивавших петлю зависимости, в праве захвата наследия смердов, умершего без сыновей».³ Видимо, С.А. Покровский сам еще не вполне разобрался в сущности вопроса о смердах, чем и объясняются внутренние противоречия, имеющиеся в его работе. Столь же противоречивы и выводы М.Б. Свердлова. Обращаясь к грамоте Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю, он пишет: «Одним постановлением смерды передаются монастырю, на новое владение дается иммунитет, и смерды оказываются в феодальной зависимости от своего господина». Этим автор подорвал свой собственный взгляд на смердов - свободных крестьян XI - XII вв. Итак, ни С.А. Покровскому, ни М.Б. Свердлову не удалось оп-

¹ Грамоты В.Н. и П., стр. 285. См. также: С.В.Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М, 1949, стр. 288.

² Л.В.Черепнин. Русь. Спорные вопросы ..., стр. 182.

³ С.А.Покровский. Общественный строй ..., стр. 114.

⁴ М.Б.Свердлов. Смерды в Древней Руси. «История СССР», 1970, № 5, стр. 72.

ровергнуть представления о смердах как особой категории зависимого населения Древней Руси.

В качестве подсобного материала, подтверждающего предположение, согласно которому смерды являли собой отдельную группу русского общества, не покрывавшую все сельское население Руси XI - XII вв., можно привлечь топонимические данные. Если бы термин «смерд» обозначал крестьян в целом, то выделять (равно обозначать) волость Смерда,¹ деревню Смердяково,² деревню Смердыня,³ Смерды места, Смердий наволоок, Смердьёво озеро, Смердьё речку⁷ не имело бы смысла. Только определенная локальность смердов вызвала потребность привязать их к той или иной местности.

Местное свободное население Древней Руси, как мы знаем, дани своим князьям не платило. Не взималась дань и с зависимых людей туземного происхождения, таких, как закупы, изгои и им подобные. О смердах же памятники говорят как о плательщиках дани.⁹ Отсюда, по крайней мере, следуют два вывода: 1) смерды - люди зависимые; 2) они - выходцы не из местных жителей, а взяты со стороны. Последний вывод влечет к заключению, что смерды - это бывшие пленники.¹⁰

¹ Новгородские писцовые книги, т. 1, стр. 160.

² Там же, стр. 310.

³ Новгородские писцовые книги, т. 3, стр. 392. См. также: Л.В.Черепнин. Из истории формирования ..., стр. 248.

⁴ РИБ, т. XIV, стб. 54 - 56, 59.

⁵ Там же, стб. 38.

⁶ Там же, стб. 10, 11.

⁷ Там же, стб. И.

⁸ С.А.Покровский возражает нам в том смысле, что «наряду со Смердыми воротами (в Пскове) была и Крестьянская застава (в Москве)». - С.А.Покровский. Общественный строй..., стр. 124. Но суть проблемы не в городских воротах и заставе, а в наименованиях, встречаемых в сельской местности, среди поселений сельского люда. В последнем случае топонимические названия с корнем «смерд» имеют вполне определенный характер, выделяющий смердов среди остального сельского населения.

⁹ ПСРЛ, т. V, стр. 45; НПЛ, стр. 274; Грамоты ВНП, стр. 26.

¹⁰ См. подробнее: И.Я.Фроянов. Смерды в Киевской Руси. «Вестник

Мысль о смердах-пленниках, посаженных на землю, уже выдвигалась исследователями, но в самой общей и отвлеченной форме. В. Лешков, например, высказал предположение о смердах в качестве военнопленных, поселенных на землях князя и казны.¹ «В дотатарский период, - говорил Н.И. Костомаров, - смерд был что-то среднее между свободным и рабом. Нам кажется всего вероятнее, что смерды возникли из военнопленных, которых князья селили на своих землях».²

На Руси X - XII вв. пленники именовались челядью. Смерды, следовательно, - это челядь, посаженная на землю. В летописях примерно с XI в., т.е. со времени появления в источниках термина «смерд», повествуется о массовых перегонах пленников.³ Совсем не случайно на Руси ходила поговорка: «Зле, Романе, робишь, что литвином орешь».

Нельзя, разумеется, думать, что положение челяди и смердов (экс-челяди) было одинаковым. Статус челяди, находившейся в частных руках, и смердов (челяди), поселенных на государственных землях, во многом не совпадал. Смерды, в отличие от частновладельческой челяди, имели собственное хозяйство. При наличии сыновей они могли завещать им свое имущество. Смерды платили князю «продажу», что поднимало их над остальной массой рабов. Здесь мы наблюдаем примерно то же, что встречалось в истории других стран. В Римской империи, например, государственные рабы управляли своим имуществом, их обязательства продажи, дарения считались юридически законными.⁴ Словом, они находились в том же положении, что и отпущенники частных лиц.⁵

Наделение смердов некоторыми прерогативами, по срав-

ЛГУ», 1966, №2.

¹ В. Лешков. Русский народ и государство. М, 1858, стр. 156 - 157.

² Н.И. Костомаров. Монографии и исследования, кн. V. СПб., 1905, стр. 37.

³ ПВЛ, ч. I, стр. 101; ПСРЛ, т. II стб. 240, 283; НПЛ, стр. 28, 214.

⁴ Е.М. Штаерман, М.К. Трофимова. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи. М., 1971, стр. 136. ⁵ Там же.

нению с обычной челядью, объясняется прежде всего обязанностями, которые лежали на них. Так, пленников древнерусские князья использовали для защиты границ.¹ Смерды поставляли лошадей, необходимых для организации походов против «дикого поля».² Смерды, наконец, «давали» дань, вливавшуюся в государственный бюджет. Вот почему переселение пленников являлось событием государственного значения.³

В своем первоначальном значении «внутренние смерды», стало быть, - это государственные рабы, возникновение которых связано с поселением пленников (челяди) на государственных землях. Со временем князья как представители государства стали передавать власть над ними в руки частных лиц и духовных корпораций, подтверждением чего служит известная грамота Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю. Возможно и то, что князья, злоупотребляя своим положением, переводили смердов в состав работников собственного хозяйства. Шло формирование частновладельческих смердов. Первоначально однородная масса смердов раскалывалась на группы, находящиеся в более тесной и непосредственной связи с вотчинниками: князьями, монастырями и, возможно, другими господами.⁴

Если государственных смердов, весьма сходных с рабами фиска Западной Европы, нельзя относить к феодально зависимому люду, то некоторую часть владельческих можно рассматривать как одну из первых групп крепостных в России. Во всяком случае, есть основания предполагать, что эволюция государственных смердов в обстановке снижения социального статуса рядовой массы свободного населения, окончательно сложившейся в послемонгольский период, и постепенного

ПВЛ, ч. I, стр. 101.

² Б.А. Романов. Смердий конь и смерд (В летописи и Русской Правде). «ИОРЯС АН», т. XIII, кн. 3, СПб, 1908, стр. 18.

³ ПСРЛ, т. II, стб. 240, 283.

⁴ См.: Л.В. Черепнин. Из истории формирования ..., стр. 247, 249.

вхождения иноязычных племен в состав населения Руси шла по линии слияния этих смердов со свободным крестьянством,¹ а эволюция частновладельческих смердов вела, безусловно, в феодальную неволю. Последний процесс проходил значительно скорее и ближайшие результаты его ощутимы уже в Киевской Руси, чего нельзя сказать о первом.

Таким образом, история древних смердов развивается по нескольким, доступным для изучения этапам. Появление термина «смерд» связано с межплеменной борьбой. Сначала смерды выступают в роли покоренных племен, обложенных данью, которая не была феодальной рентой, а являлась самым распространенным по тому времени видом грабежа. Для XI - XII вв. такие смерды - обычное явление. Однако в состав населения Древней Руси они не входили. Это, говоря условно, - «внешние смерды».

Затем появляются «внутренние смерды», живущие на территории собственно древнерусских княжеств, несущие всякого рода повинности государству, главной из которых была уплата дани. Они происходили от пленников (челяди), поселенных на государственных землях.

Дальнейшая эволюция «внутренних смердов» идет путем формирования следующих групп: смерды государственные и владельческие (княжеские и монастырские). Мы не рискнули бы полностью отождествлять дань, которую платили государственные смерды, с феодальной рентой. Что касается характе-

¹ В этой связи весьма показательна «мировая» о размежевании земель в Челмужском погосте Обонежя. «Се докончаша мир в мир, — говориться в документе, - с челмужским боярином з Григорьем Семеновичем и со его детьми, с Обакуном и Савелием, староста Вымоченского погосту Артемеи, прозвищем Оря, со всем племянем, да шунския смерды Иван Герасимов да Василеи, прозвищем Стоивор Глебов, да Игнатеи, прозвище Игоча, да Осафеи Перфильевы дети, да вси шунжане, и вси толвыяне, и вси кузарандцы, и вси вымоченцы з Григорьем и с его детми мир взяли и межу в Челмужском погосте урядили» (Грамоты ВНП, стр. 285). Как видно из грамоты, шунгские смерды, хотя и выделяются, но мало чем отличаются от остальных общинников-крестьян.

ра дани отдельных групп частновладельческих смердов, то мы можем уподоблять ее земельной ренте.

Смерды государственные, княжеские и монастырские, а также, вероятно, других вотчинников составляли категорию смердов на Руси конца XI - XII вв. Поэтому слово «смерд» обозначало не в целом сельское население, а зависимый разряд его.

Итак, есть основания говорить о существовании в XI-XII вв., с одной стороны, смердов «свободных», представляющих собой покоренные племена, обязанные данью, с другой стороны, - зависимых, сидящих на государственной земле и отправляющих повинности по отношению к государству и частным лицам, если последние получили на то право. s

III. Закупы

Вопрос о закупках Б.Д. Греков называл одним из самых беспокойных в историографии Киевской Руси.¹ Письменные памятники, содержащие термин «закуп», весьма малочисленны. В летописях этот термин не встречается.² О закупках приходится судить лишь по тому материалу, который имеется в Пространной Правде - главном и основном источнике в изучении закупничества.³ Наличие специального законодательства о закупках, объединенного в так называемом «Уставе о закупках», склоняет к выводу о значительном распространении закупничества, его существенной роли в жизни барского подворья XII в.⁴

¹ Б.Д. Греков. Киевская Русь, стр. 195.

² М.Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде, стр. 206.

³ И.И. Смирнов. Очерки ..., стр. 230.

⁴ Там же, стр. 281; Л.В. Черепнин. Из истории формирования класса феодально-зависимого крестьянства на Руси. «Исторические записки», т. 56, 1956, стр. 252.

Закуп Русской Правды выступает с определенными социально-экономическими признаками. Прежде чем разбираться в существе их, уясним, кем был закуп до оформления отношений закупничества. В нашей литературе указывалось, что закуп - это недавний смерд, т.е. свободный крестьянин-общинник, разоренный и лишенный средств производства, экономической необходимостью вынужденный искать «защиты» и «покровительства» у господина.¹ Но данное утверждение нельзя признать удовлетворительным, поскольку оно не вносит достаточной ясности в предзакупное положение бывшего общинника. На самом деле, в какой мере разорен крестьянин, — настолько ли, что он и в пошатнувшемся состоянии все же сохраняет крестьянский социально-экономический статус непосредственного производителя, или же в своем обеднении проходит полный фазис «раскрестьянивания»? Это - вопрос принципиального значения. «Устав о закупах» позволяет решить его.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что закуп запечатлен в Русской Правде полностью утратившим всякую связь с крестьянской общиной, членом которой он, по всей видимости, был раньше; во всем «Уложении о закупах» нет ни малейшего намека на какой-нибудь контакт закупа с общиной. Он фигурирует здесь единственно по отношению к господину. Следовательно, закуп до того, как стал таковым, выпал из крестьянской общины и потерял ее окончательно. Каково было его имущественное положение в этот момент? Обратимся к Пространной Правде. Ст. 57 показывает, что господин снабжал закупа инвентарем («но еже дал ему господин плуг и борону»). Закуп, как явствует из той же статьи, пользуется конем. «Войский» ли это конь,² либо «свой-

¹См.: Б.Д.Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, кн. 1. М, 1952, стр. 180.

²Н.Ланге. Исследование об уголовном праве Русской Правды. «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России», кн. 1-6, 1859-1860, стр. 189; Н.Хлебников. Общество и государство в домонгольский период

ский»¹ - для нашей цели безразлично. Главное заключается в том, что большинство историков, особенно советских, правильно, как представляется, считают: закуп не имел собственного коня, а получал его от господина уже после заключения сделки о закупничестве.

Таким образом, ст. 5 7 Пространной Правды свидетельствует, что человек, решившийся определиться в закупы, приходит к господину без коня и сельскохозяйственного инвентаря, в нашем эпизоде - без плуга и бороны. Остается навести справки насчет обеспеченности «наймита» землей. Прямых указаний Русская Правда тут не дает. Но если под «отарицей» ст.59 видеть землю, то положение не так безнадежно. Из различных суждений об «отарице» Б.Д.Греков остановился на том, которое, разумея под «отарицей» земельный участок, относит его к собственности господина.³ Такое толкование «отарицы» неизбежно ведет к выводу: идущий в закупы лишен не только рабочего скота и инвентаря, но и необходимейшего условия производства - земли.⁴ Ес-

русской истории. СПб., 1872, стр.243; Н.Максимейко. Закупы Русской Правды.- Наукові записки науково-дослідчої катедри історії української культури, № 6, 1927, стр.30; С.В.Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.-Л., 1939, стр. 75-80; М.К.Тихомиров. Пособие для изучения Русской Правды. Изд. МГУ, 1953, стр. 99.

¹ Н.П.Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910, стр. 227 (прим.); П.А.Аргунов. К пересмотру построений закупничества. «Уч. зап. Саратовского ун-та», т. 6, вып. 4, 1927, стр. 73; Б.Д.Греков. Крестьяне на Руси ..., стр. 176-177.

² Б.Д.Греков. Крестьяне на Руси..., стр. 175; П.А.Аргунов. К пересмотру..., стр. 73; И.К.Смирнов. Очерки ..., стр. 288, 346; С.В.Юшков. Очерки..., стр. 79; Памятники права Киевского государства X - XII вв. Составитель А.А.Зимин. М., 1952, стр. 165.

³ Б.Д.Греков. Крестьяне на Руси..., стр.177 (В.О.Ключевский сближал «отарицу» с рабским «пекулием»-В.О.Ключевский. Соч., т.III. М., 1957, стр.182.).

⁴ Правильную экономическую аттестацию дал закупу И.Кулишер. «Ролейные закупы,- пишет он,- люди бедные, ни земли, ни плуга, ни бороны они не имеют. Они живут в дворе господина, работают на него его скотом и инструментами, получают лишь в выдел, в неполную собственность лошадь и некоторую часть другого имущества господина».- И.Кулишер. Из истории крестьянского труда в Древней Руси. «Архив истории труда в России», кн.10. Пг., 1923, стр.106.

ли же ставить вопрос теоретически, т.е. попытаться взглянуть на принимающего обязанности закупничества с точки зрения отношения к собственности, станет ясно, что его экономическая характеристика ничего общего с социально-экономическим статусом крестьянина не имеет. Но полностью лишенный средств производства, он, впрочем, сохраняет личную свободу. Следовательно, в лице люда, поступающего в закупы, исследователь имеет дело с *деклассированной* частью древнерусского общества. Далеко не безупречной посему выглядит мысль И.И. Смирнова: «Земельная основа "старицы" -то, что "старица" в своей основе являлась "рольей" - пашней закупа, обрабатываемой им на себя (пусть господским конем и даже нередко (!) плугом и бороной, данными закупу господином), означала, что экономически закуп *сохранял свое крестьянство, оставался в своей основе крестьянином* (курсив наш. — И.Ф.), смердом, хотя уже и закабаленным смердом».¹ Утверждая, что закуп сохраняет крестьянство и остается в своей основе крестьянином, пусть и закабаленным, автор тем самым теряет из вида промежуточное положение между прежним крестьянством и закупничеством, которое пережил закуп до своего прихода к господину. Это упущение действует в ущерб историзму закупнических отношений в целом, так как «людин», рядясь в закупы, *не сохраняет* былого состояния крестьянина в социально-экономическом значении термина, а вновь *приобретает* его, но уже на другой основе и со смыслом иного качества - резким ограничением свободы.

Тяжкое положение кандидата в закупы восстанавливается по памятнику «16 слов Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского». Древнерусский переводчик «Толкований», стремясь сделать понятным перевод для читателя, явления из греческой жизни воспроизводил в образах, почерпнутых из русской действительности, вследствие чего проявлялся не только греческий прототип, но и рельефнее выступал древ-

¹ И.И.Смирнов. Очерки ..., стр. 356.

нерусский аналог. Никита рассказывает о некоем Григории Каппадокийце: «И закуп бысть Еорий прежде убо продав свои закон наймит (наемник) бысть пища ради...»¹ Фраза «наймит бысть пища ради» почему-то осталась вне поля зрения советских исследователей. А она недвусмысленно говорит, что переводчик службу в закупах связывал с поисками пропитания, намекая этим на крайнюю нужду, претерпеваемую будущим закупом.² Итак, людской резерв закупничества - «люмпен-пролетариат» на русской почве. Это в свою очередь означает, что свободный человек, скажем крестьянин-общинник, перед походом в закупы полностью разоряется, теряя прежний социально-экономический вид крестьянина, и деградирует до деклассированного положения, откуда ищет выхода и находит его в закупничестве. Следующий этап личной хроники нашего «мужа» - знакомство с господином и процедура оформления отношений закупничества.

По И.И.Смирнову, «господин закупа выступает наделенным наиболее явными социальными качествами феодала», под которыми автор понимает прежде всего то, что «господин закупа обладает в отношении его определенными правами судебного иммунитета».³ Здесь же И.И.Смирнов обращается к С.Б.Веселовскому, исследовавшему якобы эту сторону в отношениях закупы с господином и пришедшему к выводу о наличии у господина прав судебного иммунитета.⁴ Действительно, С.Б.Веселовский писал: «...закуп в делах с посторонними

¹ И.И.Лковкин. Закупы Русской Правды. «ЖМНПросв.», 1913, май, стр. 104.

² Большой интерес в связи с этим представляет наблюдение Л.В.Черепнина, который, анализируя берестяную грамоту № 191, содержащую термин «наим», заключает: «Очевидно, имеется в виду хлебная ссуда (отсюда название в Русской Правде закупы "наймитом")». См.: Л.В.Черепнин. Новые документы о классовой борьбе в Новгородской земле в XIV - первой половине XV в. В кн.: Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Л., 1967, стр. 45.

³ И.И.Смирнов. Очерки ..., стр. 282.

⁴ Там же, стр. 282, 283.

был неподсуден княжескому суду — за него выступал господин ... господин имел над ним большую дисциплинарную власть».¹ Но ведь тот же исследователь недвусмысленно говорит о том, что «в области суда, поскольку дело касалось посторонних лиц, закуп занимал такое же место, как и раб».² И наконец, самое главное: «Закупничество, как и рабство, устанавливало личные отношения, но поскольку господин был одновременно землевладельцем, оно является второй предпосылкой происхождения судебного иммунитета земледельцев».³ Как явствует из текста, С.Б.Веселовский устанавливает предпосылки возникновения судебного иммунитета, вскрывает его предысторию, но вывода насчет того, что господин из Устава о закупах располагал им, не дает. Вероятно, И.И.Смирнов в результате какого-то недоразумения столь своеобразно истолковал позицию С.Б.Веселовского.

Что касается заключения И.И.Смирнова о феодальном иммунитете господина по отношению к за купу, оно, на наш взгляд, выведено по формальному признаку, ибо ограничение судебных прав закупа в пользу господина еще не означает появления феодального иммунитета. Ведь неподсудность рабов княжескому суду и безоговорочная ответственность рабовладельцев за их преступления — общая норма судебной практики в Древней Руси. Значительное ущемление личных прав, ставящее закупа на тонкую грань между свободой и рабством,⁴ позволяло переносить на закупа рабовладельческие порядки. Но их применение не было полным, поскольку закуп рядом черт отличался от полного холопа.

Русская Правда предусматривает случай, когда закуп «ко князю или к судиям бежить обиды для своего господина», и тут же предписывает: «про то не робять (работять) его, но дати

¹ С.Б.Веселовский. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926, стр. 13.

² Там же, стр. 12.

³ Там же, стр. 13.

⁴ Правда Русская. Учебное пособие. М.-Л., 1940, стр. 65.

ему правду». Возможность, предоставляемая за купу законом, жаловаться на господина ставит тезис о феодальном иммунитете последнего под весьма большое сомнение. Добавим к этому, что сам И.И.Смирнов фразу «искать кун» толкует как иск закупа о кунах, предъявляемый господину, а не как «путешествие в поисках кун».² Спрашивается, что это за феодальный иммунитет, когда его носитель собственным же слугой привлекается к суду. Тут И.И.Смирнов незаметно для себя вошел в противоречие с самим собой.

Некоторые советские историки, относя закупничество к формам феодальной зависимости, дают ему квалификацию в крепостническом ключе.³ Когда К.Маркс писал о крепостном праве, крепостной зависимости, он соединял ее с прикреплением непосредственного производителя к земле. В.И.Ленин по этому же поводу указывал: «Основной признак крепостного права в том, что крестьянство...считалось прикрепленным к земле, — отсюда произошло и самое понятие — крепостное право».⁵

Русская Правда не проронила ни слова о подобном прикреплении закупа. Вряд ли это простая случайность. Но допустим, закуп был все-таки прикреплен к земле. Тогда сразу же возникают несообразности. Прикрепление крестьянина является бессрчным, стало быть, и зависимость его не ограничивается каким-либо сроком. Закупничество же было срчным (ст.ст. 56, 61 Пр.Пр.). Зависимость закупа является прежде всего личной зависимостью, не связанной с прикреплением к земле.⁶ Поэтому рассуждать о закупничестве как проявлении крепостничества неправомерно. Правда, крепостная неволя

¹ Правда Русская, т. I, стр. 110 — 111.

² И.И.Смирнов. Очерки ..., стр. 316 - 318, 326.

³ См.: С.В.Юшков. Очерки..., стр. 67; А.А.Зимин. Холопы Древней Руси. «История СССР», 1965, стр. 68 - 69; № 6; ПРП, вып. 1, стр. 165.

⁴ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 25, ч. 2, стр. 354.

⁵ В.И.Ленин. Полн.собр.соч., т. 39, стр. 75 - 76.

⁶ Но и личная крепость закупа была срчной, что не вяжется с крепостническими порядками.

иногда сочеталась с отделением работника от земли, но это характерно для сравнительно позднего периода истории России, когда феодалы настолько подчинили крестьян (с помощью государства, разумеется), что могли распоряжаться их судьбой по своему произволу.

Нас не должна смущать известная хозяйственная самостоятельность закупа, ибо она сама по себе еще не разрешает проблемы. Вспомним хотя бы известия Тацита о германских рабах, распоряжавшихся самостоятельно в своем доме, в своем хозяйстве, поставлявших владельцам в виде оброка определенное количество хлеба, мелкого скота или одежды.¹ В этой связи А.И.Неусыхин замечает: «Реальное экономическое положение раба мало менялось и в тех случаях, когда он получал от своего господина — свободного общинника для обработки какой-нибудь небольшой участок, потому что он продолжал при этом оставаться в пределах домохозяйства своего господина и не превращался в обладателя надела и особого домохозяйства, хотя бы и зависимого от господина».²

Признавая за закупом хозяйственную самостоятельность, мы обязаны помнить о значительной ее условности. И.И.Смирнов удачно показал, в какой теснейшей связи находился закуп с господским двором, какой пассивностью был отмечен он в отношениях с господином.³ И.И.Смирнов не одинок. Еще раньше Н.А.Максимейко по этому поводу говорил: «Закупы жили во дворе хозяина на его кормах. Они не имели того, что необходимо для отдельного и самостоятельного хозяйства - ни лошадей, ни скота, ни плуга, ни бороны. Отарица закупа не составляла его собственности, а предоставлялась ему лишь в пользование на время состояния его в за-

купничестве». Далее Н.А.Максимейко замечает: «...у закупа, кроме господских работ, могло быть и "свое дело". Но это обстоятельство не делало его крестьянином в социально-экономическом значении этого слова. Земельная отарица закупа обрабатывалась хозяйским инвентарем. Она не имела ничего общего ни с крестьянской собственностью, ни с крестьянской арендой, а служила лишь своеобразным средством обеспечить закупу его продовольствие вместо того, чтобы кормить его на господской кухне, выдавать месячину и т.п.».²

Социально-экономическая принадлежность закупа должна определяться с точки зрения его отношения к собственности. Ранее мы установили, что у человека, оформляющегося в закупы, нет ни земли, ни инвентаря, ни рабочего скота. Только это предположение позволяет правильно понять замечание из «Толкований» Никиты Ираклийского, что закупом делаются «пища ради». Получая от господина все необходимое для работы, закуп, однако, не становился хозяином условий производства. В Уставе о закупках осязаемо прослеживается оторванность закупа от средств производства: он лишен даже того, что всегда являлось собственностью находящегося в феодальной зависимости крестьянина, т.е. сельскохозяйственного инвентаря и скота. Поэтому высказываться о крестьянстве закупа без больших натяжек попросту невозможно.

Одно из драгоценных свойств Устава о закупках заключается в том, что данный источник позволяет взглянуть на закупничество в плоскости его развития. Иными словами, Пространная Правда изображает закупа не только в границах отношений закупничества, но и за их чертой — в области сопредельных социальных категорий. Ст. 56 предусматривает случай бегства закупа от господина, повелевая «холопить» беглеца («аже закуп бежит от господы, то обель»). По ст. 64 проворовавшийся закуп отдается в обельные холопы («ему холоп обелный»). Это — казусы законного перевода в рабство. Но

¹ Древние германцы. Сб. документов. М., 1937, стр. 69.

² А.И.Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI - XIII вв. М., 1956, стр. 147.

³ И.И.Смирнов. Очерки ..., стр. 287.

¹ Н.А.Максимейко. Закупы Русской Правды, стр. 47.

² Там же.

бывало господин вопреки закону продавал закупа в холопы; тогда правда на стороне пострадавшего и он получает свободу («продать ли господин закупа обель, то наймиту свобода во всех кунах»). Господа, следовательно, явно заинтересованы в порабощении закупного человека. Эта психологическая деталь с поразительной тонкостью уловлена Б.А.Романовым: «Над всем перед составителем «Устава» висел вопрос, который на житейском языке господ можно формулировать так: «...неужели закуп так-таки сосем не холоп?» Ответ мы уже знаем: как только побежит - холоп тебе обельный».¹ Получается странная вещь: на Руси XI в., по мнению современных историков, землевладельцы усиленно сажают рабов (холопов) на землю, превращая их в крепостных, т.е. феодально зависимых, а последних (закупов) то и дело переводят в разряд рабов. Это противоречие с помощью привычных представлений о закупах снять не удастся. К счастью, есть источник, который облегчает задачу. Речь идет все о тех же «Толкованиях» Никиты Ираклийского по поводу 16 слов Григория Богослова в переводе на древнерусский язык. Единодушие ученых в вопросе о древности памятника укрепляет доверие к нему и делает драгоценным каждое свидетельство, относящееся к нашей теме.²

Русский книжник, переводя греческий оригинал, встретил там термин «*τῆς αἰσῆς*» именующий полураба. Подыскивая ему замену, переводчик остановился на слове «закуп».³ Греческий «полураб» стал древнерусским «закупом». Можно с полной уверенностью сказать, что современники смотрели на закупов как на полурабов. Такое толкование закупов позволяет

¹ Б.А.Романов. Люди и нравы ..., стр. 69.

² А.И.Соболевский. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. «ИОРЯС АН», т. 88, № 3, СПб., 1910; стр. 160, 169; А.Горский и К.Невоструев. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. второй, 2. М., 1859, стр. 73; В.Ягич. История сербо-хорватской литературы. Казань, 1871, стр. 93; И.П.Еремич. Литература Древней Руси (эпосы и характеристики). М.-Л., 1966, стр. 10.

И.И.Яковкин. Закупы Русской Правды. «ЖМНПросв.», 1913, май, стр. 104-106.

по-новому интерпретировать Устав о закупах. В Уставе закуп, по признанию специалистов, занимает промежуточную ступень между свободой и рабством.¹ Но с этим владельцы не хотели мириться, они цеплялись за малейший повод, чтобы столкнуть «закупного наймита» в обельное холопство. Свои вожеления им приходилось сдерживать перед угрозой общественных сил, боровшихся с порабощением местного населения. Ведь еще в эпоху антов обращение в рабство соплеменников запрещалось обычным правом, рабом мог быть только чужеземец. Однако запрет этот постепенно ослабевал, нарушался, находил выход в ограничении местного рабовладения. Законодательный регламент о закупах как раз и является одним из моментов такого ограничения. Конечно, полностью отменить внутреннее рабство не было сил. Но жизнь выработала компромиссные нормы: с одной стороны, ограничение холопства выражалось в регистрации законных источников прямого холопства (ст. НО Пр.Пр.), с другой - в создании промежуточных форм, каковым и было закупничество. Превращение полураба (закупа) в полного холопа — прогрессивное явление, если оценивать его с учетом развития рабства, которое в Киевской Руси еще далеко не исчерпало себя. Напротив, перевод в рабское состояние феодально зависимого человека, если таковым был закуп, - происшествие регрессивного свой-

¹ См.: А.Е.Пресняков. Княжое право в Древней Руси. СПб., 1909, стр. 299; Правда Русская. Учебное пособие, М.-Л., 1940, стр. 65.

² Последние работы Л.В.Черепнина, А.А.Зиминой, В.М.Панеяха, А.П.Пьянкова, Е.И.Колычевой убеждают в значительном распространении рабства в послекиевский период. - Л.В.Черепнин. Образование русского централизованного государства в XIV - XV вв. М., 1960, стр. 253 - 263; А.А.Зимин. Отпуск холопов на волю в Северо-Восточной Руси XIV - XV вв. В кн.: Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Сб. ст. памяти И.И.Смирнова. Л., 1967, стр. 55-71; В.М.Панеях. Кабальное холопство на Руси XVI в. Л., 1967, стр. 9 - 10; А.П.Пьянков. Холопство на Руси до образования централизованного государства. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965 г.» Изд-во МГУ, 1970, стр. 42,48; Е.И.Колычева. Холопство и крепостничество (конец XV - XVI вв.). М., 1971.

ства, которое вряд ли могло тогда стать типичным.

Итак, под закупами на Руси XII в. скрывались полурабы, а не феодально зависимые.¹ В своем положении закуп ближе к рабству, чем к свободе, хотя элементы ее окончательно не утрачены им. Русская Правда указывает не только на бытовую, но и на юридическую близость закупа и холопа. В литературе, впрочем, существует другое мнение. И.И.Смирнов специально подчеркивает, что исследователи не обратили должного внимания на одну деталь в экономических отношениях закупа с господином - экономическую дееспособность закупа. «Попав в отношения зависимости от господина, закуп в рамках этой зависимости, в отношениях с своим господином сохраняет способность полностью нести экономическую ответственность за свои действия. Этот момент чрезвычайно важен для понимания закупничества. Способность закупа нести экономическую ответственность за свои действия есть то, что коренным образом отличает закупа от холопа, кладет принципиальную грань между закупничеством и холопством. Вместе с тем совершенно очевидно, что предпосылкой, создающей возможность для закупа экономически отвечать за свои действия, является наличие у закупа какого-то собственного своего хозяйства».² И.И.Смирнов ссылается на ст.ст. 57 и 58, устанавливающие ответственность закупа за материальный ущерб, нанесенный господину, и сопоставляет их со ст.ст. 116-119

¹И.М.Кулишер говорил, что закуп - «нечто среднее между свободным человеком и несвободным, полусвободный, либерт, одним словом - полураб». - И.М.Кулишер. Из истории крестьянского труда в Древней Руси. «Архив истории труда в России», кн. 10, Пг., 1923, стр. 106. Советский исследователь М.В.Колганов (Собственность. Докапиталистические формации. М., 1962, стр. 353) полагает, что слово «закуп» обозначает «первоначально человека, продавшего себя в рабство, т.е. раба-должника». В зарубежной науке Г.Вернадский высказал гипотезу, согласно которой закупы, являясь фактически полурабами (half slaves), были скорее связаны с рабовладением, нежели с крепостничеством. - G.Vernadsky. *Kievan Russia*. New Haven, p. 168-169.

²И.И.Смирнов. Очерки ..., стр. 289.

Устава о холопах. Отсюда вывод: «...формулы, относящиеся к холопу, носят принципиально иной характер. Здесь ответственность за экономическую деятельность холопа несет не сам холоп, а его господин, обязанный холопа «выкупати» и не имеющий права отказаться от ответственности за действия холопа (а «не лишится его»). Таким образом, холопа «выкупает» его господин, а закуп сам «платит» своему господину».

Источниковедческая комбинация, предложенная И.И.Смирновым, вызывает возражения, ибо она подводит к общему знаменателю разнородные явления, несовместимые в данном варианте. И.И.Смирнов почему-то ограничивается обсуждением ст.ст. 57 и 58, упоминающих закупа только вкупе с господином.

Но «экономическая дееспособность» будет понята однобоко, если опустить ст. 64, берущую закупа по отношению к другим лицам: «О закупе. Аже закуп выведет что, то господин в немъ; но оже кде и налезуть то преди заплатитъ господин его конь

или что будеть ино взял, ему холоп обелный; и паки ли господин не хотети начнеть платити за нь, а продасть и, отдасть же переди или за конь, или за вол, или за товар, что будеть чюжего взял, а прок ему самому взяти себе». Статьи о холопах, привлекаемые И.И.Смирновым, рассматривают холопа прежде всего по отношению к третьим лицам, но не к господину, почему сравнение этих статей со ст. 57 и 58, упоминающими закупа только в связи с господином, неуместно. Ст. 116-119 ближе к цитированной ст.64, нежели к 57 и 58. Недаром ст. 64 предшествует текст о холопе с весьма сходным содержанием:

«Аже холоп обелный выведет конь чии либо, то платити за нь 2 гривны». С нашкодившим холопом господин волен поступить двояко: он либо платит за холопа и выкупает его (ст.ст. 63, 116, 117, 119, 120, 121), либо выдает его и расстается с ним (ст.ст. 116, 121). Выбор зависел от конкретной ситуации и настроения

господина. То же самое и с закупом: ответственность за выступления закупа, как предписыва-

Там же.

ет ст.64, несет господин, а правонарушитель выдается ему в обельные холопы. Но господину не возбраняется отказаться платить вместо закупа. Тогда «наймит» продается, и деньги, вырученные от продажи, идут в качестве компенсации истцу, а остаток — господину. Нетрудно обнаружить разительное сходство ст.64 с указанными статьями о холопах. Разница лишь в том, что холоп-раб выдается потерпевшему, а закуп-полураб продается, опускаясь тем самым до низшей социальной ступени - рабства.

Таким образом, принципиальную грань между закупничеством и холопством открыть не удастся. Напротив, Русская Правда подтверждает предположение о тесной связи закупничества с холопством, одновременно предупреждая и против отождествления этих институтов. Но позднейшие юристы туго воспринимали нюансы, отличавшие закупничество от холопства, и в святой простоте клеймили закупов холопством, а холопов закупничеством: «О закупе же. Иже холоп обильный вывести конь чии любо...А се о холопе. Иже закуп вывести что, то господин в нем».¹ Это и понятно, ибо в обществе со сложившимися классами довольно смутно припоминаются промежуточные социальные категории, свойственные эпохе становления классов.

Как же толковать экономическую ответственность закупа перед господином? Может быть, она объясняется наличием у закупа какого-то своего, собственного хозяйства? Видимо, нет. Ответственность закупа в отношениях с господином устанавливалась потому, что закупный человек не был обельным холопом и сохранял некоторые prerogatives свободного.

Если искать аналога закупу среди зависимого населения Западной Европы, то надо, вероятно, в первую очередь вспомнить литов. Они, так же как и закупы, занимали промежуточное положение между свободными и рабами.² Зависимость лита носила срочный характер. Фризская Правда свидетельству-

¹ НПЛ, стр. 494.

² А.И.Неусыхин. Возникновение **зависимого** крестьянства..., стр. 213.

ет «о возможности выкупа себя литом из этого несвободного состояния».¹ Лит обладает частной юридической правоспособностью, у него есть известные имущественные права.² По мнению А.И.Неусыхина, «саксонский и фризский лит в основном — зависимый земельный держатель; но он еще не держатель феодального типа, ибо от этого последнего его отличает прежде всего иная система эксплуатации (вряд ли *servitium* тогдашнего лита был тождествен с барщиной и другими повинностями феодального держателя: скорее его следует сравнивать со скромными оброками посаженного на землю тацитовского серва), а затем тот факт, что он живет в такой общественной среде, где «трудящимися производящими субъектами» (по терминологии Маркса) являются все свободные и где поэтому труд зависимого держателя и не может играть такой роли, как в феодальном обществе».³ И дальше: «...литство - институт неполной зависимости и неполноправной свободы, характерный именно для дофеодального родо-племенного строя (на разных этапах его развития и разложения)...»⁴ Эти сопоставления, конечно, весьма условны, они намечают лишь самые общие контуры.

Каким образом эксплуатировался закуп в хозяйстве владельца? Господин, согласно ст. 57, посылает закупа «на свое орудье». Наши историки, учитывая показание ст.57, думают, что присвоение прибавочного продукта в данном случае происходит в форме отработочной ренты, т.е. барщины. Но идея о феодальной отработочной ренте закупа на самом деле не так убедительна, как может это показаться. И.И.Смирнов, актив-

¹ Там же, стр. 214.

² Там же, стр. 218.

³ Там же, стр. 219.

⁴ Там же, стр. 220.

⁵ См.: Б.Д.Греков. Крестьяне на Руси, кн.1, стр.180, Правда Русская. Учебное пособие, М.-Л., 1940, стр.70; Памятники права Киевского государства X-XI вв. Составитель А.А.Зимин. М., 1952, стр. 165; И.И.Смирнов. Очерки..., стр. 288-289; Л.В.Черепнин. Общественно-политические отношения..., стр. 241-242.

ный сторонник мысли о феодальной барщине закупа, сформулировал несколько довольно знаменательных выводов: «...барщина закупа существенным образом отличается от обычной барщины крепостного крестьянина. Экономическая сущность барщины, т.е. отработочной ренты, заключается в том, что крестьянин, ведущий самостоятельное хозяйство, под действием внеэкономического принуждения обрабатывает своими средствами и орудиями труда землю собственника земли — феодала. Совершенно иной характер носит барщинный труд закупа. Закуп не имеет полноценного собственного хозяйства и своих средств и орудий труда. Поэтому он обрабатывает землю в хозяйстве феодала средствами и орудиями труда, являющимися собственностью господина. Больше того, условием функционирования собственного хозяйства закупа, которое в какой-то форме имеется у закупа, является возможность для закупа получения в свое пользование или распоряжение, временное или постоянное, средств и орудий труда от господина, которыми закуп делает свое "орудие", т.е. обрабатывает пашню. Но эту возможность закуп приобретает ценой установления своей зависимости от господина, который и получает право эксплуатировать труд закупа в своем хозяйстве».¹ Мы привели эту столь пространную выдержку, чтобы ярче показать, с какими сложностями и трудностями встречается гипотеза о феодальном характере отработков закупа. Тем не менее И.И.Смирнов повторил традиционную версию о феодальной барщине, которую отбывает закуп в господском хозяйстве.²

Учитывая высказанное ранее предположение о полурабской зависимости закупа, существенно отличающейся от феодальной, следует сказать, что догадка о феодальной сущности барщины закупа не производит впечатления единственно возможного объяснения отработочных повинностей в закупничестве; ей легко противопоставляется тезис, по которому эта

¹ И.И.Смирнов. Очерки..., стр. 290 - 291.

² Там же, стр. 288, 289, 290.

примитивная отработочная рента «представляет собой пережиток умирающего рабства, а не продукт развития феодальных отношений. По этой причине мы можем пренебречь ею как явлением, стоящим вне связи с развитием феодальных отношений».¹ Приведя данный тезис, принадлежавший М.В.Колганову, уточним некоторые детали. Относительно Руси конца XI — первой половины XII вв., когда институт закупничества находился на подъеме, нельзя об отработочной ренте рассуждать так, будто она — пережиток умирающего рабства. Примитивные отработки — признак развивающегося рабства, ибо в Киевской Руси рабство не убывало, а продолжало расти. Нет причин также и пренебрегать ими, поскольку рабовладельческое хозяйство являлось одной из главнейших предпосылок феодализма в России.

IV. Изгой, пущенники, задушные люди и прощенники

Завершая очерк об изгоях, Б.Д.Греков вынужден был признать, что «эта категория зависимого населения Древнерусского государства меньше всех других поддается изучению. Здесь поневоле приходится ограничиваться главным образом более или менее обоснованными предположениями».² И все же об изгоях историки толкуют с давних пор. Сперва они указывали на неславянскую принадлежность изгоев: Н.М.Карамзин видел в них представителей латышского или чудского племени,³ а И.Ф.Г.Эверс — вообще иностранцев в противоположность славянам.⁴ Под пером последующих авторов изгой теряли черты иноземцев, превращаясь в социальную категорию туземного

¹ М.В.Колганов. Собственность, стр. 450.

² Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 255.

³ Н.М.Карамзин. История Государства Российского, т. II. СПб., 1892, прим. 7.

⁴ И.Ф.Г.Эверс. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб., 1835, стр. 316.

(восточнославянского, а позднее — древнерусского) общества. Важной вехой в историографии темы следует считать спор, возникший между Н.В.Калачовым и К.С.Аксаковым по вопросу о природе изгойства. В статье «О значении изгоев и состоянии изгойства в Древней Руси», опубликованной Н.В.Калачовым в 1850 г., утверждалось, что изгой — отпавший или исключенный из рода человек.¹ Н.В. Калачову возражал К.С.Аксаков, который изображал изгоя в качестве социальной единицы, выпавшей из общины, сословия, подчеркивая при этом, что изгой был явлением не родовым, а гражданским.² В последующем ученые проявляют неослабевающий интерес к древнерусским изгоям.³

Весьма важное значение для понимания сущности изгойства имеют этимологические разыскания лингвистов. По их наблюдениям, термин «изгой» восходит к слову «гоить», озна-

¹ Н.В.Калачов. О значении изгоев и состоянии изгойства в Древней Руси. «Архив историко-юридических сведений, относящихся до Истории России», кн. 1. М., 1850, стр. 57 - 72.

² К.С.Аксаков. Родовое или общественное явление было изгой? - Поли. собр. соч., т. 1. М., 1889, стр. 43.

³ См.: С.М.Соловьев. История России с древнейшего времени, кн. 1. М., 1959, стр. 238; В.О.Ключевский. Соч., т. VI. М., 1959, стр. 156, 494 - 499; П.Н.Мрочек-Дроздовский. Исследования о Русской Правде. Приложения ко 2-му выпуску. «ЧОИДР», 1886, кн. 1, стр. 44, 47; М.Ф.Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права. СПб.-Киев, 1907, стр. 399 - 400; В.И.Сергеевич. Русские юридические древности, т. 1. СПб., 1902, стр. 272 - 275; А.Е.Пресняков. Княжое право в Древней Руси. СПб., 1909, стр. 274 - 278; М.А.Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1912, стр. ИЗ - 115; М.С.Грушевский. История Украины - Руси, т. III, Львов, 1905, стр. 319; Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 247 - 255; С.В.Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, стр.119 - 124; В.В.Мавродин. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности, стр. 73 - 74; И.И.Смирнов. К вопросу об изгоях. «Академику Б.Д.Грекову ко дню семидесятилетия». М., 1952; Л.В.Черепнин. Из истории формирования класса феодально-зависимого крестьянства на Руси, стр. 244 - 245; С.А.Покровский. Общественный строй Древнерусского государства, стр. 137-139.

чающему жить, давать жить, устроить, приютить.¹ Отсюда специалисты в изгоях усматривали то потерявших звание людей,² то выжитых из рода и не пользующихся уходом,³ то лишенных средств к жизни.⁴ Как бы там ни было, ясно одно: изгой - это человек «изжитый», выбитый из привычной колеи, лишенный прежнего своего состояния.⁵ Вполне понятно, что данное определение страдает слишком большой отвлеченностью. Ближайшая задача состоит в том, чтобы конкретизировать его в той мере, в какой позволяют сделать это древние источники.

Приступая к исследованию изгоев, Б.Д. Греков отметил недостаточное внимание историков к эволюции, которую пережили они на протяжении длительного времени.⁶ Историзм, сообщенный Б.Д.Грековым вопросу об изгоях, был, впрочем, получен автором путем соединения точек зрения Н.В.Калачова и К.С.Аксакова. Так, упоминание Русской Правдой изгоя натолкнуло его на мысль, что изгой тут - осколок давно разбитого родового строя.⁷ Вместе с тем, по словам ученого, существовал еще изгой - выходец из соседской общины. Стремясь согласовать сведения памятников, характеризующие изгоев, с одной стороны, свободными, а с другой - зависимыми, Б.Д. Греков высказал версию о наличии в Киевской Руси изгоев городских, пользовавшихся свободой, и деревенских, при-

¹ А.Г.Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. 1. М., 1959, стр. 138; М.Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. I. М., 1967, стр. 122; Н.М.Шанский (и др.) Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971, стр. 171.

² А.Г.Преображенский. Этимологический словарь..., стр. 138.

³ М.Фасмер. Этимологический словарь..., стр. 122.

⁴ Н.М.Шанский (и др.). Краткий этимологический словарь ..., стр. 171.

⁵ См.: В.О.Ключевский. Соч., т. VI, стр. 156; Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 249; В.В.Мавродин. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности, стр. 73; С.А.Покровский. Общественный строй..., стр. 137.

⁶ Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 248.

⁷ Там же, стр. 250.

⁸ Там же.

крепленных к земле и хозяину. Такое подразделение, по верному замечанию С.А.Покровского, не находит опоры в источниках.² Но уязвимое звено построений Б.Д.Грекова обнаруживается прежде всего в том, что он, группируя изгоев на свободных и зависимых, в конечном счете дает им единую аттестацию в качестве людей феодально зависимых, крепостных, иначе - рассматривает изгоев как однородную массу.³ Это в свое время подметил С.В. Юшков: «Греков хотя и отмечает разнообразный социальный состав, из которого выходили изгои, но без достаточной четкости. Разнообразие положения изгоев он объясняет не столько разнообразием их происхождения, сколько эволюцией этого института. Отсюда у Грекова группа изгоев является какой-то однородной группой, происхождение которой объясняется одинаковыми моментами и которые идут одним путем...».⁴ Сам С.В. Юшков придавал первостепенное значение фразе «изгои трои» из Устава князя Всеволода Мстиславича, полагая, что она фигурирует в памятнике не для раскрытия понятия «изгой», а для определения тех только категорий изгоев, которые входят в состав церковных людей, бывших под патронатом церкви.⁵ В результате автор разбил изгоев на две группы - княжеских и церковных - и на этом, собственно, остановился.⁶

¹ Там же, стр. 250 - 251. Идею о городских и сельских изгоях среди современных исследователей разделяет и Л.В.Черепнин (Л.В.Черепнин. Из истории формирования ..., стр. 245).

² С.А.Покровский. Общественный строй..., стр. 139.³

Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 254.

⁴ С.В.Юшков. Очерки ..., стр. 120.

⁵ Там же, стр. 119. В Уставе сказано: «...изгои трои: попов сын грамоте не умеет, холоп из холопства выкупится, купец одолжает; а се и четвертое изгойство и себе приложим, аще князь осиротеет». - ПРП, вып. II, стр. 164.

⁶ Подобное распределение видим еще у А.Е.Преснякова, усматривавшего в изгоях социальный союз «княжеских людей» и «людей церковных», стоящий вне народной общины, сплоченный «связями покровительства и зависимости, труда и обеспечения в чужом крупном хозяйстве». А.Е.Пресняков. Княжое право..., стр. 278.

Разбивка изгоев на пребывающих под специальной защитой князя и на людей церковных, произведенная С.В. Юшковым, не вносит необходимой ясности в положение данной социальной категории населения древнерусского государства. С.В. Юшков прибегает к следующему тексту, взятому из «Наставлений духовника кающимся грешникам»: «И се паки го-рее всего емлющим изгойство на искупающихся от работы: не имуть бо видети милости, не помиловавшие равно себе созданного рукою божеею человека, ниже насытившиеся ценою урече-ною; и тоже не от закона божия, но и еще прилагающе горе на горе свой души, но не токмо свое душе губяще, но и послух, восставающих по них и помогающих злобе их... Такжеже, иже кто выкупается на свободу, то толико же дать на себе, колико же дано на нем; потом же, будя свободен, ти добудеть детей, то начнуть имати изгойство на них: то обрящются продающе кровь неповинну»¹. По С.В. Юшкову и его предшественникам, изгойство здесь - «дополнительная плата сверх выкупа или выкуп за детей, рожденных на свободе»² Затем следует вывод: «...выкупившийся из неволи холоп и даже дети его, рожденные на свободе, не выходили окончательно из-под власти господина, а находились в промежуточном состоянии. Необходимо было внести определенную сумму, чтобы получить окончательную свободу и выйти из-под власти своего господина».³

Выкупившийся на свободу холоп оставался под контролем и властью прежнего хозяина, видимо, не столько потому, что он не внес сумму сверх выкупной, хотя этого целиком игнорировать нельзя,⁴ сколько вследствие особых социальных усло-

¹ РИБ, т. VI, стр. 842 - 843.

² С.В.Юшков. Очерки ..., стр. 123. См. также: В.О.Ключевский. Соч., т. VI, стр. 497-499; А.Е.Пресняков. Княжое право ..., стр. 275; М.А.Дьяконов. Очерки..., стр. 115.

³ С.В.Юшков. Очерки ..., стр. 123.

⁴ См.: А.И.Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе. VI - VIII вв. М., 1956, стр. 307.

вий находящегося в процессе становления классов общества, а также исторических традиций, связанных с институтом вольноотпущенничества. Как показывает опыт западного средневековья, «человек, вышедший из рабского состояния, не делался еще вполне свободным человеком. Он становился вольноотпущенником. Положение вольноотпущенника не было временным состоянием, через которое проходили от рабства к свободе; это было состояние постоянное, в котором жили и умирали, это было особое социальное положение».¹ Человек, вышедший из рабства, нуждался, по словам Ф. де Куланжа, в покровителе, поскольку общество, «вне которого он жил до тех пор, не представляло для него надежной поддержки. Молодая свобода его оказалась бы в большой опасности».² Этим и объясняется патронат, устанавливаемый над людьми, выкупившимися из рабства. Мы, к сожалению, не располагаем соответствующими материалами, подобно тем, какие имеются в руках у исследователей других стран. Поэтому сравнительно-исторический экскурс в прошлое других народов помогает уяснить основные черты древнерусского изгойства.³ Тем не

¹ Ф. де Куланж. История общественного строя древней Франции, т. 4. Аллод и сельское хозяйство в меровингскую эпоху. СПб., 1907, стр. 389. (Сходную картину наблюдаем и в лангобардской Италии. В готской же Испании отпуск рабов с последующим сохранением их зависимости от бывших господ являлся наиболее распространенным. - См.: П.Г.Виноградов. Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии. СПб., 1880, стр. 154 - 155, 167; А.Р.Корсунский. Готская Испания. Изд. МГУ, 1969, стр. 121 - 134).

² Там же, стр. 392. Оно и понятно, ибо индивид в варварском обществе выступал неотдифференцированным от коллектива. Свою общественную значимость и устойчивость он приобретал, будучи в рамках социальной группы, а не сам собой. - См.: А.Я.Гуревич. Индивид и общество в варварских государствах. В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ, кн. 1. М., 1968, стр. 394, 402-403, 415.

³ О том, что отпущенные на свободу рабы оставались на положении зависимых при старом господине, свидетельствуют факты не только из западноевропейской истории, но и прошлое государств античного мира, а также Византийской империи. См. Древняя Греция. М., 1956, стр. 247;

менее, и наши отечественные источники не всегда беззвучны. В приведенном отрывке из «Наставлений духовника кающимся грешникам» довольно примечателен текст: «...Потом же, будя свободен, ти добудеть детей, то начнут имать изгойство на них...». Отсюда А.Е. Пресняков и Б.Д.Греков правильно заключили, что вышедший на волю холоп не разрывал связи с господином и оставался под его властью.¹ Правда, А.Е. Пресняков, а за ним и Б.Д.Греков склонялись к тому, чтобы сохранение власти господина над выкупившимся холопом толковать как пережиток более древних порядков. Но патронат над освободившимися рабами не анахронизм, а вполне современная практика, обусловленная реальными условиями Руси XI - XII вв., где стабильность общественного статуса того или иного индивида легко могла быть подорвана, оказавшись он в со-

А.Валлон. История рабства в античном мире. Греция. М., 1936, стр. 154 - 166; Я.А.Ленцман. Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963, стр. 276 - 277; К.К.Зельин, М.К.Трофимова. Формы зависимости в Восточном Средиземноморье эллинистического периода. М., 1969, стр. 10; Т.В.Блаватская, Е.С.Голубцова, А.И.Павловская. Рабство в эллинистических государствах в III - I вв. до н.э. М., 1969, стр. 55 - 56, 122; Е.М.Штаерман. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964, стр. 137 - 159; Е.М.Штаерман, М.К.Трофимова. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи (Италия). М., 1971, стр. 97 - 135; История Византии, т. 1. М., 1967, стр. 80; М.Л.Абрамсон. Крестьянство в византийских областях Южной Италии (IX - XI вв.). «Византийский временник», т. 7, 1953, стр. 170; А.П.Каждан. Рабы и мистии в Византии IX - XI вв. «УЗ Тульского педагогического ин-та», вып. 2, 1951, стр. 77; Его же. Деревня и город в Византии IX - X вв. Очерки по истории византийского феодализма. М., 1960, стр. 80 - 82.

¹ На этот факт в свое время указывал и М.Ф.Владимирский-Буданов. Он говорил: «Вольноотпущенные так же, как и в римском праве, не делались в силу своего отпущения вполне свободными, а оставались в некоторых как бы зависимых обязательственных отношениях к прежнему господину. Весьма часто случалось, что вольноотпущенный, не имея средств к жизни, селился на земле своего господина и мало-помалу делался его крепостным». - М.Ф.Владимирский-Буданов. Обзор ..., стр. 399 - 400.

² А.Е.Пресняков. Княжое право стр. 275; Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 252.

циальном одиночестве. Условный характер освобождение холопов носило не только в IX — XII вв., но и значительно позднее, в XV - XVI вв., о чем пишет Е.И.Колычева.¹

Итак, древнерусский изгой, являясь выкупившимся на волю холопом,² или, по терминологии средневековой Европы, либертином, оставался под властью и защитой своего патрона. Но только ли князь и церковь, как считает С.В.Юшков, выступали в роли покровителей освободившихся холопов? Митрополит Климент Смолятич дает ясный ответ на вопрос, когда осуждает «славы хотящих, иже прилагают дом к дому и села к селам, изгой же и сябры и борти и пожни, лядя же и старины».³ Б.Д.Греков, обращаясь к С.В.Юшкову, вполне резонно замечал: «Эти "славы хотящие" совсем не обязательно только князья и высшие представители церкви. Митрополит в данном случае меньше всего говорил о себе и церковных магнатах, а указывал на явление, широко распространенное в обществе».⁴ Но если в качестве господ изгоев фигурировали разные лица (князья, бояре, духовенство, рядовые холоповладельцы — общинники и ремесленники), то построение С.В.Юшковым изгоев лишь на княжеских и церковных отпадает как неудавшееся.⁵ Что касается изгоев, упомянутых в Уставной грамоте князя Ростислава, то в них мы усматриваем либертинов, пребывающих под властью князя, олицетворяющего государство.⁶

¹ Е.И.Колычева. Холопство и крепостничество (конец XV - XVI вв.). М, 1971, стр. 159-173.

² См.: ПРП, вып. II, стр. 164.

³ Н.Никольский. О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII века. СПб., 1892, стр. 104.

⁴ Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 253.

⁵ Неприемлемым считаем и мнение А.А.Зиминой, отнесшего всех изгоев XII в. к разряду феодально зависимых людей, укрывшихся под патронатом церкви. - ПРП, вып. II стр. 169 - 170.

⁶ «И се даю...село Дросенское, со изгой и з бортником и з землею и с изгой...» - ПРП, вып. II, стр. 41. Эти изгой были древнерусской вариацией либертинов фиска, известных Западной Европе. - См.: А.Р.Корсунский. Готская Испания, стр. 129.

Нельзя, разумеется, думать, будто выкупившиеся на свободу холопы всегда и везде сохраняли связь с прежним господином. Жизнь, вероятно, знала случаи, когда освободившийся холоп уходил от рабовладельца. Тогда-то он и поступал под защиту церкви. Устав Всеволода Мстиславича подразумевал именно таких изгоев-вольноотпущенников, которые, порывая с господином, лишались социальной поддержки и попадали в опеку церкви.¹

Контингент изгоев, формировавшийся за счет выкупившихся холопов, был значителен. Но доказывать, подобно М.Ф.Владимирскому-Буданову, М.А.Дьяконову и Б.Д.Грекову, что основная по количеству часть изгоев - в прошлом холопы, мы не можем, поскольку не располагаем соответствующими фактами: слишком малочисленны и лапидарны известия об изгоях, сообщаемые письменными памятниками, чтобы производить подсчеты. Конечно, если источники изгойства ограничить единственно теми, какие названы в Уставе князя Всеволода,³ то мысль о количественном преобладании среди изгоев Руси XI — XII вв. бывших холопов вполне правомерна. Действительно, и купцы-должники, и неграмотные поповичи, а тем более осиротевшие князья все это - эпизодические фигуры в изгойстве, решительно уступающие по численности откупившимся холопам. Но если мы допустим, что в из-

¹ Не исключено, что в число церковных изгоев попадали и те вольноотпущенники, которых сами господа отдавали под патронат церкви, как это имело место, например, в готской Испании. - А.Р.Корсунский. Готская Испания, стр. 129.

² М.Ф.Владимирский-Буданов. Обзор ..., стр. 399; М.А.Дьяконов. Очерки ..., стр. 115; Б.Д.Греков Киевская Русь, стр. 253. (Крайнюю позицию в данном вопросе занимал В.И.Сергеевич, который полагал, что первоначально «изгоями только и называли вышедших на волю холопов». - В.И.Сергеевич. Русские юридические древности, т. I, стр. 275. Несколько осторожнее выражается В.О.Ключевский. «Изгоем в Древней Руси, - пишет он, - назывался, между прочим и даже преимущественно, холоп, выкупившийся на волю». - В.О.Ключевский. Соч., т. VII. М., 1959, стр. 351).

³ «...попов сын грамоте не умеет, холоп из холопства выкупится, купец одолжает .. князь осиротеть». — ПРП, вып. II, стр. 164.

гойство впадали выпавшие из рода и общины люди, то утверждение о вольноотпущенниках как наиболее типичных представителях изгоев в целом становится весьма проблематичным.

Б.Д.Греков, провозглашая тезис о господстве среди изгоев недавних холопов, отталкивался от идеи об изживании рабства в Киевской Руси.¹ Однако, как верно замечает А.П.Каждан, «вольноотпущенничество само по себе не является свидетельством распада рабовладельческого хозяйства: оно, как известно, имело место и в пору наивысшего расцвета рабства».² Более того, вольноотпущенничество существовало, судя по всему, еще у истоков рабовладения.³ Следует далее сказать, что новейшие исследования вскрывают поспешность заключений по поводу изживания рабства в Древней Руси.

Наряду с изгоями-вольноотпущенниками, т.е. выкупившимися холопами, на Руси встречались изгои — выходцы из свободных слоев древнерусского общества: только что упомянутые нами разорившиеся купцы, необученные поповичи, князья-сироты, потерявшие «причастье» в русской земле.⁵ Наши историки вводят в состав изгоев и крестьян, выбитых из общины.⁶ Б.Д.Греков и И.И.Смирнов уподобляют изгоя-

¹ Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 253.

² А.П.Каждан. Деревня и город в Византии, стр. 78 - 79.

³ См.: Е.М.Штаерман. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике, стр. 137.

⁴ См.: А.А.Зимин. Отпуск холопов на волю в Северо-Восточной Руси XIV - XV вв. - В кн.: Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Сб. ст. памяти И.И.Смирнова. Л., 1967; А.П.Пьянков. Холопство на Руси до образования централизованного государства. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965 г.». Изд. МГУ, 1970; Е.И.Колычева. Некоторые проблемы рабства и феодализма в трудах В.И.Ленина и советской историографии. В кн.: Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970.

⁵ См.: ПРП, вып. II, стр. 164.

⁶ Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 250 - 251; С.В.Юшков. Очерки ..., стр. 121; Л.В.Черепнин. Из истории формирования..., стр. 245; В.В.Мавродин. Образование древнерусского государства и формирование древне-

крестьянина Древней Руси *migrans* Салической Правды.¹ Воспроизведем текст титула XLV Салической Правды о переселенцах, на который ссылается Б.Д.Греков. Это необходимо для того, чтобы проверить, насколько факты, почерпнутые из истории древних франков, соответствуют общему взгляду на изгоев, развиваемому автором. В памятнике читаем: «Если кто захочет переселиться в виллу к другому и если один или несколько из жителей виллы захотят принять его, но найдется хоть один, который воспротивится переселению, он не будет иметь права там поселиться ... Если же переселившемуся в течение двенадцати месяцев не будет предоставлено никакого протеста, он должен оставаться неприкосновенным, как и другие соседи».²

Приведенный отрывок, как и вся Салическая Правда, «не содержит никаких данных о поземельной или личной зависимости одних жителей виллы от других или чужаков-переселенцев от исконных обитателей виллы».³ Б.Д.Греков тоже понимает, что этот чужак, принятый в общину, был ее полноправным членом.⁴ Итак, *migrans* - свободный житель; сближение его с изгоем делает и последнего таковым. Значит, свободой на Руси пользовались и деревенские изгои. А как быть тогда с главным тезисом Б.Д.Грекова, разграничивающим городских (свободных) изгоев и деревенских (зависимых)?! Так неудачные исторические параллели заводят в

тупик.

Строго говоря, идея об изгоях - оторвавшихся от общины крестьянах - сугубо умозрительная. Источниками она не подкрепляется. Историки способом логики и абстракций доходят до нее. Но отсюда не следует, что ею надо пренебречь. Мы

русской народности, стр. 73; С.А.Покровский. Общественный строй..., стр. 139.

¹ Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 250 - 251; И.И.Смирнов. К вопросу об изгоях, стр. 105.

² Хрестоматия по истории средних веков, т. I. М., 1961, стр. 404.

³ А.И.Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства..., стр. 88.

⁴ Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 251.

также считаем возможным пополнение отряда изгоев за счет крестьян, выпавших из общины.

Названные нами претенденты в изгой (купцы-банкроты, поповичи-недоумки, экс-общинники) не всегда поступали под защиту церкви. Они гуляли на свободе и были людьми без определенных занятий. Представляя собой своеобразный отечественный вариант люмпен-пролетариев классической древности, эти изгой входили в состав древнерусского общества на положении свободных, чем и объясняется их появление в Русской Правде. По статье I Краткой Правды назначалось 40 гривен за убитого, если то был русин, гридин, купчина, ябетник, мечник, *изгой* и Словенин. Б.Д.Греков в данной связи писал: «Изгой, по-видимому, упомянут в «Русской Правде» в качестве одного из осколков давно разбитого родового строя. Здесь изгой еще как будто считается полноправным членом, по-видимому городского общества, в некотором отношении стоит в одном ряду с дружинником и купцом».² Соглашаясь с мыслью Б.Д.Грекова о полноправии изгоя, мы не разделяем утверждение автора о пережиточном характере изгойства Правды Ярослава, во-первых, и о городском его облике, во-вторых. Свободный и полноправный изгой был вполне актуальной социальной фигурой в конце XI - начале XII вв., когда создавалась Краткая Правда, в состав которой вошла Правда Ярослава, содержащая термин «изгой». В противном случае было бы нелепо со стороны законодателя включать в Краткую Правду мертвые нормы. Напомним, кстати, что Краткая Правда - это не сборник, механически связавший древние законодательные кодексы, а цельный памятник, положивший в свое основание несколько источников, соединенных после соответствующей переработки и редакционных изменений.

1

¹ Правда Русская, т. I, стр. 70.

² Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 250.

³ По Б.Д.Грекову, уже в начале XI в. от бывшего равноправия изгоев остались лишь воспоминания. - Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 250.

⁴ М.Н.Тихомиров. Исследование о Русской Правде. Происхождение

Реальность свободных изгоев подтверждает и Пространная Правда - памятник более поздний, чем Краткая Правда. В статье I Пространной правды читаем: «...аще будет князь мужь или тиуна княжа, аще ли будет русин, или гридь, любо тивун бояреск, любо мечник, любо *изгой* (курсив наш. — И.Ф.), ли Словении, то 40 гривен положить за нь».¹ Следовательно, еще во времена Пространной Правды свободные изгои - не редкость. Поэтому они и попали в поле зрения древнерусского законодательства. Внимание законодателя к данной категории изгоев свидетельствует и о другом: изгойство ст. I Пространной Правды - не рудиментарное наследие старины, а жизнеспособный социальный феномен, вскормленный современностью.

Таким образом, на Руси XI - XII вв. изгои были двух видов: свободные и зависимые. Их свобода и зависимость определялись не тем, что одни из них являлись городскими, а другие - деревенскими. Различие в положении изгоев происходило от того, из какой среды люди упали в изгойство, если из свободной, то они оставались свободными до той поры, пока сами не поступали в услужение какому-нибудь господину, становясь закупами, холопами и пр., если же изгои выходили из холопского люда, они, как правило, сохраняли зависимость по отношению к прежним хозяевам или попадали под патронат церкви.² И среди первых и среди вторых могли быть представители как города, так и села. Иными словами, в обществе свободных изгоев вместе с горожанами (купцами) обре-

текстов. М.-Л., 1941, стр. 44 - 45. См. также: С.В.Юшков. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. М., 1950, стр. 343.

¹ Правда Русская, т. I, стр. 104.

² К церковным изгоям из Устава князя Всеволода надо относиться, по нашему убеждению, дифференцированно. Вряд ли «одолжавший купец», необученный попович, а тем более осиротевший князь, включаясь в разряд церковных людей, теряли свои гражданские и политические права и превращались в рабочую силу, обслуживающую хозяйство церкви. Иное дело — вольноотпущенники. Они, будучи зависимыми, быстро растворялись в рабочем населении церковной вотчины.

тались и селяне (бывшие общинники), а в группе зависимых изгоев легко представить в прошлом холопа сельского и городского. Вот почему подразделение изгоев на городских и деревенских, отстаиваемое некоторыми специалистами, не имеет смысла.

Свободное изгойство питалось первоначально за счет отпавших от рода людей. Потом, когда родовой строй полностью распался, прослойка свободных изгоев стала складываться главным образом из элементов, оставшихся за бортом крестьянской общины. И лишь в отдаленных землях, на периферии Киевской Руси, где уцелели родовые порядки, попадались изгой - люди, выпавшие из рода. Но основной поставщицей свободных изгоев на Руси XI - XII вв. была община.

Остается ответить на вопрос, кого с точки зрения социально-экономической воплощали изгой-вольноотпущенники - выкупившиеся на волю холопы. Назвав их чистой воды феодално зависимыми, мы слишком бы упростили действительность. Они - в большинстве полусвободные.¹ Но были среди них и те, что постепенно приближались к крепостному состоянию и в конечном счете становились крепостными. Здесь, таким образом, мы имеем эволюционный процесс на разных стадиях движения.

К изгоям этого типа примыкали пущенники. Однако отождествлять пущенника с изгоем, как поступает А.Е.Пресняков,² рискованно, ибо древнерусские источники не смешивают их. В церковном уставе князя Всеволода Мстиславича пущенник упоминается в компании люда «церковного, богательного».³ Современный исследователь княжеских уставов

¹ К полусвободным относил изгоев А.Е.Пресняков. Статус изгоя полагал он, включал «ряд переходных ступеней между полной неволей и гражданской свободой». (А.Е.Пресняков. Княжеское право ..., стр. 277 - 278). Недостаток этой характеристики в том, что она применяется ко всем изгоям в целом. Но к свободным изгоям она явно не подходит.

² А.Е.Пресняков. Княжеское право ..., стр. 278.

³ ПРП, вып. II, стр. 164.

Я.Н.Щапов полагает, что «в формуляре княжеских церковных уставов первой половины XII в. статья о церковных людях еще отсутствовала». Но это не снимает вопроса о существовании в Древней Руси социальной группы, именуемой пущенниками.

Кто же такие пущенники? Ответ здесь может быть весьма гадательным. Не лишено вероятия, что пущенники - это отпущенные на волю безденежно, по доброй воле господина рабы. Возможно, об одном из них ведет речь Пространная Правда в ст. 107 по Троицкому IV списку, определяющей судебные уроки: «...освободившие челядин 9 кун, а метелнику 9 векошь...»²

Вряд ли прав Л.В.Черепнин, когда он говорит, будто пущенники составляли особую категорию закупов.³ Происхождение закупов и пущенников очень разнилось: первые шли от свободы к полусвободе, а вторые - от полной несвободы к полусвободе. Это не могло не влиять коренным образом на их положение.

Итак, пущенник, предположительно, - отпущенный на волю без выкупа раб. Мотивы освобождения были различные: благодарность за долгую и верную службу, награда за отдельное проявление преданности со стороны раба, старость и болезнь раба, смерть господина, лишенного наследников и т.д.

Когда раба отпускали на волю ради спасения души, он становился задушным человеком. Стало быть, задушные люди — один из разрядов пущенников. Совсем не обязательно представлять себе дело так, что в задушных людей превращались холопы (рабы), отпущенные на волю по духовному заве-

¹ Я.Н.Щапов. Церковь в системе государственной власти Древней Руси. В кн.: А.П.Новосельцев (и др.). Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, стр. 295. Правда Русская, т. I, стр. 339.

² Л.В.Черепнин. Из истории формирования ..., стр. 256.

³ См.: Ф. де Куланж. История общественного строя древней Франции, т. 4, стр. 369; А.А.Зимин. Отпуск холопов на волю ..., стр. 71; Е.И.Колычева. Холопство и крепостничество, стр. 166.

щанию.¹ Господам никто не мешал отпускать своих рабов и при жизни. Такая практика могла быть особенно популярной в период приобщения Руси к христианству. И, видимо, не случайно задушный человек фигурирует уже в церковном уставе Владимира Святославича, крестившего Русь.²

Историки нередко ставят знак равенства между пущенниками и прощенниками.³ Впервые прощенник появляется в Уставе Владимира Святославича в обществе людей, отданных на! попечение церкви. С.В.Юшков, специально занимавшийся изучением Владимирова Устава, указывает, что термин «прощенник» попал в памятник позже составления его первоначального варианта.⁴ Позиция Я.Н.Щапова нам известна: статью о церковных людях в княжеских церковных уставах он считает позднейшей вставкой. Но прощенники на Руси XI -XII вв. все же были. По учредительной грамоте князя Ростислава, Смоленской епископии жалуются «прощенники, с медом, и с кунами, и с виною, и с продажами».⁵ В реальном характере этого пожалования Я.Н.Щапов не сомневается.

В литературе мы не найдем единого мнения о прощенниках. В.О.Ключевский, например, так обрисовал их социальную физиономию: «Прощенники - это люди, доставшиеся князю в холопство за преступления или за долги, может быть, приобретенные и какими-либо другими способами и им прощенные,

¹ См.: Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 266; С.В.Юшков. Очерки ..., стр. 118 - 119; Л.В.Черепнин. Из истории формирования ..., стр. 256; С.А.Покровский. Общественный строй Древнерусского государства, стр. 139; ПРП, вып. II, стр. 250.

² ПРП, вып. I, стр. 238, 242, 246.

³ Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 255 - 256; Л.В.Черепнин. Из истории формирования ..., стр. 256; С.А.Покровский. Общественный строй ..., стр. 139.

⁴ С.В.Юшков. Исследования по истории русского права, вып. I. Ново-узенск, 1925, стр. 103.

⁵ ПРП, вып. II, стр. 39.

⁶ Я.Н.Щапов. Церковь в системе государственной власти.... стр. 281.

отпущенные на волю без выкупа».¹ С.В.Юшков, возражая против суждений о прощенниках как получивших чудесное исцеление, доказывал, что под прощенниками надо понимать людей, «которые были превращены в холопы за долги, но впоследствии получили свободу».² С.А.Покровский присоединяется к исследователям, усматривавшим в прощенниках лиц, совершивших какое-нибудь легкое преступление и освобожденных от уголовного преследования (прощенных), но с обязательством работать в хозяйстве духовного или светского феодала.

Все это — сплошные догадки, не больше. Не трудно понять Б.Д.Грекова, заявлявшего, что он не имеет «возможности сколько-нибудь убедительно истолковать применение этой терминологии (прощенники-пущенники, — И.Ф.) к определенной категории церковных и не церковных людей».⁴ Но одно ему казалось бесспорным: «Это люди, по тем или иным причинам и мотивам вышедшие из недавнего своего состояния (точно неизвестно, какого именно: может быть, это бывшие холопы, может быть, и свободные люди) и попавшие в зависимость от своих господ-феодалов (церковных и светских). Это люди, по своему новому положению очень близкие к изгоям. Характерно, что они крепостные, а не рабы, и это последнее обстоятельство еще раз говорит об изживании рабства и замене рабского труда трудом более прогрессивным — трудом крепостных».⁵ Мы не разделяем оптимизма Б.Д.Грекова в несомненности приведенных положений. Маловероятно, чтобы в пущенники или прощенники попадали свободные люди. Против такого предположения и специфика самих терминов (пущенник—отпущенный, прощенник—прощенный), и близость этих социальных групп к изгоям, но не ко

¹ В.О.Ключевский. Соч., т. VII. М., 1959, стр. 367 - 368.

² С.В.Юшков. Очерки ..., стр. 119.

³ С.А.Покровский. Общественный строй ..., стр. 139.

⁴ Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 257.

⁵ Там же.

всем, как считает Б.Д.Греков, а лишь к зависимым (полусвободным), вышедшим из недавней неволи - рабства.

Пущенники, прощенники и задушные люди не были поголовно крепостными. Как и в примере с изгоями, этот люд эволюционировал в сторону крепостничества, но коль перед нами процесс, то вряд ли он был разовый, охватывающий всю массу названного люда. Картина, видимо, была дифференцированной. Иными словами, часть этих людей пребывала в крепостной зависимости, другая была близка к этому, а третья находилась на стадии полусвободных, очень схожих с полусвободными эпохи варварских Правд. Обилие терминов, обозначающих полусвободный люд (изгой, задушные люди, пущенники, прощенники) свидетельствует о многочисленности категорий полусвободного населения, вырвавшегося из рабства. Но это многообразие промежуточных форм - признак не умирающего, а жизнеспособного рабства: зябкое дерево ответвлений не дает, оно засыхает на корню.

Различные наименования полусвободных, запечатленные древнерусскими памятниками, нельзя воспринимать как небрежность их составителей. В этих наименованиях, надо думать, отразились разные формы освобождения рабов, что вносило определенное своеобразие в положение вольноотпущенников каждой категории. Скудость источников не позволяет уловить нам нюансы, отличавшие изгоев от пущенников, задушных людей, прощенников, а пущенников от задушных людей, прощенников и т.п. Однако Ф. де Куланж подчеркивал: «Очень важно обратить внимание на различные формы, в которых давалось освобождение, так как отсюда проистекали значительные различия в положении вольноотпущенников». Вот почему нежелательно смешение изгоев с пущенниками, прощенников с пущенниками, встречаемое в литературе.

¹ Ф. де Куланж. История общественного строя древней Франции, т. IV, стр. 369.

О рядовичах, как и об изгоях, пущенниках, прощенниках, задушных людях, приходится судить с большой условностью: бедны до крайности известия о них, темна и маловыразительна их история.

В современной исторической науке о рядовичах существует несколько мнений. Для Б.Д.Грекова рядович - не раб, а феодально-зависимый, поступивший в услужение к господину через ряд-договор.¹ С.В.Юшков недоумевал по поводу построений Б.Д.Грекова: «Принимая мнение Грекова, что рядовичи - это люди, которые должны работать во договору, непонятно, почему они начинают сразу оцениваться в 9 раз меньше (5 гривен), нежели до своего ряда. Затем - что следует понимать под рядом? Ряд - договор; он предполагает какое-то конкретное содержание. Договор найма порождает наймитов, договор займа может породить закупов и вдачей».² Что касается самого С.В.Юшкова, то он под рядовичами разумел мелких хозяйственных агентов феодала - помощников тиуна.³ Новейший исследователь рядовичей Л.В.Черепнин не находит основания «видеть в них особую разновидность феодально-

¹ Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 191-195 (Суждение о том, что рядович был человеком, заключившим сделку через ряд-договор, неоднократно высказывалось в дореволюционной историографии. См.: А.Рейц. Опыт истории российских государственных и гражданских законов. М., 1836, стр. 39; С.В.Ведров. О денежных пенях по Русской Правде сравнительно с законами салических франков. М., 1877, стр. 66; В.И.Сергеевич. Русские юридические древности, т. I. СПб., 1902, стр. 106. (прим.)).

² С.В.Юшков. Очерки ..., стр. 131.

³ Там же, стр. 130 - 131. (В этом толковании рядовичей у С.В.Юшкова есть предшественники. См.: П.Мрочек-Дроздовский. Исследования о Русской Правде. Приложения ко 2-му выпуску. «ЧОИДР», 1886, кн. 1, стр. 199; Н.П.Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910, стр. 224; А.Е.Пресняков. Княжое право в Древней Руси, стр. 293 (прим.).

зависимого населения»,¹ ибо рядович - рядовой княжеский] холоп или смерд.

Ученые часто толкуют о рядовичах, исходя из собственного понимания смысла слова «ряд». Сам по себе такой прием вполне закономерен и оправдан: значение термина подсказывает многое историку. Но не следует при этом забывать о многозначности слова «ряд». Еще П.Н.Мрочек-Дроздовский обнаружил, что данное слово, будучи синонимом слова «договор», употреблялось ;j нередко и в значении приказа. Понятно, почему у П.Н.Мрочек-Дроздовского рядович из живущего по договору человека преобразился в низшего служителя, приставника, приказчика князя и других господ.³ Однако и эти варианты слова «ряд» далеко не исчерпывают его смыслового богатства. Строй, ряд, строка, пространство между строками, боевой порядок, торговый ряд, порядок, черед, очередь, разряд, управление, благоустройство, устав, \ правило — вот неполный перечень словоупотребления термина: «ряд».⁴ В нем наше внимание привлекает одно значение: ряд - ; порядок. Думается, оно лучше, чем остальные, объясняет тайну рядовича. Видимо, рядович — лицо, наблюдающее за порядком, наводящее порядок. Это толкование делает понятным предостережение Даниила Заточника: «Не имей собе двора '•] близ княжа двора и не держи села близ княжа села: тиун бо его аки огонь трепетицею наложен, и рядовичи его аки искры: аще от огня устережешися, но от искор не можеша устеречися...»⁵

¹ Л.В.Черепнин. Из истории ..., стр. 260.

² Там же (О рядовиче как рядовом рабе см.: В.И.Сергеевич. Древности русского права, т. I, стр. 105; М.С.Грушевский. История Украш - Руси, т. III. Львов, 1905, стр. 326; Б.И.Сыромятников. «О "смерде" в Древней Руси (К критике текстов Русской Правды). «УЗ МГУ», вып. 116. Труды юридического ф-та, кн. 2, 1946.

³ П.Н.Мрочек-Дроздовский. Исследования о Русской Правде. Приложения ко 2-му выпуску. «ЧОИДР», 1886, кн. I, стр. 199.

⁴ И.Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III. СПб., 1912, стр. 231-235.

⁵ «Слово Даниила Заточника» по редакциям XII - XIII вв. и их переделкам. Л., 1932, стр. 20-21

Тиун и рядович, готовые «спалить» всякого, не осторожно поселившегося близ княжеского села, конечно, управители князя, похожие на западно-европейских министриалов. Этот люд обычно формировался за счет рабов.¹ Неудивительно, что Краткая Правда берет за одну скобку рядовича и холопа, определяя одинаковую компенсацию как за одного, так и за другого.²

Мы присоединяемся к тем авторам, которые видели в рядовичах младших агентов хозяйственного и административного управления князей и бояр. Б.Д.Греков, как бы уступая С.В.Юшкову, говорил: «Не спору, что рядович мог быть и "мелким хозяйственным агентом, помощником тиуна". Но это его функция, должность, а не социальная природа».⁴ Не стоит отрывать функцию рядовича от его социальной природы, ибо в функции находит выражение и социальная природа. Признав же рядовича управителем, а не производителем, мы тем самым отрицаем за ним право называться феодально-зависимым крестьянином. Судя по намекам Русской Правды, основная масса рядовичей происходила из рабов.⁵

¹ См.: Н.Ф.Колесницкий. К вопросу о германском министриалитете X - XII вв. «Средние века», вып. XX, 1961, стр. 35.

² Правда Русская, т. I, стр. 72.

³ Боярских рядовичей упоминает Пространная Правда. - Правда Русская, т. I, стр. 105.

⁴ Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 194.

⁵ Возможно, что некоторые рядовичи были в прошлом свободными людьми. Но о них ничего конкретного, кроме гадательных предположений, из-за полного отсутствия источников сказать нельзя. Можно лишь сослаться на факты, почерпнутые из истории Западной Европы, и экстраполировать их на Русь. Так, Н.Ф.Колесницкий замечает «что в состав министриалитета входили и свободные люди, вступившие в качестве прекаристов, «подзащитных» или просто слуг-министриалов в зависимость от церквей и монастырей или отдельных господ. Некоторые из них становились сервами в силу выполнения министриальной службы ...» (Н.Ф.Колесницкий. К вопросу о германском министриалитете, стр. 35). Как бы там ни было, основная масса управителей собиралась из рабов, о чем пишет и Н.Ф.Колесницкий (Там же). Поэтому вряд ли прав Б.Д.Греков,

VI. О характере рабства в Киевской Руси.

Наше знакомство с зависимым населением древней Руси IX - XII вв. показывает, что среди несвободного люда той поры весьма существенное место занимали рабы. Их труд, пожалуй, даже преобладал в древнерусской вотчине. Именно поэтому выяснение характера рабства в Киевской Руси - неотложная задача данного исследования.

В современной исторической науке особенно популярной является идея о патриархальном характере рабовладения на Руси.¹ Но в литературе есть и другие мнения. П.Н.Третьяков, касаясь рабства у славян и антов, писал: «Рабов продавали и покупали. Рабом мог стать член соседнего племени. Во время войн рабы, особенно женщины и дети, являлись неременной, и по-видимому, очень важной частью военной добычи. Вряд ли можно рассматривать все это в качестве примитивного патриархального рабства, которое было распространено у всех первобытных народов и которое еще не играло большой роли в их социально-экономической жизни. Но это не было, конечно, и развитым рабовладением, оформившимся как целостная система производственных отношений».² Освещая общественный строй восточных славян накануне образования Киевской Руси, П.Н.Третьяков еще раз подчеркивает, что рабство в это время выходило за рамки патриархальности.³ Согласно

когда он решительно противопоставляет рядовичей рабам. - Б.Д.Греков. Киевская Русь, стр. 192-193.

¹ См.: К.В.Базилевич. Опыт периодизации истории СССР феодального периода. «Вопросы истории», 1949, № 11, стр. 66; Б.Д.Греков. Крестьяне на Руси, кн. I, стр. 150; А.А.Зимин. Холопы Древней Руси. «История СССР», 1965, № 6, стр. 43, 54, 75; А.Г.Пригожин. О некоторых своеобразиях русского феодализма. Изв. ГАИМК, вып. 72, стр. 17; Л.В.Черепнин. Из истории ..., стр. 237; С.В.Юшков. Киевское государство (К вопросу о социальной структуре Киевской Руси). «Преподавание истории в школе», 1946, № 6, стр. 26.

² П.Н.Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 175.

³ Там же, стр. 291.

А.П.Пьянкову, рабство уже в эпоху антов «утратило былой патриархальный характер».¹ С.А.Покровский высказывается о патриархальном рабовладении у восточных славян лишь относительно конца VI в. «Но источники IX - X вв. и «Русская Правда» ни о каком патриархальном рабстве говорить не позволяют, - утверждает С.А.Покровский. - Раб по «Русской Правде» и современным ей летописям - это говорящее орудие, вещь, он приравнен к скотине, предмет купли-продажи. Поэтому говорить о патриархальном рабстве в Киевской Руси можно только по явному недоразумению».² Наконец, Е.И.Колычева уверяет: «...холопство на Руси как правовой институт не представляло собой нечто исключительное, неповторимое. Для него характерны те важнейшие черты, что и для рабства в других странах, в том числе и для античного рабства».³ Каким представляется рабовладение в Древней Руси нашему взору?

Поскольку рабский труд на Руси не стал основой общественного производства, то историю рабовладения следует перенести прежде всего в плоскость смены форм эксплуатации рабов, то есть форм организации рабского труда во владельческом хозяйстве и условий производительной деятельности рабов. В ранний час истории восточного славянства между рабами и свободными пропасть не лежала: рабы входили в состав родственных коллективов на правах младших ее членов и трудились наравне и вместе с остальными. Маврикий Стратег остро почувствовал своеобразие положения рабов у славян, которые, по его словам, ограничивая рабство пленников определенным сроком, предлагают им на выбор: либо «за известный выкуп возвратиться восвояси или остаться там (в земле

¹ А.П.Пьянков. Холопство на Руси до образования централизованного государства, стр. 43.

² С.А.Покровский. Общественный строй..., стр. 159-160.

³ Е.И.Колычева. Некоторые проблемы рабства и феодализма в трудах В.И.Ленина и советской историографии, стр. 141.

славян и антов. — И.Ф.) на положении свободных и друзей.¹ Только патриархальным характером рабства объясняется метаморфоза пленника-раба в свободного. Голос, прозвучавший несколькими веками позже, свидетельствует, кажется, о том же: «Они (русы. — И.Ф.) хорошо обращаются с рабами...»²

Патриархальные нравы в обращении с рабами держались долго. От одного духовника, жившего в XI в., узнаем об интереснейших деталях быта рабов. «Прошал еси, — отвечает он на вопрос другого клирика, — о неких, иже купять, челядь, створившим обещных молитв, ядше с ними, последи продавшие в поганья...».³ Значит, раб живет бок о бок с господином: совместно с ним молится, питается, вместе с ним же, видно, и трудится. Будущая знаменитость Печерского монастыря, едва достигнув 13 лет, начал «на труды подвижнее быта, якоже исходит ему с рабы своими на седу делати с всяким прилежанием».⁴

Патриархальный стиль отношений рабов с господами определялся социальной принадлежностью холоповладельца, будучи наиболее типичным для простонародья - крестьян и ремесленников, которым удалось приобрести невольников. Эти отношения строились на давних традициях, терявшихся где-то в первобытнообщинном мире и доживших до времен Киевской Руси.

Иначе обстояло дело у богатого и привилегированного владельца. Обратимся к примерам. При каждом посещении Изяславом Ярославичем Печерской обители преподобный Феодосий угощал его всякими «бращнами». «Многажды же христоробивому князю Изяславу таковых бращен вкушающе и, яко же веселяся, глаголюще блаженному Феодосию "се, яко

¹ А.В.Мишулин. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н.э. «Вестник древней истории», 1941, № 1, стр. 253.

² В.В.Бартольд. Соч., т. 2, ч. 1. М, 1963, стр. 821.

³ Памятники древнерусского канонического права, ч. 1. СПб., 1908, стб. 10-11.

⁴ Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, стр. 17.

же веси, отче, всех благых мира сего исполнися дом мой, тождь ни есмь такова сладка бращна вкушал, яко же ныне зде. Много-жды же рабом моим устроившим различнаа бращна и многоценна, - и не суть тако сладко, яко же сиа. Но молю ти, отче. По-веждь ми, откуда есть сладость в бращне вашем?"»¹ «Блаженный» объяснил недогадливому князю, в чем секрет его кулинарии. Оказалось, что рабы у Изяслава «работают сваряшася и шегаяща и клянуще друг друга, многажды же и биими суть от приставник...»² Не лучше, вероятно, жилось рабам и в хозяйстве знатного боярина. Надо полагать, к его собратьям обращены увещевания: «челядь же свою тако же милуй, дажь им погребная; показан же я на добро не яростию, но яко дети своя»³, «челядь свою наказующе, гладом не моряще, порт довол дающе», «аще кто бес правды насилает на челядь свою и морить голодом, и раною, и наготою, и деломь насилая».⁵ Между господином, почивающем наверху благополучия, и его рабами стоял целый сонм «приставников». Вотчина требовала иной организации труда, чем это было в хозяйстве простого свободного ремесленника или крестьянина — общинника.

Таким образом, в развитии древнерусского рабства можно наметить, правда, весьма схематично, две ветви: одна из них продолжает старую традицию патриархального рабства, другая отличается новым типом рабовладельческих отношений, приближающимся к тем формам, которые были известны древнему миру. Второй тип рабства возник значительно позднее, нежели первый. Его появление было связано с выделением из ранее однородного общества богатой верхушки, обзаводившейся крупным хозяйством, в котором широкое применение находил рабский труд.

¹ Там же, стр. 39.

² Там же, стр. 40.

³ Памятники древнерусского канонического права, ч. 1, стб. 124.

⁴ Там же, стб. 116.

⁵ Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. Составил С.И.Смирнов. «Чтение ОИДР», 1912, кн. 3, отд. 2, стр. 50.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наше исследование близится к концу. Настала пора сказать о главных чертах социально-экономического строя Киевской Руси. Древнерусское общество - сложный социальный организм, сочетающий различные типы производственных отношений.¹

¹ О многоукладности древнерусского общества писал в свое время С.В.Юшков, который находил на Руси X в. три уклада: первобытнообщинный, рабовладельческий и феодальный (С.В.Юшков. К вопросу о дофеодальном («варварском») государстве. «Вопросы истории», 1946, № 7; Его же. К вопросу о дофеодальном «варварском» государстве. «УЗ Всесоюз. Ин-та юридических наук», вып. X. М., 1947). Сравнительно недавно Я.Н.Щапов вернулся к проблеме социально-экономических укладов на Руси XI - первой половины XII в. Автор насчитал «семь типов социально-экономических укладов: 1) мелкое натуральное сельское производство доклассового типа; 2) сельское производство, эксплуатируемое государством (князем) в форме даней; 3) сельское производство, эксплуатируемое отдельным феодалом (монастырем, кафедрой) в той же форме даней; 4) сельскохозяйственное производство сидящего на земле холопа (серва, средневекового раба), эксплуатируемое отдельным феодалом; 5) мелкое общинное ремесленное производство доклассового типа; 6) ремесленное производство средневекового рабовладельческого (вотчинного) типа; 7) городское «свободное» ремесленное производство» (Я.Н.Щапов. О социально-экономических укладах в Древней Руси XI - первой половины XII в. В кн.:

С давних пор, со времен антов, у восточных славян в недрах первобытнообщинного строя зарождается рабовладельческий уклад. Его дальнейшая история не была чем-то невозмутимо монотонным. Вторая половина X в. знаменовала известный перелом в развитии рабства на Руси, обусловленный возникновением частного землевладения. Рост землевладения князей, дружинников и духовенства, наблюдаемый в XI в., способствовал укреплению рабовладельческого уклада. Этот рост особенно ощутимым становится в XII в., чем, видимо, и объясняется подъем холопства, возникшего, по нашему мнению, где-то в XI в. и представлявшего рабов местного происхождения в отличие от челяди - пленников.¹

Рядом с рабовладельческим укладом примерно со второй половины XI в. развивается феодальный уклад. Феодальные элементы (отдельные группы смердов, изгоев и др.) проникают в вотчину, под оболочкой которой скрываются теперь рабские и феодальные ингредиенты. Вотчина становится разноликой: она и рабовладельческая и феодальная одновременно. Но рабов и полусвободных в ней было все-таки больше, чем феодально зависимых. Поэтому феодальный уклад уступал рабовладельческому.

Феодальный уклад еще слаб, но его можно считать ведущим, поскольку ему принадлежало будущее.

Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970, стр. 116). Нетрудно заметить, что все эти уклады в конечном счете распределяются по трем, названным С.В.Юшковым.

¹ Нам представляется поспешным утверждение И.И.Смирнова, будто рост холопства являлся выражением развития феодальных отношений XII-XIII вв. (И.И.Смирнов. Очерки социально-экономических отношений Руси XII - XIII вв. М.-Л., 1963, стр. 138). Мы не знаем, как рабство может свидетельствовать о развитии феодализма. Это нелогично. И если даже согласиться с автором, что «экономически холоп начинает приобретать черты крепостного — серва», то и тут есть причина для сомнения, *ибо начинать приобретать что-либо еще не значит приобрести*. Поэтому о развитии феодальных отношений как таковых здесь не может быть и речи. В лучшем случае мы должны говорить лишь о тенденции к феодализму, но не больше.

Однако подавляющая масса земледельческого населения в Киевской Руси являлась свободной, что подтверждается не только древнерусскими материалами, но и выводами историков, изучавших положение русского крестьянства более позднего времени. Так, А.В.Арциховский после тщательного анализа берестяных грамот убедился, что «крестьяне в Новгороде еще не были полностью закрепощены». По наблюдениям Ю.Г.Алексеева, черная волость, объединявшая свободных крестьян, - даже в конце XV - начале XVI в. «достаточно жизнеспособная организация, ведущая активную борьбу против феодала».² Собственность волости и волостных крестьян автор справедливо относит к дофеодальной собственности свободных общинников.³ Весьма существенно и другое: «К моменту образования централизованного государства в Северо-Восточной Руси волость - даже в одном из центральных и издавна феодализируемых уездов (Переяславском. — И.Ф.) — сохранила еще значительный удельный вес».⁴ Если это так, то что говорить о Руси X - XII вв.?!

Таким образом, в Древней Руси и рабовладельческий уклад, и феодальный решительно проигрывали по сравнению с общинным укладом, и частное хозяйство XI - XII вв., будучи скромным по размерам, напоминало островки, затерявшиеся среди свободного крестьянского хозяйства, господствовавшего в экономике той поры.

А.В.Арциховский. Новгород Великий в XI - XV вв. «Вопросы истории», 1960, № 9, стр. 30.

² Ю.Г.Алексеев. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV - XVI вв. М.-Л., 1966, стр. 40.

³ Там же.

⁴ Ю.Г.Алексеев. Волость в Переяславском уезде XV в. В кн.: Вопросы экономики и классовых отношений в русском государстве XII - XVII вв. М.-Л., 1960, стр. 256.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Выписка из протокола № 16 Заседания

кафедры истории СССР от 25 июня 1973 года.

Присутствовали:

проф. В.В.Мавродин, проф. Н.Г.Сладкевич, проф. А.Л.Шапиро, доц. В.И.Легкий, доц. Л.С.Семенов, доц. И.Я.Фроянов, доц. В.П.Яковлев, асп. Г.А.Тишкин, канд. ист. наук Ю.Г.Алексеев, канд. ист. наук Б.Н.Миронов, Э.И.Кожухова.

Повестка дня:

1. Обсуждение докторской диссертации И.Я.Фроянова «Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя».
2. Разное.

Слушали по первому вопросу:

А.Л.Шапиро - Киевская Русь имеет громадную историографию и крайне скудный материал дошедших до нас источников. По всем важным вопросам социально-экономической истории Киевской Руси высказаны самые разнообразные точки зрения и предложены различные их обоснования. При таких обстоятельствах выдвижение и обоснование новых положений является делом трудным. Оно требует хороших знаний всей литературы вопроса (точнее вопросов), умение критически в ней разобраться, глубокого понимания источников и умения их сопостав-

лять, оригинальной мысли и самостоятельности суждений. Рассматриваемый труд свидетельствует о том, что его автор обладает всеми этими редкими свойствами. Он заново пересмотрел весь комплекс письменных и археологических источников в их совокупности, включая и вновь открытые за последнее десятилетие. Он отказался от многих недостаточно опирающихся на источники концепций. Он сумел дать цельную концепцию исследуемой проблемы, причем она вытекает из конкретного изучения многих частных вопросов и собственной их интерпретации.

Работа начинается с рассмотрения вопросов об общине и о семье в Древней Руси. Справедливо отвергнув мысль о распространении родовых отношений, автор убедительно показал, что в жизни общества важную роль играла большая семья и возникшая в результате ее распада неразделенная семья. Думаю, что источники не уполномачивают нас говорить о том, что количественно большая и неразделенная семья доминировала, малая семья играла второстепенную роль.

В трактовке верви И.Я.Фроянова выдвинул свою точку зрения и привел разнообразные доводы для доказательства того, что она заключала в себе черты большой семьи и территориальной общины одновременно. По-новому трактуется и вопрос о генезисе города, который связывается с распадом родовых отношений, хотя мне кажется, что еще нужны уточнения, так как хронология распада рода и возникновения города не совпадают.

Центральное место в работе занимает проблема землевладения. Автор справедливо критикует историков, которые считают возможным говорить о феодализме без крупного землевладения. Свои позиции у автора по вопросу об основных категориях населения Киевской Руси. Во многом эти позиции являются спорными. Быть может, автор несколько недооценивает степень развития феодальных отношений в XI - XII вв. Но его критика тех исследовате-

лей, которые слишком удревнили феодализм, имеет большое принципиальное значение и несомненно позволяет уточнить наши представления о социально-экономическом строе Киевской Руси. Заслугой автора является широкое привлечение этнографического материала и сравнительно-исторический подход к теме.

Таким образом, при спорности многих тезисов И.Я.Фроянова его труд имеет большое научное значение и займет существенное место в историографии Киевской Руси. Работа вполне отвечает требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям, и должна быть рекомендована к защите.

Ю.Г.Алексеев - Работа И.Я.Фроянова является монографическим исследованием широкого плана, посвященным одной из коренных проблем истории нашей Родины. Актуальность проблематики, поднятой в работе И.Я.Фроянова, подчеркивается тем обстоятельством, что, несмотря на большое число исследований и длительную историографическую традицию, большинство вопросов темы еще далеки от решения. И.Я.Фроянов выступает как самостоятельный, сложившийся исследователь, со своей собственной в высшей степени нетривиальной точкой зрения. Привлекая к исследованию все доступные отечественные источники, И.Я.Фроянов (и в том его заслуга) оперирует и сравнительным методом (к сожалению, весьма редко у нас применяемым), сопоставляя изучаемые им институты с их аналогиями в Западной Европе. Развивая лучшие традиции нашей историографии, автор вместе с тем идет нехоженым путем, стремясь по-новому осмыслить явления, изучавшиеся многими поколениями исследователей.

Не все выводы И.Я.Фроянова убедительны. Так, вызывает некоторое сомнение тезис о государственной земельной собственности (гл. 1, § 1), хотя и трактуемый автором с иных позиций, чем у Л.В.Черепнина и его последовате-

лей. Недостаточно аргументировано новое прочтение автором ст. 1 Пространной Правды в части распространения 80-гривенной виры на всех свободных. Не бесспорна и даже несколько искусственна конструкция о «внутренних смердах» как о челяди, посаженной на землю (III, § 2).

Но эти недостатки (может быть, недомолвки) решительно отступают на задний план перед свежим, оригинальным и в основе своей убедительным главным тезисом работы. Древняя Русь автором трактуется не как совокупность обезличенных объектов княжеского и боярского произвола (что, к сожалению, широко распространено в нашей литературе), а как жизнеспособное, полноправное, закономерно развивающееся общество свободных людей, переживающих одну из стадий общественного развития. Работа И.Я.Фроянова - новое веское слово в полемике с теориями «верховой собственности», «вотчинного государства» и «безземельного феодализма», с которыми автор успешно спорит.

Верная исходная точка зрения, широта взгляда, внимательный и добросовестный анализ помогли автору подняться над отдельными неточностями и определили в конечном счете его большую исследовательскую удачу. Работа должна быть рекомендована к защите.

Б.Н.Миронов - Общее впечатление: автор создал цельную и объективную картину состояния Киевской Руси X-XII вв. и что особенно существенно - построил оригинальную и в целом убедительную концепцию о переходном (к феодализму) характере русского общества X - XII вв. Работа выполнена целенаправленно, логично. Все главы дополняют и развивают друг друга. Автор весьма удачно применил метод «склеенной вазы». Как археолог, И.Я.Фроянов по обломкам, относящимся к разным сферам жизни русского общества X-XII вв., воссоздал общую картину его состояния. Хорошая источниковедческая база, использованы

всевозможные источники: письменные, археологические, этнографические и др. Хороший язык. В результате прочтения работы приходится согласиться с общим выводом автора.

Но работа дает и перспективу для дальнейшего исследования. У читателя возникает вопрос: как дальше повлияло татарское иго на развитие феодализма на Руси. И читатель надеется, что в своих дальнейших исследованиях И.Я.Фроянов ответит на этот вопрос.

Я присоединяюсь к уже высказанному мнению: работа И.Я.Фроянова должна быть рекомендована к защите в качестве докторской диссертации.

В.В.Мавродин - В своей докторской диссертации И.Я.Фроянов ставит ряд важных проблем, относящихся к истории общинных форм землевладения и общины, семьи, древнерусского города, частного (княжеского, боярского и церковно-монастырского) землевладения и хозяйства, различных групп зависимого населения на Руси. Заслуживающими самого пристального внимания являются соображения И.Я.Фроянова по поводу древнерусской семьи. Нет сомнения в том, что во времена Киевской Руси она имела большое значение. Важные результаты получены И.Я.Фрояновым в исследовании истории крупного землевладения на Руси X-XII вв. Он констатирует весьма слабое его состояние в X в. Это было княжеское землевладение, которое в своем развитии опережало другие виды крупного землевладения (боярское и церковное). Ценной и своевременной является попытка И.Я.Фроянова рассмотреть отраслевую структуру частного хозяйства (прежде всего княжеского) на Руси X - XII вв. Оно выглядит у него более промысловым и скотоводческим, нежели земледельческим. Полагаю, что И.Я.Фроянов здесь прав.

Рассматривая вопрос о путях формирования крупного землевладения в Киевской Руси, И.Я.Фроянов приходит к

выводу о том, что не насилие, а купля и заимка свободных земель были главным источником складывания крупного землевладения на Руси X - XII вв. Данное наблюдение представляется мне вполне правомерным. Считаю весьма убедительной трактовку И.Я.Фрояновым вопроса о терминах «челядь» и «холоп» и о содержании этих терминов. Трактовка новая, оригинальная. Я считаю раздел о челяди и холопах одним из лучших в диссертации. В своих последних работах о Киевской Руси я придерживаюсь концепции И.Я.Фроянова. Столь же оригинальным является изображение социального статуса изгоев в Древней Руси. Интересны соображения И.Я.Фроянова и о закупках.

В заключение я хочу отметить, что обсуждаемая нами сегодня диссертация И.Я.Фроянова является оригинальным, ценным исследованием, ставящим ряд важных проблем истории Киевской Руси, и нет никакого сомнения в том, что она может защищаться в качестве докторской диссертации, а ее автор - удостоен искомой степени доктора исторических наук.

- Постановили:
1. Утвердить отзывы официальных рецензентов и рекомендовать диссертацию И.Я.Фроянова «Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя» к защите.
 2. Считать, что опубликованные по теме диссертации статьи отражают основное содержание и выводы диссертации.
 3. Утвердить в качестве официальных оппонентов:

Л.В.ЧЕРЕПНИНА - (Москва) академика, специалиста в области истории и историографии периода феодализма.

Н.Е.НОСОВА - доктора исторических наук, специалиста в области истории СССР периода феодализма, зам.директора Института истории СССР АН СССР по ЛОИИ СССР.

А.А.ЗИМИНА - (Москва) доктора исторических наук, профессора, специалиста по истории и источниковедению феодальной России, ст.научного сотрудника Института истории СССР АН СССР.

4. Ведущее учреждение - **Ростовский государственный университет.**

Завкафедрой истории СQpP
Проф. В.В.Мавродин.

ОТЗЫВ

кафедры источниковедения истории СССР Ростовского государственного университета на диссертацию И.Я.Фроянова «Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя», представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук.

В советской историографии последнего времени все явственнее замечается интерес к Древней Руси. Об этом красноречиво свидетельствуют многочисленные исследования, в том числе и монографические, появившиеся в печати.

Докторская диссертация И.Я. Фроянова «Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя» — одно из выражений такого интереса. В ней рассматриваются наиболее важные вопросы социально-экономической истории Киевской Руси.

Первая глава посвящена анализу некоторых черт социально-экономического развития Руси в IX-XII вв. Свое исследование автор начинает с институтов дофеодального общества: общины в разных ее вариациях и общинного землевладения. Здесь, как и во многих других разделах работы, обращает внимание комплексный анализ источников: письменных, археологических, этнографических. Это имеет весьма существенное значение, поскольку в нашей литературе нередко можно видеть примеры, когда изучение упомянутых институтов осуществляется на материале ограниченного круга источников: либо археологических, либо письменных с эпизодическим привлечением других видов источников, а этнографический материал вообще почти не используется. С этой точки зрения работа И.Я. Фроянова выгодно отличается от исследований предшествующих ему авторов.

И.Я.Фроянов устанавливает многоступенчатость общинной организации и общинного землевладения, правильно от-

мечая, что эта многоступенчатость далеко не всегда учитывалась историками, которые исследовали проблему преимущественно по двум звеньям - общине кровно-родственной и соседской. И.Я.Фроянов показывает наличие у восточных славян накануне образования государства различных общинных союзов, представленных родом, племенем и союзом племен (народом). Он прав, когда пишет о том, что без учета иерархичности первобытного землевладения нельзя разобраться в вопросе о развитии земельной собственности на Руси X - XII вв.

Заслуживают внимания высказанные И.Я.Фрояновым соображения относительно древнерусской верви. Ему удалось по-новому прочесть, казалось бы, всесторонне уже исследованные тексты Русской Правды, касающиеся верви. На основе этого он делает вывод о сложном характере верви, сочетающей в себе и родственные, и соседские связи.

Раздел этой же главы диссертации И.Я.Фроянова о древнерусской семье построен на разнообразных источниках (письменных, археологических и этнографических). В результате проделанного анализа автор приходит к выводу о значительной сложности семейных связей в Киевской Руси, где имелись, по его мнению, большие семьи, неразделенные семьи и малые семьи. Автор склоняется к выводу о господстве в Древней Руси большой семьи.

Однако диссертант не привел убедительных аргументов в опровержение данных советских археологов, в частности, И.И.Ляпушкина и О.М.Рапова о наличии у восточных славян семей, ведущих индивидуальное хозяйство. Для обоснования своего мнения о преобладании у них родовой семьи И.Я.Фроянов, не имея других, более сильных аргументов, сравнивает семью восточных славян с неразделенными семьями XIX в. Но эти эпохи слишком далеки друг от друга, чтобы такая аналогия могла быть использована как доказательство.

И.Я.Фроянов произвел любопытный филологический анализ статей Русской Правды, говорящих о кровной мести в

Древней Руси, что позволило ему несколько иначе, чем принято в новейшей историографии, раскрыть историю кровной мести на Руси XI - XII вв.

Интересные результаты получены им в разделе об исторических предпосылках и причинах возникновения городов на Руси. Однако они в силу характера исследуемой проблемы остаются на уровне более или менее вероятных предположений. Здесь еще многое может быть уточнено по мере накопления археологического материала, что, разумеется, является делом будущего.

Но и на данной стадии разработки автором этой проблемы с некоторыми положениями мы не можем согласиться.

Причиной появления городских посадов автор считает «разрыв родовых пут, мешавших подвижности населения». Не причем тут и феодализм. Он, напротив, приковывал крестьян к земле, а ремесленников - к барской усадьбе. Приводя выводы М.Н.Тихомирова о том, что подавляющее большинство городских ремесленников состояло из свободных людей, бросивших деревню и поселившихся у городских стен, автор считает, что материалистическое объяснение причины возникновения городов - отделение ремесла от земледелия - недостаточно, и замечает: «Разумеется, какая-то часть их осела в городах в ту пору, когда они являлись племенными центрами. И все же древнерусский посад сформировался, по всей видимости, из пришлых элементов, тем более что далеко не все города Древней Руси выросли из родо-племенных». Из каких пришлых элементов, если не из деревни, - неясно.

Далее на первый план выдвигается мысль, что «с расцветом внешней торговли на особенно оживленных и бойких местах торгового оборота вырастают поселки городского типа. Позднее - не раньше XI века - на базе внутреннего обмена и успехов ремесла сложились условия для образования городов»; следовательно, автор говорит только об условиях для возникновения посадов в XI в., а не о самих посадах.

Дессертант оставляет без рассмотрения аргументацию М.Н.Тихомирова, обращавшего внимание на те города, которые возникли вдали от внешнеторговых путей, и возвращает к давно оставленным концепциям, в которых внешнеторговые факторы выдвигались на первый план при объяснении причин возникновения городов.

Столь же проблематичным, хотя и оригинальным, остается толкование социального статуса старцев градских в смысле племенной верхушки, занимавшейся гражданскими делами. Но это, по нашему мнению, происходит не от того, что в работе И.Я.Фроянова недостаточно проанализирован материал (в данном плане автор сделал все возможное), а потому, что слишком скуден запас сведений о старцах градских, которыми располагает исследователь.

Центральное место в диссертации занимает вторая глава «Крупное землевладение и хозяйство на Руси X - XII вв.». Ценным ее качеством является то, что в ней раскрыта история хозяйственной деятельности крупных землевладельцев, т.е. показано, какой, с точки зрения отраслевой структуры, была вотчина во второй половине X в., в XI в. и XII в. Это обстоятельство надо особо подчеркнуть, поскольку в историографии (как дореволюционной, так и советской) дается главным образом суммарная характеристика древнерусской вотчины, в результате чего вместо динамической модели создается застывший слепок.

Княжеское хозяйство второй половины X в. И.Я.Фроянов изображает в основном как промысловое. Только в XI в. у князей появляется собственная пашня и наблюдается быстрый подъем скотоводства. В XII в. княжеская вотчина становится скотоводческо-промысловой и лишь отчасти земледельческой.

Отрицание земледельческой основы княжеского хозяйства нам представляется весьма спорным. Упоминание Правды Ярославичей о меже и ратайном старосте, на что обратил внимание Б.Д.Греков, дают твердые основания для вывода о зем-

леделии в княжеской вотчине. Правда, свидетельств такого рода, как верно замечает И.Я.Фроянов, не так уж много, особенно по сравнению с подробным перечнем различных видов скота. Но с такой неполнотой и случайностью сохранившегося материала, обусловленных самыми различными причинами, исследователи сталкиваются постоянно, и это не мешает им отличить главные явления от второстепенных.

В доказательство того, что земледелие не сделало таких заметных успехов, как животноводство, диссертант приводит статью 24 Краткой Правды, которая в сопоставлении со статьей 13 Пространной Правды создает впечатление какой-то тенденции к статике в этой области». Но рутинное состояние примитивной техники в условиях барщинной системы не является основанием для того, чтобы опровергнуть выводы о распространении земледелия, в княжеском хозяйстве в частности. Если не было сдвигов, это не означает малых размеров пашни.

Сходное положение замечает И.Я.Фроянов и в хозяйстве других частных землевладельцев - бояр и духовенства. Можно согласиться с автором, что в своем развитии земельная собственность бояр и духовных чинов несколько отставала от княжеской. Но и при этом она была значительно более развитой, чем это представляется И.Я.Фроянову. Диссертанту, на наш взгляд, следует учесть, что в некоторых источниках уже в XI - XII вв. затрагиваются вопросы, связанные с земельной собственностью бояр, а также выводы Я.Н.Щапова о возникновении церковного землевладения во второй половине XI в. (см.: «Древнерусское государство и его международное значение». М, 1965, стр. 279-352).

И.Я.Фроянов затронул весьма важный вопрос о способах формирования крупного землевладения. Широко распространенному в исторической литературе тезису о насильственных захватах земель, принадлежавших крестьянам, он противопоставил свой, согласно которому складывание крупного земле-

владения на Руси X - XII вв. осуществлялось главным образом путем займок пустующих земель и купель. Насилие же здесь играло эпизодическую роль.

Отвергая выводы большинства советских историков о насильственном захвате крестьянских земель, о внеэкономическом принуждении, диссертант привлекает высказывания Ф.Энгельса, относящиеся к догосударственному периоду, к периоду распада родового строя в связи с появлением прибавочного продукта, возникновение которого, как подчеркивал Энгельс, не может быть объяснено насилием.

Вместе с тем автор не приводит мыслей Энгельса о том, что раздел родовых земель возникает в результате появления излишков, которые надо создать трудом, а потом только можно отнять грабежом. Это выводы Энгельса диссертант относит к периоду, когда начали отнимать грабежом - к периоду государства, организации насилия.

Следовательно, отрицать насилие в Древнерусском государстве, ссылаясь на выводы Энгельса, с нашей точки зрения, неправомерно.

Нет оснований соглашаться и с утверждением автора, что господствующий класс Киевской Руси не имел достаточных сил и средств для подавления сопротивления общинников. Походы первых русских князей свидетельствуют об обратном.

Нам представляется неубедительной и критика выводов ряда советских историков по вопросу о степени влияния вотчинников на древнерусское законодательство.

Подводя итоги по вопросу о месте крупного землевладения в экономике Древней Руси, И.Я.Фроянов приходит к мысли, что оно, будучи незначительным, решительно проигрывало по сравнению с землевладением свободных крестьян-общинников, которое и являлось господствующим в ту пору.

Крупное землевладение не было даже основным источником доходов древнерусской знати, видевшей главное богатст-

во в движимости (золото, серебро, драгоценности, скот, рабы), а не в земле.

В подтверждение этого в диссертации приводятся свидетельства летописей о трофеях, которые захватывали во время междоусобных феодальных войн. Но из того факта, что увозили золото, серебро, а не мешки с овсом и мукой, не следует вывода об отсутствии земледельческого крупного хозяйства. Во все времена, очевидно, грабители предпочитали драгоценности, движимые ценности.

Автор же на основе этих фактов определяет уровень развития общества и приходит к выводу, что такие явления типичны для периода разложения родового строя, ссылаясь при этом опять на Ф.Энгельса («Происхождение семьи, частной собственности и государства» в кн.: К.Маркс и Ф.Энгельс, соч., т. 21, стр. 21, 166, 167). Но Ф.Энгельс, характеризуя высшую ступень варварства - предгосударственный период - пишет о деятельности купцов и заключает, что там «наряду с богатством, заключающимся о товарах и рабах, наряду с денежным богатством появилось также богатство земельное». (Указ.соч., стр. 166 - 167). Как видно, во-первых, наряду, а не позднее, во-вторых, речь идет о предпосылках возникновения государства, о догосударственном периоде, что не имеет отношения к теме рецензируемой работы.

Третья глава диссертации И.Я.Фроянова посвящена исследованию зависимого населения в Древней Руси. В ней рассматриваются все главные категории зависимого люда на Руси в X - XII вв.: челядь, холопы, данники, смерды, закупы, изгои, рядовичи и др. К числу положительных качеств данного исследования следует отнести стремление изучить каждую группу зависимых людей в эволюции. Это надо особо отметить, поскольку в литературе нередко отсутствует такой исторический подход, т.е. изучение часто ведется статически.

Многие из названных категорий зависимого населения толкуются автором по-новому. Это относится прежде всего к

челяди, холопам, смердам, закупам, изгоям. В итоге проделанного исследования автор приходит к выводу о значительной распространенности в древнерусской вотчине труда рабов и полусвободных (при наличии труда крепостных). Вскрывая социальную сущность вотчины, И.Я.Фроянов устанавливает ее сложный характер: она и рабовладельческая, и феодальная одновременно. При этом труд рабов и полусвободных преобладал в ней.

С точки зрения социально-экономической, Древняя Русь XI - XII вв. представляется И.Я.Фроянову неоднородной, совмещающей различные социальные уклады: общинный, рабовладельческий и феодальный. Последний был еще слаб (он даже уступал рабовладельческому), но автор называет его ведущим в том смысле, что ему принадлежало будущее. Однако на Руси XI - XII вв. господствовал пока общинный уклад и свободное крестьянское хозяйство являлось еще доминирующим в экономике Киевской Руси.

И в этой части исследования не все положения могут быть нами приняты. Касаясь отношений между верхушкой киевского общества и основной массы населения, И.Я.Фроянов пишет, что насильственный захват земель, принадлежавших общинникам, играл подсобную, чаще всего эпизодическую роль на том основании, что свободных земель было много и незачем было их захватывать (стр. 260). Но ведь речь в данном случае идет не о любых землях, а о населенных крестьянами и культивированных. Диссертант отрицает полудье как форму эксплуатации в Древнерусском государстве, считая его результатом добровольного договора, даром (даровное полудье). Но если полудье - добровольный дар, то почему был убит князь Игорь, а княгиня Ольга так жестоко мстила древлянам? Мнение автора о «внутренних смердах» как части населения, образовавшейся из бывших пленников («экс-челяди»), на наш взгляд, должно быть увязано с данными Русской Правды о зависимом положении смердов. Наконец, нам представляется,

утверждение автора о том, что в хозяйствах крестьян и ремесленников применялся рабский труд (стр. 327, 358), нуждается в дополнительной аргументации.

Сделанный нами разбор показывает, что по ряду проблем мы расходимся во взглядах с автором рецензируемой диссертации. Но это не может служить препятствием для ее высокой оценки. Автор показал умение тщательно и глубоко анализировать источники, а по некоторым вопросам, как отмечалось выше, пришел к выводам, мимо которых не смогут пройти исследователи социально-экономического строя Киевской Руси. Поэтому мы считаем, что И.Я.Фроянов заслуживает присуждения ему ученой степени доктора исторических наук.

Отзыв на докторскую диссертацию И.Я.Фроянова: «Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя», представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук, утвержден на заседании кафедры источниковедения истории СССР и вспомогательных исторических дисциплин от 15 ноября 1973 г.

Завкафедрой источниковедения истории СССР
и вспомогательных исторических дисциплин
доктор исторических наук, профессор

А.П.Пронштейн

Отзыв на докторскую диссертацию И.Я.Фроянова: «Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя», представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук, утвержден на заседании Ученого совета исторического факультета от 7 декабря 1973 г.

Председатель Ученого совета исторического ф-та
доктор исторических наук, профессор

В.А.Золотов

ОТЗЫВ ОБ АВТОРЕФЕРАТЕ
И.Я.ФРОЯНОВА
«КИЕВСКАЯ РУСЬ».

Главные черты социально-экономического строя».

Автореферат докторской диссертации И.Я.Фроянова посвящен весьма важной теме. Основные работы по социально-экономическому строю Киевской Руси (Б.Д.Грекова, С.В.Юшкова, В.В.Мавродина и др.) вышли уже довольно давно. С тех пор накопилось много новых наблюдений, часть из которых сделана самим автором диссертации, и они требуют нового осмысления и обобщения.

Кропотливо, осторожно и с хорошим вниманием к филологической стороне вопроса (здесь особенно ценны наблюдения автора над значением отдельных юридических и социальных терминов) И.Я.Фроянов пересматривает отдельные положения, выдвинутые нашими крупнейшими историками. При этом автор проявляет редкостное для молодого ученого внимание ко всей аргументации своих старших предшественников и скромность в отношении своих собственных заслуг.

Выводы И.Я.Фроянова заслуживают всяческого внимания. Как правило, он не упрощает вопросов, а представляет их во всей их сложности, рисует более сложную картину социально-экономического строя Киевской Руси, чем его предшественники.

На основании знакомства с авторефератом диссертации И.Я.Фроянова и со статьями, в которых отражены основные положения диссертации (их более 20), считаю, что И.Я.Фроянов вполне заслуживает присуждения ему степени доктора исторических наук.

Академик
Д.С.Лихачев

12.XII.73.

ОТЗЫВ

о монографии И.Я.Фроянова: «Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя». Л., 1973. 400 машинописных стр. (представлена в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук).

Автор проявил большую творческую смелость, взявши в качестве темы докторской диссертации вопрос о социально-экономическом строе Киевской Руси. Источников здесь очень ограниченное количество. Все они в основном давно известны, испробованы разные варианты их прочтения, найти новый на них угол зрения не легко. Но, несмотря на трудности, И.Я.Фроянов взялся за эту задачу. Такую попытку можно только приветствовать. Диссертант при этом оговаривается, что «в условиях развернувшегося в советской исторической науке обследования социально-экономической структуры Киевской Руси» его диссертация - лишь одна из попыток, принимаемых в указанном направлении, а выводы и наблюдения, представленные в ней, - не более, чем один из возможных вариантов решения сложной, не поддающейся однозначному толкованию проблемы». Верно, но только надо иметь в виду, что не бывает нескольких вариантов истины, истина одна, и то или иное решение проблемы или приближает к ней, или отдаляет от нее. И.Я.Фроянов, конечно, это сознает и стремится ввести в науку более правильное, как он думает, по сравнению с господствующим, понимание характера социально-экономического развития Древней Руси. Это совершенно закономерно и естественно.

И.Я.Фроянов предупреждает, что не будет давать «систематических историографических обзоров». Думаю, что он прав. Уж слишком много таких обзоров опубликовано. Но о чем следует пожалеть, - это о том, что автор не дал краткой

характеристики некоторых современных направлений в изучении Киевской Руси, смысл которых сводится к попытке (часто весьма неубедительной) опровергнуть тезис Б.Д.Грекова о ее феодальном строе. Не совсем, например, ясно, почему диссертант не говорит об очень спорной концепции В.И.Горемыкиной о рабовладельческом характере Древнерусского государства, к которой в одной из своих статей он отнесся весьма положительно и которая, по-моему, близка его собственным взглядам, изложенным в диссертации.

Вряд ли я ошибусь, если скажу, что основная направленность монографии т.Фроянова (и критическая, и позитивная) идет по линии пересмотра представлений Б.Д.Грекова о генезисе феодализма на Руси. Называя Грекова «признанным главой советской исторической науки», говоря, что с его именем связано «решение ключевых проблем истории древнерусского феодализма», т.Фроянов отмечает в то же время его «схематизм», «уязвимость» выдвигаемых им положений «и с точки зрения фактов, и с точки зрения логики...», «зыбкость почвы», на которой он стоял, наличие в его системе доказательств «непрерывных допущений, вытекающих из представлений об «общем характере развития» Древнерусского государства», и даже «рецидив» норманизма.

Подобная критика концепции, методики, источниковедческих приемов вполне допустима, но ответственна и требует от диссертанта серьезной аргументации. Поэтому прежде всего надо поставить вопрос о том, какими исследовательскими средствами владеет сам диссертант. Трудно было бы рассчитывать на расширение источниковедческой базы. Можно было ожидать помощи лишь со стороны археологии. И действительно, использование археологического материала помогло автору более углубленно рассмотреть некоторые проблемы. Но остается непонятным, почему автор не привлек такой яркий источник, который тоже предоставили историкам архео-

логи, как берестяные новгородские грамоты. Ведь они проливают свет и на землевладение, и на формы зависимости.

Положительные результаты дало применение И.Я.Фрояновым сравнительно-исторического метода и метода ретроспекции, хотя думаю, что здесь можно было сделать больше. Проблема моделирования феодализма привлекает очень значительное внимание и советских ученых, и исследователей в странах социалистического лагеря (Ловмянского, Бардаха, Русоцкого и др.), открывая широкое поле для социологических обобщений. Что касается ретроспективного метода, то он, вероятно, мог бы быть использован применительно не только к грамотам Великого Новгорода и Пскова, но и к актам Северо-Восточной Руси XIV-XV вв. Я говорю это не с тем, чтобы найти какие-то пробелы в источниковедческой базе и исследовательской лаборатории И.Я.Фроянова, а потому, что общей задачей всех, кто занимается историей Древнерусского государства, являются поиски путей к преодолению той ограниченности источников, в которую все мы упираемся.

Я считаю вполне обоснованным выделение в качестве темы диссертации проблемы социально-экономического строя Древней Руси, но думаю, что полное обособление базисных явлений от надстроечных ограничило возможности диссертанта. Напомню, что Б.Д.Греков, основываясь на характере базиса, делал выводы о надстройке, и независимо от степени убедительности его точки зрения самый путь научного поиска методологически допустим.

Диссертация состоит из трех глав. В первой речь идет об общинном землевладении, о верви, о древнерусской семье, о предпосылках возникновения городов. Вторая глава посвящена крупному землевладению и хозяйству, а третья - зависимому населению. Структура продуманная и четкая.

В первой главе автор говорит «о существовании у восточных славян коллективного землевладения, представленного родом, племенем, союзом племен» и о складывании, с ростом

публичной власти, государственного земельного фонда. Все это изложено вполне убедительно, и я лишь не понимаю, почему И.Я.Фроянов считает, что в советской историографии факту наличия государственных земель не придавалось значения. По-моему, придавалось. Не вызывает у меня возражений трактовка верви как организации, сочетающей в себе «родственные и соседские связи, элементы общинной и индивидуальной собственности». Ряд интересных наблюдений сделан касательно древнерусской семьи. Вероятно, верен вывод, что «формы семьи в ту пору варьировались от большесемейных союзов до малой семьи...». Но нельзя подкрепить конкретным материалом тезис о том, что наиболее распространены в Киевской Руси были большие семьи вместе с переходными формами. Поэтому критика с этой точки зрения Б.Д.Грекова и Я.Н.Щапова не достигает цели.

Ряд интересных соображений изложен в параграфе о городах. Заслуживает внимания мысль о многообразии путей образования древнерусских городов. Следует поддержать принцип историзма в подходе к этому вопросу. Но никак нельзя согласиться с заявлением, что развитие городов не связано с процессом феодализации (не при чем тут и феодализм). Город — органическая часть системы феодальных отношений на определенном этапе, и вырвать его оттуда нельзя. Справедливо отстаивая историчность в трактовке проблемы городов, автор иногда сам допускает, по-моему, не исторические формулировки вроде того, что «отделение ремесла от земледелия обнаруживается даже у представителей черняховской культуры». Понятие «отделение ремесла от земледелия» — это не просто констатация их раздельного существования, а определение экономических явлений на соответствующей ступени общественного развития. Толкование И.Я.Фрояновым термина «старцы градские» — «племенная знать, которая занималась гражданскими делами...», надо признать одним из возможных.

Общий вывод автора из первой главы о том, что в Киевской Руси факторам дофеодального порядка принадлежала большая роль, справедлив и в общем уже принят советской наукой. Но формулировка И.Я.Фроянова — «в высшей степени существенная роль» — заставляет задуматься как это понимать: наступил уже феодализм или нет. На этот вопрос диссертант обещает ответить в следующих главах. Это логично.

Во второй главе «Крупное землевладение и хозяйство на Руси X - XII вв.» автор прежде всего рассматривает историографию вопроса, затем высказывает некоторые «методические и терминологические замечания». Он говорит, что большинством исследователей принят тезис «о крупном землевладении как экономической основе феодального процесса». Это вероятно, но во избежание иногда встречающейся методологической нечеткости, по-моему, не лишне подчеркнуть, что термин «крупное» обозначает не размеры землевладения, а его *«феодальный»* характер (соединение собственности феодала или феодального государства на землю с эксплуатацией зависимого населения в форме ренты). Понимание собственности на землю как основы феодализма до недавнего времени было господствующим. В настоящее время имеются попытки (по-моему мало убедительные) его пересмотреть; выдвигается на первое место система личностных отношений. Критика И.Я.Фрояновым в этом плане взглядов А.Я.Гуревича и Л.В.Даниловой мне представляется правильной. В то же время мне кажется, что автор слишком легко отмахивается вопрос о верховной собственности на землю государства. Я не собираюсь сейчас защищать этот тезис; он требует особого разговора. Но думаю, что бьет мимо цели замечание диссертанта: «Как-то не вяжется мысль о верховной земельной собственности князя с многочисленными случаями, когда вече указывало путь незадачливому правителю, иначе — сгоняло его со стола». Довод очень примитивный, ибо речь не о том или ином, удачливом или незадачливом, князе-собственнике, а о верховной собст-

венности государства как органа публичной власти. А последний вопрос упирается в проблему иерархической структуры феодальной собственности на землю и ее расчлененного характера. Данная проблема (независимо от того, как решать) в труде И.Я.Фроянова не затронута ни теоретически, ни конкретно исторически, и я считаю это минусом.

Терминологические наблюдения И.Я.Фроянова касаются слова «село». Мысль о том, что оно сначала обозначает поселение свободных крестьян, затем крестьян зависимых, не вызывает возражений.

Концепция развития землевладения князей у И.Я.Фроянова такая: в X в. «домен», «если понимать под ним больших размеров княжеское хозяйство», обнаружить не удастся. «В руках князей лишь несколько сел, заводившихся с промысловыми целями». В XI в. в княжеской экономике происходят сдвиги за счет подъема животноводства, особенно коневодства.

Скотоводство — «центральная отраслевая ветвь» в хозяйстве князей, его «основа, фундамент». Гипотетически можно «предположить известное расширение княжеского земледелия», но оно было незначительным, «богатство множилось не за счет земледельческого труда, а в результате накопления движимых ценностей, увеличения стад и эксплуатации промысловых угодий». По-моему, источники не уполномачивают на такой вывод: у нас нет данных для того, чтобы говорить о постоянном преобладании в XI — XII вв. той или иной отрасли хозяйства (княжеского). Более осторожно И.Я.Фроянов высказывается по тому же поводу в главе о землевладении бояр: «земледелие, разумеется, тоже было здесь представлено, но трудно сказать, перевешивало ли оно в хозяйственном балансе частных предприятий древнерусского боярства». Действительно, трудно. Вероятно, в разных местах было по-разному; сказать, что везде земледелие было «позади», мы не имеем права.

И.Я.Фроянов выдвигает тезис, что «личные потребности в хлебе» князя «удовлетворяли через кормления...». Что кормления играли большую роль в Древней Руси — это бесспорно. То, что диссертант подчеркнул данный факт, это очень хорошо. Но, во-первых, автор видит кормления там, где их могло и не быть. Например, он приводит ряд цитат из летописей о сожжении сел. Но что мешает признать их за частновладельческие (княжеские, боярские села)? Почему — «жизнь» — это обязательно «волость, кормившая князя»? Фраза «жита пожгли и всю жизнь погубила еста» переводится весьма просто: «пожгли хлеб и погубили продовольствие — источник существования». Термин «жизнь» многозначен. Во-вторых, почему «кормление» надо исключать из системы феодальных отношений? Это пожалование в лен не самой земли, а поборов с населявших ее непосредственных производителей. Ведь система кормлений просуществовала до середины XVI в., органически сочетаясь с другими явлениями феодального строя. Она была связана с отношениями вассалитета и распределением ренты; с течением времени приобретала наследственный характер.

Ряд интересных соображений высказывает автор по поводу церковного землевладения. Он разбирает акты передачи государством церковным учреждениям права сбора доходов с определенных территорий и расценивает такую передачу как «*возможность*» эволюции пожалованной земли в феодальную собственность»: «сначала устанавливалась верховная собственность на землю волости, носившая скорее номинальный характер, нежели действительный», а затем владелец постепенно «приближается к волости и, наконец, внедряется в общественную ткань, подрывает общину и устанавливает над ней господство, — завязывается феодальное хозяйство». Здесь автор оперирует понятием «верховная собственность» (от которого ранее отказался), и это позволяет ему обрисовать процесс феодализации от «возможности» до реальности (я бы ска-

зал по-другому: от раннефеодальной стадии до развитого феодализма).

Думаю, что И.Я.Фроянов правильно возражает против некоторых увлечений Я.Н.Щапова (расширительное толкование феодальной ренты, к которой тот относит, например, торговые пошлины). Но вряд ли стоило переводить в плоскость юмора серьезный вопрос о перерастании дани в ренту и о разделе ренты между светской и церковной властью: «Историк заставил мирян и церковников делить шкуру неубитого медведя». Диссертант любит подобные образы. Так, критикуя «нашу историческую литературу» за ее «однобокое представление» о древнерусском законодательстве, он воспроизводит «скучный график, кривая которого однообразно ползет вверх, где от избытка феодальных испарений свободному крестьянину-общиннику прямо-таки нечем дышать». Но литературная манера — это в конце концов дело автора; о вкусах не спорят.

Особо автор говорит о путях создания земельной собственности. «Основными и первоначальными способами земельного стяжания в Киевской Руси» он считает заимку пустых неосвоенных земель и куплю. «Явления вторичного порядка» - вклады и пожалования. «Подсобную», «эпизодическую» роль в образовании собственности играл земельный захват. Из-за бедности источников установление такой последовательности — дело чисто умозрительное.

В третьей главе рассматривается зависимое население. Диссертант разбирает его по отдельным разрядам, которые носят в источниках названия: челядь, холопы, смерды, закупы и пр. Так поступали и его предшественники. Традиция здесь устойчивая. Но один серьезный момент у него отсутствует: процесс классообразования. А с этого надо было начать.

Если я правильно понимаю автора, главное, что он хочет доказать, это распространенность рабства и его значительную роль в общественном развитии. Наиболее раннее обозначение раба - «челядин»: в этом И.Я.Фроянов сходится с рядом исто-

риков, и это, по-видимому, так и есть. Верно и то, что одним из источников рабства был плен. Недоказуемо другое: что под челядью всегда имеются в виду рабы-пленники, что «для летописца челядь и пленники - синонимы». Но диссертант настолько в этом уверен, что безоговорочно заявляет: «...пленников не надо было обращать в челядь, поскольку они и есть сама челядь, т.е. рабы-пленники. С момента пленения человек превращался в челядина — раба». А с этим связан и другой, очень сомнительный, тезис: «плен - единственное средство пополнения челяди в Киевской Руси».

Кроме челядинов, рабами были холопы. Различие между ними, по И.Я.Фроянову, определяется происхождением. «Челядь» добывалась во время войн. Холопы - люди местного происхождения. «Процесс формирования холопства зависел от некоторых специфических условий, связанных с обнищанием на одном полюсе и складыванием крупного владельческого хозяйства - на другом». Положение челяди и холопов — различно: с одной стороны - «абсолютное бесправие», с другой - известная «правоспособность». Причина различия, по И.Я.Фроянову, та, что «челядин» - чужеземец, а холоп — свой, местный человек». Мне кажется, что обращение к явлениям социально-экономического порядка, к процессу феодализации гораздо лучше объясняет формирование и изменение тех или иных категорий зависимого населения, чем несколько искусственное противопоставление аборигенов и инородцев.

Последнее обстоятельство, конечно, играло роль и, может быть, не малую, но лишь в сочетании с социальными явлениями.

Оригинальная точка зрения т.Фроянова на смердов. Он считает, что были две категории смердов. Одна - это не славянские иноязычные племена, живущие на территории, не входящей в состав древнерусских земель-княжеств, покоренные и обложенные данью. Условно говоря, это «внешние смерды». Дань - это контрибуция, а не феодальная рента. От-

лична она и от полюдья - добровольного сбора архаического происхождения, шедшего со свободного населения — «людей».

Другая категория смердов — «внутренние», жившие на территории древнерусских земель - княжеств, по Фроянову, - бывшие пленники, т.е. та же челядь, посаженная на землю, государственные рабы. Князья переводили часть смердов в состав собственного хозяйства, часть передавали монастырям и другим вотчинникам.

Деление смердов на внутренних и внешних и версия о смердах как пленниках-рабах не вытекают из анализа источников. Это авторская схема, я не вижу также оснований для противопоставления «дани» и «полюдья». Почему нельзя рассматривать «полюдье» как *систему* сбора дани? Естественно, что во время полюдья сборщики дани и кормились с населения. «Примучивали» князья не только иноязычные племена, но и восточнославянские, т.е. по терминологии И.Я.Фроянова — «внутренних» смердов. Поэтому попытка связать появление термина «смерд» с межплеменной борьбой мне кажется неубедительной. Но хорошо уже и то, что диссертант считает возможным «уподоблять земельной ренте» «характер дани отдельных групп частновладельческих смердов».

И.Я.Фроянов предлагает своеобразную концепцию закупничества. Он пишет, что закупы выходили из «деклассированной части древнерусского общества». По Фроянову, «людской резерв закупничества — «люмпен-пролетариат» на русской почве». Переходя в закупы, эти деклассированные элементы становились «полурабами». В западноевропейской средневековой действительности аналогию закупам представляли «литы». Прimitивные отработки, которые несет закуп, - «признак развивающегося рабства, ибо в Киевской Руси рабство не убывало, а продолжало расти», причем «рабовладельческое хозяйство являлось одной из главнейших предпосылок феодализма в России». Каким образом эта предпосылка оказала воздействие на процесс феодализации, остается неясным, ибо ло-

гика диссертанта весьма жестка и определена: закуп не был крестьянином до вступления во взаимоотношения с «господином», не стал крестьянином и после этого. Следовательно, ни о каких отношениях феодальной зависимости говорить не приходится: сначала люмпен-пролетарий, затем полураб. Ну, а если взять обычную крестьянскую порядную времен зрелого феодализма, что же и она рисует путь «деклассированных» людей в «полурабство»?

Изгой, по Фроянову, - выкупившейся на волю холоп (по терминологии средневековой Европы - либертин), оставшийся под властью и защитой своего патрона. Встречались среди изгоев и выходцы из свободных слоев общества: купцы-банкроты, поповичи-недоумки, экс-общинники - «своеобразный отечественный вариант люмпен-пролетариев классической древности». Изгой были свободные (городские) и зависимые (деревенские) от бывшего хозяина. Из числа последних в дальнейшем формировались крепостные. Все это, по-моему, дельные соображения, только вряд ли стоит так злоупотреблять аналогиями с античностью.

И.Я.Фроянов предлагает расшифровку наименований и ряда других социальных категорий, по его мнению людей, вышедших из рабства. Пущеник — раб, отпущенный на волю без выкупа; прощенник - прощенный раб; задушный - освобожденный по душе господина. Все это полусвободные (но не феодально зависимые) люди. «Многообразие промежуточных форм» (от рабства к свободе), — пишет т.Фроянов, - признак не умирающего, а жизнеспособного рабства: зяблое дерево ответвлений не дает, оно засыхает на корню». Рабами по происхождению считает диссертант и основную массу рядовичей - управителей в княжеских и боярских владениях.

Не трудно заметить, что в понимании И.Я.Фроянова вся социальная терминология, обозначающая различные группы деревенского населения, указывает на рабов. Феодально зависимых людей еще нет, они в проекции. О свободном крестьян-

стве сказано, но оно не показано (да этого и нельзя сделать из-за отсутствия источников).

Поскольку итоги исследования автора идут в разрез с господствующей в литературе концепцией, хотелось бы видеть в его монографии развернутое заключение с подробной характеристикой общественных отношений в Древней Руси. Но заключение предельно кратко, хотя начинается очень обещающей фразой: «Наше исследование близится к концу. Настала пора сказать о главных чертах социально-экономического строя Киевской Руси». Далее автор пишет: «Древнерусское общество - сложный социальный организм, сочетающий различные типы производственных отношений». Хорошо, что автор вводит понятие многоукладности. Оно дает возможность более всесторонне осветить исторический процесс. Но это понятие должно применяться в рамках формационного членения, а диссертант не дает определения формации, а отмечает лишь сосуществование разных типов производственных отношений. По-моему, это теоретически вызывает возражения.

Не ясно и какой уклад является ведущим? И.Я.Фроянов говорит, что феодальный, ибо ему «принадлежало будущее». Но, очевидно, будущее имеется в виду отдаленное, так сказать, в перспективе (если исходить из контекста, то где-то в пределах XV в.). Если же взять эпоху, изучаемую И.Я.Фрояновым, — X—XII вв., то, по его мнению, в это время усиливалась роль рабовладельческого уклада, история которого «не была чем-то невозмутимо монотонным». Он зародился «в недрах первобытнообщинного строя» еще во времена антов, «укрепился» в XI в. с ростом землевладения князей, дружинников, духовенства, его рост становится «особенно ощутимым» в XII в. Если все это верно, значит и Киевское государство XI — XII вв. было рабовладельческим. Но тогда надо подвергнуть критике работы последних лет (например, В.Т.Пашуто), в которых так рельефно показаны феодальные черты древнерус-

ской государственности. Надо шире поставить вопрос и о характере средневековых славянских феодальных государств в целом (ведь о них много работ, выводы которых не укладываются в схему, предложенную т.Фрояновым).

Но диссертант непоследователен в своих заключениях. Подчеркнув значение рабовладельческого уклада, он в последней, завершающей фразе своей монографии пишет: «...в Древней Руси и рабовладельческий уклад, и феодальный решительно проигрывали по сравнению с общинным укладом, и частное хозяйство XI - XII вв, будучи скромным по размерам, напоминало островки, затерявшиеся среди свободного крестьянского хозяйства, господствовавшего в экономике той поры». На чем основан этот вывод? Автор отмечает: то, что «подавляющая масса земледельческого населения в Киевской Руси являлась свободной», «подтверждается не только древнерусскими материалами, но и выводами историков, изучивших положение русского крестьянства более позднего времени. Следуют ссылки на А.В.Арциховского, который в результате «тщательного анализа берестяных грамот убедился, что крестьяне в Новгороде еще не были полностью закрепощены», и на Ю.Г.Алексеева. По наблюдениям последнего, «черная волость», объединявшая свободных крестьян, была еще в конце XV — начале XVI в. «достаточно жизнеспособной организацией, ведущей активную борьбу против феодала», а собственность волости — это дофеодальная собственность свободных общинников.

Но, во-первых, из «древнерусских материалов» диссертант извлек данные отнюдь не о свободном земледельческом населении, а о таком, которое, по его интерпретации, было рабского происхождения или положения. Исключение составляют, пожалуй, одни лишь «люди», но их автор только упоминает.

Во-вторых, замечание А.В.Арциховского, что новгородские крестьяне еще не были полностью закрепощены, отнюдь не означает, что они не были феодально зависимы. Если бы

И.Я.Фроянов привлек берестяные грамоты, он смог бы убедить, сколь сильна была эта зависимость.

Вряд ли стоит сейчас разбирать концепцию Ю.Г.Алексеева о характере черного землевладения и черносошного крестьянства. Это слишком далеко бы нас завело. Во всяком случае, это не такой простой вопрос, чтобы, говоря о нем, отделяться одной фразой.

Но самое главное, говоря о крестьянской «свободе», следовало бы определить ее признаки. Вероятно, эта «свобода» не была явлением устойчивым, вероятно, она меняла свой характер в зависимости от обстоятельств времени и места.

Наконец, я снова возвращаюсь к Киевскому государству. Что же это за организм? Какова же его классовая сущность? На какой базе оно возникало, если основой экономики являлось свободное крестьянское хозяйство, буквально затоплявшее землевладельческие островки.

Меня концепция И.Я.Фроянова не убедила. Я остаюсь при убеждении, что разработанная Б.Д.Грековым «генеральная линия развития общественных отношений в Киевской Руси», несмотря на большое количество поправок, уточнений, дополнений, внесенных другими исследователями, в основном (признание феодализма в Киевской Руси) остается в силе.

Но я отдаю должное творческому поиску И.Я.Фроянова, оригинальности его суждений, эрудиции, ряду интересных наблюдений. Думаю, что обсуждение его работы будет способствовать дальнейшему изучению истории Древней Руси. Все это дает мне основание говорить о том, что И.Я.Фроянову следует присудить ученую степень доктора исторических наук.

Академик
Л.В.Черепнин

10.XII.73.

ОТЗЫВ

о докторской диссертации И.Я.Фроянова «Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя». Л., 1973, 400 м/п стр.

Социальная структура древнерусского общества принадлежит к числу тем советской историографии, которые являются классическими. Уже с 20-х гг. нашего века вопросы о сущности общественного строя Киевской Руси стали предметом жарких споров. И с того времени до сегодняшнего дня историки и правоведы, экономисты и археологи обогащают нашу науку все новыми трудами, касающимися общественных отношений и экономики Киевской Руси. Уже несколько поколений ученых внесли свою лепту в разработку этой сложнейшей тематики. Достаточно будет назвать только несколько имен: Б.Д.Греков и С.В.Юшков, М.Н.Тихомиров и Б.А.Рыбаков, В.В.Мавродин и И.И.Смирнов, П.П.Смирнов и Б.А.Романов, Л.В.Черепнин и В.Т.Пашуто. Казалось бы уже исчерпаны не столь уж значительные запасы сохранившихся источников, применены самые утонченные методы их источниковедческого анализа, предложены самые разнообразные объяснения запутанных сюжетов. И все же пытливая мысль не останавливается на достигнутом. Она ищет новых путей, которые позволили бы исследователю проникнуть в самую глубину темы, предлагает не останавливаться, а идти все вперед и вперед. •

Работа И.Я.Фроянова уже потому производит на меня самое благоприятное впечатление, что ее автор не побоялся взяться за тему, которая как бы освещена замечательными именами, составляющими гордость нашей отечественной науки. Этого мало. Он не превратил свой труд в простую сводку чужих суждений, своеобразную хрестоматию высказываний по спорным вопросам, в которой бы роль автора сводилась к

тому, чтобы щедро раздавать похвалы и порицания тем или иным прозорливым или недогадливым предшественникам. Он выносит на обсуждение свое понимание хода исторического процесса, которое является естественным продолжением тех раздумий и конкретных выводов, которые уже составляют реальное завоевание нашей науки. И.Я.Фроянов отнюдь не стремится отказаться от дорогого всем нам наследия наших предшественников по науке, а, опираясь на него, идти вперед, ибо только в этом вечном стремлении к познанию истины и есть суть труда исследователя. В этой связи хочется отметить два обстоятельства. И.Я.Фроянов является учеником (и продолжателем) В.В.Мавродина, с именем которого связана разработка вопросов истории Древней Руси на протяжении нескольких десятилетий. Перед нами как бы живая связь поколений историков, что чрезвычайно важно. Второе - это пристальное внимание И.Я.Фроянова к трудам предшественников, к историографии. У нас нередко случается, что молодой автор пытается изобразить себя неким первооткрывателем, забывая о том, что все его разыскания основываются на долгом пути, который проделала наука еще до появления его на научном небосклоне. И.Я.Фроянов - автор целого ряда серьезных историографических обзоров, посвященных разбору взглядов В.И.Ленина и Ф.Энгельса о проблемах разложения первобытнообщинного строя и зарождения феодальных отношений (в частности, в Древней Руси), советской историографии о формировании классов в Киевской Руси, о судьбах черносошного землевладения и ряда других. В них он предстает перед читателем в качестве внимательного исследователя, сочетающего мастерство историографического подхода с самостоятельным анализом самой проблематики, которой посвящены разбираемые им исторические труды.

В диссертации И.Я.Фроянова историографические экскурсы составляют органическую часть исследования, всегда сопрягаются с анализом конкретно-исторического материала. В

этом смысле его работа примыкает к известному труду Б.Д.Грекова.

Несколько слов хочется сказать и о составе источников, положенных автором в основу диссертации. Конечно, если говорить в самой общей форме, то перед нами труд, базирующийся на комплексе памятников, в общем-то известных предшественникам исследователям. Но дело, конечно, в соотношении различных видов источников. А вот тут-то и проявляются новые подходы И.Я.Фроянова. Если ранее ученые прежде всего исходили из анализа Русской Правды, как основного памятника, характеризующего социальные отношения в древнерусском обществе, то в работе И.Я.Фроянова акценты переставлены, и разбор летописных свидетельств, берестяных грамот и археологических памятников занимает не меньшее, а подчас даже большее место. Оправдано ли это или нет? Мне представляется, что это вполне оправдано. И дело даже не в том, что Русская Правда лучше изучена и нет надобности возвращаться к ряду решенных вопросов. Дело заключается в том, что советские медиевисты все более и более приходят к выводу о необходимости координировать анализ правовых источников (в частности, варварских правд) с житийными, хроникальными и эпическими источниками. Если обратиться к истории Древней Руси, то такая необходимость будет ясна. В самом деле, Русская Правда подчас относится к локально и социально ограниченному комплексу. Например, отдельные ее части характеризуют только княжеское хозяйство, или ситуацию большого города, или новгородское общество начала XI в. Можно ли выводы, полученные на основе анализа столь разнородных явлений, переносить на всю территорию Древней Руси или относить к разным социальным образованиям? Думаю, что не всегда. Обстановка периферии Древней Руси резко отличалась от той, которая сложилась на великом торговом пути «из варяг в греки». И заслугой И.Я.Фроянова является то, что в результате использования различных групп источников он показал лоскутность социальной структуры Киевской

Руси, разные стадии складывания и вызревания феодальных отношений в различных землях-княжениях. Тем самым в его работе намечаются те социально-политические условия, которыми можно объяснить процесс феодального обособления различных княжеств, начавшийся на Руси сравнительно рано.

Есть и еще один момент, на который хотелось бы обратить внимание. Если говорить об изучении Древней Руси, то здесь очень многое зависит от совершенствования методики исторического и источниковедческого исследования. В какой мере автору удастся задать источнику новые вопросы, по-новому подойти к пониманию его содержания - от всего этого зависит и то, раскроет ли источник перед исследователем какие-либо новые свои стороны, скрытые до того от взоров исследователей. И с этой стороны в работе И.Я.Фроянова есть много привлекательных моментов. Так, продолжая то, что было намечено Б.Д.Грековым, автор широко применяет метод сравнительно-исторического исследования, используя результаты трудов советских медиевистов по изучению процесса складывания феодальных отношений в сопредельных странах. Это проясняет многие вопросы, касающиеся судеб чернососного землевладения и характеристики различных слоев зависимого населения Киевской Руси. Очень полезным оказалось применение новых подходов к проблеме разложения первобытно-общинного строя и эволюции общины, выработанных советскими этнографами, к древнерусскому материалу. И.Я.Фроянов выступил весьма успешно на эту тему в дискуссии, которая происходила на страницах наших журналов. Наконец, использование наблюдений советских археологов о структуре сельского поселения X-XIII вв. также позволили И.Я.Фроянову не только расширить источниковедческую базу диссертации, но дать убедительное, на наш взгляд, решение ряда спорных вопросов (о времени складывания частновладельческого землевладения, о формах применения труда зависимого населения и др.).

С методической стороны автору можно сделать один упрек. Мне представляется, он недостаточно использует те результаты источниковедческого исследования письменных памятников, которые привели к существенному обогащению нашей науки (имею в виду труды по истории текста Русской Правды и летописей М.Н.Тихомирова, С.В.Юшкова, Д.С.Лихачева, Л.В.Черепнина и других ученых). Думаю, что если б работа И.Я.Фроянова была бы обогащена в большей мере источниковедческими мотивами, то некоторые его выводы получили бы новое подкрепление, а может быть от некоторых он бы и отказался. Насколько важна строгая методика изучения летописей, показывает дискуссия в нашей периодической печати, вызванная, в частности, тем, что отказ от текстологических подходов может привести и к ошибочным историческим выводам (как это было в работах А.Г.Кузьмина).

Диссертация И.Я.Фроянова касается не всех вопросов социального строя Древней Руси, а только тех, которые по мнению автора, являются главными. Подобное ограничение, на наш взгляд, вполне допустимо, ибо естественно в диссертационной работе увидеть более углубленное рассмотрение коренных проблем, чем поверхностный обзор всего круга вопросов, относящихся к социально-политической истории Древней Руси.

Первая глава посвящена предпосылкам складывания феодальных отношений на Руси. Автору удалось найти те проблемы, которые наименее освещены в нашей литературе или по которым идут длительные споры. Он характеризует формы общинного землевладения и по-новому ставит вопрос о верви, которая, по его мнению, «сочетала в себе родственные и соседские связи ... занимая промежуточное положение между семейной общиной и территориальной». Такое понимание верви имеет существенные преимущества: оно позволяет преодолеть, казалось бы, непримиримые точки зрения, имеющиеся в нашей литературе, на структуру древнерусской общины. И.Я.Фроянов правильно говорит, что для времени Киевской

Руси нет оснований считать, что господствовала тогда индивидуальная семья, что преобладающей тогда была большая семья. Этот в целом убедительный вывод автор подкрепляет скрупулезным анализом археологических памятников, а также значительным материалом этнографическим и сравнительно-историческим. Не убедил меня только автор в интерпретации вопросов о падении кровной мести по Русской Правде, которое автор относит к числу историографических мифов. Слабость построения И.Я.Фроянова заключается даже не в самом конечном выводе, а в методе исследования статьи I Пространной Правды, которую можно понять только в связи с историей текста всего памятника. И.Я.Фроянов же ограничивается отдельными замечаниями чисто логического свойства. Так, статья о мести ему представляется действующей на том основании, что в ней есть нововведения сравнительно с установлениями Ярослава в ст. 1 Краткой Правды. Но это говорит лишь о приемах кодификации памятника - и больше ничего (в него введены были те нормы права, которые известны княжескому уставу времен существования кровной мести, подправлена терминология). В то же самое время фактом остается, что ни о какой кровной мести как сколько-нибудь развитом (и главное - санкционированном государством) институте памятники XII и более поздних веков уже не знают. Чисто логические выкладки о статье первой сами по себе убедить не могут, ибо отмена кровной мести привела к изменению всей системы штрафов (утверждение вир и продаж), которое можно наблюдать уже почти в каждой статье Пространной Правды сравнительно с предшествующим законодательством.

Очень интересны наблюдения И.Я.Фроянова о причинах возникновения древнерусских городов, его призыв учитывать великое разнообразие обстоятельств, вызвавших возникновение городских поселений. В частности, его наблюдения о некоторых городах как племенных центрах, его анализ термина «старцы градские» (как племенной знати) заслуживают всяческого внимания.

Вторая глава диссертации характеризует крупное землевладение и хозяйство на Руси X - XII вв. И.Я.Фроянов показывает, что в литературе вопроса существуют большие разногласия. Для диссертанта проблема генезиса феодализма тесно связана с возникновением и ростом «крупного землевладения, покоящегося на частном праве». Большие села, как поселения свободных крестьян-общинников, относятся еще к временам первобытно-общинного периода. Но необходимо учитывать и многовековую эволюцию термина, а это И.Я.Фроянов делает не всегда. Нам представляется очень убедительным анализ И.Я.Фроянова так называемых ранних свидетельств о княжеском землевладении. Вопрос этот не нов (спорили на эту тему еще Б.Д.Греков с С.В.Бахрушиным), но все дело в аргументации, а она в работе И.Я.Фроянова очень обстоятельна. Правда, и на этот раз слабостью автора является невнимание к источниковедческим вопросам. Он не учитывает позднее происхождение летописных рассказов о княжеских селах X в. А если б его наблюдения сочетались с источниковедческой интерпретацией источника, то они были бы еще сильнее. Но с основным выводом автора, что «в Древней Руси X в. домен обнаружить не удастся», пожалуй, согласиться можно. Та же источниковедческая слабость обнаруживается у автора, когда он рассматривает вопрос о так называемом княжеском уставе Ярославичей. В самом деле, автор рассуждает примерно так: статьи, где устанавливается слово «князь», можно отнести к этому уставу, а где этого слова нет, то и относить их нет оснований (ведь охотничьи псы были не только у князя). Это, конечно, неверно. Необходимо рассматривать весь комплекс статей второй части Краткой Правды как единое целое, как определенную систему, связанную единством правовых понятий. Конечно, составитель памятника и не предполагал, что его будут понимать буквалистски. Его цель была создать определенный кодекс, который применялся в сфере княжеского домена. И находился в той или иной статье термин «князь» или нет, дела не меняло. А вот систему штрафов («продаж» и

«за обиду»), показывающую княжескую природу устава, И.Я.Фроянов не разбирает. И это, конечно, ослабляет всю его аргументацию. Вряд ли из факта наличия большего или меньшего количества статей о лошадях, охотничьих птицах и т.п. можно делать заключение о путях развития княжеского хозяйства. И.Я.Фроянов считает, что в княжеском хозяйстве XI в. «быстрыми темпами развивается скотоводство с акцентом на коневодство и появляется незначительная по размерам пашня с подсобной задачей». Источник нас не уполномочивает делать подобное заключение уже в силу своих особенностей. Его задачей была правовая охрана княжеского домена (людей и скота), а не регламентация тех или иных повинностей. Поэтому он, давая сведения о существовании барщины, ничего не говорит о степени ее развития и о соотношении ее с коневодством. Это не означает, что я отрицаю интенсивность развития коневодства в Древней Руси (данные, почерпнутые И.Я.Фрояновым из летописи, как будто подтверждают эту мысль, впрочем, и здесь надо учитывать особое внимание летописца не к хозяйству, а к военным экспедициям, в которых конные ратники были непременно участниками).

И.Я.Фроянов обращается и к анализу структуры боярской вотчины. И в данном случае он координирует свои наблюдения над Русской Правдой разбором летописных свидетельств. Им нарисована яркая картина разветвленного, многоотраслевого хозяйства бояр в XII в. Интересен и основной вывод: «большая доля боярских доходов в древней Руси собиралась в виде кормлений». Вывод этот заслуживает самого пристального внимания. Беда состоит лишь в том, что в источниках у нас нет прямых свидетельств о том, какую часть доходов бояр составляли какие поступления. И не только для XII в., а даже и для XV - XVI вв. Поэтому лучше было бы избежать категоричности суждений. Это относится также и к спору И.Я.Фроянова с М.Н.Тихомировым о «милостниках». Да, вряд ли в Киевской Руси были помещики типа Ивана Пересветова и даже Бориска Воркова.

Но, конечно, княжеские «милости» (в том числе и пожалование земли) сопровождались главной обязанностью дружинника служить своему господину. А это уже зародыш помещного землевладения.

В разделе о монастырском землевладении привлекает прежде всего то, что автор обращается к неизученным сторонам явления. Насильственный захват населенных крестьянских земель изучен довольно хорошо (последнее время этим занимался Я.Н.Щапов), а вот освоение незаселенных земель впервые обстоятельно исследовано И.Я.Фрояновым. Я бы только не противопоставлял одну сторону процесса другой, ибо понятие «крестьянская земля» очень широкое. Оно включает в себя и такие угодья, которые на первый взгляд могут показаться неосвоенными (леса и т.п.).

Последнюю главу диссертации составляет очерк о зависимом населении Руси X - XII вв. Точка зрения И.Я.Фроянова о челяди, холопах, смердах и данниках хорошо известна в литературе. Частично его выводы уже приняты исследователями, некоторые суждения оспариваются, давая в то же время толчок к новым поискам. Мне об этом приходилось говорить совсем недавно в книге о холопах на Руси. Поэтому я позволю себе быть предельно кратким.

Прежде всего мне глубоко симпатично стремление автора обратить внимание на те стороны процесса феодализации, которые оставались в тени. В самом деле, вовлечение свободного крестьянства в орбиту феодальной эксплуатации уже было предметом многих исследований. Но вот роль холопства в становлении феодализма не достаточно учитывалась. И здесь наблюдения И.Я.Фроянова очень плодотворны. С другой стороны, отождествляя свободных крестьян со смердами, некоторые историки и историки права совершали серьезную ошибку, убыстряя процесс вызревания феодализма. Впервые в литературе И.Я.Фроянов дал характеристику свободного населения Киевской Руси, показав формы отношений данников с княжеской властью. Не все выводы И.Я.Фроянова мне представля-

ются вполне доказанными. Так, на наш взгляд, отождествляя «челядь» только с полоняниками, И.Я.Фроянов совершает по меньшей мере две ошибки. Во-первых, он отказывается от динамического представления о развитии «челядинства» в Древней Руси и, во-вторых, он не доказывает тезис о том, что по своему положению пленники отличались от обычных холопов. Смерды, по И.Я.Фроянову, образовывали две группы: это «внешние смерды» - иноплеменные данники и «внутренние» - государственные рабы. В этих определениях есть определенный резон. В состав смердов могли входить жители иноплеменных земель. Могли они быть и холопами, посаженными на землю. Все это так. Но, во-первых, анализ событий на Белозере 1071 г. не дает оснований считать смердов только иноплеменными жителями (смердами названы только волхвы, а не все жители). Во-вторых, нет оснований считать, что холопы-смерды были только в распоряжении князя. И кроме того, институт смердов, известный на протяжении нескольких столетий, нужно рассматривать исторически, показывая динамику процесса, не ограничиваясь одной общей характеристикой. Категорическое суждение о том, что «государственных смердов ... нельзя относить к феодально зависимому люду», вряд ли верно. В каком отношении и когда? В правовом? В социально-экономическом? В X веке? В XII веке?

Закупы для И.Я.Фроянова «полурабы». Если б здесь автор поставил точку, с ним можно было бы целиком согласиться. Или если б он добавил: «в правовом отношении». Но он опять категоричен, а поэтому пишет, что они «не феодально зависимые» люди. А вот уж с этим согласиться трудно.

Таков круг вопросов, рассмотренных в диссертации И.Я.Фроянова. Перед нами творческое исследование сложнейших проблем становления феодальных отношений в Древней Руси. Наши замечания не имеют категорического звучания - вопросы сложные, спорные. Так или иначе, но у меня нет никаких сомнений в том, что работа И.Я.Фроянова вполне отвечает требованиям, предъявляемым к исследованиям, кото-

рые представляются на соискание ученой степени доктора исторических наук. Хотелось бы увидеть эту работу целиком в печати, с тем, чтобы обсуждение проблем, поднятых автором, продолжилось.

Доктор исторических наук
Профессор А.А.Зимин

22/ХП-1973 г.

ОТЗЫВ

на докторскую диссертацию И.Я.Фроянова «Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя». Л., 1973.

Диссертация И.Я.Фроянова посвящена одной из центральных тем русской истории. История «киевского периода» Древней Руси всегда привлекала к себе внимание крупнейших русских и советских ученых. Это область отечественной историографии, где особенно сильны ученые академические традиции (научные школы) и особенно высок источниковедческий уровень проводимых исследований. Именно трудами советских медиевистов, имеем в виду в первую очередь работы академика Б.Д.Грекова, его последователей и учеников, была разработана концепция истории Киевской Руси, основу которой составляет трактовка социально-экономического строя Древней Руси IX—XII вв., как строя феодального.

В представленной диссертации И.Я.Фроянов во многом пересматривает эту концепцию. Автор отмечает излишнюю прямолинейность, с которой некоторые исследователи решают вопрос о зарождении феодализма в Древней Руси. Он обращает внимание на существование в древнерусском обществе X-XII в. различных социально-экономических укладов — общинного, рабовладельческого и феодального. Их соотношение И.Я.Фроянов характеризует следующим образом. «Рост землевладения князей, дружинников и духовенства, наблюдаемый в XI в., — с его точки зрения, — способствовал укреплению рабовладельческого уклада. Этот рост особенно ощутимым становится в XII в.». «Рядом с рабовладельческим укладом примерно со второй половины XI в. развивается феодальный уклад», «но "феодальный уклад, — по мнению автора, — уступал рабовладельческому", был "еще слаб" и его "можно считать ведущим" лишь в том смысле, что "ему принадлежало будущее"». В целом же — и автор это особо подчеркивает —

«как рабовладельческий уклад, так и феодальный решительно проигрывали перед общинным укладом»: «господствующим» в экономике Киевской Руси XI-XII вв. было «свободное крестьянское хозяйство». Это и определяет, как полагает И.Я.Фроянов, «главные» черты древнерусского общества X-XII вв.

Обоснованию нового взгляда на Киевскую Русь и посвящено исследование И.Я.Фроянова. Изучение древнерусской общины (верви), происхождения и характера древнерусского города, истории княжеского, боярского и церковного землевладения, а также положения основных категорий зависимого населения (смердов, челяди, холопов, закупов, изгоев) составляет его содержание. Работа написана на широком круге источников, как письменных (юридических и нарративных), так и археологических и этнографических. В исследовании много интересных наблюдений как по частным, так и общим вопросам социальной истории Древней Руси. Автор владеет марксистской методикой, широко пользуется трудами классиков марксизма-ленинизма, активно привлекает сравнительный материал по другим странам.

Диссертация открывается кратким введением, в котором автор определяет основные цели работы и указывает на необходимость пересмотра концепции Б.Д.Грекова. Правда, от общей характеристики и оценки итогов изучения Киевской Руси в советской историографии автор отказался, ограничившись ссылкой на свои ранее опубликованные статьи по этим вопросам. Последнее вряд ли правильно, так как полемика «за» и «против» феодализма в Древней Руси активно велась в русской и советской историографии XX в., и напомнить о ней было бы полезно именно в данной работе. Не отмечает автор и того, что даже в рамках указанной «феодальной» концепции взгляды советских ученых далеко не всегда и далеко не во всем совпадают между собой и касается это отнюдь не только их отношения к научному наследию Б.Д.Грекова. Мы имеем в виду хотя бы работы С.В.Юшкова, М.Н.Тихомирова,

Б.А.Рыбакова, Б.А.Романова, И.И.Смирнова, В.В.Мавродина, А.А.Зими́на, С.А.Покровского, Я.Н.Щапова, М.Б.Свердлова.

Думается также, что автору следовало бы высказать свое отношение к узловым источниковедческим проблемам изучения «киевского периода» Древней Руси, тем более, что в этой области в советской историографии достигнуты особенно значительные научные результаты (Имеем в виду изучение Русской Правды, исследования в области древнерусского летописания, открытие берестяных грамот).

Мы считали необходимым подчеркнуть эти историографические проблемы введения потому, что на современном этапе изучения Киевской Руси всякое научное продвижение вперед требует не столько новых обобщающих социологических схем, заново пересматривающих предшествующие им схемы, сколько конкретно-исторического изучения и перепроверки имеющихся в нашем распоряжении источников и фактов — фундамента этих схем — на базе максимально полного и объективного учета уже достигнутых научных результатов в их осмыслении и толковании. Только этот путь может дать наиболее надежные исследовательские результаты в решении как частных, так и общих вопросов истории Древней Руси.

Первая глава диссертации — «Некоторые черты социально-экономического развития Руси IX-XI вв.» — касается двух вопросов: древнерусской общины и древнерусского города.

По мнению И.Я.Фроянова, дошедшие до нас источники позволяют говорить о существовании в Древней Руси различных форм общинного землевладения, образовавшегося в результате «трансформации» союзно-племенной организации в государственный организм. Так, из «общинного землевладения родов, племен и союза племен, т.е. народа» в X-XI вв. образуются две новые формы общинного землевладения — «государственная собственность на землю», выросшая на базе народно-племенной собственности и включающая в основном в себя «беспризорные» земли, и земли, принадлежащие древнерусской общине-верви, занимающей, по мнению И.Я.Фроя-

нова, «промежуточное положение между семейной и территориальной» и сочетающей в себе «родственные и соседские связи, элементы общинной и индивидуальной собственности».

«Изменения общинных форм» автор связывает с переменами в семейном быте — «смене типов семей». Автор в целом убедительно показывает «чрезвычайную сложность» семейных связей в Древней Руси, что «формы семьи в ней варьировались от болынесемейных союзов до малой семьи», хотя «наиболее распространенными» были все же большие семьи, образовавшиеся в результате «распада патриархальных родов».

Особенно важным и плодотворным представляется нам вывод автора о существовании в Древней Руси «государственной собственности на землю», как «одной из форм общинной собственности» (= собственности народа), находившейся в распоряжении князя или вече, воплощавших в своем лице высшую государственную власть. В советской же историографии, как известно, преобладало мнение, нашедшее наиболее яркое проявление в работах Л.В.Черепнина и Я.Н.Щапова, что государственных земель в Древней Руси не было, великие князья являлись верховными феодальными «собственниками» всех земель своего княжества, а те земли, которые не находились в руках светских и церковных вассалов князя, составляли его домен. А отсюда и общий вывод о «монополии феодальной земельной собственности», а именно, что в период утверждения феодализма, по крайней мере уже с XII в., русские сельские общины не были собственниками своих земель. Мы не разделяем этого взгляда. По поводу же выводов И.Я.Фроянова о древнерусской общинной земельной собственности, выводов, в целом хорошо и убедительно аргументированных письменными, археологическими и этнографическими данными, у нас два замечания.

Во-первых, нам представляется, что процесс ликвидации родового строя и становления Древнерусского государства «завершился у восточных славян ранее, чем его изображает

автор, — отмечающий, что «с родовым строем в Древней Руси было в основном покончено» лишь в XI–XII вв. Мы думаем, что этот процесс надо отодвинуть в глубь веков, по крайней мере, на один-два столетия. Образование древнерусского государства — это решающий фактор распада родового строя и образования классового общества, а такое государство уже сложилось к X в.

Во-вторых, с нашей точки зрения, автор несколько переоценивает влияние эволюции семейных отношений на развитие русской поземельной общины. Само это влияние бесспорно, но определяющими для развития общины все же были явления социально-экономического плана (характер и формы сельскохозяйственного производства), а именно они выяснены в советской историографии — из-за крайней недостаточности источников — еще слабо. Не удалось достаточно раскрыть экономические причины развития сельской общины и автору.

Известное преувеличение влияния семейно-родовых связей на развитие социально-экономического строя Древней Руси сказывается и на трактовке И.Я.Фрояновым вопроса о происхождении древнерусского города, которому автор отводит, в отличие от В.О.Ключевского, А.Е.Преснякова, М.Н.Покровского и даже Б.Д.Грекова и М.Н.Тихомирова, значительно более подчиненную роль в развитии Киевского государства. Признавая, как и большинство советских исследователей, что «важнейшей исторической предпосылкой возникновения городов» Древней Руси являлся «прогресс земледелия и выделение из него ремесла», И.Я.Фроянов в то же время считает, что «непосредственной причиной появления и быстрого развития городских посадов на Руси был ... разрыв родовых пут, мешавших подвижности населения. Не при чем тут и феодализм, — поясняет автор. — Он, напротив, приковывал крестьян к земле, а ремесленников — к барской усадьбе».

Сам же «кризис» родового строя автор считает не следствием развития обмена, а, наоборот, причиной его роста. «Яркое свидетельство глубины кризиса родовых связей, — пишет

автор, — заключалось в развитии внутреннего обмена, апогей которого падает на XI—XII вв. Рост внутренней торговли указывает на произошедшую смену рода семьей, ставшей производственной единицей общества. Возникновение ремесленных посадов мы и связываем с заменой рода семьей, то есть с разложением родовых отношений. Если в предшествующие времена ремесленник, будучи членом рода, не мог покинуть его, то теперь после распада родового союза он получил свободу действий, и ремесленники устремились к городам, которые представляли им удобства как пункты обмена и как убежища на случай опасности».

Исходя из указанной концепции происхождения русских городов как внутренних торгово-ремесленных центров, выросших в результате «кризиса» родового строя, И.Я.Фроянов трактует и институт так называемых «градских старцев», которых он считает бывшей «племенной знатью», занимающейся гражданскими делами.

Подобная трактовка происхождения и развития русского города X–XII вв. представляется нам весьма спорной, а, главное, не проецирующей на реальную историю русского города IX–XII вв. в том виде, как она предстает перед нами по данным сохранившихся источников. Не случайно поэтому, конкретных доказательств в ее пользу у автора крайне мало и он вынужден, в основном, ограничиться изложением историографии вопроса и общими соображениями, хотя и весьма интересными, о влиянии родовых связей на развитие русского города. Не можем мы согласиться с автором и в другом вопросе, а именно, что феодализм, как социально-экономический строй, базирующийся преимущественно на крупном землевладении и прикреплении крестьян к земле, не мог способствовать развитию городов, был всегда и при всех обстоятельствах антиподом городского общества. Такая трактовка феодализма господствовала в марксистской историографии 40–50-х годов, но в настоящее время подвергнута серьезному пересмотру в новейших советских исследованиях по истории русского и за-

падного средневековья. Во всяком случае, она не вяжется с фактами сравнительно широкого развития в период подъема феодализма не только товарно-денежных отношений, но и самих городов как центров ремесла и торговли. Примером этого является история Новгородской феодальной республики XIII-XIV вв.

Большой научный интерес представляет вторая глава исследования — «Крупное землевладение и хозяйство на Руси X-XII вв.». Ее основу составляет изучение происхождения и характера княжеского, боярского и церковного землевладения. Это, по существу, центральный сюжет диссертации. По мнению автора, в X в. княжеское землевладение делает лишь «первые шаги». В результате изучения дошедших до нас источников И.Я.Фроянов приходит к выводу об отсутствии еще в X-XI вв. крупного княжеского землевладения.

«В Древней Руси X в., — пишет автор, — домен обнаружить не удастся, если под ним понимать больших масштабов княжеское хозяйство. В руках князей — всего лишь несколько сел, заводившихся с промысловыми целями. Князь и дружина еще далеки от того, чтобы почувствовать тягу к земле. Она | пока остается вне сферы их притязания. В XI в. «княжеское хозяйство несколько расширяется и перестраивается», «быстрыми темпами развивается скотоводство с акцентом на коневодство и появляется незначительная по размерам пашня с подсобной задачей». Даже в XII в., по мнению И.Я.Фроянова, «скотоводство в хозяйстве князей было центральной отраслевой ветвью, его основой, фундаментом». Потребности же князей в хлебе удовлетворялись, главным образом, через кормление и полюдь. Одновременно автор приходит и ко второму, очень важному и, с нашей точки зрения, достаточно убедительно обоснованному положению, а именно, что кормления, как и полюдь, X-XII вв. «не нужно отождествлять с феодальной рентой. Они — примитивная форма налогообложения, порожденная внутрисполитическими отношениями в древнерусском обществе». Более спорно даваемое автором толкование

термина «жизнь», который обозначал, по его мнению, «не личное имущество, частную собственность, а волость ...в смысле кормленной единицы».

В целом крайне интересны наблюдения автора о церковном землевладении. И.Я.Фроянову на базе проводимого им анализа источников действительно удалось «получить», как он пишет, «веские свидетельства» того, что «в XII в. земля не стала еще основным богатством церкви». Прав автор и в своем заключении, что передача князьями земель монастырям с правом сбора доходов «не являлась» сама по себе «актом феодального пожалования» — «она создавала лишь возможность эволюции пожалованной земли в феодальную собственность». Отсюда И.Я.Фроянов делает вывод, что «раздел феодальной ренты между церковной и светской властью не состоялся. Поскольку ее в том виде, как рисует Я.Н.Щапов, не существовало». В этой связи И.Я.Фроянов критикует взгляды Б.Д.Грекова, С.В.Юшкова, М.Н.Тихомирова, И.И.Смирнова, Я.Н.Щапова и других исследователей, переоценивающих значение землевладения в X-XII вв. Критика автора во многом обоснована, а главное — заставляет по-новому взглянуть на ряд важнейших вопросов социально-экономической истории Древней Руси X-XII вв.

Такова общая концепция автора. Она очень интересна и, безусловно, заслуживает внимания, хотя, с нашей точки зрения, И.Я.Фроянов в своих общих выводах все же впадает в обратную крайность и в ходе полемики со своими учеными предшественниками слишком уж приуменьшает значение княжеско-боярского землевладения в X-XII вв. Автор, конечно, прав, когда констатирует, что прямых указаний в сохранившихся источниках X-XII вв. о княжеских, боярских и церковных селах крайне мало, но эти «пусть даже единичные указания», как отмечал еще А.Е.Пресняков, все же говорят о том, что именно владение «селами» (пусть в более ограниченном масштабе, чем предполагалось ранее) составляло экономическую основу княжеско-боярского хозяйства уже, во всяком

случае, в XII в. Для доказательства обратного нужны более веские данные, чем те, которые привел И.Я.Фроянов.

Требуем уточнения и общеисторическая основа выдвигаемой концепции. Из нее, казалось бы, вытекает (хотя автор прямо и не формулирует эту мысль), что в период образования древнерусского государства, во всяком случае до XI в., на Руси почти не было крупной частной собственности на землю, поскольку представители имущих классов — князья, бояре и церковь — не имели сколько-нибудь значительных земель, а господствовала общинная (крестьянская) и государственная (= народная) собственность. Но если это так, то тогда И.Я.Фроянов должен объяснить, как понимает он процесс образования Киевского государства как государства классового, в котором, по его мнению, ни рабовладельческому, ни феодальному укладу еще не принадлежало господствующее положение, а частная земельная собственность не получила еще достаточно широкого развития. Прямого ответа на этот вопрос автор не дает. В то же время в работе упорно проводится мысль, что в X-XI вв. захвата князьями и боярами общинных земель не было. «Ни в X-XI вв., ни в XII в., — указывает И.Я.Фроянов, — правящая верхушка не имела достаточно сил, чтобы переварить земледельческую общину». Частная же феодальная собственность на землю князей и бояр, по мнению И.Я.Фроянова, образовалась путем заимки пустых неосвоенных земель и купель». «Захват земель и крестьянских, и вотчинных в процессе складывания частного землевладения на Руси XI-XII вв. играл подсобную, чаще всего эпизодическую роль».

В подобном построении не все ясно. Во-первых, кем — какой рабочей силой — осваивали князья и бояре указанные целинные земли, ненаселенные крестьянами? Из последующего изложения вытекает, что это должны были быть преимущественно рабы — частные (холопы и челядь) и государственные (по мнению автора, это были смерды). Но смерды первоначально, как считает автор, в основном сидели на завоеван-

ных землях, а холопы и челядь (до превращения последней в смердов) до XI-XII вв. еще редко использовались на пашне. Во-вторых, о каких куплях и вотчинных землях идет речь, если сам же автор пишет, что княжеских и боярских сел (иначе говоря, вотчинных земель) было еще крайне мало, а господствовали общинные земли? Не могли же княжеско-боярские вотчины сами себя воспроизводить? Все эти вопросы, видимо, требуют еще дополнительных изысканий.

Завершает диссертацию обширная и наиболее насыщенная документальным материалом III глава — «Зависимое население на Руси X-XII вв.». Глава написана с большим исследовательским мастерством, с широким использованием огромной литературы вопроса и источников. Для развития общей концепции автора эта глава имеет особенно важное значение. Дело в том, что если по истории землевладения Киевской Руси у нас сохранились лишь единичные, случайные данные, дающие возможность различного их истолкования и крайне трудно подлежащие источниковедческой проверке, то для характеристики положения зависимого населения можно непосредственно использовать такой замечательный источник, как Русская Правда, данные которой в значительно большей степени подлежат научно-критической проверке.

К сожалению, в данном официальном отзыве мы лишены возможности подробно характеризовать содержание этой очень интересной и ценной части диссертации, а остановимся лишь на ее стержневых проблемах, вызывающих, с нашей точки зрения, известные возражения.

Первый раздел главы посвящен челяди и холопам. По мнению автора, это две категории рабов. Челядь — рабы иноплеменники, пленники; холопы, как бы сказать, рабы внутреннего происхождения. Челядь — институт более древний, холопы появляются в источниках, по мнению автора, лишь с конца X в. Подробно анализируя оба этих института, И.Я.Фроянов приходит к выводу, что «челядь» и «холопы» наделены типичными чертами древнерусского рабства и не

могут быть охарактеризованы как элементы нового складывающегося феодального строя. Наблюдения автора интересны и во многом верны, хотя и надо иметь в виду, что на начальных стадиях феодализма различия между рабским и крепостным состоянием зачастую очень условны. Мы не уверены, что холопов следует считать рабами, скажем, античного типа, и не видеть в них своеобразный институт полурабов-полукрепостных. Ведь не случайно холопство дожило в России вплоть до XVII в. как институт не отживающий, а, наоборот, активно сопутствующий развитию феодализма в период его расцвета в XIII-XV вв. Что касается «челяди», то автор справедливо отмечает, что один из главных источников ее пополнения, во всяком случае до XI в., были рабы-военнопленные, но в целом институт «челяди» охватывал более широкие категории княжеских и боярских дворовых слуг. Думаем, что в состав «челяди» входили также патриархальные рабы и другие подневольные слуги. Наша точка зрения в этом вопросе ближе к мнению А.Е.Преснякова, Б.Д.Грекова, Б.А.Романова и И.И.Смирнова, понимавших под «челядью» не только рабов (и тем более рабов-военнопленных), но и княжеско-боярскую дворню — чад и домочадцев, находившихся в полурабской-полукрепостной зависимости. Нам кажется, что мнение А.Е.Преснякова, что «челядь» лишь более архаичский термин, обозначающий по существу «того же холопа», не лишено серьезных оснований. Но, независимо от окончательного решения проблемы «челядина» и «холопа», диссертация И.Я.Фроянова значительно продвигает вперед изучение этих важнейших институтов Древней Руси.

Серьезные возражения вызывает у нас трактовка И.Я.Фрояновым «смердов» как государственных рабов-данников. Основу для такой точки зрения составляет выдвинутая И.Я.Фрояновым новая трактовка происхождения древнерусской дани. Автор полагает, что в Киевской Руси было два вида прямых княжеских сборов (налогов) с зависимого населения — полюдье и дань. Полюдье — это древнейшие сбо-

ры (дары), пережиток старины, идущие в пользу князей от свободного местного населения (от крестьянских общин), но не являющиеся, как мы уже отмечали, с его точки зрения, феодальной рентой. Дань X-XII вв. тоже не феодальная рента, а «один из видов военного грабежа, ничего общего не имеющего с феодальной эксплуатацией». Данью, по его мнению, облагались лишь покоренные народы, а свободное население древнерусских княжеств ее не несло. Приводимые автором доказательства не убеждают нас в том, что полюдье и дань ничего общего не имели с феодальной эксплуатацией, а главное, что «дань» платили лишь покоренные народы. Известные грамоты Смоленского князя Ростислава Всеволодовича середины XII в. об учреждении Смоленской епископии и грамота 1125-1132 гг. великого князя Мстислава Владимировича и его сына Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю на село Буйцы не подтверждают выводы автора. В них речь идет не о завоеванных, а об основных смоленских и новгородских землях, а смерды, платящие дань, выступают как основное население этих земель, распадающееся на свободных и феодально-зависимых. Не убедили нас и приведенные автором летописные изыскания о происхождении дани и смердах как ее плательщиках. Редкое упоминание о них в источниках не может говорить о том, а именно на этом настаивает автор, что дань не была широко распространенным налогом, а смерды не составляли основную массу крестьянского населения Древней Руси. Поэтому полагаем, что точка зрения автора на смердов как «государственных рабов» из числа посаженных на землю бывших пленников, не убедительна. Тем более не можем мы согласиться, что смерды — «это челядь, посаженная на землю». А как же тогда называлось основное крестьянское население Древней Руси? Достаточно ясного ответа на этот вопрос И.Я.Фроянов не дает.

Весьма интересным представляется нам проведенный И.Я.Фрояновым анализ положения закупов, изгоев, пущенников, задушных людей, прощенников и рядовичей. Автор собрал и тщательно проанализировал все дошедшие до нас (во

всяком случае известные нам) источники, содержащие данные об этих категориях зависимого населения Древней Руси. Ему удалось сделать ряд очень интересных и важных выводов, особенно о закупах и изгоях, значительно продвинуть вперед изучение этих социальных категорий зависимого населения Древней Руси. Мы лишены сейчас возможности подробно рассматривать доказательства и выводы автора по этим вопросам и позволим ограничиться двумя-тремя замечаниями общего характера о закупах.

Обычно в литературе закупничество рассматривается как форма вовлечения в феодальную эксплуатацию свободных крестьян-общинников, сам же «закуп» характеризуется как феодально-зависимый человек, работающий в господском хозяйстве не только на барской, но и на своей пашне. Такова была точка зрения Б.Д.Грекова. Именно так характеризует закупа и И.И.Смирнов — автор последнего и наиболее обстоятельного исследования о закупах.

И.Я.Фроянов пересматривает точку зрения Б.Д.Грекова — И.И.Смирнова, кстати, разделяемую большинством советских исследователей. По мнению автора, закупы «формировались» не из бывших крестьян-общинников, а из «деклассированных элементов древнерусского общества». Поэтому И.Я.Фроянов решительно возражает И.И.Смирнову, что «людин», рядясь в закупы, «сохранял, — как пишет Смирнов, — свое крестьянство, оставаясь в своей основе крестьянином, смердом». И.Я.Фроянов считает, что «древнерусский закуп — это полураб, человек, стоящий на грани между свободой и рабством». И хотя автор привел ряд очень серьезных доказательств в пользу своей точки зрения, вопрос все же остается спорным. Лично мы более разделяем мнение И.И.Смирнова. Нам кажется, что институт «закупничества» смотрит вперед, отражает новые феодальные тенденции в развитии социального строя древней Руси. И даже более, мы полагаем, что «закупничество» — один из наиболее феодализованных институтов X-XI вв., наиболее распространенная форма вовлечения свободных общинников в феодальную экс-

плуатацию. Мы разделяем мнение Б.Д.Грекова, который связывал «закупов» с «серебряниками» XIV-XV вв.

Таково содержание и основные выводы диссертации И.Я.Фроянова. Перед ними серьезное, оригинальное и смелое исследование, написанное с большим научным полемическим задором, в прекрасной литературной манере. Автор собрал и обобщил огромный материал древнерусских источников и смог написать обстоятельный монографический труд, серьезно продвигающий вперед изучение такой сложной темы, как социально-экономический строй Киевской Руси.

В диссертации много важных и интересных выводов, много выводов и спорных, нуждающихся в дополнительной источниковедческой проверке. Но это вполне естественно, так как именно в данной области отечественной историографии существует слишком много «вечных» дискуссионных проблем, как, например, «проблема смерда».

Автор выдвинул свою оригинальную концепцию решения вопроса о социально-экономическом строе Древней Руси X-XII вв. и в этом его большая научная заслуга. С И.Я.Фрояновым можно спорить, не соглашаться, но не считаться с его научными выводами невозможно.

Диссертация И.Я.Фроянова вполне отвечает тем высоким требованиям, которые предъявляются к докторским диссертационным работам, а автор вполне заслуживает присуждения ему степени доктора исторических наук.

Можно только пожелать, чтобы исследование И.Я.Фроянова было полностью опубликовано и в самое ближайшее время. Оно безусловно привлечет к себе внимание широких кругов научной общественности.

Доктор исторических наук
Н.Е.Носов

15 декабря 1973 г.

ОТЗЫВ

о диссертации И.Я.Фроянова «Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя». Л., 1973 (400 м/п стр.), представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук

Я прежде всего хочу отметить важность того факта, что докторская диссертация по коренным проблемам истории Киевской Руси подготовлена и поставлена на защиту на историческом факультете Ленинградского университета.

Докторские диссертации по проблемам Киевской Руси - это вообще редкое явление. За последние 20 лет их почти не было. Тем более приятно, что диссертация подготовлена и защищается, как уже отмечено, на историческом факультете ЛГУ, который 40 лет назад был местом зарождения советской науки по истории Киевской Руси. Именно на историческом факультете ЛГУ, возрожденном в 1934 г. после многолетнего перерыва, акад. Б.Д.Греков стал создавать марксистскую науку по истории Киевской Руси. Мое поколение помнит его замечательные лекции, на которых он рассказывал о своих изысканиях; студенты исторического факультета были первыми, кто знакомился с его концепцией еще до ее опубликования в печати.

Известно, что после смерти Б.Д.Грекова масштабы изучения Киевской Руси на время сильно сократились. Считалось, что Б.Д.Грековым все основные проблемы уже изучены и решены и можно заниматься другими хронологическими периодами. Изучение Киевской Руси в широком плане возобновилось лишь с середины 60-х годов. Но на историческом факультете ЛГУ традиция изучения Киевской Руси не прерывалась никогда, ее продолжил ученик Б.Д.Грекова В.В.Мавродин. И очень приятно, что именно коллективом исторического факультета ЛГУ подготовлен, выращен новый крупный специа-

лист по такой традиционной для факультета отрасли советской исторической науки, как история Киевской Руси, специалист, уже успевший заявить о своем приходе в нашу историческую науку целой серией статей по социально-экономической истории и историографии Киевской Руси.

Вслед за Л.В.Черепнинным я тоже должен отметить большую творческую смелость диссертанта. Он выбрал в качестве предмета диссертации одну из самых сложных тем отечественной истории; тему, над которой работали десятки лучших умов, десятки корифеев науки по истории нашей Родины; тему, в которой почти по каждому вопросу имеется огромная историография, где по каждому вопросу есть уже свое решение или несколько решений, где, как еще недавно казалось, уже все решено классиком советской науки Б.Д.Грековым и другими исследователями.

Для того, чтобы попытаться в такой сложнейшей, огромной по масштабам и обросшей богатейшей историографической традицией теме сказать свое новое слово, свое собственное слово, надо действительно обладать большой смелостью. И, говоря о диссертации в целом, следует отметить, что новое слово автором сказано.

Диссертант предложил нам свою собственную и во многом оригинальную, самостоятельную концепцию основных проблем социально-экономической истории Киевской Руси. В этой концепции не все достаточно убедительно, с отдельными положениями автора можно спорить. Но споры эти носят особый, не всегда обычный характер. Речь идет не об ошибках диссертанта, а о разных трактовках научных вопросов; вопросов, которые допускают разные трактовки.

Я позволю себе не согласиться с Л.В.Черепнинным, когда он говорит, что абсолютная истина везде, и в данной проблематике одна, и речь идет лишь о степени приближения к ней. В философском плане абсолютная истина, действительно, одна. Но в данной проблематике, в проблематике Киевской Руси мы часто обладаем столь малой, настолько недостаточной ин-

формацией, что в отдельных вопросах мы вряд ли когда-либо дойдем до абсолютной истины и всегда останемся в сфере гипотетических построений.

Если смотреть с этой точки зрения, то можно сказать: ряд построений диссертанта убедителен, ряд построений - спорен, гипотетичен, но как гипотезы (а от скудости информации мы вряд ли выйдем из сферы гипотез) все построения диссертанта допустимы. Поэтому за целое, за диссертацию, содержащую оригинальное научное построение, самостоятельную концепцию социально-экономического строя Киевской Руси, диссертант заслуживает присуждения ему докторской степени. Конечно, с частностями можно спорить, но целое — очень серьезно и капитально. В чем же суть общей концепции И.Я.Фроянова? Каковы его основные положения? Каково соотношение этой концепции и считающейся многими классической концепции Б.Д.Грекова?

Начнем с того, что единой концепции у Б.Д.Грекова не было. Его трактовка социально-экономических отношений в Киевской Руси постепенно менялась, и можно отметить, по крайней мере, 3 довольно разные концепции Б.Д.Грекова: 1) в 30-е гг., когда Б.Д.Греков начал разрабатывать проблему социально-экономических отношений в Киевской Руси, он считал Киевскую Русь в общем феодальной с X в.; 2) конец 30-х - начало 40-х гг., когда Б.Д.Греков признал в соответствии с замечаниями И.В.Сталина, С.М.Кирова и А.А.Жданова существование дофеодального периода, и ГХ-Х-начало XI вв. относил к дофеодальному периоду и только с середины XI в. - к феодальному; 3) с начала 50-х гг., когда под впечатлением работ Довженка, Брайчевского и других авторов, Б.Д.Греков стал считать феодальной Киевскую Русь с IX в. и отказался от дофеодального периода.

И.Я.Фроянов стоит на других позициях. Он отказался (и в этом, с моей точки зрения, достоинство его работы) от очень распространенной, особенно в 1950-е годы, концепции, которая относит начало феодализма к как можно более раннему

времени, к началу существования Киевского государства, к IX в. (а некоторые авторы умудрялись начинать феодализм еще раньше - чуть ли не с V - VI вв.).

Диссертант вообще ставит вопрос иначе, чем Б.Д.Греков и чем другой классик советской науки о Киевской Руси С.В.Юшков. И Б.Д.Греков и С.В.Юшков считали, что или весь период существования Киевского государства, или, по крайней мере, зрелый этап жизни Киевского государства (с XI в.) -это уже феодальный строй. Диссертант из осторожности не говорит прямо, но из его работы вытекает, что феодальный строй лежит за пределами Киевской Руси, начинаясь в более позднее время, в конце XII или XIII в. Это мнение не бесспорно, но допустимо. Аналогичное мнение высказывает сейчас один из талантливых советских медиевистов проф. А.Я.Гуревич относительно Скандинавии той же эпохи - эпохи викингов (на Руси и в Скандинавии процесс социально-экономического развития шел параллельно и синхронно). Отличие концепции И.Я.Фроянова от концепции А.Я.Гуревича в том, что А.Я.Гуревич считает время до XIII в. еще доклассовым и догосударственным, а И.Я.Фроянов, напротив, признает существование с начала Киевской Руси наличия и классов, и государства. В целом эпоху Киевской Руси диссертант относит к переходному периоду от первобытнообщинного строя к феодализму. Это - переходный период, когда уже нет первобытнообщинного строя, но еще не победили феодальные отношения. В это время на Руси было три уклада: общинный, рабовладельческий и феодальный. Первый уклад связан с прошлым первобытнообщинным строем и его вернее надо было бы называть первобытнообщинным, но автор не хочет применять термин «первобытнообщинный», следуя, видимо, за А.И.Неусыхиним, который подобное общество называл общинным без первобытности.

Автор считает, что феодальный уклад был ведущим, так как ему принадлежало будущее, но он еще слаб, еще не получил широкого распространения. Господствующее положение

занимал общинный уклад. С моей точки зрения, это построение в целом ближе к истине, чем господствующее сейчас построение, согласно которому феодальный строй охватывал всю Киевскую Русь с IX в. В нашей науке все громче раздаются голоса за восстановление в правах понятия о переходном периоде между первобытнообщинным строем и феодализмом. В этом плане главным образом выступают медиевисты А.И.Неусыхин и А.Я.Гуревич. Неважно, как данный называть период: дофеодальный, предфеодальный. Важно признать реальность его существования, ибо действительно и в Древней Руси, и в Скандинавских странах, и в ряде других стран Западной Европы реально существовал этап, когда уже не было первобытнообщинного строя и еще не сложился феодализм как господствующая система отношений. Основную массу населения тогда составляли свободные крестьяне-общинники. Может быть, диссертант несколько переоценивает роль и значение рабовладельческого уклада и несколько недооценивает размеры феодального уклада. Но в целом это построение представляется допустимым.

Я веду длительный спор с А.Я.Гуревичем о характере общественного строя Норвегии и других Скандинавских стран в раннее средневековье. А.Я.Гуревич полагает, что здесь перед нами доклассовая и догосударственная социальная структура. С этим нельзя согласиться. И.Я.Фроянов признает на Руси в тот период наличие классов и государства. Поэтому его построение приемливо, оно имеет свои значительные плюсы.

Теперь несколько конкретных замечаний.

Мне кажется, что следовало бы в диссертации дать историографический очерк, содержащий характеристику развития общих взглядов на социально-экономический строй Киевской Руси. Для И.Я.Фроянова написать такой очерк было бы проще, чем любому обычному диссертанту, так как именно им подготовлены историографические разделы о социально-экономическом строе Древней Руси для коллективной монографии «Советская историография Киевской Руси».

По составу использованной в диссертации литературы только одно замечание: досадно, что не привлечены исследования польского историка Ловмянского. Полезно было бы вообще привлечь сравнительно-исторический материал из истории стран, проходивших тогда же аналогичный путь развития.

О большой семье. В диссертации уделено много места доказательствам насчет господствующей роли в Киевской Руси большой семьи. Здесь широко использованы письменные источники и археологические материалы. Автор доказал, что археологические данные не позволяют говорить о ведении в X в. малыми семьями индивидуального хозяйства. Но у него нет доказательств и обратного, а именно, что хозяйство велось большой семьей. На материале письменных источников доказано автором лишь существование в крестьянском землевладении пережиточных явлений, связанных с собственностью на землю большой семьи, и нет доказательств, что большая семья являлась живым организмом, организмом хозяйственным, что она вела совместное хозяйство. Если предполагать господство живой, действующей большой семьи, — это значит предполагать господство коллективного производства, что в свою очередь означает, что в Киевской Руси еще был такой строй, при котором нет господствующего класса, нет крупного землевладения, нет феодального уклада, нет, наконец, государства. Это — предмет моего спора с А.Я.Гуревичем, который доказывает существование большой семьи в Скандинавии в эпоху викингов.

По поводу живучести во времена Киевской Руси ранних форм семейно-брачных отношений, присущих первобытному обществу (явления полигамии, умыкание женщин и пр.), следует сказать, что здесь перед нами пережитки, но не больше.

Вопрос о княжеском домене. И.Я.Фроянов устанавливает малые его размеры. Это весьма вероятно, ибо в Скандинавии, находившейся на аналогичной стадии общественного развития, тоже замечается очень малый королевский домен.

Говоря о крупном землевладении на Руси в целом, диссертант отмечает скромные его размеры. Здесь, видимо, трудность заключается в скудости источников, поставляющих очень мало сведений на этот счет. Поэтому вопрос здесь остается открытым.

«Не земля, а движимое имущество было первой основой богатства древнерусской знати», - утверждает диссертант. Для IX - X вв. это, конечно, так, но я не уверен, что так было и в XI - XII вв. Тут опять слишком мала наша информация.

Вопрос о роли и размерах рабства. Диссертант говорит о том, что рабовладельческий уклад в Древней Руси был весьма заметным и что в XI - XII вв. он превосходил феодальный уклад. Данное положение в качестве гипотезы вполне допустимо, хотя опять-таки нужна и тут скидка на недостаточность наших источников. Правда, сравнительно-исторические данные подтверждают наличие на этом этапе большого числа рабов: в Скандинавских странах в это время очень много рабов. Что касается феодально-зависимого населения, то оно было весьма незначительным. Но главный вопрос, являлся ли труд рабов основой богатства господствующего класса. На этот вопрос следует ответить отрицательно.

Наконец, последний вопрос - проблема дани. Что такое дань? Диссертант утверждает, что она - заурядный грабеж победителей с побежденных, контрибуция. С этим трудно согласиться, ибо контрибуция есть явление единовременное, а дань имеет регулярный ежегодный характер. Дань, по моему мнению, была примитивной формой государственного налога. Вот почему я неуверен, что дань собиралась только с чужих племен, а не у местного населения.

Каково соотношение дани и полюдьа? По Константину Багрянородному, полюдье - способ сбора дани. Видимо, полюдье и скандинавская вейцла - одно и то же. Возможно, что из способа сбора дани полюдье превратилось в особый вид дани, собираемый с внутренних территорий. И.Я.Фроянов прав,

подчеркивая различие дани и феодальной ренты. И в этом плане его критика положений О.М.Рапова убедительна.

Возвращаясь к оценке диссертации И.Я.Фроянова в ее целом, следует сказать, что отдельные положения автора могут быть оспорены, они гипотетичны. Однако вся наша наука о Киевской Руси в значительной мере строится на гипотезах, в ней нет ни одного крупного вопроса, который мог бы быть решен однозначно.

Хочу подчеркнуть, что И.Я.Фроянов представил ценное и оригинальное исследование сложнейшего комплекса проблем социально-экономической истории Киевской Руси и за это безусловно заслуживает присвоения степени доктора исторических наук, а диссертация должна быть рекомендована к скорейшему опубликованию

Доктор исторических наук
И.П.Шаскольский*

И.П.Шаскольский выступил на защите в качестве дополнительного оппонента из-за отсутствия А.А.Зиминой, который по состоянию здоровья не смог приехать в Ленинград и принять участие в дискуссии, ограничившись представлением отзыва. Все это предусматривала существовавшая тогда инструкция ВАК по защите докторских диссертаций.